

ДРУГИЕ
МИРЫ

Агата Бариста

Три королевских
слова
Книга 2

Annotation

Мы снова падали... Сперва в мягкой серой сумеречности, затем сверкнул луч, рапирой пронзивший толстый ватный слой. Блеснул и исчез, но вскоре вновь промелькнул... один, другой, третий... Окружающий туман забликовал, заискрился, проблески сливались в широкие полосы, закручивались по кругу, образуя зеркальный светящийся колодец.

- [Агата Бариста](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Агата Бариста
ТРИ КОРОЛЕВСКИХ СЛОВА
Книга вторая

Падение длилось вечность, но вечностью не закончилось. Приземлились мы относительно мягко, упав на упругую поверхность, покрытую тканью, однако какое-то время лежали слегка оглушённые, не шевелясь и не расцепляя рук.

Широко раскрыв глаза, я смотрела вверх.

Помещение, в центре которого мы оказались, было просторным и круглым. Высоко над нами парило перекрытие — крыша красивой куполообразной формы, но при этом всё равно какого-то промышленного вида. Купол, собранный из листов серебристого металла, был опоясан трубами-воздуховодами. Подкупольное пространство перечёркивалось балками. По верхнему ярусу стены шли широкие арочные окна с частым переплётом, вдоль них — галерейка, огороженная тонкими железными перилами.

Сквозь окна проникал яркий солнечный свет и освещал цепи, спускающиеся с балок. На цепях на разной высоте были укреплены массивные деревянные брусья.

Спорткомплекс для Гулливера?

Мой взгляд опустился ниже.

Стены из прямоугольных блоков грубо тёсанного, красновато-коричневого — на солнце красно-оранжевого — камня были разделены по горизонтали на несколько этажей; многочисленные металлические лестницы, ведущие от уровня к уровню, переходы и площадки присутствовали в изобилии. Меж ними змеились трубы разнообразного диаметра и непонятного назначения. Примерно посередине, на уровне третьего этажа, располагались огромные запертые ворота с широкими подмостками перед ними.

Фабрика по производству... производству чего?

— Я когда-нибудь говорил вам, Данимира Андреевна, что вы умница? — прозвучало сбоку.

Я повернула голову.

Кайлеан глядел на меня и улыбался непривычно мягко.

По его умиротворённому виду сразу же стало ясно, что дела хороши, но мои брови вопросительно приподнялись.

— Можете говорить, всё закончилось. Мы дома.

— Нет, никогда! — вымолвила я с трагической горечью. — Вы

говорили, что я пилю вас, и что вру всё время, и что я вас достала. Ещё вы сказали, что я толстая и голос у меня писклявый. А про умницу — никогда.

Он моргнул.

— Не говорил я, что вы толстая... — пробормотал Кайлеан. — С чего мне такое говорить?

— Вы предположили, что на мне брюки лопнут. Два раза. Ладно, если бы один раз. А то дважды!

Он снова моргнул, потом догадался и хмыкнул:

— Перестаньте дурачиться, прекрасно знаете, что я вовсе не то имел в виду.

Я рассматривала его довольное, но осунувшееся лицо... под глазами залегли глубокие тени, на подбородке и скулах проступила щетина... Сколько же мы шли?

— Тяжело было? — спросила я.

Кайлеан прикрыл глаза, затем взглянул вновь, пристально и остро.

— Вы умница, Данимира Андреевна, — произнёс он на этот раз без тени улыбки. — И мне нравится ваш голос.

От этих простых слов к голове прихлынула кровь. Я вдруг живо осознала, что лежим мы в опасной близости, по-прежнему держимся за руки, и что во взгляде Кайлеана начинает проступать некое не свойственное ему выражение. Именно такое выражение появилось у него перед тем, как он меня поцеловал — там, посреди водопада.

Вот теперь я испугалась по-настоящему... в основном, собственных желаний.

Тот поцелуй был так краток, я ничего не успела понять, не успела узнать, попробовать, почувствовать...

И ещё мне ужасно хотелось провести рукой по кайлеановской щетине...

Это были странные и очень неосторожные желания. В сочетании с реальным положением дел они могли породить только отчаянье и тоску.

— Кайлеан Георгиевич... — Настала моя очередь бормотать. — Ваше Высочество... отпустите, а?..

Не знаю, стало ли ему понятно, что просьба относилась не только к тому, что происходило сейчас, но он отвёл взгляд, нехотя разжал пальцы и наконец выпустил мою руку из своей. Затем живо вскочил на ноги.

Я с облегчением выдохнула, тоже поднялась, села на пятки и положила ладони на колени, выжидая, пока успокоится сердцебиение. Оказалось, мы находились на чём-то вроде большого футона, лежащего на помосте в центре круглого пространства.

— Что это за место? — Я завертела головой, озираясь по сторонам.

...Позади обнаружилось нечто, привычное глазу, — длинный диван молочного цвета, изогнутый буквой «П», перед диваном пятнистый бело-коричневый ковёр с густым ворсом и неровными краями, на ковре приземистый стол из тёмного дерева... Рядом располагался камин. Во всяком случае, так я идентифицировала прозрачный параллелепипед, уходящий ввысь, потому что внутри в полуметре от пола висел железный поднос с пирамидкой из поленьев.

— Это моя Башня, — сказал Кайлеан с таким выражением, с каким другой человек произнёс бы «да, это мой бриллиант, чистейшей воды, кило семьсот весом».

Когда Кайлеан ранее упоминал своё жилище, на ум почему-то приходили сумрачные портреты предков в золочёных рамах, тяжёлая резная мебель на львиных лапах, гобелены с единорогами, бронзовые канделябры и прочий антиквариат.

— А почему она такая?

Он сошёл на пол и направился к какому-то сооружению у стены, накрытому полотном.

— Это бывший драконятник. Когда построили новый — побольше и подальше от города, этот оказался заброшен. Отец было хотел его снести, потому что здесь завелись призраки. — Кайлеан остановился перед сооружением, словно не решаясь снять покров. — Но я выпросил его для себя.

Драконятник, значит. Может, это и не для драконов вовсе. А для коней неведомой породы «дра». Для коней, которые любят качаться на гигантских качелях на высоте пятиэтажного дома... Драконы, призраки... в какой мир я попала...

— А что призраки?

Не оборачиваясь, он пожал плечами.

— Разобрался. Таково было условие отца. Испытание на самостоятельность. Я ведь тогда ещё совсем мальчишкой был. Не сразу, но с призраками разобрался и получил свою Башню. Тут прочные стены, отличное подземелье... постепенно перестроил кое-что. Но я всегда чувствовал, что мне здесь хорошо, поэтому многое оставил.

— А-а... — Я подняла голову и снова посмотрела на цепи и брусья. — Теперь понятно... э-э-э... очень стильно получилось, Ваше Высочество. У нас такое называется «лофт». Ну, когда берут старую водокачку или свечной заводик бывший и перестраивают под жильё. Не так чтобы сильно доступно — водокачек на всех не хватает, но стильно, этого не отнять.

Кайлеан сдёрнул покрывало.

Под покрывалом оказался часовой механизм... или что-то вроде того. Для меня в мире Кайлеана пока всё являлось «чем-то вроде того», приходилось опираться на ассоциации как на костыли. На стене в причудливой композиции были соединены зубчатые колёса, подвесы, пружины, трубки, циферблаты с непонятными, бледно нанесёнными делениями и значками. Ещё я заметила подобие маятника — стрела, указывающая вниз, пронзала золотой шар.

В целом, в механическом хаосе можно было увидеть определённую гармонию. Я даже не сомневалась, что всё это должно работать. И словно в подтверждение, указательный палец Кайлеана тихонько подтолкнул золотой шар. Маятник начал раскачиваться.

Устройство слабо засветилось, механизм дрогнул. Колёса начали медленно вращаться, подвесы сдвинулись с места — одни стали опускаться, другие пошли вверх. На циферблатах быстро проступали и так же быстро исчезали непонятные письмена.

— Х-хатшепсут!

Кайлеан обернулся, и глаза его яростно сверкнули.

— Три года!

— Эта история со сватовством произошла три года назад? — Я встала и сошла с помоста на пол. Пол был каменный, выщербленный, кое-где на плитах виднелись отчётливые борозды — от когтей, надо думать.

— Не было никакого сватовства!

Да? А что же это было, хотелось сказать мне, но я благоразумно произнесла другое:

— Если честно, я считаю, что вы легко отделались. Три года — это много, но всё могло быть гораздо хуже.

— Да. Если бы не вы...

Тема была скользкой, мне не хотелось к ней возвращаться. Бросив искоса взгляд на красную нить на своём запястье, я спешно задала вопрос:

— Что же с ней теперь будет, с этой вашей... как её там, на «И» начинается?..

— С Илгалеей? Пока не знаю — нужны доказательства.

— А вашего слова будет недостаточно?

— Недостаточно. Илгалея — правительница свободного королевства и к тому же далеко не глупа. Она могла тщательно замести следы. Да я и сам не уверен в её вине на сто процентов, — с досадой сказал Кайлеан, расхаживая туда-сюда. Он не любил находиться на месте, когда злился. — Последнее, что помню отчётливо, это прощальный приём... застолье...

речи... Илгалея улыбаётся как ни в чём не бывало, хотя, мне кажется, она уже догадывалась, что не войдёт в клан Карагиллейнов... Дальнейшее смутно. Утренние сборы — отрывками, дорога домой — в тумане... мне даже мерещится, будто мы миновали пограничный камень и вступили на землю Эрмитании... Если подтвердится, что я действительно исчез на нашей территории, мне нечего будет предъявить на совете Конфедерации.

Он помолчал, затем объявил с сожалением, но решительно:

— Данимира Андреевна, в ближайшее время буду вынужден вас покинуть. Дела требуют незамедлительного вмешательства.

Я согласно закивала.

— Конечно-конечно, Ваше Высочество, понимаю, как вам хочется увидеть близких и узнать новости. Вообще не обращайтесь на меня внимания, занимайтесь делами. Но не могли бы вы, перед тем как удалиться, показать мне, где у вас тут... э-э-э... можно руки помыть с дороги и... э-э-э... всё такое? — Я обвела взглядом лестницы, цепи и брусья и тревожно осведомилась: — У вас же здесь есть... э-э-э... санитарная зона?

Ответ Кайлеана прозвучал слегка саркастически:

— Не поверите, мы тут все... э-э-э... моем руки с дороги. — Он подумал и добавил: — Ну, или почти все. Пойдёмте, до моего возвращения побудете в моих личных апартаментах, потом подберём вам что-нибудь.

Он провёл меня вдоль дивана и прозрачного камина к незамеченной ранее двери. Шляпки позеленевших медных гвоздей образовывали на дощатой поверхности вытянутый узор, напоминающий кельтский крест. В центре узора тускло сияла в медной оправе полусфера из чёрного камня.

Кайлеан коснулся камня, дверь отъехала в сторону и скрылась в стене.

Перед нами открылась комнатка метр на два примерно — пустое крошечное помещение без окон и дверей. Не успела я спросить, что бы всё это значило, как заметила справа у входа панель с кнопками — «минус один», «один», «два», «три», «четыре», «пять». Цифра «два» светилась.

— Это что, лифт?!

— А что вас так удивляет? — Он жестом предложил мне пройти первой.

Я не ответила. Перед мысленным взором игривой иноходью проскакали пыльные гобеленовые единороги и резные сундуки на львиных лапах.

— Здесь есть электричество?

— Не совсем. Скорее смесь энергий. Но вы же сами видели, как я запустил генератор.

А! Так на стене был генератор. Магическая динамо-машина.

Я зашла, Кайлеан нажал на цифру «один».

Миг — и двери вновь открылись. Перед тем как выйти, Кайлеан указал на «минус один»:

— Вот этой кнопкой пока попрошу не пользоваться.

— Отличное подземелье? — проявила догадливость я. — Что у вас там? Рабы, вращающие подъёмный механизм? Скелеты в шкафах, призраки на цепях? Или попросту королевская сокровищница?

— Всего понемножку, — скромно сказал Кайлеан. — Позже я покажу всё, а пока настоятельно прошу в подвал не спускаться.

— Можете не волноваться, я не блондинка из фильма ужасов. — И с этими словами я ступила в жилище Кайлеана, где царил полумрак, потому что плотные шторы на окнах не пропускали солнечные лучи.

Кайлеан небрежно пощёлкал пальцами, зажглось несколько светильников. Моё внимание привлёк центральный, самый большой, — напоминающий шарообразную клетку, собранную из переплетений тонких металлических прутьев. Внутри клетки, изображая броуновское движение, в панике заматались тусклые огоньки и по-комариному что-то запищали.

Кайлеан поморщился и повелительно выбросил руку в сторону шара, буркнув коротко что-то на своём древнеегипетском. Писк и мельтешение быстро прекратились. Полёт огоньков стал плавным, они засияли ярче, распределились равномерно и медленно закружили, каждый по своей орбите.

— Что они говорили? — любопытствовала я.

Кайлеан снова поморщился, но перевёл:

— «Мы все умрём, мы все умрём». И так пятьдесят раз.

— А вы им?

— «Отпуск закончился»... один раз.

Я засмеялась и продолжила осмотр.

После промышленных просторов обиталище Кайлеана показалось мне довольно уютным. Но каким-то... слишком обыкновенным. Белые оштукатуренные стены, невысокий потолок, отделанный натуральным деревом, пол закрыт узорным ковром в серо-коричневых тонах, камин традиционного вида — у стены, из каменных блоков. Возле камина стояла пара объёмистых кресел, обтянутых тёмно-зелёной кожей. Мужская такая гостиная. Немного напоминала папин кабинет. Всё добротно, основательно, в сдержанной природной гамме.

В одном глянцево-журнале я как-то прочла занятную статью о том, что психологический портрет человека можно составить, внимательно

взглянув на интерьер его жилища. По гостиной следовало судить о том, как человек относится к окружающему миру, по кухне можно было понять философию питания индивидуума... или её отсутствие, по спальне вычислялись интимные привычки и так далее.

Эта оригинальная мысль запала мне в память, и в таком свете Кайлеан Георгиевич выглядел добродетельным приверженцем консервативных моральных ценностей, поклонником «Гринписа». О чём я не преминула — со смешком — сообщить, упомянув, правда, что так считаю не я, а колумнист из журнала.

Кайлеан поглядел на меня с неопределённым выражением и сказал:

— Пойдёмте, я покажу вам, где тут... санитарная зона, и где можно взять чистую одежду.

Чистую одежду можно было взять в гардеробной, вход в которую находился в спальне Его Высочества.

...Кровать с высоченным изголовьем, на котором был искусно вырезан распростёршийся в кудрявых облаках дракон. Чёрное, с антрацитовым блеском покрывало, затканное причудливыми золотыми листьями. Над всем этим — тяжёлый пурпур балдахина. Стеновые панели, обитые тёмно-фиолетовым муаром. Потолок с лепниной. Роскошная люстра из чёрного хрусталя, бросающая на муар и пурпур зыбкие отблески. В довершение картины, кровать целиком отражалась в прислонённом к стене огромном зеркале в бронзовой раме.

Если припомнить, что я сказала минуту назад... по-моему, я первый раз в жизни покраснела. Метнув взгляд украдкой, я обнаружила, что Кайлеан Георгиевич держит лицо невозмутимым, но откуда-то пришло ощущение, что мой приоткрытый рот доставил ему большое удовольствие. Похоже, Их Высочеству не хотелось выглядеть в моих глазах добродетельным поклонником «Гринписа».

Я посмотрела на зеркало, посмотрела на кровать... Наверное, из-за обилия тёмных тонов обстановка в спальне показалась мне вдруг зловещей. Почему-то вспомнился давний сон с Мартином и его ведьмами на чёрных простынях. Только на месте Мартина вдруг легко возник Кайлеан.

Настроение сразу испортилось. На этом обширном лежбище тоже можно было устроить нечто подобное. Может быть, и устраивалось. Может, это вообще местная традиция. Впрочем, меня не должны были волновать нюансы личной жизни Их Высочества. Мне-то что, я здесь проездом.

Ткнув пальцем в хрустальное великолепие на потолке, я спросила:

— Там тоже кто-то живёт?

— Нет. Это просто... для света.

— Удивительно.

— Почему?

Я снова бросила взгляд на зеркало и холодно произнесла:

— Мне показалось, вам нравятся большие компании.

Кайлеан Георгиевич фыркнул, ничего не ответив, но распахнул передо мной следующую дверь, как обычно, щёлкнув пальцами.

— Санитарная зона!

Я зашла.

Ну, что сказать... Тут было ещё гламурнее. Пол и стены, инкрустированные разноцветным мрамором, лепнина, хрусталь и зеркала — всего в два раза больше.

А посередине — она.

Она стояла на золочёных львиных лапах, толстостенная ванна-монстр, напоминающая небольшой бассейн, из чёрного, с белыми прожилками мрамора, на ступенчатом высоком постаменте.

Это был трон какой-то, а не ванна.

А я знала, я знала, вяло порадовалась я, разглядывая львиные лапы... потом присела на банкетку в углу и нахохлилась.

— Что? — спросил Кайлеан, от которого не укрылась перемена в моём настроении.

— Ничего.

Кайлеан внимательно посмотрел на меня, помолчал, обвёл роскошь небрежным жестом и пояснил:

— Это случайно, в общем-то, получилось.

— Конечно-конечно. Осталось от прежней жизни. Я помню — драконятник. Раньше здесь купали драконов. Купали, а потом укладывали спать под балдахином. Всея честной компанией. Перед сном драконы любили смотреться в зеркало. А вам просто лень было что-то менять.

Я сказала и пожалела. Не время было тыкать в уставшего Кайлеана сарказмом, к тому же его личная жизнь не имела ко мне никакого касательства... но какая-то иррациональная и неодолимая ревность заставила меня проговорить колкости вслух.

Кайлеан поднялся по ступенькам, сел на край ванны, чтобы покрутить один из золотых кранов. Вода хлынула бурной струёй.

Кайлеан закрыл кран и заговорил. Звук его голоса странно отдавался в этом мраморном пространстве.

— Я уже упоминал, что был слишком молод, когда Башня стала моей. Начал переустройство, понял, что ни черта не знаю. Несколько раз

советовался с матерью... ну, про всё это. — Он снова повёл рукой перед собой. — Потом пришлось отлучиться. А когда вернулся — здесь уже было так. Мать решила сделать мне подарок, прислала королевского декоратора. Он всем руководил. Спальню тоже успел... задекорировать. Так что если вы сделали далеко идущие выводы относительно моих психологических особенностей, то они не мои, а Кристиана. Я вас познакомлю. Милейший старикан, хоть и обиделся, когда я его выпроводил. Но в одном вы правы — мне действительно лень что-то менять.

Кайлеановские объяснения были мне совершенно ни к чему, но настроение внезапно улучшилось. Чтобы это было не слишком заметно, я встала и пошла вокруг ванны, разглядывая стены и потолок.

— Я сейчас уйду, — снова заговорил Кайлеан, поворачиваясь и следя за мной, — я видела это в зеркалах. — Вернусь поздно, вечером. А вы — располагайтесь. Будьте как дома.

— А если сюда кто-то войдёт? Что мне говорить?

— В мою Башню никто просто так не войдёт. Я запечатаю входы, так что можете быть совершенно спокойны. В углу в гостиной — холодильник, пользуйтесь. Приводите себя в порядок, берите всё, что заблагорассудится, из гардеробной, а вечером я принесу что-нибудь подходящее на первое время... — Он помедлил. — ...Может быть, какие-то предпочтения, Данимира Андреевна?..

Я отмахнулась, разглядывая хрустальные флаконы на мраморной полке. У одного из них я сняла притёртую пробку и вдохнула аромат. Что-то шипровое?

— Да какие там предпочтения... Ну, принесите мне то же, что и сами носите, только размером поменьше. Что-нибудь синенькое. Например, джинсы. — По воцарившемуся молчанию я поняла, что сказала что-то не то, закрыла пробку и поправилась: — Но я не настаиваю. Если у вас тут девушек, одетых в брюки, побивают камнями и кричат вслед «Распутница!», то принесите то, что считается приличным по здешним меркам. Хоть паранджу, мне совершенно неважно.

— Пойдёмте, перед уходом хочу вам кое-что показать. — С этими словами он встал и вышел, поманив меня за собой.

В гостиной Кайлеан раздёрнул шторы и приглашающе распахнул двери, ведущие на небольшой балкончик. Я ступила на балкончик и замерла от открывшегося вида.

Кайлеановская Башня, оказывается, стояла на вершине горной гряды. Скалы, поросшие зеленью, каскадом уходили далеко вниз, и город, лежащий у подножия и разделённый пополам блистающей лентой реки,

был виден как на ладони.

Красные и серые крыши белых домиков, разбросанных по предгорью, спускаясь ниже, постепенно сливались в пёструю мешанину. Но далее начинали прослеживаться извилистые улочки, ещё дальше город обретал чёткую структуру. Многочисленные площади соединялись улицами и проспектами в ажурный паутинный узор. Реку пересекали многочисленные мосты, за рекой высотность домов постепенно росла, и на горизонте возвышались уже вполне современного вида небоскрёбы.

Над чашей, в которой покоился город, голубело небо, солнце заливало цветущие сады и парки, тёплый ветер овеивал моё лицо.

После года в заточении, открывшаяся перспектива произвела на меня ошеломляющее впечатление.

Я оглянулась на Кайлеана.

— Господи, как красиво! — воскликнула я, прижав руки к груди.

Кайлеану явно понравилась моя реакция, его глаза засияли.

— Это Эрминар, столица королевства, — промурлыкал он. — Мне бы хотелось, чтобы вы полюбили этот город.

Я сообразила:

— А «эрм» что-то означает?

— «Дракон». На одном из древних языков. Эрминар — Колыбель драконов. Эрмитания — Страна драконов.

В отдалении слева на скалах возвышался потрясающей красоты замок, ожившая иллюстрация к старинной сказке.

— А там что? — спросила я, указав в ту сторону.

— Это королевская резиденция. Я там вырос.

Я восторженно выдохнула.

— Настоящий замок... Наверное, здорово было провести детство в таком месте?

— По-разному, — туманно ответил Кайлеан.

Замок был — ну совершенно сказочный. Он словно произрастал из самой скалы, как цветок вырастает из почвы. Зубчатые стены, башни с флагами и флюгерами, балюстрады, соединяющие одну террасу с другой — всё как в детской книжке с качественными картинками.

— Вы, наверное, чувствовали себя настоящим принцем, — сказала я и осеклась: — Ой.

— В сущности, да, — посмеиваясь, произнёс Кайлеан, — чувствовал.

Мы ещё немного полюбовались Эрминаром, а затем вернулись в комнату.

— Ну, я уйду, — сказал Кайлеан. Он подошёл к лифту, зашёл внутрь,

но медлил, будто ожидая от меня какой-то реакции.

Что-то надо было сказать. Или сделать?

— А-а... ну это... пока-пока... — Я пошевелила пальцами в прощальном жесте.

Кайлеан усмехнулся.

— Пока-пока. — Дверь лифта за ним закрылась.

Первый раз за долгое время я осталась одна, и усталость наконец навалилась на меня ватным одеялом. Гудели ноги, ныла спина, внезапно заломило кисть руки, за которую меня протащили через миры.

— Ой-ёй-ёй-йё-о-ой... — простонала я, доплелась до холодильника, достала оттуда запотевшую бутылку минеральной воды с газом, отвинтила пробку и жадно выхлебала больше половины. Пузырящиеся ледяные струйки текли по подбородку, шее, груди, и это было похоже на счастье.

Я скинула кеды, стянула носки и встала голыми ступнями на пол.

— Ванна! — сказала я. — Ванна-ванна-ванна! Монстрик мой чернобокий на львиных лапках! Я иду к тебе!

Сверху послышалось тоненькое хихиканье. Я подняла голову, и увидела, что светящиеся крошки, живущие в клетке-люстре, сгруппировались в нижней её части. По-моему, они разглядывали меня.

Я отсалютовала им бутылкой и допила оставшуюся воду. Потом, с наслаждением переступая босыми ногами по прохладному полу, прошла в гардеробную и устроила там инспекцию.

Не знаю, о какой черте характера хозяина надо было судить по гардеробной — в той статье гардеробные не упоминались. Поскольку на полках и вешалках царил идеальный порядок, можно было бы логически предположить, что Их Высочество — педант и аккуратист, но после эпизода с декоратором Кристианом я полагала, что, вероятней всего, аккуратистом был кто-то из обслуживающего персонала. Какой-нибудь местный Дживс.

Из любопытства я бегло перебрала вешалки.

Появилось ощущение, что я нахожусь в костюмерном цеху, предназначенном для съёмок фэнтезийного блокбастера. Всё вещи вроде бы имели реальные исторические прототипы, но были неуловимо переиначены. Узкий, замысловато простёганный камзол из парчи — чёрной, но с поблескивающим узором... дымчато-серый кожаный жилет с серебряными заклёпками в виде драконов, и каждая заклёпка — маленькое произведение искусства... куртка со шнуровкой и бахромой, подбитая пёстрым мехом... мне хотелось рассмотреть всё, но на это потребовалось бы слишком много времени.

Я понадеялась, что ещё увижу Их Высочество, одетого подобным образом. Зрелище обещало быть живописным.

На одной из штанг я обнаружила вешалки с обычными для моего мира деловыми костюмами и рубашками... если можно было назвать обычными вещи с этикетками «Бриони», «Эрменеджильдо Дзенья», «Тед Бейкер» и тому подобным. Я не то чтобы являлась отменным знатоком мужских костюмов, но хорошо помнила, как мама однажды выбирала отцу костюм для поездки на важные переговоры. Отец всегда относился к одежде наплевательски, и только мамиными стараниями ему удавалось выглядеть солидным человеком. Увидев, сколько стоят предлагаемые мамой «Дзенья» и «Бриони», папа взвился на дыбы. На эти деньги, язвительно сообщил отец, он лучше проведёт чудесные полгода на Мальдивах. Победила, как всегда, мама, приведя кучу аргументов — начиная с народной мудрости «по одежке встречают» и заканчивая простой констатацией факта, что всё равно её трудоголик муж сбежит с Мальдив максимум через неделю... так что сэкономленных денег как раз хватит на костюмчик. В конечном итоге решающим доводом оказался тот, что человек, с которым папе предстояло встретиться и от которого так много зависело, сам питает слабость именно к «Бриони».

Хм, подумалось мне, взглянуть на Кайлеана Георгиевича в деловом костюме тоже было бы интересно... Перед глазами вдруг ясно возникла картина: мама повязывает папе галстук, и сразу же одно видение сменилось другим: я повязываю галстук Кайлеану. Мы стоим близко друг к другу, пальцы касаются его тела... тёплые мурашки наполнили мою грудь, и я очнулась.

Мурашки сменились возмущением на саму себя.

Что, собственно, происходит? Мы расстались менее получаса назад, и я мало того, что всё время думаю об Их Высочестве, да ещё и воображаю невесту что, ванильно-розовое! Может, мне ещё начать прикидывать, кто у нас будет первенцем — мальчик или девочка?

Да, не будем лукавить — я уже давно не сомневалась, что нравлюсь Его Высочеству. Любая девушка прекрасно знает, когда она кому-то нравится — в особенном смысле нравится. И стоит мне только сделать шаг навстречу...

Но всё, что я должна была думать на эту тему, это то, что даже если я дрогну и у нас с Их Высочеством случится чудесная история любви, закончится она скверно и гадко. У меня уже вышло так один раз, и ради сохранения целостности души повторения нельзя было допустить.

Я сердито сорвала с одной из «фэнтезийных» вешалок белоснежную

рубашку, оглядела и приложила к себе. Длина меня удовлетворила — до середины бёдер дойдёт, всё прикрыто, и ладно. Вечером оденусь как человек, и надеюсь, практичный Кайлеан Георгиевич не забудет про нижнее бельё. Пусть щёлкнет пальцами кому надо. А пока я нашла и позаимствовала шорты с верёвочной завязкой.

Я вышла в гостиную. Огоньки в клетке при виде меня вновь оживились. Virtuозный порядок их танца смешался, они пометались немного, а потом распределились по кругу и принялись кружиться так быстро, что слились в светящийся диск. У диска была тёмная середина, и от этой середины будто расходились волны.

Внезапно мне померещился запах речной воды.

Как странно, рассеянно думала я, глядя на кольцо из светлячков, в недоумении шевеля ноздрями, не в силах определить, на самом ли деле возникло сырое дуновение... и вдруг меня словно током ударило. Я вздрогнула, расширив глаза.

«ПРИ-И-НЯТО-О-О...» — услышала я раскатистое как наяву.

Я вспомнила! Я совсем забыла, а теперь вспомнила! Там, на Тучковом мосту! Я ведь дала клятву! Никогда и никого!

Неверными шажками я дошла до кресла у камина и села, уронив одежду на колени.

Столько необычного произошло за последнее время, что обещание, данное на мосту в порыве отчаянья, совершенно вылетело из моей бедной замороженной головы. Только-только освободившись из одной ловушки, я чуть было не угодила в другую — ловушку невыполненных обещаний. Как любой носитель магии я знала, что возмездие могло быть ужасным.

Я поёжилась. Как опрометчиво было принесено в жертву самое прекрасное, что может быть у человека в жизни... Что за судьба ждёт меня при таких обстоятельствах? Единственное, что приходило в голову, — по возвращении вернуться к Тучкову мосту, связаться с могущественным существом и попытаться изменить договор. События той ночи припоминались смутно, однако ощущение некоего великодушия, исходившее от хозяина портала, не пропало... Придётся броситься ему в ноги... если они у него есть.

Но это задача на будущее, сейчас ничего сделать было нельзя.

Немного посидев, повздыхав и поразмыслив, я решила взглянуть на ситуацию с другой стороны. Всё, что ни делается, к лучшему. Помощь пришла, откуда не ждали. Как знать, смогла бы я устоять против искушения в лице эрмитанского принца, а теперь, хочешь не хочешь, придётся исполнять клятву.

Ну что ж, будем живы — не помрём, подбодрила я себя. Фортуна преподнесла лимон, так пойдём же поищем сахар, обратимся к маленьким доступным радостям в виде королевской ванной комнаты. И нечего больше страдать.

— Спасибо, ребята, — сказала я на всякий случай светлячкам и отправилась куда собиралась.

...Ладно, признаю, на самом деле там было здорово. И разноцветный мрамор, и сверкающий хрусталь, и обширный резервуар на львиных лапах показали мне теперь очень даже к месту. Наверное, это была самая продолжительная ванна в моей жизни. Я плескалась и фыркала, имитируя тюленя из зоопарка, впервые в жизни увидевшего море. Я сунула нос во все хрустальные флаконы, испробовав всё, на что упал мой взгляд. Я взбила горы пены высотой с Гималаи.

И я пела песни.

Громко.

Во-первых, потому что не воспользоваться такой акустикой было бы непростительным грехом. А во-вторых, надо было заглушить горечь, которая камнеломкой пробивалась сквозь праведность моих мыслей. Сердце всё-таки ныло, будто его сжимали в кулаке.

Не сразу удалось мне распеться, потому что начала я с русских народных песен. А ведь, казалось бы — беспроегрышный вариант для желающих утопить горе в песнопениях.

— На Муромской дорожке стоя-а-а-али три сосны-ы-ы... — с чувством вывела я, вытянула вверх ногу и полюбовалась ею. Длинная, стройная, розовая от горячей воды... пенные разводы, сползая вниз, облевали её экзотическим чулком... эх, жаль, такая красота, и никому не достанется... Я прибавила громкости: — Проща-а-ался со мной ми-и-и-и-и-и до бу-у-удущей весны-ы-ы...

Но до конца не допела, потому что расстроилась. Ни к чему сейчас была песня про то, как кто-то любил одну девушку, а потом взял да и женился на другой. Неприятный какой-то сюжет.

— Ми-и-и-и-и-и-и-и-и-и ты мой, во-о-озьми меня с собой... — начала было я и снова замолчала. Тут миленький вообще изначально оказался женат — очень некрасивая история. У меня даже сложилось впечатление, что речь идёт об одном и том же рецидивисте по кличке «Миленький». Он шнырял из одной русской народной песни в другую и везде измывался над доверчивыми девушками. Только в «Окрасился месяц багрянцем» ему не повезло. Он думал, что всё будет как обычно, но крепко ошибся.

«Окрасился месяц багрянцем» я пропела с удовольствием и до конца.

Но дальше дело опять застопорилось.

«Из-за острова на стрежень», «Степь да степь кругом» и «Чёрный ворон» не добрались до финиша, несмотря на то, что раньше я охотно исполняла их за праздничным столом. Теперь же самые любимые и самые подходящие для пения в ванне песни показались мне чересчур мрачными.

— Да что ж такое-то! — воскликнула я и чисто из принципа исполнила целиком «Ой, то не вечер, то не вечер, мне малым-мало спалось». Ведь есаул, истолковавший сон молодого казака в пессимистическом ключе, мог быть и не прав. Он же есаул, кадровый военный, в конце концов, а не гадалка и не доктор Фрейд. Ну, подумаешь, во сне с буйной головы шапка упала. Может, это к деньгам или дальней дороге.

Память почему-то подсовывала мне песни исключительно любовного содержания.

Даже «Валенки», которые ранее казались беззаботной и бесшабашной песней, содержали волнительный куплет про «по морозу босиком к милому ходила».

Надо переходить к другому репертуару, поняла я. К чему-нибудь сдержанному такому, мужскому... к военной тематике, например.

— Бьётся в тесной печурке огонь, на поленьях смола как слеза... — Эх, хорошо пошло, душевно, отметила я. — И поёт мне в землянке гармонь, про улыбку твою и глаза... — Тут я внезапно обнаружила, что гармонь поёт мне исключительно про улыбку и глаза Их Высочества, Кайлеана Карагиллейна Третьего, принца Эрмитании. Они — улыбка и глаза — предстали передо мной как живые.

В смятении оборвав «Землянку», я поспешно завела:

— Три танкиста, три весёлых друга — экипаж машины боевой!..

Вот исполнение песни про то, как в эту ночь решили самураи перейти границу у реки, удалось на славу. Самураи не вызвали у меня нежелательных ассоциаций, и за это я даже к ним прониклась — несмотря на их антиобщественное поведение.

После «Трёх танкистов» стало веселее, и дальше песнопение пошло как по маслу.

— А дубы-колдуны... — выводила я, разглядывая расписной потолок, — что-то шепчут в тумане, у поганных болот чьи-то тени встают... — Это была песня не про зайцев. Это меня окружали туманы и поганные болота. — Косят зайцы траву, трын-траву на поляне, и от страха всё быстрее песенку поют...

Наплескавшись и наголосившись вволю, я наконец смогла расстаться с чернобоким другом. Умиротворённая, чистенькая, приятно пахнущая, я

растерлась пушистым полотенцем, надела шорты, накинула тонкую белоснежную рубашку, закатав её рукава.

Возникла идея: сейчас пойду и сделаю огромный бутерброд — с зелёным салатным листиком, с помидоркой, огурчиком, сыром и ветчиной.

— А где мои семнадцать лет? На Большом Каретном! — бодро выкрикивала я, накручивая на голове высокий тюрбан из полотенца.

— А где мой чёрный пистолет? — громко спросила я, выходя в гостиную.

Пистолет тоже находился на Большом Каретном, но ответ застрял у меня в горле, потому что, несмотря на заверения Кайлеана Георгиевича, у нас были гости.

Посетителей было четверо.

Не знаю, случайно ли, намеренно, но всё выглядело так, будто они приготовились позировать живописцу для парадного портрета.

Центр композиции занимало развёрнутое в сторону комнаты прикаминное кресло. В нём вольготно — нога на ногу, кисти в перстнях расслабленно свешены с подлокотников, — расположилась темноволосая женщина в длинном вечернем платье цвета слоновой кости. То есть это поначалу её наряд показался мне вечерним — такой уж у него был эффектный вид: узкий корсаж, высокий воротник, напоминавший изогнутый лист тропического растения, ниспадающий шёлк юбки, расшитый серебристыми нитями... Но за окном всё ещё светило солнце (я метнула отчаянный взгляд в ту сторону и поняла, что до вечера, когда обещал вернуться Кайлеан, ещё далеко); скорей всего для королевы Эрмитании такая одежда являлась чем-то вроде дресс-кода. Положение, небось, обязывало, и всё такое прочее.

В том, что передо мной именно королева, я уверилась, едва взглянув на неё. Тот же удлинённый овал лица, и те же скулы, и длинные тёмно-серые глаза, и ещё что-то неуловимо-узнаваемое... Кайлеан Георгиевич определённо являлся маминым сыночком — сходство было впечатляющим. Она, как и сын, не будучи совершенством, обладала той самой изюминкой, именуемой шармом и превращающей недостатки в достоинства.

...Может, конечно, сюда заявила какая-то близкая родственница, но ёкнувшая интуиция настаивала — не тётя это.

Женщина далеко откинулась на спинку кресла и чуть склонила голову набок.

Меня разглядывали с типично кайлеановским неопределённым выражением.

Немедленно изобразив ответный «покер фейс» и скромно опустив глаза, в мыслях я заметалась как перепуганная курица по двору. Что им здесь надо — в отсутствие хозяина? Что положено говорить при встрече с коронованной особой? И вообще, положено ли начинать говорить первой? Наверное, если помалкивать, хуже не будет? Да, именно так. «Дипломатичность и сдержанность» — станет моим девизом, и тогда я не посрамлю Кайлеана Георгиевича в качестве его гостыи.

Я вновь подняла глаза.

За креслом слева возвышался расписной красавец в узорчатом камзоле, примерно одних с Кайлеаном лет. Стройный, черноволосый, черноглазый, с приметным чувственным ртом... Таких, пантерообразных, с удовольствием снимают в рекламе мужской туалетной воды с названием вроде «Deer passion» или «My dark obsession». Воображение быстренько разместило соответствующий рекламный плакат на Невском: на нём красавец со значением буравил прохожих взглядом исподлобья. Неуёмная фантазия тут же дорисовала подробности — с каждой стороны красавца обнимала томная дева, от дев отлетали облачка с их мыслями. У одной — «Кушать хочется, и давно», у другой — «Говорила мне мама, что надо институт закончить»...

Я тихонько хмыкнула про себя, видение пропало.

Да, очень красивый. И я голову могла дать на отсечение — он тоже из Карагиллейнов. Что-то знакомое неудержимо проступало сквозь экзотику. Можно было предположить, что это кто-то из братьев Кайлеана — выглядел он моложе королевы, да и король, наверное, тоже сидел бы в кресле, а не стоял позади. Но если я угадала, то этот сын пошёл в папу — другая масть, и сходство проявлялось по-иному.

Я, вроде, ему не понравилась. Смотрел он как бы сквозь меня, лицо было бесстрастным, фигура неподвижной, но ноздри чуть подрагивали, и грудь заметно вздымалась как от еле сдерживаемого гнева.

Непонятно... Обычно молодые люди относились ко мне дружелюбно. Может, красавец обладал титулом чемпиона королевства по пению в ванне, а я глубоко оскорбила его эстетическое чувство? Впрочем, было возможно иное толкование: он, наоборот, из последних сил боролся с нахлынувшим восторгом. Может, ему хотелось захлопать в ладоши и выкрикнуть «Брависсимо! Спойте ещё!».

Но это вряд ли. Мне упорно казалось, что он раздражён самим фактом моего здесь пребывания.

Я поспешно перевела взгляд на особу, стоящую рядом. Молодая женщина, тоже одетая как на великосветский приём, в малиновое с золотом. Причём её одеяние было расцвечено богаче, но в итоге выглядело дешевле королевского.

Придворная дама?

Она обладала кукольными чертами лица и пышными формами — судя по фасону туалета, формы малиновая дама считала не последним своим преимуществом. Фамильного сходства здесь не наблюдалось. В отличие от Карагиллейнов, чувства она скрывала гораздо хуже — кукольные губки были плотно сжаты, а кукольные бровки страдальчески нахмурены. «Что

творится, люди добрые, что творится!...» — как бы восклицали бровки.

Я ощутила сильное желание успокоить всех, выступив с разъяснениями, что если я стою здесь в спортивных трусах их сына, брата и повелителя, то это ещё ничего не значит.

Четвёртый участник мизансцены стоял сбоку у камина и вертел в руках большой кристалл, взятый с каминной полки. Этот дядечка произвёл на меня положительное впечатление. Наверное, потому что он был похож на поэта Бродского с фотографий последнего массачусетского периода. Только у настоящего Бродского тонкое лицо выглядело преисполненным печали — от многих знаний, очевидно, а эрмитанский дядечка светился благожелательностью и поглядывал на меня из-под очков в стальной оправе с каким-то весёлым любопытством. Одевался он неожиданно для этих мест — самые обычные брюки, рубашка, трикотажный джемпер с полосками вокруг V-образного выреза... Если бы он появился в таком виде в моём мире, никому бы и в голову не пришло, что это пришелец из другого измерения.

— Всё равно странно, — нарушила вдруг молчание королева. — Но хоть что-то прояснилось.

— Это может быть случайностью, Ваше Величество, — прощепетала дама в малиновом.

Ага-а-а... всё-таки Величество!

Королева пожала плечами.

— Скорей всего, так и есть. Но Кайл... он никогда не был склонен к авантюрам. Кто угодно, только не Кайл.

Разговаривали они так, словно кроме них здесь никого не было. Я заставила себя стоять спокойно. Подумаешь. Смотрины с баннным полотенцем на голове — пустяки, дело житейское. На этот раз я, слава богу, не голая. И не на четвереньках, кстати. Большой прогресс. Хотя сходные обстоятельства знакомства с членами клана Карагиллейнов начинали понемногу нервировать.

— Может, дело вовсе не в этом, — негромко произнёс пожилой дядечка и вернул кристалл на полку.

Все повернулись и посмотрели на него. Похоже, дядечкины слова имели определённый вес.

Пышка недовольно чирикнула:

— А в чём же тогда?

Дядечка кивнул в мою сторону и слегка невнятно развил свою мысль:

— Ну-у-у... ноги, например. И всё остальное тоже... — он изобразил в воздухе овал, закончив непонятной волнистой линией. — Ну так, как

вариант... в порядке гипотезы...

Все повернулись и ещё раз дружно осмотрели меня сверху донизу.

Я с трудом подавила позыв застенчиво изобразить одноногую цаплю на болоте.

Не вмешивайся, Даня, сказала я себе и стиснула зубы. Твоё дело маленькое, ты тут проездом. «Сдержанность и дипломатичность!»

— Возможно. Что есть, то есть. Но всё равно, на Кайла совсем непохоже. — Королева вновь повела плечом. — Что у него, всего этого, — она, снисходительно усмехнувшись, пародийно изобразила несколько волнистых линий, — мало, что ли, было?.. Кстати, магистр, что она там сказала на своём варварском наречии? Переведите.

Я изумилась. Как это — переведите? Я ведь их прекрасно понимала!

На магистра откликнулся пожилой дядечка. Ага. Он у нас, стало быть, силен по части наук. Придворный маг?

— Юная леди спрашивала, где её оружие.

— Какое ещё оружие?

— Скорей всего, автоматическое и самозарядное, — охотно пояснил магистр. — Весьма распространено в соседней империи. Такая, знаете, металлическая штучка с рукоятью и коротким дулом. Чёрного цвета, но модель девушка не уточнила.

Королева нахмурилась.

— Зачем ей это?

— Возможно, юная леди чувствует себя несколько неуверенно в незнакомой обстановке.

Магистр отвечал серьёзно, но казалось, ситуация его забавляет. Мне даже почудилось — он знает, что я понимаю каждое слово.

Королева знакомым движением вздёрнула подбородок.

— Неужели она думает, что это ей поможет? Нелепое предположение. — Помолчав, она произнесла: — Теперь послушаем, что скажет Луссия. Луссия, ты готова?

— Да, Ваше Величество... — Ответили королеве тусклым голосом, даже как бы нехотя. — Я попробую.

— Так приступай же.

Луссия вышла из-за кресла, вздохнула, постояла немного — едва заметно раскачиваясь, и вдруг двинулась в мою сторону мелкими крадущимися шажками. Руки со скрюченными пальцами она согнула в локтях и держала перед собой, а шею вытянула, будто принимавалась. Кукольное личико исказилось, я с оторопью увидела, что глаза её закатились под лоб и теперь в глазницах виднеются одни слепые белки.

Метаморфоза, произошедшая с хорошенькой пышечкой Луссией, была так неожиданна, что меня просто приморозило к месту.

Где носит этого Кайлеана Георгиевича, в отчаянии подумала я, глядя, как ко мне приближается существо из ночного кошмара. Я приготовилась отступить в ванную, там можно будет попробовать отбиться от бесноватой с помощью холодной воды, пущенной из душевого шланга. Но Луссия затормозила, не дойдя пару шагов, и вновь стала раскачиваться, потом выкинула вперёд руку. Её пальцы сплелись в такую невозможную комбинацию, что я невольно сморщилась — неужели не больно? Однако Луссия, казалось, вошла в такой транс, что уже не почувствовала бы и калёного железа.

— Ты! — пронзительно выкрикнула Луссия. — Ты возлежала на груди сына кесарева!

Краем глаза я заметила, что после этих слов молчаливый красавец словно встрепенулся. Он как-то хищно сузил глаза и взглянул на меня с новым интересом.

Не сразу до меня дошло, кто у нас сын кесарев, но потом я так возмутилась, что немедленно выпалила в ответ:

— Ничего и не возлежала!

Королева резко повернулась к магистру, а Луссия как-то скептически оскалила зубки. От этого оскала в сочетании с белыми глазами у меня снова прошёл мороз по коже.

— Возлежала, возлежала, возлежала! — истерически повторила она.

— А вот и нет!

— А вот и да!

— Луссия, прекрати! — ледяным голосом перебила королева. — Что ещё?

Луссия попыталась ещё что-то сказать, но немо похватила воздух ртом как снулая рыба, внезапно потеряла боевой задор и сдулась, как воздушный шарик. Она плетью уронила руку с магически скрученной фигурой, повернулась, и, пошатываясь, направилась в сторону свободного кресла.

— А вот и нет... — растерянно повторила я ей в спину...

— Луссия! — грозно прикрикнула королева.

Но Луссия рухнула в кресло, обхватив голову, и затихла.

Я хлопала глазами — что это было? — и вдруг кое-что припомнила.

Экхм.

Да, в самом деле...

— Ах, э-э-это?.. — протянула я и улыбнулась всем, демонстрируя пустячность проблемы. — Ну да, возлежала... — Переведя взгляд на

королеву, я как можно убедительней сказала именно ей: — Но возлежала совершенно не в том смысле!

Королева пристально посмотрела на меня, потом перевела гневный взгляд на магистра.

— Так она что, всё понимала с самого начала? И может говорить?

— Видимо, принц Кайлеан поделился с юной леди некоторыми коммуникационными навыками. Для удобства общения.

Некоторое время королева испепеляла взглядом магистра, тот отвечал ей безмятежным взглядом. Смысл пантомимы был понятен — будь на месте магистра кто-то другой, его бы уже испепелили на самом деле и прах развеяли по ветру. Но развеять магистра королеве, видимо, было слабо, и он это прекрасно знал.

Я сделала вывод, что магистр, конечно, дядька весёлый, и на вид симпатичный, но ухо с ним нужно держать востро. Если он так обращается с царствующей особой, то представляю, какие шуточки он может шутить с простыми смертными...

Королева встала. Вид у неё был царственно-утомлённый.

— Всё ещё хуже, чем я думала, — уронила она. — Пусть Кайл сам с этим разбирается. Луссия!

Луссия вздёрнулась из кресла как марионетка и подбежала к королеве. Та взяла её за руку, и они обе исчезли.

Ого!

Я глядела на пустое место, хлопая глазами. И вдруг почувствовала осторожное прикосновение чего-то холодного и чужеродного к своему сознанию. Это ощущение было мне уже знакомо — кто-то пытался пробраться в мой мозг.

С перепугу я быстро, чётко, аккуратно — именно так, как учил меня Кайлеан, начала возводить заслон, постепенно вытесняя чужое сознание из своего. Это было непросто, но мне повезло. Если бы некто вломился так, как поступил в своё время Кайлеан Георгиевич, то, думаю, шансов отбиться не было бы никаких. Но проникновение постарались сделать незаметным, и это дало некоторую фору.

Нетрудно было догадаться, кто из оставшихся решился на это безобразие — чёрные глаза впились в меня клещом, а безупречное лицо напряглось от тщетных усилий.

Я выстроила очередной блок, и этим блоком постаралась пнуть непрошенного гостя посильнее.

Получилось более чем удачно.

«Ш-шес-с-сему!» — прошипел, удаляясь, чужой голос в моём мозгу.

«Х-хатшепсут!» — ответила я вдогонку.

Вот и поговорили.

«Дипломатичность и сдержанность»... В общении с членами королевской фамилии мне просто нет равных.

С другой стороны — а чего он?!

Красавец начал меркнуть как изображение на экране, пока не исчез полностью. Но до самого конца он не сводил с меня яростного взгляда. Просто чеширский тип какой-то.

Когда наконец страшные чёрные глаза растаяли в воздухе, я выдохнула с облегчением и робко посмотрела на оставшегося магистра.

Не троньте меня, дяденька магистр, говорила я всем своим видом.

— Всего доброго, Данимира Андреевна, — весело сказал магистр и учтиво поклонился. — Ещё увидимся.

Он бодро прошагал к балконным дверям, распахнул их, и через мгновение огромная чёрная птица неизвестной породы сорвалась с перил и устремилась ввысь, в небо Эрминара.

— И вам счастливого полёта, — пролепетала я.

Потом ринулась к холодильнику, извлекла оттуда огромный бутерброд — как и задумывалось! — с зелёным салатным листиком, с помидоркой, огурчиком, сыром и ветчиной, и впилась в него, на несколько дивных минут позабыв о перипетиях этого дня.

Вечером, когда стемнело, вернулся Кайлеан. Он — как нормальный человек! — вышел из двери лифта с объёмистым бумажным пакетом, который держал за верёвочные ручки. (Кайлеан был чисто выбрит и переодет во что-то чёрное, фэнтезийное. Ему шло, но выглядел он ещё более уставшим и замученным, чем утром.)

Я так обрадовалась, что чуть не бросилась ему на шею, но вместо этого чинно села за стол. Признаться, я немного трусила. Мне предстояло рассказать, как я «хатшепсутнула» его родича.

Кайлеан дошёл до дивана и рухнул на него, уронив пакет на пол. Он как-то весь растёкся по сидению, откинул голову и прикрыл глаза ладонью.

— Я принёс вам одежду. Там немного. Завтра будет остальное. Много.

— Спасибо, Кайлеан Георгиевич. Но, может, сначала надо было примерить? Это я в смысле размера.

— А-а-а... пустяки...

Он вяло махнул другой рукой, и рядом с диваном возникло объёмное изображение в полный рост. Моя копия смотрела прямо перед собой, шевелила пальцами и беззвучно говорила «пока-пока». На мне были

ужасные рейтузы, растянутая футболка, всклокоченные волосы стояли копной. Кайлеан крутанул пальцем, изображение медленно закрутилось вокруг своей оси.

— А, — сказала я. — Теперь понятно. И вы этот ужас всем показывали?

Кайлеан ничего не ответил, помолчал, потом спросил сам, по-прежнему не отнимая руки от лица:

— Вы скучали без меня, Данимира Андреевна?

— «Скучала» — не то слово! — искренне сказала я, вспомнив недавний визит. — У нас были гости!

Он застонал.

— Мама!..

— Да, думаю, что это была... э-э-э... ваша матушка. В смысле Её Величество. И ещё она привела с собой одну такую... экстравагантную... Честное слово, эта Луссия очень странно себя вела!

— А-а-а... Лусс... Мамин карманный оракул... — Он выпрямился и взглянул на меня ожившими глазами. — Она что-нибудь сказала?

Я виновато вздохнула.

— Сказала. Из всех эпизодов нашего с вами общения она почему-то выбрала один из самых двусмысленных и озвучила именно его. Мужайтесь, Кайлеан Георгиевич, возможно, ваша репутация пострадала. Надеюсь, слухи об этом не выйдут за пределы королевства, иначе ваши матримониальные планы могут пострадать.

— Что сказала Луссия?

Я согнула руки перед собой, скрючила пальцы, закатила глаза и противным голосом прогнусавила:

— «Ты возлежала на груди сына кесарева» — вот что она сказала. — Я приняла нормальный вид. — Вы не помните, но когда я была кошкой, а вы — сами знаете кем, то я действительно возлежала. Длительно и неоднократно. И вы не были против, вам даже нравилось. Но почему, почему она увидела именно этот момент, который ещё поди объясни окружающим? Почему она не поведала, как я занималась чем-нибудь приличным и полезным, например — «Ты помогала сыну кесареву в библиотеке», «Ты мыла полы в доме, а сын кесарев никогда этого не делал»? На худой конец, почему не «Ты научила сына кесарева стирать хозяйственным мылом»?

— А вы учили? — Кайлеан опять откинулся на спинку дивана, заложил руки за голову и как-то мечтательно заулыбался. Почему-то мой рассказ привёл его в доброе расположение духа. — Ах, да... я видел. Но по

сути — не помню. Боюсь, ваши труды пропали даром.

— Не волнуйтесь, Кайлеан Георгиевич, это как езда на велосипеде. Один раз научились — и на всю жизнь. Когда надо будет, всё получится само собой.

— Не думаю, что мне когда-либо пригодится это умение. Но всё равно спасибо. — Он выговаривал все слова старательно чётко, но всё равно было понятно, что язык у него заплетается от усталости.

Не зарекайтесь, хотелось сказать мне, но вместо этого я спросила:

— Вы что-нибудь ели сегодня?

Он покосился на меня.

— У родителей что-то перехватил на ходу. Времени не было, дела. А что сказала мама?

Я вздохнула.

— Кайлеан Георгиевич, вы меня уважаете?

Кайлеан приподнял брови.

— Разумеется, Данимира Андреевна.

— Тогда сделайте так, как я вам скажу.

Он помедлил, но сказал:

— Будь по-вашему.

— Прямо сейчас вы пойдёте, вымоете руки, сядете за стол и съедите то, что я вам подам. Потом пойдёте спать. А разговоры будут завтра. Про маму... и про всё остальное. Идите мойте руки.

— Про всё остальное?.. — пробормотал Кайлеан. Посидел немного, потом с видимым усилием встал и направился в ванную.

Когда он вернулся, на столе его ждала глубокая глиняная миска с дымящимся борщом. В плошке поменьше матово белела сметана, в которую была воткнута ложка. Рядом на деревянной доске лежали нарезанные ломти душистого чёрного хлеба, на блюдечке — горка рубленой зелени.

— Что это? — спросил Кайлеан, опускаясь на стул и с опаской разглядывая красное варево.

— Это борщ, Кайлеан Георгиевич. Сейчас вы примете участие в древнем обряде моего народа. В нашей стране у каждой женщины при виде голодного и уставшего мужчины просыпается дремучий вековой инстинкт. Совершенно неодолимой силы. Каждая женщина в такой ситуации просто обязана накормить... — Я чуть было не сказала «своего мужчину», но вовремя проглотила слово «своего», — мужчину борщом. Если инстинкт остаётся неудовлетворённым, женщине начинает казаться, что жизнь её пошла коту под хвост, она становится капризной, плаксивой, нервной; в

глубокой печали женщина начинает бить посуду и ругаться с окружающими. Так что не шутите с этим.

Кайлеан взял ложку и повозил ею в миске.

— Там что, мясо? — заинтересовался он.

Я взглянула с укоризной.

— Это же Борщ Для Уставшего Мужчины, Вернувшегося Домой. Само собой, там полным-полно мяса. Зачерпните вон той белой штуки — это сметана — и кладите её в тарелку. Зеленью посыпьте и приступайте. Предупреждаю, это ритуал для двоих. Я тоже приму участие.

— И как? — Кайлеан приступил к еде.

— Я должна принять позу, предписываемую традицией. И придать лицу соответствующее выражение.

Я села напротив, подпёрла щёку кулаком и уставилась на Кайлеана с жалостливым выражением.

Кайлеан, рубавший борщ так, что я буквально слышала, как трещит у него за ушами, поднял глаза, увидел как я на него смотрю и чуть не поперхнулся.

— Данимира Андреевна! Я, конечно, сильно устал, но я ещё не умер.

— Что ж... это была позиция номер один. Наша традиция гибка в деталях. Можно использовать позицию номер два.

Теперь я подпёрла лицо двумя руками, поместила на физиономию самую умильную улыбку из всех возможных и воркующим голосом проговорила:

— Кушай, кушай, касатик...

Кайлеан схватил ломоть хлеба, откусил половину и с набитым ртом прокомментировал:

— Так мне больше нравится. Но «касатик»? Что это?

— Небольшая симпатичная птичка мужского рода. — Их Высочество опять чуть не подавились. — Так положено говорить по ритуалу, не отвлекайтесь, Кайлеан Георгиевич.

...Он съел всё, включая хлеб, и выскреб дочиста мисочку из-под сметаны.

— А теперь спать.

Кайлеан глядел перед собой осоловелыми глазами, но всё ещё пытался управлять событиями:

— Надо найти вам комнату.

— Не надо. Я буду спать здесь, на диване. Тут есть подушки, дайте мне чем накрыться и ступайте к себе.

— У меня нет сил препираться. Ваш ритуальный борщ что-то со мной

сделал. — С этими словами Кайлеан дошёл до дивана и упал на него как подрубленное дерево. Мною, конечно, был произнесён пламенный призыв поменяться местами, но я и сама понимала, что речь запоздала. Поэтому пошла в тёмную роскошную спальню, стянула с кровати тяжёленное чёрно-золотое покрывало, сгребла его в охапку, вернулась и укрыла Кайлеана. Он не пошевелился.

Я долго смотрела на него, а потом, не удержавшись (один разочек, и больше никогда!), воспользовалась случаем: тихонько провела рукой по тёмным волосам... жёсткие... наверное, правду говорят: какие волосы, такой и характер... Потом — ещё один разочек, самый-самый последний, — прикоснулась к прохладной щеке.

— Даня... — не просыпаясь, пробормотал Кайлеан.

Я вздохнула и убрала руку.

— Спокойной ночи, Ваше Высочество.

— О-о-о-о-о... — услышала я ещё один вздох — дружный и сентиментальный, донёсся он сверху. Огоньки опять сгруппировались в нижней части своей клетки.

— Вуайеристы! — с укоризной сказала я им. — Кино себе нашли... Вы лучше свет выключите чуть позже. Я ведь щёлкать пальцами не умею.

Наверное, так они и сделали, но в памяти этого не осталось — кажется, я тоже заснула, ещё не добравшись до кровати. Так закончился мой первый день в Эрмитании, не самый странный день, проведённый в королевстве Кайлеана.

Утром я приоткрыла глаза и в полумраке вместо белого потолка увидела над собой красновато-пурпурное облако. Не сразу стало понятно, что это такое. Некоторое время я бездумно таращилась вверх, захваченная в плен неожиданным буйством цвета. Потом, потихоньку придя в себя, из-под ресниц оглядела спальню: тёмно-фиолетовый муар стен, переливчатые узоры сливово-золотистых штор, из-за которых слабо пробивался дневной свет...

Прислушалась — было тихо.

Наверное, вымотанный Кайлеан ещё спал, значит, и мне можно было не торопиться покидать королевское ложе. Всё-таки имелось нечто привлекательное в этих необъятных просторах, где можно разлечься хоть так, хоть эдак, хоть морской звездой, и место всё равно ещё останется. Сладко потянувшись на атласных простынях, я решила подремать ещё немного. Повернулась на бок и встретила взглядом с самой собой. И тут же заметила вчерашний пакет: он стоял на полу, прислонённый к зеркалу.

Спать сразу расхотелось.

Раньше мне казалось, что я равнодушна к одежде и всему предпочту неброское удобство. Но жгучее любопытство, вспыхнувшее при виде пакета, показало, что теперь это не так, слишком много времени было проведено в безобразных чужих обносках.

...В пакете обнаружилось множество других пакетиков и коробочек, и первым, что привело меня в состояние, близкое к экстазу, было нижнее бельё, целых три комплекта — чёрного, белого и бледно-голубого цвета. К счастью, по типу оно практически не отличалось от нашего (признаться, я почему-то неясно опасалась чего-то в стиле Луи Шестнадцатого, с корсетом, шнуровкой и панталонами до колен). Разница имелась, но выражалась она в том, что никогда в жизни у меня не было такой роскоши. Нет, прежнее моё бельё всегда покупалось в приличных магазинах, и я даже считала его красивым, но это раньше. Конечно же, оно не шло ни в какое сравнение с тем, что я обнаружила в кайлеановском пакете.

Ткань и кружева были тонкими, невесомыми, шелковистыми и вместе с тем прочными — я недоверчиво потянула изделия на разрыв. Фантастические растения кружевных вставок соприкасались лишь кончиками лепестков, краешками листьев, тонкими закрученными усиками, но соединения оказались на редкость прочными. Тончайшими были и чулки, лежавшие на ладони туманной дымкой. Когда же я открыла самую большую коробку, то даже приоткрыла рот от удивления — всё пространство занимала немыслимой красоты роза, сложенная из сияющей ткани того чудесного оттенка, который приближается к тёмно-голубому, и всё же остаётся синим. Я осторожно вынула розу из коробки — слегка сомневаясь, правильно ли поступаю, — и она распалась, обернувшись длинным воздушным платьем, не смятым ничуть.

Я встала перед зеркалом и приложила платье к себе.

Вырез был довольно целомудренным, но верх платья состоял из того же потрясающего кружева, где все элементы прикасались друг к другу почти незримо. Узор, спускаясь ниже, постепенно густел, скрывая всё, что надо было скрыть, и вновь становился ажурным на подоле.

Вдруг вспомнились Гелины слова о моём новогоднем наряде: «Я б в таком за картошкой не вышла», вроде бы так она выразилась. Может, она видела когда-то подобную красоту? Глядя на эрмитанское произведение искусства, я уже была склонна с ней согласиться.

На дне выстланной бархатом коробки из-под платья лежали две изящные бутылочки, похожие на флаконы для духов. Но в одном находилась искрящаяся бело-голубая пыль, во втором — порошок тёмно-

серого цвета, как будто сточили графитовый грифель.

Я задумчиво потрясла голубой флакон, пыль легко взвилась и наполнила собой всю бутылочку. Может, это наносят на волосы, чтобы они блестели? Или это действительно духи? Вытянув руку от себя, я нажала на распылитель. Из флакона выпорхнуло искрящееся облачко, некоторое время повисело в воздухе, затем померкло и исчезло. Я потянула носом... нет, ничем не пахло, это не духи. И, судя по быстрому исчезновению, не блёстки.

Распылять серую субстанцию я не рискнула.

Пожав плечами, я оставила в покое непонятные сосуды и с предвкушением, которое удивило меня саму, стала одеваться.

Бельё сидело великолепно. Тот, кто подбирал одежду по изображению (вряд ли Кайлеан Георгиевич занимался этим лично), был мастером своего дела. Я покрутилась перед зеркалом со странным ощущением, будто управляю кем-то другим. Изучив отражение, я поняла — проявившаяся женственность стала отличать меня нынешнюю от прежней. Исчезло ощущение слишком быстро вытянувшегося тела, все линии приобрели гармоничную плавность и округлость. Прошёл почти год, и я повзрослела, но поскольку возможности наблюдать за происходящими изменениями не было, законченная картина предстала передо мною внезапно, смутив и обрадовав одновременно.

...Насчёт чулок возникли некоторые сомнения. Во-первых, было непонятно, стоит ли так тщательно одеваться с утра пораньше, и, во-вторых, я никак не могла понять, за счёт чего они должны держаться — привычных широких резинок с силиконом не было, и я перерыла всё, но пояса не обнаружила.

Поразмыслив, я пришла к выводу, что всё равно надо одеться как можно лучше. Вдруг снова кто-нибудь пожалует в гости. Визитёры будут, потирая руки, думать, что застанут меня как обычно, в дезабилье, а тут я — при полном параде.

Задача с креплением чулок решилась просто. Я надела один — просто чтобы оценить, как это смотрится, и выяснилось, что чулок держится сам по себе.

It's magic, радостно думала я, натягивая второй.

Поглядывая в зеркало, я выгнулась, приняв одну прельстительную позу из глянцевого журнала.

И другую.

И третью.

И ещё одну.

Вообще-то я осознавала, что сильно напоминаю гоголевскую Оксану, которая вертелась перед зеркалом, восклицая: «Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо!» Но любой, кому пришлось долгое время носить то, что не нравится, меня бы понял.

Ещё в голове то и дело всплывала крамольная мысль, от которой приятный холодок пробежал по позвоночнику: если бы Кайлеан Георгиевич увидел меня в новом образе — в этом кружевном белье, подчёркивающем безупречность тела, да ещё в этих чулках, — он наверняка упал бы в обморок от восторга. Неоднократно. И что там ещё? А! И сложился бы в штабель. А я бы поставила на штабель ногу и сказала бы голосом Карлсона: «Малыш! Ведь я же лучше собаки!» Ну, в смысле, лучше королевства.

Кажется, я всё-таки сказала это вслух. Звук собственного голоса подействовал отрезвляюще. Я перестала воображать всякие глупости и продолжила одеваться.

Синее платье, напротив, придало мне вид сказочной принцессы, невинной и златокудрой. Мой портрет можно было смело размещать на обложке сборника детских сказок. Но знание того, что под платьем-то я совсем другая, как-то необычно будоражило душу.

Однако выявилась накладка — красота была длинновата. Немного, но при ходьбе — я прошла по спальне туда-сюда — приходилось приподнимать подол, иначе можно было споткнуться. Будь у найденных в пакете туфель более высокие каблуки, это бы всё равно не спасло положения.

Интуитивно я чувствовала — где-то здесь подвох.

Ведь всё было абсолютно впору, да и само по себе платье сидело как влитое. Но я решила, что пока сойдёт и так, от меня не убудет, если я буду придерживать подол рукой. А потом попрошу у Кайлеана ножницы и аккуратно отрежу полосу по замысловатому контуру рисунка.

Никто и не заметит.

С этой мыслью я захватила ткань в горсть и вышла в гостиную.

Диван был пуст, покрывало грудой валялось в ногах.

Только услышав шелест, я обернулась и обнаружила, что Кайлеан находится в углу гостиной. Там у него стоял небольшой рабочий стол.

— Доброе утро, Ваше Высочество, — сказала я Кайлеану, сидевшему за столом с неизменными бумагами и кружкой кофе.

Он ничего не ответил и только разглядывал мой новый облик. Изменившееся выражение его лица показалось мне смутно знакомым, потом я вспомнила: примерно так Кайлеан Георгиевич смотрел на борщ,

после того как его распробовал.

На какое-то время мы замерли — никто не произносил ни слова. Я первой нарушила молчание.

— Вы говорили, что вам всё равно, во что я одета.

Кайлеан отмер и повёл подбородком.

— Я соврал. Утро действительно доброе. Прекрасно выглядите, Данимира Андреевна.

— Оно длинное, — пожаловалась я, потрясая подолом. — Видите? У вас есть ножницы? Если аккуратно отрезать по линии узора...

— Ножницы? — Кайлеан нахмурился и снова стал похож на самого себя. — Никаких ножниц, — отрезал он. — Стойте и ждите.

Он вышел на балкон и там принялся на кого-то рычать. Их Высочество устраивало дистанционный разнос какому-то бедолаге, ответственному за этот промах.

Постепенно рычание стало менее продолжительным и более вопросительным. Вскоре Кайлеан вернулся в гостиную, но направился в спальню и вышел оттуда с теми самыми непонятными флаконами.

— Стойте, — снова велел он, хотя я и так стояла, и обошёл вокруг меня пару раз, как вокруг рождественской ёлки. Он показал флакон с белоголубой пылью. — Вот этим брызгают на подол, ткань приподнимается, становится летучей и должно получиться... э-э-э... «волнующееся море»... или «бушующие волны»... или как там... Последнее веянье моды. Будет очень красиво.

Кайлеан снова обошёл вокруг меня.

— Ну-с, приступим, — сказал он бодро, и если бы это не был Кайлеан Георгиевич, я бы подумала, что он испытывает некоторое замешательство.

— Может, я сама?

— Нет, это надо делать на расстоянии. Сказали, так эффект будет более... э-э-э... эффектным. Более волнительным... или как там... а, ладно! — И с этими словами он нажал на распылитель, щедро покрыв искрящейся пылью переднюю часть моего платья.

...Что-то синее набросилось на меня и залепило лицо. Опомнившись, я содрала взбесившееся платье с головы и инстинктивно приняла знаменитую позу Мэрилин Монро на вентиляционной решётке. Ткань рвалась из рук, вообразив себя отпущенным на волю воздушным шаром, и — как в случае с Мэрилин — скрывала лишь малую часть моих прелестей.

Я боролась с платьем, Кайлеан Георгиевич стоял столбом. На скулах у него начал проступать румянец, в глазах разгорались красные угли. То ли он собирался кого-то испепелить, то ли ещё что.

Хотела штабель — получай, внезапно осознала я. Бойтесь своих желаний, они могут исполниться. Оставалось только назвать Их Высочество «Малышом» и сообщить ему, что я лучше собаки. Эти соображения, а также эпичная битва с платьем в конечном итоге показали мне такими смешными, что я захохотала.

Сквозь смех, приседая и тщетно прижимая своевольную ткань к ногам, я попросила:

— Кайлеан Георгиевич, ну сделайте же что-нибудь!..

...Оказалось, что во втором флаконе содержалось средство, гасящее летучесть. Бунт был подавлен.

— Давайте ещё раз попробуем, но теперь тихонечко, — всё ещё смеясь, предложила я, когда мы отдышались. — Надо же мне как-то ходить.

Но Кайлеан не поддержал моего энтузиазма и продолжать модный эксперимент отказался. Вместо этого он достал из ящика стола нож, в очередной раз велел стоять смирно и довольно споро, хоть и небрежно, оттяпал лишнее кружево.

(«Жалко!» — вскрикнула я, но Кайлеан напомнил, что уже сегодня я буду завалена одеждой на любой вкус.)

Он полюбовался на свои труды, потом задумчиво побарабанил пальцами по столешнице и сказал:

— Данимира Андреевна, вам нужна служанка... или компаньонка. Кто-то, кто поможет вам освоиться и сориентирует по всяким женским штучкам. Как вы убедились только что, я вам тут не помощник.

Мне сразу стало не смешно.

— Не нужна мне никакая служанка. Я вполне дееспособна и всё могу делать сама. Просто не надо подсовывать мне ваши местные штучки. Не надо мне больше летающих платьев, самоснимающихся лифчиков и прочего. И компаньонку тоже не надо. Я здесь никого не знаю и не хочу, чтобы рядом со мной был кто-то чужой.

— Сам не хочу, — так же задумчиво отвечал Кайлеан. — Поэтому сейчас мы завтракаем, вы мне рассказываете, что тут было вчера, а потом спускаемся в подвал.

— ...Посмотреть на котят? — предположила я после паузы.

Начало завтрака проходило в молчании. Кайлеан Георгиевич всё время отводил взгляд, словно опасался смотреть в мою сторону, и даже как будто потерял вкус к еде. Можно было подумать, что происшествие с платьем потрясло его в большей степени, чем меня. Однако поджаренная ветчина и бутерброды быстро вернули Их Высочеству как аппетит, так и душевное равновесие.

— Рассказывайте, — велел Кайлеан, едва лишь слегка насытился.

Степень его нетерпения показывало то, что он не дождался окончания завтрака, хотя обычно был более вежлив и приступал к обсуждению дел, когда мы переходили к заключительной чашке кофе.

Я ухватила за черешок лист какой-то эрмитанской салатной травы, украшавшей мою тарелку, и принялась его грызть. Вкус был кисленький — ревеневый, но более нежный и с огуречным оттенком. Мне понравилось.

— Ну что... вышла я из ванной... напевшаяся, в послеванном таком виде... — Кайлеан Георгиевич приподнял бровь, и я подчеркнула: — Вы сами сказали, что никого не будет.

Кайлеан досадливо пробормотал:

— Никогда не закрывал вход для родителей. Но я никак не мог предположить...

Он замолчал.

Я хрумкала листиком.

— А что, собственно, вы про меня рассказали? А то всё было немного странно.

Досада не покидала лицо Кайлеана.

— Почти ничего. Свёл информацию к минимуму. Просто упомянул мимоходом, что привёл с собой одного человека... Хотел, чтобы вы вначале немного пришли в себя, освоились... и так далее.

Понятно. Их Высочество желали, чтоб провинциалка малость пообтесалась, прежде чем предстанет пред царственные очи.

— Судя по всему, «мимоход» вам не очень удался, — заметила я.

Кайлеан склонил голову.

— Должен принести извинения, Данимира Андреевна. Что бы ни произошло вчера, считайте это недоразумением. Мои родители пока не знают, какую роль вы сыграли в моём освобождении.

Некий звоночек тренькнул в мозгу.

— Да какая там роль... Мне бы не хотелось, чтобы вы акцентировали внимание Их Величеств на моём скромном участии.

Я справедливо опасалась, что отец и мать Кайлеана могут и не скушать сказочку, в которую, похоже, свято верил их младший сын, — про спасительную любовь красавицы к чудовищу. Красной нити на моём запястье по-прежнему никто не замечал, но расслабляться не стоило. Вполне возможно, если станет ясно, что я имею власть над кайлеановскими пентаграммами, мне вообще не удастся покинуть Эрмитанию.

— Предоставьте мне решать, на чём следует акцентировать внимание. — Кайлеан Георгиевич был в своём репертуаре. — Продолжайте. Что было дальше?

Я вздохнула, вытянула из-под другого бутерброда ещё один листик и снова захрустела.

— Ну вот... Вышла я из ванной... а Её Величество... со товарищи... уже изволили прибыть. Ваша матушка изучила мою внешность и сказала, что ей всё равно ничего не понятно, хотя кое-что прояснилось... Затем она охарактеризовала вас как индивидуума, не склонного к авантюрам, но пользующегося большим успехом у прекрасных дам, в связи с чем вновь выразила недоумение по случаю моего присутствия в вашем жилище... Потом она сказала этой жуткой Луссии «фас», и тут Луссия сказала, что я возлежала, а я сказала, что не возлежала, а Луссия сказала, что всё равно возлежала, и тут я вспомнила и сказала, что да, возлежала, но совсем не так, а она сказала...

— «Со товарищи»? — оборвал меня Кайлеан с таким видом, будто у него внезапно разыгралась мигрень. — Кто ещё был?

— Ну и пожалуйста, — надулась я. — Не хотите знать подробности — не надо. Ну, был ещё один ваш родственник... по-моему. Что-то общее, — я покрутила обгрызенным черешком вокруг лица, — хотя он другой совсем. Примерно ваш ровесник... но такой, как из японского мультфильма, в смысле, как нарисованный. Глаза чёрные, и волосы чёрные, длинные, в хвост забранные... — После запинки я добавила смущённо: — И такой... красавчик, в общем...

Кайлеан как-то криво усмехнулся.

— Если речь идёт о красавчике, то это точно братец Хим.

— Надеюсь, он не наследник.

— Нет, не наследник. Он ненамного старше меня. Значит, Химериан присутствовал, когда Лусс вещала...

— Да. Но именно что — присутствовал. Стоял за спиной королевы и помалкивал себе.

— А после слов Лусс?

— Всё равно стоял и помалкивал. Но как-то заинтересовался, что ли... и полез в мою голову — под самый конец, когда Их Величество с этой Луссией уже ушли. Тогда я стала строить стену — как вы учили, а он всё равно лез...

Надо было признаваться. Я нервно стянула салатный лист с тарелки Их Высочества — давно его заприметила, он был толще и красивее листьев на моей тарелке. Кайлеан Георгиевич проследил взглядом за моей рукой, взял свою тарелку и молча передвинул ближе ко мне. Я отодвинула её обратно, пояснив:

— Я только один листочек. И тогда я стукнула его немножко вашим заклинанием. Или множко — не могу точно сказать, но Их Высочеству не понравилось. В общем, он начал ругаться. Ну, тогда и я тоже сказала ему в ответ... Но вам же неинтересно, кто кому чего сказал. И он ушёл. Злой немножко. Или множко.

— Что вы ему сказали?

— То слово на «хэ», которое вы говорите, когда злитесь, — повинилась я. — На «тэ» кончается. Оно само выучилось.

Кайлеан поморщился.

— Хим злопамятный. Надеюсь, некоторые соображения сдержат его стремление доказать вам, что слово на «хэ» не имеет к нему никакого отношения.

Выяснять точное значение мне не захотелось, но про себя я зареклась впредь произносить что-либо древнеегипетское.

— Вы почему-то не спросили, что он мне сказал. А он, между прочим, первый начал!

— Я поговорю с ним... для начала... Но на будущее имейте в виду: оправдание «он первый начал» не слишком высоко ценится в нашем мире. Чаще всего оно не берётся в расчёт, особенно если дело касается принца крови. Вы очень многого не знаете о здешней обстановке, и это одна из причин, по которым я хотел на первое время оградить вас от контактов. Но всё изначально пошло наперекосяк. Теперь держитесь от Хима подальше. Не вступайте с ним ни в какие разговоры. Можете ссылаться на мой запрет. — Кайлеан помолчал и вдруг рывкнул раздражённо: — А будет снова приставать, скажите, чтоб отвалил, иначе я ему морду набью!

Сама идея мне понравилась.

— Не отказалась бы взглянуть на фонарь под глазом Хима Георгиевича.

— Данимира Андреевна... Химериан — не последний маг в

Эрмитании. Когда высшие маги бьют друг другу морды, то остальное население в радиусе пяти миль спешно эвакуируется в более отдалённые районы... Мы ведь это делаем по-своему. Надо будет свозить вас на Плато Оглашения Завещания или на Мыс Удачной Свадьбы. Среди тамошних развалин трава до сих пор не растёт.

Я поняла, что если не желаю возникновения в королевстве новой достопримечательности под названием Пустошь Братской Любви, мне следует быть очень осторожной, и поспешила заверить:

— Если честно, вообще не планирую общаться с вашим братом. Моя персона ему сразу не глянулась — понятия не имею почему, а после попытки залезть мне в голову и я от него не в восторге. Но если он вот так запросто заходит к вам в дом, то что мне делать, если он снова заявится? Принц Химериан не произвёл на меня впечатления человека, который отвалит, если ему скажут «отвали».

— Он не сам прошёл. Моя лояльность на Хима не распространяется. Его мама провела, как и Лусс. Она знает, что у нас сложные отношения, но иногда не может ему отказать.

— Любимчик? — спросила я понимающе, но Кайлеан покачал головой.

— Комплекс вины.

— Понятно, — похлопала ресницами я, хотя ничего не было понятно. — Но я ещё не всё рассказала. Ещё дядечка один был. Интеллигентной наружности, в очках. Лоб высокий, с залысинами, волосы седоватые, и глаза за очками такие умные-преумные... на одного поэта похож, я вам потом его стихи почитаю — очень хорошие, честное слово. Этот дядечка был одет по-нашему, и ваша мама звала его магистром.

— Это Мерлин.

— Мерлин? — переспросила я. — А где борода до колен и колпак со звёздочками?

Кайлеан хмыкнул.

— Вы ещё посох и сову на плече вспомните.

— Он, кстати, ничего такой, симпатичный, мне понравился.

Кайлеан помедлил, затем, раздумчиво глядя на меня, произнёс:

— Мерлин мой учитель. Я получил от него больше, чем мог надеяться, он открыл мне доступ к магии высшего порядка. Но Мерлин прожил на свете столько лет, что, полагаю, невольно отдалился от остального человечества, уйдя далеко вперёд. С самого отрочества, с того момента, когда я начал мыслить критически, мне казалось, существование потеряло для него сокровенный смысл и превратилось в череду нескончаемых игр.

Любой из его окружения может стать фигурой на игровом поле. Пути Мерлина неисповедимы, помните об этом.

— То есть магистра иногда заносит, — резюмировала я. — Тогда, может, вам будет интересно узнать, что он на прощание назвал меня Данимирой Андреевной — прямо перед тем как улететь, превратившись в большую чёрную птицу.

— Он назвал вас по имени?

— И по отчеству. Откуда он знает, как меня зовут?

Кайлеан упёрся в меня застывшим взглядом — просчитывал варианты, потом отмер:

— Самое вероятное — общался с Мелиссой. Хотя с тем же успехом мог бы погадать на внутренностях животных. Мерлин иногда практикует методы своей юности, и довольно успешно. Я постараюсь выяснить. А насчёт обращения в птицу — не переживайте. Среди высших магов уйти, не исчезнув мгновенно, но обернувшись кем-нибудь, — своеобразный жест вежливости. Птица — это хорошо. Будем считать, что вы ему понравились.

— Ну... будем считать... — с некоторым сомнением повторила я и снова посмотрела в тарелку Его Высочества. Нет, его листики были определённо сочнее. Но я сдержалась. — Вы мне обещали экскурсию в подземелье.

— Это будет не экскурсия, а деловой визит. Надеюсь, вы не боитесь привидений?

— Теоретически — нет. Но я пока ни одного не видела, откуда ж мне знать, как там на самом деле?

— Видели. Там, — он кивнул, указывая вверх, — целый рой неупокоенных душ.

Сначала я не поняла. Потом посмотрела на люстру-клетку. При дневном свете огоньки были еле видимы и плавали неупорядоченно, как оседающий ил в недавно взбаламученной воде. Наверное, они спали.

— Вот эти малыши? Привидения? — Некоторое время я, раскрыв рот, глазела на тусклые огоньки, потом перевела взгляд на Кайлеана. — Стесняюсь спросить, Кайлеан Георгиевич, а что неупокоенные души делают в вашей гостиной?

— Светят, — холодно сказал он. — Помните, на каких условиях я получил Башню? Так вот, внизу, в подземелье, среди прочих вы увидите тех, кто признал мою власть без сопротивления. Здесь же, в клетке, особо опасные экземпляры.

— Особо опасные экземпляры? — Я никак не могла в это поверить. — Но они такие милые... такие забавные... пищат так смешно...

— Пищат они, потому что в уменьшенном формате находятся. Если бы вы повстречались с ними до заключения, ручаюсь, вам было бы не до смеха.

— А что они сделали-то?

Подбородок Кайлеана немедленно пошёл вверх, брови — вниз, руки скрестились на груди. Расшифровать позу индейского вождя оказалось несложно.

— А-а-а... Они не признали вашу власть... И когда они кричали «он первый начал», их никто не слушал, потому что вы — принц крови?

Кайлеан фыркнул.

— Первыми как раз начали они. Башня — собственность Короны, призраки захватили её неправомерно. С их стороны было бы разумным убраться вон. Тогда — исключительно по молодости лет — я бы это позволил. Но они предпочли пойти на конфликт и теперь пожинают плоды своего упрямства.

Почему же призраки не убрались, хотела спросить я, может, была причина? Но Кайлеан резко встал и пошёл к холодильнику за кофе, тем самым поставив отчётливую точку в разговоре.

Волшебный холодильник в Башне, кстати, вовсе не выглядел таковым, я называла его так скорее по привычке. Если б Кайлеан не подвёл меня вчера к скромному узкому буфетному шкафчику, стоявшему в нише у лифта, я искала бы его до второго пришествия. Минимализм устройства объяснялся тем, что в домах высшей аристократии пользоваться магическим синтезатором пищи считалось дурным тоном. Насколько я поняла, это приравнивалось к микроволновке на кухне миллионера. В ближайшее время в Башню должен был вернуться обслуживающий персонал, в том числе и повар, поскольку только пища естественного происхождения считалась достойной магов-королей. И лучшими поварами считались специалисты, не обладающие магическими способностями. На многое простолюдины не способны, но кулинарное чутьё у них развито бесподобно, пояснил Кайлеан.

Ага, а негры лучше всех поют блюз. Особенно, когда собирают хлопок на плантациях. Дело известное.

Вспоминая тот разговор, я рассеянно изучала фигуру Их Высочества, стоявшего спиной ко мне. Не то чтобы я не изучила её раньше... но ведь никогда не лишнее проверить, всё ли на месте? С фигурой по-прежнему было хорошо... даже очень хорошо... почувствовав, что мысли приобретают нежелательный оборот, я поспешно отвела глаза, скользнула взглядом по стенам, посмотрела на люстру-клетку и обомлела: светящееся

марево сложилось в абсолютно отчётливую фигуру — сжатый кулак с оттопыренным средним пальцем, обращённый, без сомнения, к спине Кайлеана.

Вот тебе и милые малыши!

Я с вытаращенными глазами беззвучно замахала на безумцев рукой. Кем бы они ни были, мне не хотелось, чтобы их развеяли пеплом по ветру.

— Данимира Андреевна, что-нибудь желаете к кофе? — спросил Кайлеан издали, стоя перед шкафчиком.

— Да, пожалуй... — с капризной ленцой произнесла я, продолжая махать и таращить глаза. — Что-нибудь такое... с местным колоритом, если можно...

Просьба задержала Их Высочество на несколько лишних секунд, во время которых предосудительная фигура успела трансформироваться в стилизованное сердце, метнуться в мою сторону, трижды просемафорить, увеличивая и уменьшая свои размеры, и распасться, прежде чем Кайлеан смог что-либо заметить.

Когда он повернулся, мелкое хулиганье как ни в чём не бывало зависало в воздухе, изображая ещё более глубокий коматоз.

Я перевела дух. Почему-то вспомнилось выражение «заводить шашни». Сейчас, конечно, случилось не полноценные шашни за спиной кое-кого, но нечто шашнеобразное — безусловно.

— Что? — спросил подошедший Кайлеан, испытующе глядя. Иногда его чуткость к изменениям в моём настроении просто пугала.

— Ничего, — сказала я, отвечая чрезвычайно правдивым взглядом, и поспешно воскликнула: — Ой, какая прелесть!

На возникшем передо мной блюде раскинулось озеро тёмно-красного крема, на котором были проведены борозды, символизирующие волны. По поверхности озера были раскиданы белоснежные цветы, напоминавшие лотос обилием остроконечных лепестков, собранных в изящную чашечку.

— Отламываете лепесток, зачерпываете им крем, всё вместе кладёте в рот.

Я поступила так, как советовал Кайлеан, и зажмурилась от удовольствия. Лепестки хрустели, крем таял во рту.

— М-м-м-м... А что это?

— Это окка, растение такое, в горных ущельях растёт. Цветы долгое время выдерживаются в особом сиропе, чтобы сохранилась форма. Крем готовится из перетёртой сердцевины молодых стволов. Окка вроде кактуса, вся покрыта длинными прочными иглами, загнутыми на конце как рыболовные крючки, так что деликатес достаётся непросто.

— Вкусно! — похвалила я.

— К сожалению, это магическая синтетика, так что вкус не совсем тот. Жаль, окка цветёт только раз в несколько лет и хранению не подлежит. Но как только придёт срок, вам приготовят всё по-настоящему, и вы почувствуете разницу...

...Он оживлённо говорил что-то про особенности сбора цветов, и про то, что в детстве с нетерпением ждал сезона цветения окки... я бы с удовольствием послушала про детство Их Высочества, но звуки скользили где-то на периферии сознания. Из сказанного я вычленила некое тревожное ощущение: он полагает, что через несколько лет — когда зацветёт эта колючка — я по-прежнему буду в Эрмитании.

Я отодвинула блюдо, подловила окончание тирады про горные склоны в цвету и вставила:

— А когда вы собираетесь отправить меня домой?

Он осёкся и замолчал. Оживление на лице стремительно таяло, уступая место привычной замкнутости.

Наконец, Кайлеан сухо произнёс:

— Необходимые шаги предприняты. Теперь надо ждать.

— Сколько?

— Не могу точно сказать. Это не совсем от меня зависит.

— А от чего это зависит?

— От деятельности... некоторых людей. Прежде всего необходимо выяснить суть вашего дела. Придётся потерпеть.

Опять он включил командирский тон. Я набычилась.

— Суть моего дела может выясняться годами. Я что, должна сидеть в вашей Башне до старости? Приживалкой? — Я пожалела сразу же, в тот момент, когда открыла рот, но следующая фраза вырвалась сама по себе: — Может, мне ещё шлейф за вашей невестой нести?

Кайлеан уставился на меня с поднятыми бровями и тоже повысил голос:

— Что за чушь? Какой ещё шлейф? За какой невестой?

— За такой! С приданым!

Некоторое время мы сверлили друг друга взглядами.

Внезапно успокоившись, Кайлеан усмехнулся:

— Не рычите на меня, Данимира Андреевна.

Я пробормотала, тоже остывая:

— Это моя реплика, Кайлеан Георгиевич. Рычите обычно вы. Но я в самом деле хочу знать, когда попаду домой. Этот вопрос меня действительно беспокоит.

Он вздохнул, взял стул, поставил его рядом, сел — наклонившись ко мне, оказавшись очень близко, и взял мою руку в свои ладони. Это был весьма ловкий тактический ход с его стороны: моё сердце застучало чаще, а мысли смешались.

Кайлеан заговорил совсем другим тоном — спокойно, убедительно, с ноткой интимной дружелюбности — словом, так, как предписывается разговаривать с заупрямившимися психами:

— Неужели вы всерьёз полагаете, что странная история, произошедшая с вами, закончилась навсегда? Думаете, вернётесь домой и заживёте спокойной жизнью?

Я передёрнула плечом. Да, именно так я и думала. Или хотела думать.

Кайлеан тем временем продолжал:

— Сейчас вам удалось затеряться в неизвестности, но охота ещё не закончена. Вдали от родного мира, да ещё и под моей защитой, вам ничто не угрожает. Но едва вы перешагнёте границу Империи — риск удесятерится.

— Никто же точно не знает. Это только предположение. Лично я считаю, про меня уже давно забыли. Они же думают, что я кошка. Сидит себе кошка на помойке, ну и пусть сидит.

— Считайте это голосом интуиции. А она у меня неплохо развита. Для того, чтобы предположения переросли в уверенность, нужно больше информации. Этим я уже занялся. Прежде чем отправить вас домой, хочу точно знать, что происходит. — Он сжал мою руку сильнее и, заглядывая в глаза, сказал: — Данимира Андреевна, прошу вас, дайте мне время...

— Сколько? — покусав губы, спросила я. — Сколько вам нужно времени?

— Не мне — нам. Нам нужно полгода, — быстро сказал Кайлеан.

Кому это — нам? Мне, ему и его невесте со шлейфом?

— Полгода в Эрмитании?! — Я отняла свою руку у Кайлеана. — Вы с ума сошли, Ваше Высочество. Месяц. Через месяц вы переправляете меня обратно, и как только я доберусь до Оленегорска, можете считать, что я в безопасности.

— Не факт. А месяц — это вообще не срок. Пять — как минимум.

— Пять месяцев? Смеётесь? Два от силы.

— Четыре. Пожалуйста... — Он вновь завладел моей рукой и принялся большими пальцами поглаживать тыльную сторону кисти... с толку это сбивало ужасно. Потому что хотелось большего.

— Вы меня ещё за ушком почешите, — сказала я, сердясь на саму себя, и снова отнимая руку. — Отвлекающие манёвры вам не помогут. —

Мне очень хотелось домой, но Кайлеан так уверенно говорил про опасность, нависшую надо мной, что я поневоле прониклась его предчувствиями и дрогнула. — Моё последнее слово: три месяца и ни копейкой больше.

— Договорились.

Кайлеан произнёс это так поспешно, и во всём его облике проступило такое облегчение, что мне тут же стало понятно — он опасался худшего исхода. Надо было стоять на своём — месяц и точка. Но идти на попятный было поздно.

Уже в который раз появилось ощущение, что Кайлеан Георгиевич ведёт меня туда, куда ему надо, искусно создавая видимость, будто я сама принимаю решения.

Я нахмурилась:

— Мы пойдём когда-нибудь в ваше подземелье?

— Вы готовы?

— Давно уже.

— Тогда — идём. — Он потянул меня за руку и поднял со стула.

...Двери лифта открылись, и полоса света упала на каменные плиты, разрезав кромешную тьму. Тьма была такая густая, такая непроницаемо-чёрная, что мне, признаться, стало жутковато. Я мгновенно вообразила шеренгу скелетов, молчаливо стоящих сразу за границей света, и даже посмотрела на пол — не выступают ли костяные фаланги тех, кто подошёл слишком близко.

Но Кайлеан шагнул вперёд, щёлкнул пальцами, и пламя факелов, укреплённых на могучих колоннах, что поддерживали свод, неясно осветило длинный просторный зал с чередой дверей. И никаких скелетов.

— Тут много пустых помещений, — пояснил Кайлеан, увлекая меня вглубь. — Я пользуюсь лишь некоторыми.

Я с любопытством разглядывала двери, мимо которых мы шли: они были разными, но дверные ручки отсутствовали у всех. Вместо них в центр каждой был вмонтирован выпуклый чёрный камень, отполированный до шелковистого блеска.

— А что здесь? — спросила я, когда мы проходили мимо двери из тёмного зеленовато-коричневого стекла. В толще стекла золотыми рыбками плескались непонятные символы. Письмена угасали, на их месте тут же возникали новые.

— Офис, — коротко сказал Кайлеан. Мне показалось, что ему не хочется вдаваться в подробности, поэтому не стала спрашивать дальше,

хотя именно сейчас задалась вопросом, какого рода бизнесом занимается Их Высочество.

— А тут — лаборатория, — он указал на дверь с гладкой стальной поверхностью. Чёрный камень был встроен в центр какого-то вентиля, торчавшего посередине.

Возле следующей двери из неровных досок, соединённых между собой так грубо, что в дверном полотне образовались изрядные щели, Кайлеан задержался.

Сквозь щели пробивалось красное свечение и слышался гул.

Я тоже остановилась и прислушалась.

— Нам сюда?

Он отрицательно покачал головой, но продолжал смотреть на меня со странным выражением.

— А что там?

— Бассейн с лавой.

Подумав, я предположила:

— Для грешников, что ли?

С некоторой запинкой, будто ему смешно, но причину он озвучить не может, Кайлеан сказал:

— В некотором роде — наоборот... — Он, глядя на меня с тем же малопонятным насмешливым выражением и будто бы колеблясь, спросил: — Хотите посмотреть?

Я пожала плечами. А кто бы не хотел?

Он приложил руку к камню, дверь отворилась.

— Магическая биометрия, — сказал Кайлеан. — Никто, кроме меня, не сможет открыть. Настроено на мои пентаграммы.

Я опустила взгляд на запястье, вокруг которого была обвязана красная нить... Интересно, а что если... Некое не лишённое интереса предположение промелькнуло у меня в голове, но вернуться к нему я решила позже.

...Это действительно был бассейн с лавой — прямоугольный каменный резервуар, в котором беспокойно ворочалась и глухо охала густая раскалённая субстанция оранжево-красного цвета. На всякий случай схватившись за предплечье Кайлеана, я вытянула шею и заглянула вниз.

В лицо дохнуло жаром.

Кайлеан тоже глянул и произнёс неопределённое «Н-да-а-а...»

А потом добавил каким-то язвительным тоном:

— Смотрите-смотрите, Данимира Андреевна.

Наблюдать за огненными картинами можно было бесконечно. В

каменном котле плавилась перья Жар-птицы и расцветал папоротник; светлые и тёмные струи, длинные, как гривы сказочных лошадей, закручивались, сплетались и расплетались, исчезая, чтобы возникнуть вновь. Языки прозрачного пламени подобно бурунам пробегали по поверхности. То здесь, то там медленно надувались округлые пузыри и лопались вмиг, выстреливая в воздух багряными брызгами праздничного салюта...

Налюбовавшись, я отступила от края.

— Ну, теперь, если у меня совершенно случайно окажется Кольцо Всевластия, я знаю, куда его нести.

Почему-то эта мысль не показалась смешной Их Высочеству. Он чуть ли не застонал.

— О, нет-нет-нет... Так будет не всегда, надеюсь.

— А что не так?

— Всё! — объяснил Кайлеан. — Ну? Насмотрелись? Довольны?

Он произнёс это раздражённо, словно я в чём-то перед ним провинилась. Я подняла взгляд.

Оранжевые отблески скользили по его лицу, причудливо меняя выражение с насмешливого на печальное и обратно. Но вот угли, разгоравшиеся в остекленевших глазах, игрой света не были. Я уже начала немного разбираться в настроении Кайлеана и знала: красные огни в его глазах сигнализируют о переизбытке магии и приближающемся выбросе энергии в окружающее пространство. Когда Кайлеан творил волшебство, это являлось нормальным процессом, но сейчас это был явно не тот случай. Похоже, субстанция, плещущаяся в бассейне, каким-то образом взаимодействовала с королевским организмом и перенасытила его магией.

Я поспешно сказала:

— Жарко здесь. Пойдёмте, Кайлеан Георгиевич.

— Жарко!.. — повторил Кайлеан, уставившись на лаву, но не сдвинулся с места, и зрачки оставались красными.

— Ваше Высочество! — Я ухватила его за рукав и подёргала. — Пойдёмте!

Он послушался и повернулся, но его руки вдруг легли мне на плечи.

— Жарко! — снова сказал он, требовательно глядя мне в лицо, притягивая к себе и наклоняясь, и я поняла, что этот поцелуй будет совсем не таким, как у водопада.

Я ответила ему сразу, хоть и видела, что Кайлеан не в себе. Просто не нашла сил отказаться, несмотря на то, что знала — во имя нашего общего блага нельзя этого делать. И в то же время это было так правильно —

наконец-то запустить руки в его волосы, гладить его шею, плечи, спину, изучать его рот... задышаться, но не уступать первенства ни в чём... и продлевать, продлевать, продлевать короткое счастье.

Когда мы, наконец, оторвались друг от друга, Кайлеан хрипло пробормотал: — Уводите меня отсюда. Немедленно.

Он был прав, тысячу раз прав... и всё же... если бы он велел остаться — я бы осталась.

Я бросила последний взгляд на лаву — мне померещилось, что её уровень понизился, да и поверхность вроде успокоилась... Но сейчас было не до того. Взяв Кайлеана за руку, я потащила его к выходу. Он подчинился нехотя, всё время норовил ткнуться лицом мне в волосы, но всё-таки я вывела его вон.

После жаркого помещения, залитого багряным светом, в зале было живительно прохладно и темно. Кайлеан вначале слепо цеплялся за меня, но мне удалось отстранить его руки, и он утомился. Он прислонился лбом к стене и долго стоял так, тяжело дыша. Потом повернулся — уже прежний, сероглазый, и изрёк с болезненной гримасой — не мне, куда-то в пространство:

— Не надо было туда заходить.

Прозвучавшее сожаление больно, хоть и непоследовательно, кольнуло меня в сердце, и я, сделав безразличное лицо, сухо произнесла:

— Конечно, не надо было. Но мы никому не скажем и сами забудем... не так ли, Ваше Высочество?

...Вкус его губ всё ещё сохранялся на моих горевших губах — сама я ничего не собиралась забывать. Я собиралась завернуть это воспоминание в шёлковый платок и уложить на самое дно памяти. Но это было исключительно моим личным делом, невеста со шлейфом могла спать спокойно... по крайней мере так мне казалось сейчас.

Кайлеан покосился на меня и вновь отвёл взгляд. Я ожидала извинений: всё-таки обычно он был достаточно корректен и всегда извинялся, если считал, что перегнул палку. Но он оторвался от стены и так же сухо — как я до того — сказал:

— Пойдёмте. У нас дело впереди.

Вы не представляете, Ваше Высочество, как я рада этому обстоятельству, хотелось сказать мне, но я пошла за ним молча.

...Нужная дверь находилась в конце зала. Выглядела она так, будто ранее принадлежала готическому собору — высокая, с остроконечным завершением, с круглым цветным витражом-иллюминатором, изображавшим стилизованную розу. Сквозь витраж пробивался слабый

свет.

Кайлеан положил ладонь на чёрный камень, мы вошли.

Здесь под сводом плавали огоньки, такие же, как в люстре наверху, но их реакция на наше появление была совсем иной: зависнув на мгновение неподвижно, они всем скопом ринулись вниз и теперь клубились почти на уровне пола. Только один светлячок, крупный и яркий, поднялся до наших лиц.

— С возвращением, Ваше Высочество! — почтительно трепеща, пропищал он. — Мы приветствуем Вас и вашу прекрасную спутницу. Ждём распоряжений, рады будем выполнить.

Я хлопнула глазами. Вот это дрессировка... А мои-то, там, наверху, видать, действительно, крепкие орешки, с неожиданной гордостью подумала я.

— Леди Эммелин... — милостиво кивнул отрапортовавшему светлячку Кайлеан и продолжил, обращаясь ко всем: — Мне потребуется служба... но лишь от одного из вас.

Они тут же спикировали к ногам Их Высочества. Очевидно, с целью облобызать, да только лобызать было нечем.

— Вернее, услуга потребуется леди Данимире. Поэтому, — он усмехнулся, — мальчики налево, девочки направо.

С горестным писком большая часть светлячков откатилась к левой стене. Среди неупокоенных умертвий мужчин оказалось большинство. Наверное, женщины, и в земной жизни привыкшие мириться с обстоятельствами, легче переносили перемену участи.

Оставшиеся дамы зависли редким облачком.

— Леди Данимира — моя гостья, она иностранка и не знакома с нашим обиходом. Ей нужен кто-то, кто поможет на первых порах.

Теперь облачко ринулось к моим ногам, и мне стало неудобно за обкорнанный подол... однако, начинала складываться дурная тенденция: если мне предстояло знакомство, то я обязательно оказывалась не в лучшем виде.

Светлячки крутились вокруг меня, взволнованно пища. Вообще, происходившее напомнило мне давнюю сцену в питомнике фамильяров, когда из нескольких десятков котят я выбрала лучшего на свете...

Кайлеан нетерпеливо взмахнул рукой, огоньки примолкли, отлетели и выстроились перед нами полукругом.

— Теперь вольно, — скомандовал Кайлеан, и светлячки начали постепенно увеличиваться в размерах. Через минуту перед нами колыхалась дюжина призрачных женских фигур в полный человеческий

рост. — Выбирайте, — обратился он ко мне.

Я несколько растерянно разглядывала кандидатов.

Сверху они почти не просвечивали и примерно до пояса тоже были более-менее видны, а вот низ почти растворялся в воздухе. Ниспадающие прозрачные складки их длинных платьев красиво колыхались. Наверное, так же чудесно должно было колыхаться и моё бедное изуродованное платье...

Эммелин превратилась в седовласую даму, чьи резкие черты не смягчили ни старость, ни смерть. Её чёрные глаза были живыми и умными, и вообще с виду она была симпатичной... но, по правде, годилась мне в бабушки.

Остальные тоже выглядели чересчур взросло.

Почувствовав замешательство, я оробела. Старшая наставница — это, конечно, замечательно, но я бы предпочла кого-нибудь своих лет, того, кто расскажет мне сплетни и поведаст об этом мире, не чинясь и не приукрашивая действительность. Эммелин, например, явно принадлежала к партии Кайлеана — вряд ли она сообщит мне что-либо сверх угодного Их Высочеству.

Я в затруднении переводила взгляд с одной призрачной фигуры на другую. Может, они все были замечательными людьми... ну, в смысле, привидениями, но иметь рядом с собой классную руководительницу вместо подружки мне категорически не хотелось. Но как, не обидев никого, сказать об этом вслух?

И тут я кое-что заметила сквозь бледное колыхание. В дальнем углу комнаты маячил одинокий огонёк. Этот светлячок не присоединился ни к мужской компании, ни к женской, не кидался ни к чьим ногам, а мерцал себе тихонечко в отдалении.

— А это кто? — спросила я, указывая на отщепенца.

Кайлеан нахмурился — как же, кто-то не подчинился его командам, а седовласая дама сообщила с поклоном.

— Не обращайтесь внимания, Ваше Высочество и леди Данимира. Это Дрю, она не стоит вашего беспокойства.

— Дрю?.. — Кайлеан вопросительно приподнял бровь.

— Она простолюдинка. Затесалась к нам случайно. — Помедлив, Эммелин добавила, как-то очень тщательно выговаривая слова: — Мы зовём её Злюка Дрю.

— А можно на неё посмотреть? — спросила я, чувствуя себя довольно глупо: я просила показать мне душу, будто она была товаром, стоящим на дальней полке в магазине.

Кайлеан небрежно повёл указательным пальцем, и огонёк стремительно переместился ближе. Ещё одно движение — и он разросся до нормальных размеров.

Дрю оказалась молодой девушкой ненамного старше меня. У неё была короткая взъерошенная стрижка и нахальное смазливое личико с вздёрнутым носиком, напоминавшее мордочку французского бульдога. И она была в джинсах.

— Какие люди, и без охраны! — дерзко сказала Дрю, разглядывая нас без особого пиетета.

Я привстала на цыпочки и прошептала на ухо Кайлеану:

— Кайлеан Георгиевич, я выбираю Дрюку Злю.

Он в свою очередь наклонился и тоже сказал мне на ухо:

— Злюку Дрю. Исключено.

— Почему? — изумилась я в полный голос.

— Выйдем, Данимира Андреевна, — сказал Кайлеан.

Мы вернулись в большой зал.

Кайлеан захлопнул дверь и надменно произнёс:

— Она простолюдинка. Ни знания этикета, ни хороших манер. Чему она может научить?

— Я, между прочим, тоже простолюдинка. И что теперь?

— Вы-то? — Кайлеан усмехнулся.. — С чего вы взяли? У вас родители маги, и вы сами — ведьма. В Эрмитании такое происхождение означает принадлежность к аристократическому сословию. А у этой вашей Дрюки...

— Злюки.

— ...У этой девицы нет ни капли магического таланта. Она вообще неизвестно кто.

— Неизвестно кто? Так давайте узнаем.

Кайлеан закатил глаза.

— Какая разница...

— Всё равно, давайте узнаем.

Мы вернулись в обиталище привидений. Злюка Дрю колыхалась в отдалении, одна из призрачных дам горько рыдала, остальные её утешали.

— Что здесь произошло? — поинтересовался Кайлеан.

— Подумаешь, назвала её бледной немочью, — буркнула Дрю. — Я ж правду сказала.

Да-а-а, подумала я, зёрна истины придётся искать в куче хамства. Но это лучше, чем пустота в красивой обёртке.

Кайлеан произвёл знакомое движение пальцем и притянул Злюку Дрю ближе.

— Леди Данимира хочет задать тебе несколько вопросов. Отвечать ясно и чётко. И без выкрутасов. Понятно?

— Чего уж там не понять... — нехотя согласилась Дрю. С силой Кайлеана она, видимо, всё же считалась.

— Ты так молода... и уже привидение, — несколько косноязычно начала я, — что с тобой произошло?

Злюка шмыгнула носом.

— Так убили меня. Во цвете лет. Его брат и убил. — Она кивнула на Кайлеана. — Принц Химериан.

Я ахнула, непроизвольно прижав ладонь ко рту, в ужасе взглянула на Кайлеана и увидела, что тот переменялся в лице.

— Химериан, конечно, не подарок... — сказал он. — Но чтоб девиц убивать... обычно он с ними другое делает...

— Позвольте, Ваше Высочество, — выступила вперёд леди Эммелин, — это ложь, девица поплатилась за свою непомерную наглость!

— Ага. Слушайте её, она вам сейчас понараскажет. Бедную девушку каждый оклеветать мо...

Кайлеан сделал движение, будто застёгивал молнию, Дрю запнулась на полуслове и замолчала, сердито сверкая карими глазами.

— Рассказывайте, леди Эммелин.

— Совершенно безнравственная девчонка, — возмущённо начала леди Эммелин, — паршивая овца в стаде, так сказать. Она ведь родом из хорошей семьи, веками служившей династии Карагиллейнов. Отец Дрю — прекрасный дворецкий, специалист высокого класса. Ему рукоплескали, когда он подавал овсянку. К сожалению, пропал без вести, когда отправился в Гримпен инспектировать поля болотного овса. Из уважения к заслугам семьи Дрю взяли в штат королевской прислуги. Надо признать, поначалу она показала себя с хорошей стороны и быстро продвинулась по служебной лестнице — вошла в число горничных, которым была оказана честь следить за покоем принца Химериана...

Дрю задёргалась и яростно замычала, Кайлеан сотворил знак отмены.

— Свинарник убирать! — выпалила Дрю. — Принц, а носки по всем углам, — успела сообщить она, прежде чем Кайлеан вновь закрыл молнию.

— Вот, видите, какая? — осуждающе сказала леди Эммелин и продолжила: — Однажды Его Высочество принц Химериан оставил на своём письменном столе редкую и весьма опасную книгу заклинаний. Книга была защищена от чужих глаз мощными заклинаниями. А эта проныра неизвестно зачем сунула туда свой нос. Если бы она исполняла свои должностные обязанности надлежащим образом, то и по сей день

была бы жива и здорова. А так уже год с ней мучаемся. Ваше Высочество! Сил уже никаких нет! Избавьте! Упокойте вы уже эту Дрюку Злю... то есть Дрюку Зрю... — она беспомощно замолчала.

— Зрюку Дрю, — поправил Кайлеан и тоже осёкся.

— Глюку Зрю, — внесла свою лепту я. — Не надо её упокаивать. Отдайте её мне.

— Выйдем, — Кайлеан указал мне на дверь.

Мы снова вышли.

— Никогда! — рявкнул Кайлеан, едва за нами закрылась дверь с витражом, и скрестил руки на груди. — Зачем вам хамка-простолюдинка?

— Кайлеан Георгиевич! Они все слишком взрослые! Я их стесняюсь, мне некомфортно будет. А с ней мне будет весело...

— Воображаю это веселье, — холодно сказал Кайлеан. — Вам надо учиться хорошим манерам... и одеваться... и вообще... а чему она вас научит?

Я отметила, что мы оба не рискуем называть Дрю по имени — очевидно, опасаясь спонтанных трансформаций.

— Она почти моя ровесница, наверняка интересовалась модной одеждой. Работала во дворце, всякое видела — и кто что носит, и хорошие манеры. И она... свеженькая — ей как привидению всего год. А остальные тут с вашего отрочества сидят, что они понимают в современной моде? И кстати, я на ней джинсы увидела. Я тоже хочу. Мне не нужны ни платья, ни манеры.

Кайлеан помолчал, прошёлся передо мной туда-сюда, потом сказал:

— Через две недели бал. В честь моего возвращения. Вы должны там быть. Я официально представлю вас родителям и двору.

Я потеряла дар речи. А когда обрела, простонала «О, не-е-е-ет...»

— О да. Если не пойдёте — окажете неуважение Короне. И моим родителям лично.

— Вашим родителям? — горько усмехнулась я. — Да ваша мама сказала про меня, что всё ещё хуже, чем она думала!

Кайлеан снова помолчал, потом, как-то перекривившись, выговорил:

— Это она не про вас сказала.

— Да? А про кого же?

Он смотрел мне в глаза, склонив голову набок.

— Не понимаете?

Я бы не стала говорить, что всё было кристально ясно. Но, видимо, нечто внутри меня — не ум, это точно, — глубинную суть уловило. Потому что это нечто вдруг шагнуло к Кайлеану, по-кошачьи потёрлось щекой о его

плечо и каким-то мурлыкающим, с нежной хрипотцой голосом произнесло:

— Кайлеан... Георгиевич... Отда-а-айте мне Злюку Дрю... Ну, пожа-а-алуйста!..

Кайлеан прерывисто вздохнул.

— Очень подлый приёмчик, Данимира Андреевна, — сквозь зубы сказал он, — очень. — И даже глаза прикрыл, чтобы не видеть этой подлости.

— Знаю, — снова мурлыкнула я и, скользнув за спиной, потёрлась о его другое плечо. — Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожа-а-а-алуйста!

...Конечно, через пять минут я выходила из комнаты с привидениями, прижимая к груди подарочную коробочку. Коробочка была перевязана ленточкой, а внутри, злобно пища, метался огонёк и, судя по интонациям, костерил всех и вся на свете.

На пороге Кайлеан развернулся и, ласково улыбаясь, поведал притихшим светлячкам:

— Узнаю, кто первый додумался называть эту Дрю Злюкой — распылю на атомы!

Местом моего проживания Кайлеан определил пятый, последний этаж Башни. Мы поднялись туда сразу же из подземелья.

— Пустовато пока, — сказал он, — но это временно. Вы осмотритесь, подумайте, а там расскажете, каким хотите видеть свой дом, всё будет выполнено в точности с пожеланиями. А самое необходимое уже предоставлено.

Я не придавала особого значения его словам. Предоставлено так предоставлено. Никаких пожеланий у меня быть не могло — три месяца, конечно, большой срок, однако не настолько, чтобы требовать каких-то интерьерных изысков.

Да, вначале показалось, что на пятом этаже не только пустовато, но и странновато. Но вскоре мне даже понравилась необычность моего временного жилища, которое представляло собой широкую закольцованную галерею, опоясывающую Башню по периметру. Как выяснилось, перегородки здесь отсутствовали, поэтому можно было прогуляться по кругу и вернуться в исходную точку. Внутренняя стена галереи состояла из массивной каменной кладки, роль наружной играло панорамное стекло — сплошное от пола до наклонного потолка, обшитого крашенными в белый цвет досками.

Кайлеан подошёл к стеклу и позвал:

— Взгляните, Данимира Андреевна.

...Волшебная панорама, без сомнения, искупала все странности конфигурации нового жилья: прекрасный город лежал внизу драгоценностью в футляре из зелёного и голубого бархата. Не выпуская из рук коробочку с Дрю, как замороженная двинулась я вдоль стеклянной стены... потом оглянулась. Кайлеан стоял на прежнем месте и напряжённо глядел мне вслед. Кажется, он опасался моей реакции. Я решила, что даже если из необходимого будет одна продавленная раскладушка — что вряд ли, скажу, что всё устраивает. И пошла дальше.

Вскоре городской пейзаж сменился видом на горную гряду, на конце которой возвышался будоражащий воображение замок Карагиллейнов, затем за окном появились дикие горы — поросшие лесом, в туманной дымке... лес, лес, лес... и когда я завершала круг, вновь началось городское предместье, внизу запестрели разноцветные крыши домиков-игрушек.

Обойдя галерею кругом, я поняла, что на самом деле обширные

пустые места присутствовали здесь исключительно из-за масштабов помещения. Обставлять всё пространство имело смысл только в том случае, если бы здесь квартировало человек двадцать. А так... в той части, что выходила на горы, расположилась спальная зона с ванной, и там мне действительно предоставили самое необходимое. По представлениям Кайлеана Георгиевича мне были совершенно необходимы полста квадратных метров шелковистого бледно-лилового ковра, на котором красовалась такая же крайне необходимая кровать принцессы — из дерева цвета слоновой кости, с высокой простёганной спинкой и лёгкими складками газового балдахина того же оттенка, что и ковёр. Но больше всего меня поразило то, что по каменной кладке вокруг кровати распластались плетистые розы, густо усыпанные цветами. Они романтическим вензелем обрамляли сказочное ложе.

Я подошла и потрогала листву, затем понюхала один из цветков. Пахло розой, и листья казались на ощупь настоящими, и шипы кололись как положено, но побеги вырастали прямо из стены... я так и не смогла определить, то ли это сплошь высококлассная иллюзия, то ли реальные растения были зачарованы опытным магом.

Да, кровать действительно перенеслась сюда из сказки. Оставалось только прилечь на неё и заснуть лет на сто, а колючие розы будут расти, расти, пока не заплетут все входы и выходы...

Прочая мебель тоже была светлая, изящная, с резьбой и матовым золочением — туалетный столик с ящичками и овальным зеркалом, пара комодов. На столах стояли высокие настольные лампы с плиссированными абажурами; с потолка в ряд спускались несколько люстр — разноцветное стекло повторяло сплетение розовых ветвей. У окна мне поставили низкий стол и кресла, а вид на горы скрывала занавесь из лёгких сиренево-зелёных полотен с цветочным рисунком.

Ещё с каждой стороны располагалось по зеркальному шкафу, и пространство перед шкафами было уставлено пакетами и коробками — видимо, пока мы посещали подземелье, был доставлен обещанный гардероб.

Принца Кайлеана можно было обвинять в чём угодно, кроме скупости. Навскидку, этой одежды должно было хватить до конца жизни, и по этому поводу я испытывала двойственные чувства. Прежняя Даня ощущала некоторую неловкость от подобной расточительности, новая же часть моей души требовала немедленно ринуться к пакетам, извлечь оттуда всё до последней тряпки и устроить грандиозную гала-примерку.

Я вернулась к Кайлеану, он стоял на том же месте и смотрел на город.

— Что здесь было раньше? — спросила я, когда он повернулся.

— Открытая смотровая площадка.

— Такая большая?

— С посадочными местами для молодняка. Малышам надо часто отдыхать.

Какая экзотика! Даже представить не могла, что буду жить на драконьей смотровой площадке.

— Спасибо, Ваше Высочество, я в восхищении. Особенно от панорамы... ну, и вообще всё замечательно. И ещё розы очень понравились.

Кайлеан заинтересовался:

— Вам нравятся цветы?

Я взглянула на него с некоторым недоумением. Королева-мать считала, что у её младшего сына было множество романов. Что же у него были за отношения?

— Само собой. Всем женщинам нравятся цветы... за редким исключением. Вы разве этого не знаете?

Кайлеан равнодушно пожал плечами:

— Мне без надобности... было.

Воцарилось неловкое молчание. Чтобы его нарушить, я произнесла:

— В общем, мне больше ничего не надо. Большое спасибо за всё.

— Уверены? — Его тон был скептическим.

— Впрочем... если настаиваете... одной нужной вещи я не обнаружила.

Кайлеан нахмурился.

— Я ведь дал ясные указания обеспечить вас всем необходимым. Что за вещь?

— Настенный календарь. Знаете, такой, из бумаги. Сверху симпатичная картинка, внизу числа.

Их Высочеству сразу стало скучно. Он с трудом сдержал зевок и нехотя уронил:

— Велите вашей прислуге, пусть займётся. Давайте её сюда, кстати. — Он протянул руку. — Мне надо произвести кое-какие манипуляции...

— Что значит «манипуляции»? — Я прижала коробочку к груди.

— Я собираюсь вернуть ей власть над материальными предметами. Иначе как она сможет вам прислуживать, если предметы сквозь неё будут проходить?

— А, точно. Тогда ладно. Но я сама её выпущу.

Я бережно поставила коробочку на стол и развязала ленту. Дрю

вылетела как пчела из разорённого улья и зажужжала что-то нечленораздельное. Кайлеан поднял руку и без особого энтузиазма начертил в воздухе знак. Огонёк разросся до призрачной фигуры, а жужжание превратилось в речь.

— ...хватают и тащат! Можно хотя бы после смерти спокойно отдохнуть?! Я не нанималась в вечные прислуги!

— Не отдохнула ещё? — обманчиво участливым голосом поинтересовался Кайлеан. — Отправить обратно отдыхать?

— Нет! — в испуге воскликнула я.

— Нет, — одновременно со мной буркнула Дрю. — Но всё равно!

— Леди Данимира, — церемонно обратился ко мне Кайлеан, — сейчас я подготовлю вашу протезе к служению...

Дрю прокомментировала — вроде себе под нос, но при этом переместившись ко мне поближе:

— Ага, подготовит он! Оттяпает бедной девушке половину мозгов...

— Эхм! — прокашлялась я, — Ваше Высочество... вы же не собираетесь ничего... э-э-э... оттяпывать бедной девушке? Мне бы не хотелось...

— Не волнуйтесь, нечего там оттяпывать, — отрезал Кайлеан. — Леди Данимира, оставайтесь на месте и сохраняйте спокойствие, а ты... — он коротко поманил Дрю пальцем, — за мной!

Дрю поплыла за ним как воздушный шарик на верёвочке.

Кайлеан отошёл подальше и, мельком глянув в мою сторону, очертил круг над головой. Еле видимая, чуть поблескивающая завеса возникла, отсекая звук: их было видно, но не слышно.

С тревогой я следила, как Кайлеан с недобрым видом что-то втолковывает Дрю. Видимо, аргументы были весомыми, поскольку Дрю только кивала как китайский болванчик. Но потом она всё-таки что-то произнесла — надо думать, в соответствующем стиле, поскольку Кайлеан немедленно привычным жестом заткнул ей рот и продолжил свою речь с ещё более хмурым выражением.

Закончив внушение, он сцепил пальцы перед собой и размял их, постоял с закрытыми глазами, а когда открыл, красные угли в зрачках уже разгорелись во всю. Он запрокинул голову, воздел руки вверх и начал произносить заклинание.

В галерее потемнело, сырой могильный холод потянулся из невидимых щелей. Ноги начали леденеть, но мне было не до этого: я, затаив дыхание, наблюдала, как начали удлиняться короткие волосы Кайлеана — за считанные минуты они отросли почти до пола и зазмеились,

а сгустившийся чёрный туман за его спиной трепетал не то плащом на ветру, не то распахнутыми крыльями.

Впервые я видела акт запрещённой на моей родине некромантии... ведь бедняжка Дрю, при всей живости характера, была уже год как мертва. Сейчас она безвольно колыхалась в магическом воздушном потоке, чем-то напоминая забытое в грозу бельё на верёвке, и я отчасти чувствовала облегчение оттого, что не вижу её лица.

...Кончики пальцев Кайлеана засветились, с них начали слетать тускло светящиеся серо-голубые шары — резервуары для энергии. Шары плавно поднимались под потолок, а когда их накопилось столько, что в совокупности они стали напоминать кучевое облако, ворожба перешла в решающую стадию. Из голубого облака в тело Дрю стали бить молнии. Впиваясь одна за другой в призрачную плоть, они постепенно насыщали его некромагией.

Звуконепроницаемая завеса не позволила грому раскатиться по галерее, но вспышки сверкали одна за другой. В этом холодном мерцающем свете я видела, как в теле Дрю начинают возникать линии человеческого скелета. Вначале они проявлялись лишь намёком — при особо яркой вспышке, потом очертания сгустились, и косточки все до одной были хорошо видны. Выглядело жутковато, особенно если предположить, что так теперь будет всегда, но я заставила себя думать о том, что — как помнилось из уроков биологии — у нас, представителей отряда хордовых, у всех есть скелет, а у некоторых он и вовсе снаружи. Так что, скелет — дело житейское, что естественно — то не безобразно, у каждого свои недостатки и так далее...

Закончилось всё такой ослепительной вспышкой, что поневоле я зажмурилась, а когда открыла глаза, то с облегчением поняла, что привыкать к прислуживающему скелету мне не придётся — участники магического действия обрели прежнюю внешность — и Кайлеан, и Дрю. Однако Дрю была непривычно молчалива, и вид у неё был немного одуревший.

— Ну, как ты, Дрю? — робко спросила я. — Как самочувствие?

— Благодарю вас, прекрасная леди, — прошелестела Дрю, — моё самочувствие превосходно...

— Вы всё-таки что-то ей оттяпали! — воскликнула я, гневно уставившись на Кайлеана.

Кайлеан отмахнулся:

— Ничего с ней не сделалось, оклемается. — И тут же ревниво спросил: — А моё самочувствие вас, значит, не интересует?

Я смутилась. Действительно, ведь ему тоже досталось. Провести такой ритуал, должно быть, нешуточное дело.

— Простите... Просто я привыкла к тому, что вы... сильный, а Дрю — слабая девочка.

— На этой слабой девочке воду можно возить, — холодно сообщил Кайлеан. — Причём теперь в прямом смысле. По меркам вашего мира она теперь грузовик поднять может.

— Готова служить, прекрасный принц, — вытянулась в струнку Дрю. Голос её по-прежнему шелестел. — Где вёдра, где грузовик?

Я опять гневно взглянула на Кайлеана.

— Придуривается, — поспешил сказать он. — Вообще, советую поменьше обращать внимание на слуг. Они должны безукоризненно выполнять ваши распоряжения и только. Учитесь повелевать, леди Данимира. И не только слугами.

— А кем ещё?

— Миром. Мир должен лежать у ваших ног.

— Как он лежит у ваших? — усмехнулась я.

— Да, — ответил он без улыбки.

Странный оборот принял наш разговор. Я опустила взгляд, чтобы Кайлеан не прочёл в моих глазах очевидное: единственный человек, кем мне хочется управлять — это он сам. Я недавно попробовала, у меня получилось, и мне понравилось. Очень. Очень-очень-очень. Власть над принцем Кайлеаном оказалась такой сладкой, такой хмельной, что при одном воспоминании голова начала кружиться, а колени — слабеть.

— Подумайте над моими словами, леди Данимира. А пока оставляю вас. Вечером увидимся. Между делом решите, какие места в Эрмитании вам хотелось бы посетить в первую очередь.

— Новый драконятник! — выпалила я тут же. — И главную библиотеку! То есть наоборот. Сначала библиотеку, потом драконятник. Или драконятник сначала. Как вам удобнее.

— Для драконятника я ещё не в форме, — непонятно сказал Кайлеан. — Драконятник — позже. Сначала будет библиотека. Ещё вам необходимо платье для бала. Я доставлю вас к портному, лучшему в королевстве. Он создаёт наряды для моей матери. Платье, которое на вас, — его творение. И остальное, что вам доставили, тоже его.

Меня осенило.

— Вы часто заказываете девушкам наряды у портного своей матери?

Он помедлил.

— ...Нет. Первый раз.

— Тогда этот лучший портной вас и сдал. Их Величество примчались посмотреть на «одного человека», для которого вы заказали тонну дамских нарядов.

— Развею по ветру, — сквозь зубы пообещал Кайлеан.

— Любимого портного вашей мамы? За две недели до бала? Только если хотите, чтобы вас тоже развеяли по ветру.

— Пожалуй, вы правы. Пусть живёт. Но ваше платье будет самым красивым...

— ...и тогда по ветру развеют меня.

Кайлеан хмыкнул, ещё раз попрощался и ушёл — как обычный человек, шагнув в лифт. Мы остались с Дрю наедине.

Она парила передо мной со скорбным лицом, я чувствовала себя гнусной рабовладелицей.

С чего-то надо было начинать. Возможно, какое-то совместное занятие могло растопить лёд.

— Не хочешь ли помочь разобрать вещи, Дрю?

— Слушаюсь и повинуюсь, леди Данимира...

Сказано было кротко. Елейно кротко. Я прищурилась. Похоже, насчёт самочувствия Дрю Кайлеан был прав.

Я вздохнула.

— Слушай, Дрю. Понимаю, что разбирать чужую одежду — не самое весёлое занятие. Но по моим представлениям, это лучше, чем сидеть в подземелье, изводя соседей насмешками. Всем нам время от времени приходится делать не то, что хочется. Такова жизнь... — Дрю шмыгнула носом, я смешалась и поправилась: — Такова реальность.

Она безмолвствовала, зависнув в воздухе бездушной голограммой, стеклянный взгляд был устремлён куда-то за моё плечо.

— Ладно, — снова вздохнула я, — пойдём. Повисишь где-нибудь в сторонке, а я уж как-нибудь сама... Не бойся, Его Высочество об этом не узнает.

Дрю слабо шевельнулась.

— Ни в коем случае, мадам, — прошелестела она, — как можно... Моё призвание — служить вам, мадам...

— А вот с «мадам» — это уже перебор! И призвание себе другое подбери.

Вздёрнув подбородок (совсем в кайлеановском стиле), я решительно обогнула Дрю и направилась напрямик к цели — к заветным пакетам. Моё намерение приобщиться к прекрасному было негибким, а всякие дрюки-злюки пусть делают что хотят.

Я шла, не оборачиваясь, но ощущала холодное дыхание-дуновение на своём затылке, а когда показалась гора упаковок, за спиной раздался удивлённый посвист.

— Вот это да-а-а... — произнесла Дрю уже своим нормальным голосом. — Сколько шмотья!

— Э-э-э... да, одежды много, — согласилась я, обозревая поле предстоящей битвы за порядок. — С той стороны ещё столько же. Поэтому я и просила помочь. К тому же ваша эрмитанская жизнь для меня — тёмный лес. Надеюсь, ты просветишь меня в некоторых вопросах.

— Надейтесь, — сказала Дрю.

Она подлетела к шкафу, распахнула все его двери, сняла со штанги вешалку и достала из ближайшего пакета нечто, похожее на объёмистый сгусток серого тумана. В ловких руках Дрю туманное нечто превратилось в нечто длинное и тут же очутилось на вешалке, а вешалка отправилась в шкаф. Всё произошло с такой скоростью, что я запоздало воскликнула «Стой!», когда Дрю уже извлекала из другого пакета следующую одежду — напротив, блистающую всеми цветами радуги.

Дрю остановилась и вопрошающе взглянула.

— Ой, а что это там было? То, первое, серенькое такое. Можно поглядеть?

— Да пожалуйста. Но эдак, с поглядками, до вечера не управимся. — Она вернулась ко мне с серым платьем, и я бережно приняла в руки невесомую материю — дым, туман, небо над Финским заливом....

— Ну и пусть, — сказала я. — Мне тут ещё три месяца сидеть. Днём больше, днём меньше, всё равно разберём когда-нибудь. Просто я никогда не видела ничего подобного... надо мерить!

— Тогда подождите, тут ещё и шляпа к нему имеется.

...Я поглядывала в зеркало слегка смущённо. Такие широкие поля у шляпы я видела только на картинках — сзади они почти ложились на лопатки. Но смущало не это. Дымчато-серые складки держались на плечах просто чудом, а декольте было — ну просто на грани. Равно как и вырез на спине. Вообще, всё выглядело так, будто на меня просто накинули отрез ткани, небрежно задрапировали, кое-где так же небрежно скололи невидимыми булавками и — совершенно ненароком, практически волею случая — получился идеальный наряд. Но стоит только шевельнуться — волшебство исчезнет, ткань соскользнёт вниз, и я останусь в одной шляпе... учитывая ранние казусы, я была уверена, что именно так и произойдёт.

— К глазам очень хорошо, — одобрила Дрю. — Хотя кто при таком

фасоне на ваши глаза будет смотреть — не знаю...

— А оно не упадёт?

— Вы походите, — посоветовала Дрю, — можете даже попрыгать. Всё будет держаться, вот увидите.

Прыгать я не стала, но, пройдясь вдоль зеркал осмелела настолько, что даже покружилась. Драпировка колыхалась, но её положение оставалось неизменным — ничего никуда не спадало, в стороны не съезжало, нараспашку не распахивалось.

— Действительно, вроде всё должно развалиться, а держится, — сказала я. — Потрясающе. Поэзия, а не платье. Просто навевает... — я прочла: — Серые глаза — рассвет, пароходная сирена, дождь, разлука, серый след за винтом бегущей пены... Но ты это платье повесь в тот, правый шкаф. Я его носить не буду. Слишком... — я поискала слова, — провоцирующее. Цвет такой сдержанный, целомудренный, а покрой — наоборот... Опасное сочетание.

— Так это же то, что вам нужно, — убеждённо сказала Дрю. — У вас через три месяца договор заканчивается? Так вы эту опасную поэзию вечером оденьте — без шляпы, конечно, и перед принцем туда-сюда пройдитесь, он точно договор продлит. Хотя... — она задумалась, — понятно, что и так продлит. Какие три месяца... Он на вас так смотрит, когда вы не видите...

Я постояла, подумала.

— Может, давай на «ты»?

В зеркале отразилось, как Дрю вздрогнула.

— Нет уж. Его Высочество особо подчеркнул — к вам надо обращаться уважительно — «леди Данимира» и на «вы».

Как Кайлеан Георгиевич умеет «особо подчёркивать» — это я хорошо представляла.

— Но в отсутствии Его Высочества мы можем нормально общаться.

— Нетушки. А вдруг я забуду и при нём «ты» скажу? Это с вами он носится. А мне мало не покажется.

На это мне нечего было возразить. Я сама была такая. Непременно оговорила бы.

— А что за договор? — спросила я после паузы, как бы между прочим.

— Обычный, кровью подписанный. Насчёт того, чтобы всё забыть.

— Так. Дрю, бросай всё, иди сюда. — Я прошла и села в кресло у окна. Когда Дрю подлетела, я указала ей на кресло напротив. — Садись.

— Мне-то зачем?

— Садись.

Дрю закатила глаза, но мягкую посадку в кресло изобразила.

— Вот с этого места поподробнее. Что за договор?

— А вы разве не подписывали?

— Ничего я не подписывала. И понятия не имею, о чём речь. Я иностранка. И просто гостя Его Высочества.

Дрю нахмурилась:

— Может, мне не стоит тогда говорить об этом? Принц Кайлеан велел попусту язык не распускать.

— Это не попусту. Он же говорил, что мне нужно освоиться?

— Говорил. Но про договор — это неофициально. Просто все знают.

— Когда все знают — это, считай, народная традиция. А ты должна мне помочь освоиться с вашими обычаями. Так что все знают?

Дрю, видимо, и самой не терпелось поделиться сведениями, потому что ломаться она не стала, а сразу же заговорила:

— Девушки Карагиллейнов — которые не невесты-принцессы, а так... просто девушки... — договор специальный подписывают, в котором соглашаются на тайные встречи, и на то, что по окончании отношений всё забудут. Не всё, конечно, забудут, а только про роман с кем-то из королевской семьи. На них заклинание специальное накладывается. Надоело Карагиллейну, он щёлкает пальцами... и всё — всем спасибо, все свободны. Ни страданий, ни скандалов.

Некоторое время я сидела с задранными вверх бровями и осмысливала информацию.

— Девушки Карагиллейнов... — пробормотала я наконец. — Это же девушки Джеймса Бонда какие-то. В каждой серии — новая девушка... куда старая делась — бог весть. Но тогда откуда это всё известно, если встречи тайные, и всё позабыто?

— Народ просто так говорить не будет.

— Железный аргумент. Погоди... а если дети... вдруг? «Ой, откуда здесь взялся этот прелестный кудрявый мальчик? Наверное, в магазине подбросили...» Так, что ли?

— Да нет, они же высшие маги. У них дети просто так не появляются. Вон, Его Величество Георгиан Второй один раз промахнулся — и ничего хорошего из этого не вышло.

— А что плохого вышло?

— Как что — принц Химериан. Вы и этого не знали?

— Ты хочешь сказать, что принц Химериан...

— Ну да, бастард. Он хоть и воспитывался как королевский сын, но принц-то он не настоящий, ритуал брака с его матерью проведён не был.

Вот он и завидует вашему... как у принца Кайлеана что-то появится, так принцу Химериану того же надобно...

— А-а-а... тогда, наверное, я кое-что начинаю понимать...

И я рассказала Дрю о визите королевы в Башню — усечённую версию, разумеется.

— Он, Химериан, стоял ведь как каменный истукан, а как эта противная Луссия начала верещать про то, как я «на груди сына кесарева возлежала», так сразу востропел, интерес проявил. Но дело было совсем в другом. Я тогда кошкой была (потом тебе расскажу), вот и возлежала.

Дрю посмотрела на меня, как на неразумное дитя, лепечущее глупости, и произнесла:

— И ничего-то вы не знаете! Лусс вовсе не противная. Она не злая, да и не маг почти. Только и есть магии, что эти припадки. Мы, слуги, её очень даже жалели. Ей замуж хочется, семью, а на неё иногда как накатит прямо при народе... вид страшный, кто с такой связываться будет? А годы идут! И про то, как вы были кошкой, мне очень хочется послушать, только это здесь совсем не при чём. Лусс прошлого не видит, она предсказывает будущее. Просто говорит в прошедшем времени, потому что в момент пророчества видит будущее как уже произошедшее.

— А-а-а-а... — протянула я, вспоминая мечтательную улыбку Кайлеана. — Теперь понятно...

Дрю истолковала мои слова по-своему.

— Ну да. Химериан ведь тоже сын кесарев. У него тоже шансы есть.

— Нет у него никаких шансов! — По-моему, я даже зубами лязгнула.

— Я-то понимаю... Вы ведь тоже на принца Кайлеана смотрите да облизываетесь. Но его брата это может, наоборот, раззадорить.

Что там может раззадорить братца Хима меня не волновало совершенно. Я упавшим голосом спросила:

— Что, так заметно?..

— Заметно.

Я понурилась. Плохо дело. Как говорил Чудовище, «плохо-плохо-плохо»... Видно, правду говорят, что сердцу не прикажешь.

— Напрасно вы так расстраиваетесь, — Дрю снова истолковала по-своему мою печаль. — Принц Кайлеан тоже крепко на вас запал. Он подпишет договор, не сомневайтесь. И не на три месяца. Намилуетесь вволю, а потом и страдать не будете.

Я вскочила, чуть не опрокинув стол, и выпрямилась, будто проглотила шест.

Испуганная Дрю взмыла вверх и распласталась по потолку.

— Принц Кайлеан никогда не предложит мне этого паршивого договора! — Я не узнавала собственный голос от звеневшего в нём льда. — Мне плевать, заключал он с кем-нибудь такие договора на самом деле или это эрмитанские народные фантазии, но мне он об этом даже не заикнётся!

Внезапно усилившийся запах роз отрезвил меня. Я глубоко вдохнула и выдохнула несколько раз.

— Ого, — сказала Дрю с потолка, — ничего себе!.. А с виду невинная овечка. Ну у вас и амбиции... Я чего-то не поняла... вы что ж, мечтаете, чтоб Кайлеан Карагиллейн Третий вас замуж позвал?!

Осев обратно в кресло, я скривила губы, будто съела что-то горькое, и заговорила — не столько для Дрю, сколько для самой себя. Мне надо было сформулировать и произнести вслух то, что мучило меня давно.

— Как я могу об этом мечтать? Мне нечего дать Их Высочеству. Он рождён, чтобы быть королём, а у меня нет королевства. Да и хорошо, что нет. Можно сказать, повезло: ни за что не хотелось бы стать приложением к экономическим благам. — Мои губы кривились всё больше и больше. — И спустись вниз, пожалуйста. Ты сейчас похожа на персонаж из японского фильма ужасов.

— А вы не вопите тогда как раненый дракон! И рыдать не вздумайте, — сказала Дрю, отлепилась от потолка и опустилась на прежнее место, — принц заметит — меня развоплотит, не вас. Значит, замуж мы не можем, в любовницы не желаем. Положеньице! И что теперь?

— Я тихо-тихо пересижу эти проклятые три месяца и тихо-тихо вернусь домой. И если я выпутаюсь из одной сложной истории... то дальше я уж как-нибудь... Учиться буду — мне же нравилось учиться!.. Волонтёром куда-нибудь устроюсь... туда, где потяжелей... Я его и так... з-з-забуду... — я всё-таки пустила слезу, — безо всяких догово-о-о-ов...

Послушав некоторое время как я давлюсь всхлипами, Дрю спросила:

— Леди Данимира, вы ведь натуральная блондинка?

Я сразу поняла, что её вопрос не имеет отношения к цвету моих волос, но, проглотив слёзы, ответила:

— Да, а что?

— А то! У мужика лава из ушей уже лезет, она домой собралась. Щас! Слёзы сразу куда-то делись.

— Ка... какая лава?

Дрю снисходительно вздохнула и заговорила голосом народной сказительницы:

— Слушайте. Ваш-то, ещё не родился, а уж многие маги заговорили, что грядёт колдун великой силы. Принц Кайлеан только-только говорить

научился, как все воочию в том убедились: малое дитя чуть напрочь столицу не угробило. Как начал младший принц силушку испытывать, так казна едва не опустела. Король Георгиан замаялся извиняться, компенсации выплачивать, да разрушенное восстанавливать. То Его Высочество вулкан соорудит, то чудищ со дна реки призовёт, то дворец подожжёт, то ещё какую каверзу замыслит. А уж покойникам и вовсе никакого упокоя не стало, зомби по улицам бродили как ни в чём не бывало. Сильнее некроманта, чем ваш принц, в Эрмитании ещё не рождалось. В общем, никакого сладу с ним не было, пока не догадались магистра Мерлина призвать...

Точно, озарило вдруг меня. Мерлин! Вот кто сможет помочь... или хотя бы прояснить моё положение... если захочет, конечно. Потому что на «мур-мур-мур» его не возьмёшь...

— Леди Данимира, вы слушаете?

— А, да! Так что там про лаву?

— Сначала магистр принцу няню нашёл, которая с ним совладать сумела...

— Это я знаю, няню Мелиссу.

— Святая женщина, хоть и крыса. А уж после сотворил он магический колодец для сброса лишней энергии и обучил принца обращать эту энергию в лаву подземную.

Я наострила ушки.

— Где-где этот колодец?

— Да здесь же, в Башне. Мерлин сказал, мол, чего зря добру пропадать, пусть принцева лишняя дурь драконятник обогревает, её надолго хватит.

И вовсе не колодец, а целый бассейн, подумала я. Но вслух спросила:

— А причём здесь лава из ушей?

— Слушайте дальше. Шли годы, младший принц постепенно научился своей силой управлять и не тратить её попусту, драконы мёрзнуть начали. Но тут и драконятник новый за городом построили. Однако стукнуло принцу не то тринадцать, не то четырнадцать годков — колодец вновь лавой начал заполняться, но теперь уже по другому поводу.

— По какому?

Дрю смотрела на меня, иронически улыбаясь.

— Ну сами подумайте, какая-такая лишняя энергия может быть у неловкого стеснительного мальчика-подростка?

Я похлопала глазами.

— А кто у нас неловкий стеснительный мальчик?.. А-а!.. А-а-а-а...

— Ну дак! Потом-то, конечно, всё в норму вошло, на дне булькало, да и только. Иногда, говорят, и пересыхало вовсе. А ныне, как Его Высочество из дальних странствий возвратился, опять всё забурлило, да так, как ещё не бывало! С нами в подвале один тип сидел, чувствительный к магии, он сразу сказал: дамы и господа, валить нам надо отсюда по-срочному, пока принц со своей недотрогой разберётся, зальёт нас к чёртовой матери... Извините, леди Данимира, это он про чёртову мать сказал, не я.

Я проямлила:

— Я не недотрога... У меня обстоятельства.

— Да мне-то что, — весело сказала Дрю. — Только насчёт трёх месяцев — это вы забудьте. У мужика лава из ушей... а, это я уже говорила... В общем, не совсем лава и не совсем из ушей, поэтому никто никуда вас не отпустит.

— Всё, не хочу больше ничего слышать! — Я встала и вышла из-за стола. — Кайлеан не такой!.. В смысле, Его Высочество не такой. Ты его не знаешь, он благородный человек... он не ушами думает! Всё, хватит на сегодня открытий, от них уже волосы дыбом стоят. Надо отвлечься, давай одежду разбирать. — От избытка ошеломляющей информации меня уже немного потряхивало.

Дрю тоже вылетела из кресла.

— Давайте разбирать. И не переживайте, принц это принц, у него и в любовницах походить не зазорно. А уж он вам всё даст, что ни попросите. А учиться захотите — можете в нашу Академию поступить. Вы же магичка.

— Да нет, Дрю, ваша Академия мне заказана, — сказала я, удивляясь тому, что могу спокойно обсуждать эту перспективу. — У меня уровень не тот, на моей родине по-другому к магии относятся.

— А родственные связи на что? — удивилась Дрю. — Вам помогут.

Я молча смотрела на Дрю, подозревая, что сейчас меня настигнет ещё одно откровение.

— Принц Химериан... он же ректором там...

Давно я так не смеялась — лишь умолкала и начинала хохотать снова.

— А как же! — сказала я, отсмеявшись наконец и вытерев выступившие слёзы. — Это же на поверхности лежало! Ну куда можно податься с такой внешностью и с таким характером — только в ректоры Магической Академии, куда ж ещё?!

...Мой изначальный план был хорош: сейчас мы, не особо вдаваясь в подробности, уберём всё по шкафам, чтобы освободить пространство и

придать моему жилью пристойный вид, а уж потом потихонечку, день за днём, можно будет примерять наиболее приглянувшееся. План был прост, кристально ясен, принадлежал разумному рациональному человеку и испарился без следа минут примерно за пять. Каждый последующий наряд, извлечённый из пакета, заставлял меня пищать от восторга, и я мерила, мерила, мерила. В результате операция затянулась до позднего вечера; когда всё было закончено, я, даже не спускаясь к ужину, забралась в постель и забылась беспокойным сном.

Во сне я снова пыталась догнать Чудовище, и вновь он уходил от меня вдаль. Я бежала, но вязла в бескрайних барханах бархата, скользила по бесконечным шёлковым дорогам и тонула в морях из пенных кружев.

Утром меня разбудила Дрю.

— Леди Данимира, вставайте, Его Высочество ждёт вас к завтраку. С утра у вас запланировано посещение Карагиллейновской библиотеки, днём — визит к королевскому портному.

— У королевского портного меня стошнит, — мрачно сообщила я, садясь в постели и берясь за голову. — Я вчера перемерила. Надо было остановиться на первых трёх платьях. Почему ты меня не остановила?

— Вас остановишь! Кто говорил «последнее платье — и всё», «одежда это просто одежда, я брошу мерить в любой момент»? Ничего, потерпите. На королевском балу вам положено выглядеть достойно.

— По-моему, вся моя одежда выглядит более чем достойно. У себя дома я могла бы пойти на вечеринку даже в этой ночной сорочке, — я натянула тонкую ткань. — Ты только посмотри, какая вышивка! Чехол поддеть, в талии поясом стянуть — никто и не догадается, что в этом спят.

— Не капризничайте. Королевский бал не какая-то вечеринка. Это большая ответственность — быть спутницей принца. Все будут на вас смотреть, а потом обсуждать ещё минимум год.

Я представила и содрогнулась.

— Вот спасибо тебе, Дрю, — умеешь ты подбодрить человека!

— Всегда к вашим услугам, мадам. Но поторопитесь, Его Высочество ждёт.

Мне хотелось, чтобы Кайлеан при виде меня зашатался — одной рукой схватившись за сердце, другой прикрывая ослеплённые глаза. Но при этом чтоб ничего такого не подумал и уровень лавы остался на прежнем уровне. Поэтому через десять минут метаний от одного набитого шкафа к другому, я упала на кровать и трагически объявила, что мне совершенно нечего надеть.

Дрю оглядела раскиданные по кровати наряды.

— Вам чего больше хочется — прилично выглядеть или окончательно своими прелестями принца доконать?

— Прилично выглядеть, — соврала я. Потом, устремив взгляд на голубые небеса за окном, добавила: — И чуть-чуть доконать.

Хихикнув, Дрю подлетела к шкафу, покопалась, извлекла нефритово-зелёное одеяние и, спикировав, разложила его рядом со мной.

— Вот. Скромненько, но со вкусом. Надевайте это, в библиотеку идёте, не куда-нибудь.

Длинное узкое платье оказалось какого-то восточного фасона — глухой лиф с воротником-стойкой полностью закрывал грудь и плечи, но коротенькие рукавчики оставляли руки обнажёнными.

Дрю сноровисто укротила мои волосы, уложив их в косу французского плетения, выдала туфельки из парчи — мягкие, почти без каблука, в качестве завершающего штриха застегнула на руке широкий браслет из зелёных камней и отлетела подальше, чтобы полюбоваться своими трудами.

— Вроде скромненько, вроде со вкусом, и для библиотеки в самый раз, но... Может, палантин накинете?

— Ничего, мне не холодно, — сказала я, глядя в зеркало и улыбаясь.

Дрю скептически хмыкнула.

— Нью-нью. Ох, сделаете вы из благородного человека неблагородного...

До такого, разумеется, не дошло, но при виде меня лицо Кайлеана смягчилось и посветлело. На протяжении всей утренней трапезы Его Высочество то и дело поглядывал чрезвычайно благожелательно и жмурился как сытый кот. Он даже милостиво высказался в том смысле, что Дрю оказалась более толковой, чем ему думалось. Однако после кофе его лирический настрой был подпорчен моей просьбой:

— Ваше Высочество, мне нужно ручку-бумажку.

Когда требуемое было выдано, я черкнула несколько строк и передала листок Кайлеану.

— Это мамин номер. У вас же есть доверенные лица на той стороне? Поручите кому-нибудь из своих людей — пусть позвонят и сообщат, что я жива-здорова и через три месяца буду дома. Говорить можно по-английски, но связь в наших местах плохая. Там дальше адрес маминой электронной почты. Если не дозвонятся — пусть шлют письмо. В теме письма надо написать большими буквами — DANIMIRA. Чтобы мама за спам не приняла. Ещё на всякий случай нужно оставить сообщения в социальных сетях. Мама есть в «В Контакте» и «Фэйсбуке». Пусть ищут Лару Шергину

из Оленегорска. На аватарках будет дикий кот, суровый такой, мордастый, манул называется. Я всё записала.

— А ваш отец?

— Папы нет в сетях, ему некогда.

— А телефон, почта?

— Да папа и телефон вечно забывает, и в почту раз в полгода заглядывает, — нехотя сказала я. — А мама постоянно на связи, этого будет достаточно.

Кайлеан взглянул с любопытством, но больше расспрашивать не стал, а вместо этого затянул свою любимую песню:

— Я бы не стал форсировать события. Сперва надо узнать...

— Кайлеан Георгиевич! Вы сказали — учитесь управлять миром. Так вот, я начала.

Он уточнил:

— То есть, это была не просьба?

— Нет.

Судя по затяжной паузе, мысль, что он тоже является частью мира, которым призывал управлять, оказалась для Кайлеана Георгиевича новостью.

— Разумеется, это надо сделать, — сказал он, наконец, с таким кислым видом, будто ему предстояло совершить нечто скучное и, с его точки зрения, совершенно ненужное. — Но потребуется время.

Вспомнилась подходящая цитата — «послезавтра мы выходим».

— Сколько нужно времени, чтобы отправить письмо по электронной почте?

— Интернет есть только в вашем измерении. Я пошлю человека на ту сторону, но сперва требуется утрясти формальности.

— Когда я получу ответ?

Кайлеан что-то прикинул и ответил:

— Скорей всего, после бала.

Я и без предсказаний Дрю чувствовала неладное — Кайлеан явно напрягался, когда речь заходила о моём возвращении на родину. Как выяснилось только что, желание связаться с родителями его тоже напрягало. Может, надо было прямо спросить — что бы это всё значило, но меня страшило решительное объяснение. Да, Его Высочество во всю любезничал со мной, но как он поступит, если надавить слишком сильно? Такова была его стихия — под слоем пепла и земли таилось пламя, и начини я копать глубже, огонь мог вырваться на свободу; образно говоря, я бродила во ржи по краю пропасти и до сих пор Кайлеан оберегал меня, но — кто

знает — не окажется ли он в итоге самой пропастью?

В конце концов, две недели — не три месяца. Я кротно сказала:

— Буду ждать.

Он склонил голову в знак того, что принял к сведению, положил записку в карман и протянул руку:

— Готовы?

Я вложила свою руку в его, но спросила:

— Мы пойдём магическим путём? А разве мы не будем выходить из Башни?

— Я проведу вас и в замок, и к портному. Карагиллейновская библиотека, кстати, не публичный институт. Это частное собрание нашего клана, туда невозможно попасть обычным путём. Кроме Карагиллейнов доступ в хранилище имеют немногие. Особенно в ту часть, где хранятся редкие экземпляры.

— Прекрасно понимаю. Но вообще жаль... Я-то думала, мы выйдем на улицу, посмотрим город...

— Магический переход — самый безопасный способ доставить вас в нужную точку.

— Кайлеан Георгиевич... У меня нет оснований жаловаться, вы создали превосходные условия... но из-за ваших мер предосторожностей у меня может появиться ощущение, будто я из маленькой клетки перебралась в другую, побольше. Помнится, вы сказали, что хотите, чтобы я полюбила Эрминар... Вы собирались показывать мне альбом с фотографиями?

— Всему своё время.

— По-прежнему считаете, что меня ищут злодеи?

На это Кайлеан ничего не ответил, только упрямо сжал губы.

Тогда я заговорила, слыша себя со стороны, как обычно со мной бывало в минуты волнения:

— Не знаю, как принято в вашем мире, но в моём вы видели, наверное, как разные люди — неважно, маги они или нет, — гуляют по городу и держатся за руки не потому, что надо куда-то перенестись, а просто так... потому что это приятно... — Кайлеан опустил взгляд и посмотрел на наши сомкнутые руки. Кровь зашумела в моей голове и прилила к щекам, но я продолжала: — Вам не хочется прогуляться не как магу, и не как простолыдину, и не, упаси бог, как принцу? А просто как свободному человеку... свободному от условностей любого измерения?

Сжатые губы дрогнули, и он наконец произнёс:

— Ладно. Закончим дела у портного — пообедаем в городе.

— Ура! Большое, большое спасибо!

Не успела я закончить благодарить Кайлеана, как мою руку сжали крепче и мир вокруг размылся до цветных полос. Буквально через несколько секунд картинка восстановилась, и я увидела — мы перенеслись в замок Карагиллейнов.

Вопреки ожиданиям зал, в центре которого мы оказались, не мог похвастаться ни огромными размерами, ни торжественной красотой. Ни капли позолоты, ни грамма лепнины, ни мрамора на полу, ни фресок на потолке. Не было и второго яруса, столь распространённого в известных книгохранилищах моего мира, высота помещения была сопоставима с высотой просторной жилой комнаты.

Но я сразу решила, что это один из самых симпатичных библиотечных залов, виденных мной.

Деревянными панелями янтарного оттенка были отделаны как стены, так и кессонный потолок, отчего казалось, что мы уменьшились во много раз и находимся внутри шкатулки. Этому уютному ощущению способствовало отсутствие оконных проёмов, свет давали зачарованные неслгораемые свечи в стеклянных фонарях, окованных медью, что свидетельствовало о том, что библиотека сугубо магическая. Естественное освещение по-разному воздействует на волшебные книги, случается и негативным образом. Впрочем, для книг, нуждающихся в солнечных лучах, где-то должна была находиться комната с окнами на юг.

Судя по двум рядам столов с регулируемыми наклонными столешницами, мы попали в читальный зал, который сейчас был пуст. Столы располагались на некотором отдалении друг от друга и отделялись высокими перегородками.

Я вдохнула, ощутила знакомый запах старых книг и затрепетала от блаженства.

— М-м-м... Как мне нравится... Кайлеан Георгиевич, вот где я хочу жить!

— Я не могу подарить вам эту библиотеку. Это неотчуждаемая собственность Короны.

Не расслышав шутливых ноток, я в изумлении взглянула на него... Кайлеан был абсолютно серьёзен.

Пока я решала, разыгрывает он меня или нет, двери в конце зала распахнулись и к нам торопливо вошёл — почти вбежал — маленький хрупкий белобородый человечек, одетый в зелёное с ног до головы. Очевидно, он гордился примесью эльфийской крови, которая, безусловно, в нём была.

— Ваше Высочество! — пронзительным фальцетом выкрикнул

человечек. — Какая честь! — Он скакнул козликом, изобразив что-то вроде поклона с притопом. — Какая неожиданность... сразу после возвращения — и к нам!

Продолжая лучиться от счастья лицезреть младшего принца, белобородый бросил на меня быстрый испытующий взгляд. Глаза у него были яркие — как два больших хризолита, с кошачьим разрезом и немного инородно смотрелись на узком коричневом лице.

Кайлеан произнёс:

— Мастер Аттиус, представляю мою гостью — леди Данимиру.

— Хм... — сказал мастер Аттиус, разглядывая меня уже в открытую. — Действительно... Прелестный цветок. И первый, что вы изволили привести под своды нашего скромного хранилища.

— Леди Данимира, это мастер Ариэль Аттиус, Главный хранитель Карагиллейновской библиотеки на протяжении многих лет.

Я подумала и не стала изображать книксен или протягивать руку для поцелуя, а просто сказала:

— Рада знакомству, мастер Аттиус.

Он всё-таки взял мою руку — неожиданно уверенно — и поцеловал её, щекоча растительностью. Будучи старым как Мафусаил, росточком мне по плечо, хранитель, тем не менее, каким-то образом сумел продемонстрировать определённое количество мужских флюидов, и я это оценила. Мне нравились люди, сражающиеся с обстоятельствами до конца.

— Леди Данимира изъявила желание осмотреть библиотеку, — сообщил Кайлеан.

— Журналы мод мы отправляем в Эрминарскую публичную библиотеку, — сообщил в ответ Ариэль Аттиус, и его голос стал ещё пронзительней. Он продолжал лучиться, но взгляд, обращённый на меня, стал более прохладным. — Опусы о страсти, пронзившей магичку и простолюдина, тоже. Впрочем, недавно пришёл свежий «Вестник фемины», вроде бы наши дамы не торопятся передавать его в «Публичку». Могу спросить.

— Ой, нет, — поспешно сказала я. — Этого не нужно совсем. Мне просто хочется осмотреть всю библиотеку, но больше всего интересуется Спецхран.

Температура его взгляда упала ещё ниже.

— Старые скучные пыльные книги... в обществе старого скучного пыльного эльфа... Зачем вам это, прелестное дитя?

— Не вижу вокруг ничего скучного, — сказала я, любезно улыбаясь. — И готова биться об заклад, ни на одной вашей книге нет и

пылинки. Так же, как и на вас... — Мне показалось, что выражение его лица слегка смягчилось, но мастер Аттиус молча разглядывал меня своими удивительными глазами, я продолжала: — У меня мама — хранитель. Я выросла среди магических книг и умею с ними обращаться. Правда, наша библиотека совсем маленькая, но есть очень интересные экземпляры. Ну, вы же знаете, каковы они, эти интересные экземпляры, — им палец между страницами не клади. Так что я с детства чту заповедь: «не трожь книгу в спецхране чужом, вылетит — не поймаешь». Потом я немножко училась библиотечному делу... недолго, но основы знаю хорошо. Обещаю, ни к чему не прикоснусь без вашего разрешения... Особенно к той новой инкунабуле, которой вы занимались до нашего прихода.

— Так-так... продолжайте, — сказал хранитель. — Может, и название назовёте?

Я развела руками.

— Нет, конечно. Хотелось бы поразить чудесами дедукции, но у меня только простое предположение. Вы подошли и запахло мятой... но не только. Ещё — отчётливо — жасмином. И, может быть, базиликом. Или какой-то местной травой, тут точно не скажу. Наверное, пучок у вас в кармане — машинально положили, когда пошли встречать нас. Рукописи вообще ароматов не любят, у них сущность тонкая, даже, можно сказать, нервная... мама когда с рукописью собиралась работать, никогда не душилась и руки только детским мылом мыла... Типографские книги в целом к растительным запахам равнодушны, но среди инкунабул встречаются те, что положительно реагируют на какой-то один определённый запах... а у вас варианты. Значит, недавнее поступление, о котором вы сами не много знаете. Кто ж в здравом уме будет соваться к такой книге?

Мастер Аттиус вытащил из кармана помятый букетик, перетянутый нитью, задумчиво повертел его. Веточка повядшего жасмина, несколько стебельков какой-то зелени...

— Так говорите, ваша мать — хранитель? Что за библиотека? Откуда вы?

Я замешкалась, не зная, как следует объяснять своё происхождение, но тут Кайлеан, качнувшись вперёд, сказал:

— Это не имеет никакого значения.

Мастер Аттиус перевёл хризолитовый взгляд на него.

— Но чем можно объяснить...

Кайлеан движением руки остановил его.

— Не имеет... значения, — с расстановкой повторил он.

— Надеюсь, вы помните, что все учреждения, входящие в Карагиллейновский фонд поддержки фундаментальной магии, подчиняются только попечительскому совету, председателем которого является Его Величество король Георгиан Третий?

— Отец в курсе и всецело одобряет.

Подумав, Ариэль Аттиус с лёгким поклоном сказал:

— У меня нет оснований не верить вашим словам, мой принц. Уповаю, вы отдаёте отчёт в своих действиях.

— Более чем.

Они прекратили перекидываться туманными церемонными фразами, я вздохнула. Ситуация в целом напоминала айсберг, у которого видна лишь малая часть, а остальное скрывают тёмные воды, но ничего не оставалось делать, как положиться на добрую волю Кайлеана Георгиевича. «Расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие» — сей иронический совет приходил на ум всё чаще.

Впрочем, даже если бы мне захотелось и дальше пестовать свою подозрительность, вряд ли бы это удалось, — библиотека, построенная по принципу лабиринта, была великолепна. Я почувствовала себя в родной среде и с удовольствием погрузилась в изучение её сокровищ, иногда не в силах сдержать эмоциональных восклицаний.

Мастер Аттиус оттаял, я видела — он рад живой реакции на своих подопечных... что не мешало ему каждые пять минут устраивать мини-экзамен. Не на все загадки мне удалось ответить, но если я чего-то не знала, то смиренно признавалась в своём невежестве... а далее отнюдь не смиренно обрушивала на хранителя лавину вопросов. Наверное, я была неприлично болтлива, но счастье многим развязывает язык.

В одной из комнат мастер Аттиус подвёл меня к стеллажу, у которого пустовали целых три полки. На средней стоял один-единственный фолиант — толстый, растрёпанный, переплетенный в пёструю змеиную кожу и содержащий сведения о свойствах змеиной плоти и её производных. «Трактат о гадах, прекрасных и ужасных» обладал столь скверным характером, что пребывал в гордом одиночестве, хотя его содержание не было таким уж уникальным — хранитель сказал, что это скорее справочник по герпетологии, на большую половину состоящий из бредовых фантазий средневекового автора. Но с недавних пор стоило поставить по соседству с ним другую книгу, как её листы начинали покрываться безобразными ржавыми пятнами, в середине которых имелась пара проколов.

Хранитель с дребезжающим смешком сообщил, что уже нашёл решение этой проблемы, но хотел бы выслушать мнение коллеги.

Очевидно, в определении «коллега» содержалась изрядная доля юмора, но я всё равно просияла и, защитив перчаточным заклинанием руку, осторожно потянулась к «Трактату».

Раздалось шипение, руку я отдернула, но чисто инстинктивно — уж больно похоже получилось.

— Кто это у нас здесь? Большая страшная змея?

Фолиант зашипел ещё усерднее.

При моей повторной попытке дотронуться, «Трактат о гадах» даже дрогнул в тщетной попытке изобразить бросок пресмыкающегося.

— Ого! — сказала я и взглянула на Кайлеана. — Смотрите, Ваше Высочество, — перемещение в пространстве! — Мне хотелось поделиться интересным наблюдением. — Не слишком заметно, но всё же имеет место быть. Редкая штука.

Кайлеан на книгу смотреть не стал, а вместо этого задумчиво изучал мою взволнованную физиономию. Должно быть, размышлял, что у человека должно быть в голове, чтоб воодушевляться при виде подпрыгиваний бумажного кирпича.

Ариэль Аттиус хихикнул, я смутилась и поправилась:

— Для меня редкая, один раз в жизни видела.

Я всё же возложила на переплёт ладони (левую на заднюю крышку, правую — на переднюю, на библиотечном жаргоне это называлось «взять в бутерброд») и прислушалась. Фолиант в этот момент яростно вздрагивал, искусно имитируя звуки погромков на хвосте, — пугал. Вся эта суета, конечно, очень мешала, но диагноз, тем не менее, был ясен.

Чтобы бедная книга не услышала, я отозвала мастера Аттиуса в сторону и заговорила приглушённым голосом:

— Думаю, содержание «Трактата» просочилось в его сознание. Обычно личность книги имеет защитный барьер и взаимодействует с содержанием лишь отчасти... но тут, похоже, все фильтры разрушены. Не знаю по каким причинам. Предполагаю, к нему плохо относились до помещения в библиотеку. Скорей всего, не читали и даже не открывали. Для любой книги это сильная психотравма, а для представителей справочной литературы и подавно.

— Есть какие-то мысли на этот счёт?

— Пока нет. Подумать надо. В маминой библиотеке только один раз было что-то похожее. У нас есть двухтомник шекспировских пьес, не слишком старый — выпущен в начале девятнадцатого века, но зато проиллюстрированный чудесными гравюрами «Бойделловской» серии. В первом томе собраны комедии, во втором — трагедии. В магический отдел

они попали только потому, что некий шутник наложил на комедийный том волшбу, позволяющую персонажам с гравюр поворачивать голову и шаловливо подмигивать, если читатель задерживался на странице достаточное время. Второй том был взят просто «за компанию», чтобы не нарушать целостность идеи издания.

— Милая шутка. Но без особого практического смысла, — небрежно заметил хранитель. — Такие книги обычно становятся домашними любимцами какого-нибудь провинциального библиофила.

— Но это же настоящий «Бойделл» — очень красивое издание, сработано со всем тщанием, состояние хорошее... — Ариэль Аттиус снова усмехнулся, и я пробормотала: — Мамина библиотека маленькая, мы всем рады... И вот однажды во время планового пролистывания... не знаю, как у вас, а у нас раз в квартал проводится профилактика книжной депрессии — все книги открывают, пролистывают, если есть признаки грусти-печали можно отрывок вслух прочесть или страничку погладить... это несложно сделать, потому что...

— ...библиотека маленькая.

— Да. В общем, во время профилактики мама открыла трагедийный второй том на странице с гравюрой, и Отелло, душащий Дездемону, вдруг повернул голову и подмигнул ей, улыбаясь. А потом снова принялся жену душить. Мама рассказывала, что улыбка эта была такого сорта, что у неё мороз по коже прошёл.

— Вот это уже интереснее, — оживился Ариэль Аттиус.

— Стала мама дальше листать, и тут выяснилось, что второй том умудрился перенять способность оживлять картинки. Из зависти. Зависть тоже может горы свернуть. Но если в комедийных иллюстрациях это выглядело мило, то в трагедиях... сами понимаете...

— Хо-хо! Воображаю — «все благовония Аравии не смогут запах крови смыть...» И тут леди Макбет улыбается и подмигивает, да не как-нибудь, а шаловливо.

— Вот именно! Совсем другой смысл. Представляете, Тибальт пронзает шпагой Меркуцио, а сам в это время улыбается и подмигивает. У любого создалось бы впечатление, будто второй том посвящён каким-то маньякам-психопатам, для которых убийство — это развлечение. За Шекспира обидно, он не про то писал.

— И что же было предпринято?

— Мама придерживается мнения, что убеждение — наименее травмирующий способ коррекции поведения книги, сбившейся с пути. Поэтому она не стала применять чары, а исподволь, день за днём, внушала

второму тому мысль о его величии и явном превосходстве над легкомысленным собратом.

— Получается, шутовство было заменено манией величия?

— На деле вышла смесь этих свойств. Второй том стал напоминать Мальволио в жёлтых подвязках. И уж после его удалось убедить, что персонажам трагедийного тома — серьёзного солидного собрания, достойнее демонстрировать печаль. Благородная одинокая слеза, тихо сползающая по щеке, уместна в любом месте шекспировской трагедии и внушает читателю уважение. Было проверено на одной гравюре в сцене с Бенволио и Ромео. «Я потерял себя, и я не тут. Ромео нет, Ромео не найдут...» — поворот головы, взгляд на читателя и слеза по щеке... Так же больше подходит, правда?

— Э-э-э... наверное, — согласился Ариэль Аттиус, но мне показалось, что идея весёлых шекспировских маньяков запала ему в душу. — Однако если мы тут каждую сбрендившую книгу обхаживать будем, такой бардак начнётся...

— Это потому что библиотека большая, — сказала я с серьёзным лицом.

В этот момент со стороны стеллажа послышалось громкое шипение и плевки. Выяснилось, что Кайлеан Георгиевич, оставленный нами в профессиональном пылу, заскучал и развлекался тем, что дразнил змеиную книгу.

— Действительно прыгает, — сообщил он, когда мы вернулись. — Особенно если пошипеть в ответ.

Маленький эльф возмущённо сверкнул зелёными глазами.

— Я очень надеюсь, что звуки плевков, которые раздавались на всю библиотеку, издавали не вы, Ваше Высочество. Кстати! А пройдёте, леди Данимира, в драконий отдел. Там много интересного.

— С удовольствием, — с энтузиазмом сказала я.

Кайлеан закатил глаза к потолку.

— Мастер Аттиус начнёт с одного неинтересного обугленного стеллажа, который он неизвестно зачем сохраняет много лет в столь плачевном виде. А я ведь неоднократно предлагал возместить ущерб!

Хранитель осклабился с дребезжащим смешком:

— Чрезвычайно наглядный пример в назидание подрастающему поколению. Было бы непростительным расточительством его лишиться.

В драконий отдел мы прошли потайными ходами, соединяющими линии лабиринта, и там Ариэль Аттиус действительно подвёл меня к стеллажу, на котором явственно виднелись следы пожара.

Как выяснилось из рассказа хранителя, обугленный стеллаж был делом рук юного Кайлеана Георгиевича, который в малолетстве заболел драконами и просто ими бредил. Драконья магия — дело серьёзное и совершенно не детское, король счёл, что его младшему сыну ещё рано приобщаться к столь опасным тайнам, и отдел был для принца закрыт. Тогда с изворотливостью, достойной лучшего применения, Кайлеан всё-таки проник в запретное помещение (применив к несчастному персоналу ряд разнообразных заклинаний: заклинание запрятанных грёз, заклинание понедельничного оцепенения и возмутительное заклинание, вызывавшее неодолимое желание покататься на карусели в парке).

Устранив все препятствия, юный принц вступил в драконий отдел и принялся беспечно открывать одну книгу за другой. В результате грозная магия вышла из-под контроля, вспыхнул пожар.

Спасло принца только то, что один из библиотекарей... да что скрывать, сам мастер Аттиус внезапно очнулся с мыслью «кто я, и что делаю со своей жизнью на этой карусели».

— Это давно было, — мрачно сказал Кайлеан Георгиевич. — Могли бы и не рассказывать. И вообще я всё правильно делал, так не должно было получиться.

— Ах, правильно? — вспыхнул мастер Аттиус. — Я вам сейчас покажу, леди Данимира... вы поймёте... — с этими словами он пододвинул библиотечную лестницу, проворно как корабельная обезьянка вскарабкался на самый верх и принялся упорно тащить с верхней полки огромную книгу в половину своего роста.

Спокойно стоять и смотреть на это зрелище не было никакой возможности.

— Подождите, Кайлеан вам поможет! — воскликнула я и схватила Кайлеана за предплечье, забыв про субординацию.

— Ни в коем случае, — пропыхтел хранитель сверху, — книга заговорена, снять её с полки может лишь сотрудник библиотеки... а то ходят тут некоторые... пожары устраивают...

— Ну так позовите кого-нибудь, — с раздражением сказал Кайлеан. — Кого-нибудь из молодых — Артура, или Лукаса... или блондинчика этого, как его... Мортена, что ли...

Я вздрогнула.

...Мортен — это ведь обычное имя, оно ничего не значит. Может, этих Мортенов в Эрмитании как Саш в России, и половина из них — блондинчики...

Но лицо Мартина встало перед глазами как живое, меня затрясло.

Я отстранённо наблюдала как Ариэль Аттиус всё-таки справился с гигантской книгой и сволок её вниз. Он пристроил книгу на пюпитре, начав оживлённо говорить — судя по язвительному выражению что-то чрезвычайно остроумное. Я не понимала ни слова.

Кайлеан начал говорить в ответ, но вдруг прервался, повернулся ко мне и резко спросил:

— Что с вами?

Помотав головой, я выдавила:

— Ничего... Глупости...

Он продолжал пристально на меня смотреть, и я, чувствуя на своём лице гримасу, которую не могла убрать, забормотала:

— Кто-то из них... я не говорила, нет?.. кто-то — сейчас не могу вспомнить — назвал Мартина Мортеном. Видите, какой я псих... Просто имя, и я уже трясусь... Мартин — мой кошмар, он никак не мог оказаться в вашей библиотеке... Это просто дурацкое имя и расстроенные нервы...

Кайлеан ещё какое-то время изучал моё лицо, потом спокойно приказал озадаченному хранителю:

— Позовите Мортена.

— Не могу, Ваше Высочество, он ушёл из хранителей... после вашего исчезновения, но давно, может, пару лет назад. Какие-то семейные проблемы, его отпустили, и он уехал на родину.

— Опишите его.

Хранитель приподнял бровь, но послушно воздел руки вверх. Кайлеан остановил его:

— Сначала словами.

Ариэль Аттиус безмятежно начал:

— Ну, что сказать про Мортена... Приятный такой мальчик, знаете ли, — улыбчивый, светлый... даже, можно сказать, лучезарный... женский пол от него был в ба-альшом восторге...

Я похолодела. Я сама описывала Мартина именно в этих выражениях и как никто понимала, в какой восторг можно впасть от лучезарного мальчика.

— ...Но книжное дело он знал хорошо, — продолжал хранитель, — как маг звёзд с неба не хватал, однако для работы с нашими фондами квалификацию имел высокую... что ещё... никогда не ленился, никогда не отказывался от сверхурочной работы... мог и на ночное дежурство выйти вместо кого-то. Жаль, что он уволился. Толковый был парнишка.

— Толковый парнишка, любивший работать по ночам... — раздумчиво сказал Кайлеан. — Уехал на родину... Куда именно?

Мастер Аттиус задумался.

— Пожалуй, не вспомню. Но в архиве должно храниться личное дело, там есть все необходимые сведения.

— Фамилию его помните?

Высокий лоб хранителя наморщился, а в хризолитовых глазах впервые мелькнула тревога.

— ...Странно... на имена у меня память отменная... Но вот его фамилию не помню... что-то такое... такое простое... — он в затруднении пошевелил пальцами, — ну прямо вертится на языке, но никак не уловить. Впрочем, это давно было...

— Звёзд с неба не хватал, говорите... — В голосе Кайлеана прозвучала горькая ирония. — Ладно, теперь показывайте.

Вновь воздев руки, мастер Аттиус приступил к визуализации. Под плавными взмахами его рук воздух сгустился и проявились очертания высокой мужской фигуры, стоящей к нам спиной. В каком-то оцепенении я наблюдала, как силуэт обретает краски, как наполняется объём и вырисовываются детали...

Задрав голову, мастер Аттиус разглядывал своё творение.

— Ну-с, пожалуй, похож. Главное я схватил.

— Поверните.

Фигура шевельнулась, покачала головой из стороны в сторону, как бы разминая шейные позвонки (мне даже показалось, что я слышу щелчки), и начала поворачиваться; сердце заколотилось, я почувствовала дурноту, будто внезапно оказалась в свободном падении, и подумала, что вряд ли увижу лицо фантома, потому что в голове зашумело, а перед глазами начала сгущаться тьма.

Но тут Кайлеан неожиданно обхватил меня за плечи и притянул к себе, дав точку опоры. Я с облегчением привалилась к нему, потому что ноги меня не держали.

Тьма стала рассеиваться. Очутившись под крылышком у Кайлеана Георгиевича, я почувствовала себя в относительной безопасности. Некое соображение подсказывало, что извлечь меня из-под этого крылышка против воли вряд ли у кого получится.

— Спасибо, Кайлеан Георгиевич, — с благодарностью сказала я. — Что-то я совсем расклеилась... Не хочу на него смотреть.

— Дышите, Данимира Андреевна, — сказал Кайлеан, — дышите глубже. Через это придётся пройти.

Вот так, послушно глотая воздух как рыба, вытащенная на берег, я вновь встретила лицом к лицу с улыбающимся Мартином, злым гением

моей прошлой жизни.

...Золотистые волосы аккуратно собраны в хвост, очки в тонкой оправе, голубые джинсы и белая рубашка с непривычной шнуровкой на груди... Он был очень мил — ещё даже более мил, чем тогда, когда мы встретились в Смольном институте, — улыбался застенчивей и чуть сутулился... славный интеллигентный книжный мальчик в очках...

— Он? — спросил Кайлеан.

Я сглотнула и молча кивнула.

— Ч-чёрт! — сказал Кайлеан с удивлением. — Чёрт-чёрт-чёрт! Я же его видел! Он меня обслуживал несколько раз, книги приносил... ничего особенного, обычный книжный червяк...

Мы с хранителем синхронно раскашлялись, потом я через силу я заговорила:

— Это Мартин, но что-то с ним не то... Что-то неуловимое... В Питере он по-другому выглядел. Там он больше на себя настоящего был похож... мне кажется. Он уверенный такой был... победитель... охотник... А здесь характер не тот.

— Я его видел, — продолжал хмуриться Кайлеан, — и ровным счётом ничего не почувствовал... Ни маскировки, ни уровня магии...

Хранитель тревожно переводил взгляд с меня на Кайлеана и обратно.

— Что не так с Мортеном? Он же прошёл все мыслимые проверки и предоставил нужные рекомендации. Сюда кого попало не берут.

— Сейчас я отправлю леди Данимиру домой, и мы с вами выясним, что не так с Мортеном. Идите в архив и велите, чтоб нашли его дело, присоединюсь к вам скоро. Впрочем, не удивляйтесь, если дело не найдётся.

Хранитель поклонился и взмахом руки разрушил изображение Мартина-Мортена — зрелище доставило мне мимолётное, но острое удовольствие. У меня будто камень с души упал, и в голове окончательно прояснилось. Затем мастер Аттиус вдруг начал стремительно уменьшаться, обращаясь в изящного белого зверька. Через секунду на паркете перед нами стоял столбиком горноста́й — совсем как настоящий, только глаза у него были зелёными.

— Идите, идите, мастер, — сказал Кайлеан, — сейчас не до церемоний.

Горноста́й кивнул, опустился, белоснежной молнией скользнул вдоль стеллажей, а затем расплющился и просочился под плинтус. Во всяком случае, так это выглядело.

Как только мастер Аттиус ушёл, я вывернулась из кайлеановского

объятия — чтобы он, пользуясь нашим соприкосновением, не отконвоировал меня домой.

— Я не хочу в Башню.

— Не будьте ребёнком! Вы хоть представляете, что за магический уровень у этого типа, если он сумел повернуть такую авантюру?

— Но теперь вы же всё быстро выясните, раз он из Эрмитании?

— Чёрта с два он из Эрмитании, — хмуро вымолвил Кайлеан. — Подите сюда и дайте мне руку.

Я немедленно переместилась за ближайший стеллаж и, глядя на Кайлеана в щель поверх книг, обвиняюще сказала:

— Ага! Значит вы что-то знаете — а мне не говорите!

— «Знать» и «подозревать» — это разные вещи. — Он подошёл, нагнулся и взглянул на меня с той стороны. — Данимира Андреевна, вы собираетесь бегать от меня по всей библиотеке?

— Может, и собираюсь, — сказала я, надувшись. — А вы — долго собираетесь держать меня в неведении? Сами говорите «не будьте ребёнком, не будьте ребёнком», а относитесь как дитятку малому. Если не хуже. Всё жду, когда вы рывкнете: «Страшила, домой!»

В узком пространстве виднелись только его глаза, но судя по тому, что возле глаз появились морщинки, он улыбнулся.

— Эх, как мне нравилось, когда вы были кошкой... — мечтательно произнёс Кайлеан Георгиевич. — За шкурку — и в дом...

Я фыркнула.

— Не фантазируйте. За шкурку вы меня брали лишь единожды, и как раз тогда, когда выдворяли наружу. А я думала: «Ничего-ничего, отольются кошкины слёзки, настанет день, когда он будет умолять меня вернуться домой!» И вот, — горделиво произнесла я, — этот день настал.

Морщинки исчезли, а глаза чуть округлились. И в то же мгновение пропали. А вкрадчивый голос произнёс в самое ухо:

— Неужто прямо так и думали?

Я вздрогнула и повернулась.

— Ну-у... почти.

Он стоял рядом, и серые глаза уже не улыбались.

— От меня бесполезно бегать, Данимира Андреевна.

Я подумала и уточнила:

— Это вы про сиюминутный момент или про жизнь в целом?

— В целом.

— Так я и не хочу. Кайлеан Георгиевич... — словно по неведомому наитию, я подняла руку с красной нитью на запястье и положила ладонь

ему на грудь — как Чудовищу. — Не отсылайте меня домой. Я чувствую себя в безопасности только рядом с вами. В Башне я с ума сойду от неизвестности...

...Кайлеан молчал, застыв с видом отрешённым и чуть-чуть растерянным, будто с ним происходило нечто незнакомое, а сердце под моей ладонью билось всё сильнее. На мгновение показалось, что мы с Кайлеаном поменялись местами — ещё чуть-чуть — и он упадёт от нахлынувшей слабости. Но он сжал мои пальцы, отвёл от своей груди и тихо сказал:

— Вы лишаете меня силы... вы знаете об этом?

В ответ я упрямо сказала:

— Я не хочу в Башню. Я хочу с вами в архив.

Ему не нравилась эта идея. Но всё же он сказал:

— Хорошо. Пойдёте со мной.

Перед тем как перенестись в архив, Кайлеан набросил на меня заклинание — филигранное переплетение «вуали» и «отвода глаз», как он пояснил, его собственное творение.

— Мой гибрид не так заметен, как «вуаль» или «отвод» в чистом виде, и гораздо устойчивей — не надо обновлять, будет держаться столько, сколько надо. Внешность у вас привлекающая внимание, сейчас это опасное качество. У Мортена может быть сообщник среди хранителей библиотеки. Пока не видна картина в целом, вам лучше держаться в тени. Вас будут видеть, но воспринимать как нечто незначительное.

— Да-да-да-да-да, — сказала я, нетерпеливо гарцуя подле него, — согласна на всё, даже на бумажный пакет с двумя дырочками. Только не бросайте меня в терновый куст, я постараюсь быть полезной.

Кайлеан Георгиевич скептически поморщился.

— Основную пользу вы принесёте, если сольётесь с обстановкой и будете вести себя тихо.

— Я не собираюсь носиться кругами с кудахтаньем «Ловите злодея!» Но у меня есть одна идея — насчёт сообщника. Чтобы её проверить, от вас кое-что потребуется прямо сейчас.

— И что же?

— Вы только не удивляйтесь. Покажите мне его ещё раз.

Кайлеан долго изучал меня, потом спросил:

— А вы уверены в своих силах?

Я кивнула.

— Не волнуйтесь. Я чувствительная, но не до крайней степени, не считайте меня таким уж нежным цветочком. И вообще я быстро адаптируюсь. А тогда я просто поплыла от неожиданности — это же невероятнейшая вещь — чтоб какой-то Мортен из эрмитанской библиотеки оказался тем самым Мартином из Петербурга... Но он всё-таки оказался.

— Хатшепсут случается, — сказал Кайлеан.

— И было ещё это отвратительное ощущение дурного сна наяву... Знаете, как иногда бывает в ночном кошмаре? Сперва возникает стойкое предчувствие, что произойдёт что-то ужасное, а потом всё начинает развиваться именно так — по наихудшему сценарию и неотвратимо... Б-р-р-р... — Я передёрнулась. — Но теперь ничего не остаётся, надо принимать новые факты как данность. Так что покажите мне Мортена. И

самое главное — представьте его таким, каким вы запомнили. Не надо показывать слепок с воспоминания мастера Аттиуса. В этом, собственно, весь смысл.

Не тратя время на дальнейшие расспросы, Кайлеан поднял призрачную фигуру из омута своей памяти. Я стиснула зубы, но глядела, даже не моргая.

...Не мудрено, что Его Высочество назвал Мортена «книжным червяком». В его исполнении тот сутулился ещё больше, мечтательные голубые глаза смотрели сквозь очки рассеянно, улыбка имела оттенок неуверенности. В руках фантом держал высокую стопку книг, которую придерживал подбородком, и, казалось, шатался от непосильной тяжести.

— Смотрите внимательно, Кайлеан Георгиевич. Видите отличия? У мастера Аттиуса и у вас — неодинаковые представления о Мортене. Мастер помнит его как славного улыбчивого парнишку, а у вас, простите, иллюстрация к расхожему штампу под названием «хилый книжный червь не от мира сего». Все вкладывают в реконструкцию облика частицу личных представлений. К тому же, возможно, что Мортен по-разному показывался разным людям. Так вот: хорошо бы выстроить в ряд всех, кто помнит Мортена, и сравнить их фантомы. И если в чьём-либо исполнении Мортен будет иметь крылышки и нимб над головой... ну, или иметь слишком соблазнительный вид... улавливаете идею?

— Улавливаю. Да, взглянуть будет не лишнее. Возможно, сам факт пособничества из памяти вымыт, но эмоции — в силу их кажущейся незначительности — могут оказаться нетронутыми.

— Только в ряд выстроить, наверное, не получится — групповое действие может повлиять на результат. Если сообщник действовал осознанно, он может почуять опасность и подправить свою картинку, сделать её более нейтральной. Ведь может?

Простой вопрос, но Кайлеан ответил непонятно:

— Может... но не сможет. — И сам спросил: — Данимира Андреевна, вы ведь меня больше не боитесь?

Прихотливость течения его мыслей меня озадачила. Я прислушалась к ощущениям и честно ответила:

— Уже нет. Вы меня разбаловали, и я обнаглела. А что, надо?

— Что бы ни произошло в архиве, запомните, — вас это никогда не коснётся.

Я похлопала ресницами.

— А что — «это»?

— Увидите. Идёмте. — Я приготовилась подать руку, но Кайлеан вдруг

крепко обвил мою талию и в краткий миг перенёс нас в большую комнату, уставленную архивными шкафами с книгами и папками. Там было несколько человек, включая мастера Аттиуса, они взглянули в нашу сторону равнодушно и продолжили сновать между шкафами и рыться на полках, из чего я заключила, что сейчас кайлеановское заклинание действует на двоих.

Пока я мысленно подбирала слова, в которые надлежало облечь щекотливую просьбу поменьше ко мне прикасаться (сложность была не в том, что мне не нравилось, а, напротив, в том, что нравилось даже слишком), Кайлеан отпустил меня и предупреждающе сказал:

— Думаю, не обойдётся без дракошек. Поэтому лучше будет, если они почуют на вас мой запах. Для поиска им иногда достаточно нескольких молекул запаха, но лучше не отвлекать их новыми впечатлениями.

— Без кого, без кого не обойдётся? — встрепелась я, позабыв о ноте протеста.

— Драконьи ищейки. Это такие маленькие полудракончики. Выведены на основе собак-ищеек. Они чуют запах магии и очень полезны во всяких расследованиях, где нужно проследить действия мага.

— Полудракончики... — зачарованно выдохнула я. — И я их увижу? А когда?

— Увидите, но позже. Сейчас время для моей работы.

Он поднял руку и щёлкнул пальцами.

Присутствующие вздрогнули, повернулись в нашу сторону и замерли. Кроме Ариэля Аттиуса в помещении было ещё пять человек — совсем древний дедок, по виду ещё старше главного хранителя, крепкий мужчина средних лет с рыжими усами а-ля доктор Ватсон, два молодых человека, слегка соответствующих представлению Его Высочества о книжных червях, и темноволосая женщина средних лет, одетая в деловой, но обтягивающий костюмчик.

Сзади раздались громкие ленивые хлопки.

Мы обернулись, и Кайлеан почти беззвучно произнёс «Щит!»

Мысленный щит я вскинула сразу, едва обнаружила, что позади нас, возложив ноги на стол и качаясь на задних ножках стула, расположился Химериан Карагиллейн. Он-то и аплодировал нам.

— Браво-браво, братишка, — произнёс он. — Тебя я засёк сразу — родная кровь и всё такое. А вот твою принцеску увидел только после щелчка, когда специально начал искать. Растёшь. От меня не так-то просто что-то скрыть.

— Для тебя — «леди Данимира», — сказал Кайлеан, вернул руку на

мою талию и снова притянул меня поближе к себе.

Это для дракошечек, сказала я себе. Молекулы! Нам нужно больше молекул! И — чтоб дракошейкам было легче понять что к чему — в свою очередь приобняла Кайлеана за талию.

Химериан оценил мой жест.

— У-у-у... Как я погляжу, выбор, на чьей груди возлежать, уже сделан. Он же зануда, бросайте его, леди Данимира. Ему с покойниками привычнее, чем с живыми. У него и слуги все... того... Кстати, всегда полагал, что невесту Кай найдёт себе в склепе. Ну, или в хрустальном гробу на цепях. Где же он вас откопал, простите за каламбур?

Кайлеан закаменел, а в моё сердце вонзилась острая иголочка. А ведь злая болтовня Химериана неожиданно попала в точку. Я же умерла. Почти, но всё же... Никогда не задумывалась, с помощью какой магии удалось вернуть растерзанное тело, а теперь стало совершенно очевидно, что только искусство некроманта могло совершить это чудо.

— Не твоё дело, — безыскусно огрызнулся на этот выпад Кайлеан, и я вдруг услышала в его словах ожесточение младшего брата, которого вечно шпыняет старший.

Кровь вскипела у меня в жилах.

— Доброе утро, принц Химериан, — оскалилась в улыбке я. — Боюсь, что я тоже зануда, да ещё какая. Так что мы с Его Высочеством два сапога пара. — Я подняла голову и со значением посмотрела Кайлеану в глаза. — Дело для нас прежде всего, правда? — И тут же почувствовала, как с еле слышным вздохом Кайлеан расслабился.

— Смотри-ка! — хохотнул Химериан и насмешливо оглядел меня с головы до ног. — Как она бросилась тебя защищать... От меня! Храбрая, храбрая леди Данимира...

— У нас действительно важное дело, — уже спокойно сказал Кайлеан. — А ты здесь что делаешь?

— Хотел взглянуть на свеженькие «Драки и враки». Пришёл, смотрю — все чего-то носят, суетятся, на старине Аттиусе лица нет... ну, решил понаблюдать. Я так понял, они ищут дело какого-то Мортена...

— А ты его не помнишь? Он тут работал, давно, правда.

Химериан по-карагиллейновски повёл подбородком вверх.

— Обслуживающий персонал не задерживается в моей памяти. Всегда кто-то приносит книги, кто-то метёт пол...

Я вдруг вспомнила бедную Дрю и встряла:

— ...А кто-то погибает из-за чьей-то халатности.

Как ни странно, братец Хим сразу же понял о ком я говорю. К моему

удивлению, на его лице отобразилось что-то вроде смущения.

— А, уже наябедничали... Идиотский случай. Я не виноват, что девчонка-простолюдинка размечталась о магии. За каким чёртом ей втемяшилось, что она сможет что-то понять в магической книге? Ну откуда я мог знать, что у прислуги башка набита бредовыми фантазиями о моей Академии?

Вот оно что. В моём мире такое тоже случалось, хотя и крайне редко. Родившийся без дара мечтал стать магом. Иногда мечтал так сильно, что это приводило к трагедии. Вот и здесь — несбыточная мечта завела Дрю слишком далеко.

Я зло произнесла:

— Если бы вы видели в тех, кто вас обслуживает, людей, то не бросали бы опасные предметы где попало. Не обладающие магией всё равно что дети, и их надо оберегать. Не понимаю, как вы можете чем-то заведовать, если сами не способны понять элементарные вещи. Жизнь вас ничему не научила.

Химериан Карагиллейн поморгал и с изумлением спросил брата:

— И что, тебя она тоже так песочит?

— А его не за что, — сказала я, снова оскалившись.

Химериан ещё раз оглядел меня с ног до головы и задумчиво сказал:

— А знаешь, братишка, дерзай. Может, дело выгорит. Я-то думал — так... красотка-самозваночка... Но тут кое-кто поинтереснее... пожалуй, я тебя понимаю...

Рука Кайлеана так напряглась, что к вечеру мне были обеспечены синяки на рёбрах. Я быстро спросила:

— Куда «самозваночка»?

Химериан вскинул брови, потом заулыбался крайне неприятной улыбкой:

— Так девушка не в курсе? Становится всё забавнее... А что про это думает Елена?

— В ближайшее время я намерен применить «абиссум», — ледяным тоном перебил Кайлеан, — советую покинуть помещение.

— Думаешь, поддамся? — перестал улыбаться его брат.

— Рискнёшь проверить?

Они сверлили друг друга взглядами, а мне хотелось вцепиться в Кайлеана Георгиевича клещом и вытрясти из него всё про... нет, не про «самозваночку», это потом... про какую-то Елену, которая должна что-то думать про нас с ним. Почему-то из всего потока информации, полученной за пятиминутную беседу, новое имя зацепило меня больше всего. Ничего,

подумала я, Дрю мне всё расскажет.

Химериан плавно скинул ноги со стола, встал, потянулся.

— Ладно, уж так и быть, выйду. Должен же кто-то развлекать леди Данимиру, пока ты будешь развлекаться тут.

— Леди Данимира останется. Я дам ей место за моей спиной.

— Те-те-те... — сказал Химериан, глядя то на меня, то на Кайлеана. — Пожалуй, я бы так не рискнул. Место за моей спиной всегда будет пустовать.

Ушёл он как и в прошлый раз — по-чеширски, последними растаяли в воздухе чёрные глаза. Едва он исчез, мы с Кайлеаном расцепились и установили между собой приличествующее расстояние.

— Что такого в этом месте за спиной? — спросила я, чтобы сгладить момент.

— Там слепая зона, — ответил Кайлеан. — Скоро поймёте.

Он взялся за спинку ближайшего стула и установил его перед собой.

Только сейчас я обратила внимание, что библиотечники продолжали оставаться в том же положении, в каком их застал щелчок Кайлеана. Они не то чтобы полностью остолбенели, но их взгляды — слегка остекленевшие — были как-то чересчур преданно устремлены на младшего принца. Только Ариэль Аттиус, похоже, не совсем поддался кайлеановскому влиянию и, что-то яростно шепча, беспрестанно стряхивал с себя нечто воображаемое.

— Мастер Аттиус, — позвал Кайлеан, — идите сюда.

Хранитель зажмурился, потряс головой и подошёл неровной походкой. Кайлеан несколько раз провёл рукой, как бы снимая с него невидимые путы.

— Простите за задержку, — сказал он хранителю, закончив процедуру. — Меня отвлекли.

Взгляд Ариэля Аттиуса обрёл прежнюю остроту.

— Давно пора научиться делать два дела одновременно, — сказал старый эльф, нервно поправляя воротник и манжеты.

— Здесь был Хим, — пояснил Кайлеан.

Мастер умерил негодование:

— Тогда понятно. Его Высочество может заморочить голову любому. Любопытствует, небось?

— Есть немного. — Кайлеан оглядел застывшие фигуры. — Дело Мортена так и не нашлось?

— Пока нет. Но мы ещё не всё перетряхнули. Возможно, поиски затянутся, если дело случайно переставили в другой раздел.

— Не надо больше искать, это бесполезно. Лучше вызовите сюда всех, кто числится в штате. Но не говорите зачем, и меня не упоминайте. Придумайте что-нибудь невинное, что оправдывает срочность. Нападение этой, как её... колорадской буквожорки, например.

Мы с Ариэлем Аттиусом синхронно вздрогнули и обмахнулись охранным жестом.

— Невинное?! — возмутился хранитель. — Буквожорка в Карагиллейновской библиотеке?.. Да никогда такому не бывать — мы каждые три месяца проводим жёсткую профилактику! Раз в квартал специально обученный человек — босиком, в белой одежде, с заговорённой булавкой на груди и со свечой в руке, обходит всю библиотеку, громко читая вслух «Илиаду» или «Одиссею» задом наперёд. Буквожорки, словоблудки, графомоль —дохнут все.

— Можно сказать, что архивное дело взбесилось, — выдвинула я свою версию вызова, — от вопиющей недостоверности хранимой информации. Терпело, терпело, а потом — щёлк! — и сбежало. Может, покусало кого... теперь таится в недрах, сопит, униженное и оскорблённое.

— Мелко слишком... Такое дело легко на круглую печать подманится. Пообещать ему каждую страницу проштамповать и написать «исправленному верить» — потом в сачок его и вся недолга.

Мы ещё немного подумали.

— Трубы прорвало, — предложил бесчувственный Кайлеан Георгиевич. — С кипятком.

Ариэль Аттиус слабо крикнул и пошатнулся, я поддержала его за локоть, а Его Высочеству сказала:

— Предвижу, в следующий раз вы предложите четырёх всадников Апокалипсиса, которые заехали что-нибудь почитать.

— Перестановка мебели, — пришедший в себя хранитель поднял вверх указательный палец. — Сработали фэншуйные датчики, и надо срочно всё передвинуть.

— Хорошая причина, — одобрила я, — с утечкой энергии «ци» шутить нельзя. А то финансирование урежут. И зарплаты, соответственно. Думаю, все прискачут, размахивая шашками.

Действительно, персонал библиотеки собрался в считанные минуты. К пяти застывшим фигурам прибавилось ещё семь — Кайлеан фиксировал каждого новоприбывшего. И все семеро были мужчинами. Я посмотрела на даму в костюмчике с уважением. Должно быть, она обладала недюжинным умом и твёрдым характером, если сумела проникнуть в этот мужской мир.

Когда хранитель объявил, что собрались все, Кайлеан сказал ему:

— Вам лучше удалиться. Я собираюсь применить «абиссум». Это не обсуждается. Мне надо узнать правду и узнать быстро.

Большие глаза хранителя стали ещё больше, но он смолчал, поклонился и вышел за дверь.

Кайлеан уселся на стул, в правой руке у него невесть откуда взялась серебряная трость с массивным набалдашником в виде ограненного круглого алмаза. Кайлеан ударил тростью в каменный пол, и серебро вошло в камень, как в масло.

Освещение померкло, алмаз начал вращаться. Драгоценность светилась инфернальным холодным светом, разбрасывая по сторонам радужные блики.

Кайлеан сказал, не поворачиваясь:

— Данимира Андреевна, встаньте у меня за спиной.

Я повиновалась.

— Положите руки мне на плечи.

Я положила.

— И стойте так, пока не поступит разрешение двигаться.

— А разговаривать можно будет?

— По нашему делу — обязательно. Но, пожалуйста, изъясняйтесь коротко, ясно, простыми словами. Что-то более сложное могу не понять — мозг будет занят. Сейчас я начну создавать «абиссум». Это означает «бездна». Заклинание названо так, поскольку в случае неповиновения заклинателю вызывает у объекта ощущение падения в бездну — в фигуральном смысле. Это бездна горького отчаянья, тоскливого одиночества, упущенных возможностей, потерянного времени, ошибочного выбора... у каждого своя бездна. Ощущение настолько мучительно, что все с готовностью и очень точно выполняют распоряжения заклинателя, лишь бы не испытывать подобное. За моей спиной образуется небольшая слепая зона — там «абиссум» не действует. Островок безопасности крайне мал. Шаг в сторону — и вы тоже начнёте своё падение.

Он помолчал, затем продолжил.

— Никто не может избежать действия заклатья — у всех есть о чём жалеть. В силу особенностей характера на вас, Данимира Андреевна, оно может подействовать особенно мучительно.

Я вспомнила Женьку, Снежинку... Да, я понимала, что он имел в виду. В случае чего, моя персональная бездна до краёв наполнится муками совести. Если бы не моё легкомыслие, граничащее с глупостью, ничего бы не случилось; я неоднократно излагала свои сожаления Кайлеану.

— С места не сойду, — пообещала я. — Но почему ваш брат сказал,

что он бы так не поступил?

— Потому что это заклинание из разряда тех, что требуют ежеминутной поддержки и усиленной концентрации, очень энергозатратное. А вы в этот момент будете у меня за спиной.

Он снова замолчал.

Я подождала продолжения, не дождалась и спросила:

— Ну — и?..

— В этот момент любой маг совершенно незащищен перед тем, кто стоит у него за спиной. Это... акт доверия... У нас так не принято.

Его плечи напряглись во время этого признания... последние фразы он пробормотал чуть слышно. Я умилилась, и сердце сжалось от жалости. Бедный, бедный адский принц...

— Спасибо, Кайлеан Георгиевич, — растроганно сказала я, с трудом удержавшись, чтоб не погладить его по макушке. — Насчёт меня можете совершенно не волноваться, я даже «козу» над вашей головой показывать не буду. Давайте закончим расследование и не будем изменять своим планам. Пообедаем в городе, погуляем, развеемся... вот увидите, всё будет хорошо.

Он всё-таки повернулся и посмотрел на меня. Красными были уже не только зрачки, а глаза целиком. Лицо потемнело и стало чем-то напоминать морду Чудовища, удлинившиеся волосы скользнули по моим рукам.

Я легонько похлопала пальцами по его ключицам.

— Всё будет хорошо, — повторила я. — Вы меня тоже не бойтесь, Кайлеан Георгиевич.

Тяжесть взгляда красных глаз ощущалась почти физически, но затем Кайлеан отвернулся к ожидающим его указаний людям. Голосом, который всегда падал ниже при сотворении заклинаний, он начал произносить слова на незнакомом языке.

Было нечто гипнотическое в этих размеренных звуках, будто читался древний эпос, в котором строились и рушились города, сгорали и восставали из пепелищ леса, пересыхали и вновь наполнялись солёной зеленоватой влагой моря и океаны. «Абиссум» был по-своему красив, я заслушалась до потери времени и места. А когда очнулась, моргая, и взглянула по сторонам, то вздрогнула, крепче взявшись за кайлеановские плечи.

Стул размещался на крошечном пяточке — вершине узкого скалистого столба, а кругом простиралась бездна в прямом смысле. Лёгкий туман наполнял пустоту, постепенно сгущаясь вдали и скрывая горизонты. Кайлеан Георгиевич мог бы и не предупреждать об опасности — идти всё

равно было некуда. Неясный ровный шум доносился откуда-то снизу, мне вообразился тот самый водопад, в который мы прыгнули, чтобы очутиться в Башне.

Кайлеановская трость теперь не вонзалась в камень, а парила рядом в совершенной пустоте. Алмаз продолжал вращаться, грани отбрасывали радужные блики, заключая нас в круг волшебного света.

Каждый из библиотекарей стоял на таком же персональном клочке скалистой тверди. Судя по всему, они по-прежнему оставались в трансе: «выпустите меня отсюда» никто не кричал, и друг с дружкой никто не переглядывался. Казалось, они не замечали друг друга и меня тоже, всё внимание было отдано Кайлеану.

Наконец, заклинание было прочитано. Кайлеан откинулся назад всем весом, скрестив руки на груди; я почувствовала, как прогнулась и заскрипела спинка стула.

— Взгляните в бездну, — приказал он тем же низким голосом, в котором, однако, проявилась хрипотца от усталости.

Двенадцать человек одновременно заглянули вниз и ужаснулись. У многих потекли слёзы; один из книжных юношей упал на колени, прижал ладони к лицу, его тело сотрясало от рыданий. Древний старец оказался кремнём и эмоций не выказал, только прикрыл глаза дрожащими веками и стиснул синеватые губы посильней. Дама в костюмчике, бывшая у меня главной подозреваемой (я помнила силу мужского обаяния Мартина), тоже не стала рыдать, но смотрела в бездну не отрываясь, и постепенно на её лице стала проступать такая мука и такая решимость, что я нагнулась и тревожно сказала Кайлеану на ухо: «Она сейчас прыгнет... не мучайте...»

Я и сама не знала, верна ли моя мысль, но Кайлеан поднял трость и, держа её на вытянутой руке, произнёс:

— Довольно. Всем смотреть сюда.

Все послушно уставились на вращающийся алмаз и постепенно успокоились.

— Явите мне Мортена, вложив всю суть в его черты, и да познает бездну тот, кто утаит истину.

Стоящие перед нами незамедлительно приступили к визуализации. С серьёзным и отрешённым видом они водили перед собой руками, вытягивая из памяти каждый что-то своё, вылепляя из воздуха облик-воспоминание... Вскоре над бездной зависала дюжина вполне правдоподобных Мортенов.

Однако со второго взгляда различия становились отчётливо видны.

Самое неправдоподобное изображение вышло у дедушки эрмитанских

библиотекарей. У него Мортен был похож на подростка, я бы дала его фантому лет шестнадцать-семнадцать, да и вообще, похоже, коллегу старец толком не помнил и представил нечто усредненно-голубоглазое в стиле пастушка Леля.

Ещё одно изображение было вялым и невыразительным, его создал высокий худой лысоватый мужчина. Перед ним неподвижно висел некий стройный длинноволосый силуэт со слабо прорисованной внешностью.

Мортен дамы в костюмчике имел отчётливую печать жестокости на порочно-красивом лице — вылитый уайльдовский Дориан Грей. Если бы я тогда смогла увидеть Мортена таким, то десять раз подумала, прежде чем связываться с ним и его компанией. Надо думать, дама была весьма проницательна, дружелюбная улыбка и общая лучезарность её не обманули.

Рыжеусый дядечка тоже был не в восторге от Мортена, но, вроде как, по другому поводу. Его хилый фантом обладал заискивающей слащаво-приторной улыбкой, внешность имел сахарную, почти женственную, и к тому же беспрестанно топтался, изображая какие-то невнятные книксены. Похоже, рыжеусый посчитал Мортена подхалимом и прилипалой, таким его и запомнил.

У обоих книжных юношей, напротив, Мортены получились крепкими, дерзкими, с лукавыми и проказливыми физиономиями. Оба фантома держали в руке по бутылке, периодически начинали беззвучно хохотать и чокаться друг с другом.

Ещё у пятерых — это были люди постарше — фантомы, в сущности, были как две капли воды похожи на того Мортена, что получился у Ариэля Аттиуса, — славный приветливый паренёк, рассылающий во все стороны лучи добра.

Последним, двенадцатым в ряду, стоял грузный импозантный мужчина, буйной волнистой шевелюрой и хмурой благородной физиономией напоминавший Бетховена. Мой взгляд всё время возвращался к фантому, созданному им.

Этот Мортен вышел чётче других, не обладал демонической красотой, как у дамы в костюмчике, и не был слишком весел, как у молодых людей. Он стоял над пропастью, широко расставив ноги, расправив плечи, хищное холодное лицо было умным и значительным. Таким я Мортена не знала, но почему-то казалось, что вот он, истинный облик загадочного злодея.

Чем больше я разглядывала крайний правый фантом, тем больше начинало мерещиться, что он мне кого-то напоминает, но нужная ассоциация всё время ускользала. Я вернулась к лицезрению остальных

реконструкций, но и в них теперь мнились знакомые черты. Потрясая головой, я отогнала наваждение и наклонилась к кайлеановскому уху. (Мне очень хотелось указать на кого-нибудь и произнести легендарное «ты на руки-то его погляди», но у всех фантомов были руки как руки, ничего особенного). Вместо этого я сказала:

— Четвёртый, пятый, седьмой, восьмой и девятый. Их фантомы похожи как клоны. То же, что и у мастера Аттиуса. Тут мы вряд ли что-нибудь поймём.

— Вижу, — отозвался Кайлеан.

Он указал тростью на тех, о ком я говорила.

— Вы, вы, вы, вы и вы. Сейчас вы пятеро вернётесь в архив и немедленно покинете его, забыв обо всём, что здесь испытали. Но из библиотеки не уходите. Обратитесь к Аттиусу, он найдёт вам занятие.

Пятёрка, на которую указал Кайлеан, исчезла. Семь каменных столбов плавно сдвинулись, ликвидируя пустоты. Теперь Мортенов было семь.

Через минуту Кайлеан вычеркнул из списка книжных юношей. Их развесёлые Мортены чокнулись напоследок бутылками и растворились в тумане, столбы снова передвинулись.

— Два слишком веселились, и их осталось пять, — пробормотала я самой себе, словив ассоциацию.

Посоветовавшись, следующим мы отпустили рыжеусого дядьку и его сахарного Мортена.

— Один нырнул в сироп, четыре их осталось, — снова прокомментировала я под нос, а Кайлеану сказала:

— Давайте отпустим старенького дедушку. Посмотрите на его фантом. Это же детский сад какой-то.

Кайлеан долго молчал, потом тихо произнёс:

— Мастер Киллиус силён. — И уже громче, обращаясь к мастеру Киллиусу, приказал: — Посмотрите ему в глаза.

Отроковидный фантом повернулся к своему создателю. Некоторое время они таращились друг на друга, и было видно, что лицо старца совершенно спокойно и даже выражает некоторую досадливую скуку. А его Мортен так и остался слишком юным и слишком неинтересным мастеру.

Кайлеан поднял трость.

— Мастер Киллиус, вы свободны. Забудьте всё, что здесь было, и ожидайте в библиотеке.

— Один сказал «агу», и их осталось трое.

После проверки «глаза в глаза» был отпущен высокий худой мужчина, чей Мортен тоже так и остался невнятным силуэтом, не особо

интересующим своего создателя.

— Один был слишком скучен, и их осталось двое.

Мы разглядывали оставшихся.

— Вот тут что-то есть. На кого поставите, Данимира Андреевна?

— Женщина не при чём, — уверенно сказала я. — Она же его насквозь видела. Взгляните на её Мортена — отвратительный порочный тип, жестокий и циничный. А вот фантом производства дядьки справа вызывает у меня сильные подозрения, какой-то он у него... чересчур значительный.

— Что ж, — сказал Кайлеан, — давайте проверим. — Он обратился к парочке, стоявшей перед нами: — Взгляните в глаза своим воспоминаниям.

Дальнейшее я наблюдала с открытым ртом и вытаращенными глазами.

Мортен дамы повернулся к ней, и через секунду она и «отвратительный порочный тип, жестокий и циничный», слились в страстном поцелуе. Это, безусловно, был не первый поцелуй любовников — их руки уверенно шарили по телу друг друга, ноги переплелись; казалось, они хотят выпить друг друга.

В это время грузный дядька тоже целовал своего Мортена, но, к счастью, по-другому: с выражением благоговения он опустил на одно колено и припал к руке своего создания.

— А-а-а-э-э-э... — только и смогла произнести я, но дальнейшее было ещё удивительней.

С фигурой целующегося фантома что-то происходило, она будто двоилась и расплывалась.

— Кайлеан Георгиевич, вы это видите? — спросила я. — Что происходит с Мортеном... ну, с тем, который слева?

— Леди Мибл, будьте так добры, прервитесь на минуточку, — с сарказмом приказал Кайлеан даме. — Поверните к нам вашего кавалера.

Леди Мибл с трудом оторвалась от своего фантома, я увидела, что её лицо залито слезами.

Когда фантом повернулся, я снова приоткрыла рот: лик Мортена поминутно менялся, оплывал, перетекал в другие, тоже знакомые черты — черты принца Эрмитании Химериана Карагиллейна. Фигурами они были похожи, но совпадение не было полным, поэтому очертания Мортена-Химериана дрожали и расплывались.

— Что это всё значит? — спросила я, хлопая ресницами.

— Вообще-то, я по-любому убью вашего Мартина... Мортена... как бы ни назвался... — неожиданно сообщил Кайлеан, — по собственному желанию. Но, похоже, по законам Эрмитании он тоже приговорён к смерти. У нас запрещено принимать облик кого-либо из царствующей династии под

страхом смертной казни. Леди Мибл, объяснитесь.

История леди Мибл была печальна. Её безнадежная влюбленность в принца Химериана граничила с безумием. Не питая никаких иллюзий по поводу преступной натуры Мортена, она, тем не менее, вступила с ним в любовную связь при условии, что тот в определённые моменты будет внешне перевоплощаться в среднего сына короля.

— Я намекала многим, но кругом одни трусы!.. Осмелился лишь один, — хмуро сказала леди Мибл. — А ведь я предлагала достойную плату... не себя, — тут она горько усмехнулась, — вернее, не только себя. Деньги, много денег...

— Но Мортен тоже не взял ваши деньги, — утвердительно сказал Кайлеан. — Ему надо было другое.

Да, совсем другое. За утоление страсти несчастная помогала Мортену в его поисках — самые редкие и опасные книги были настроены на взаимодействие с сотрудниками библиотеки, отвечающими за их хранение. Только леди Мибл могла снимать их с полки, листать, проявлять скрытый текст и производить тому подобные действия.

— В каком отделе она работает? — спросила я.

— В том же, что и этот господин, — он указал на коленопреклонённого, что продолжал осыпать изъяснениями признательности мортену руку. — В отделе призрачной литературы. Теперь мы знаем, где искать.

— Мортена интересовали призраки? — с сомнением спросила я. — Никогда не замечала. Зачем?

— Узнаем больше после того, как поработают дракошейки. А пока... Леди Мибл, ваш любовник когда-нибудь упоминал о цели своих поисков?

Она помедлила, но потом пожала плечами и ответила:

— Нет, конечно. Мы были каждый сам по себе и особо не откровенничали. За пределами библиотеки не виделись, объединяло нас только... м-м-м... деловое соглашение. Но у меня сложилось впечатление, что его интересовало нечто, связанное с материализацией призраков. Во всяком случае дольше всего он изучал те книги, где было хоть что-то на эту тему.

— Ничего себе — «деловое соглашение»! И где?.. Прямо в библиотеке?.. — забормотала я над головой Кайлеана. — И с кем?! Это же всё равно был не Химериан её мечты, а совершенно другой человек! И она с ним... нет, не представляю, как так можно...

Кайлеан ответил мягко, тщательно подбирая слова.

— Видите ли, Данимира Андреевна... Вам этого не понять, потому

что... э-э-э... в некоторой области... э-э-э... вы совершенно неискушены.

Намёк был более чем прозрачен.

— Конечно, — согласилась я, чувствуя, как кровь приливает к щекам, и от смущения бормоча какие-то глупости: — Это потому что в то время, как все нормальные люди во всю искушались, я точила когти и кричала «мяу», выпрашивая как милостыню какого-то паршивого омара...

Он ответил ещё мягче:

— Ничего, думаю, вы быстро наверстаете. — Даже не видя лица, по голосу я поняла, что он улыбается. — Всё будет хорошо, Данимира Андреевна.

Пока в моём мозгу крутились варианты достойного ответа, я вдруг заметила на втором фантоме странное украшение, которого изначально не было, и поспешно сказала:

— Кайлеан Георгиевич, пусть второй фантом повернётся. Что это за обруч с зубчиками возник у него на голове? Похоже на какую-то корону.

— Это и есть корона, — глухо сказал Кайлеан, и чувствовалось, что улыбаться ему расхотелось. — Ну, мастер Лиланд, начинайте свою историю.

Мастер Лиланд поднялся с колен, тряхнул бетховеновской шевелюрой и понёс, на мой взгляд, форменную ахинею.

— Это не моя история, — заявил он, — это история императора Мортена Великого. Грядущего повелителя, который огнём и кровью спаяет эту жалкую лоскутную Конфедерацию в единую Империю, во главе которой будет стоять истинный гений, и тогда мы вернём то, что принадлежит нам по праву, то, что когда-то было отнято у магического сообщества в трижды позорном Сноудоне!

Подчиняясь фантазии мастера Лиланда, фантом Мортена вдруг оказался на коне, вставшем на дыбы. Всадник простёр указующую длань куда-то в туман... кровавый плащ, подбитый горностаем, ниспадал с плеч, полностью скрывая конский круп... корона трансформировалась в сверкающий лавровый венец...

В указующую длань очень хотелось вложить топор, потому что Мортен явно собирался прорубить куда-то окно.

«Пам-бам-паба-ам...» — всплыло в моей голове начало знаменитой Пятой симфонии.

Кайлеан — скучным голосом, но слегка подавшись вперёд, — спросил:

— Что же принадлежит вам по праву?

— Наша прародина! Изначальное измерение, поруганное, отданное на

откуп примитивным бездарным существам!

— О как... — сказал Кайлеан, вновь откинувшись назад. — Далеко нацелились...

Я нахмурилась.

— Прародина... Это он, случайно, не нашу Тихую Империю имеет в виду?

— Случайно вашу, — подтвердил Кайлеан, — но не волнуйтесь, нашей Конфедерации, если что, тоже мало не покажется.

Мастер Лиланд горделиво раздувал ноздри и вид, признаться, имел несколько безумный. Он периодически запускал руки в шевелюру, непонятно зачем её теребя, и беспрестанно бормотал что-то канцелярско-пламенное, обращаясь то к конному призраку Мортена, то к условным небесам.

У меня поневоле возник вопрос:

— А мастер Лиланд вообще как, в себе?

— Нет, конечно. Он под заклятием «лупа Луны». В характере человека находится нужная чёрточка, с помощью заклинания чёрточку увеличивают до гипертрофированных размеров. Видимо, кое-какие реваншистские настроения присутствовали в сознании мастера и раньше. Магическая лупа просто вытянула их на поверхность и превратила в манию.

— Как же этого до сих пор никто не замечал?

— Похоже, стоял блок. Нет Мортена — нет грандиозных планов. А сейчас внешний вид призрака вновь запустил процесс.

— В таком случае насколько реально то, о чём он говорит? Может, Мортен хочет создать армию из привидений?

Кайлеан потёр лоб.

— Теоретически, во Вселенной реально всё. Но практически... армия призраков... Для решения локальной задачи — да, возможно. Я сам могу поднять такую армию в пределах, скажем, миль десяти. И смогу ею управлять полчаса, максимум час... но потом свалюсь замертво от энергетического истощения. Если это будет армия зомби, то есть существ, обладающих какой-никакой плотью, то диаметр действия будет ещё меньше, и всё закончится ещё быстрее. Эдак можно полностью выжечь весь магический ресурс. Тут уже будет не до мирового господства. Нерентабельный план. Думаю, тут что-то другое, хотя и эту версию необходимо проверить.

— А если он хочет поднять не армию? Может, кого-то одного, но супермогучего?

— Кого бы?

— Я не знаю, вам виднее.

— Мне не виднее, — сухо сказал Кайлеан. — Не исключено, что идея с возвращением прародины — мираж, дымовая завеса, и появилась лишь в качестве инструмента влияния на нужного человека. Ничего, надеюсь, из них, — он кивнул на леди Мибл и мастера Лиланда, — ещё кое-что удастся вытянуть... Пора возвращаться и запускать дракошек... разве что напоследок... испытаем удачу? Мастер Лиланд! — обратился он к библиотекарю. — Что искал Мортен в вашем отделе?

Мастер Лиланд вновь опустился на одно колено.

— Прощайте, император, — сказал он, склонив взлохмаченную голову, — я не предаю вас.

Удача нам изменила — они прыгнули оба, но Кайлеан успел остановить лишь леди Мибл. Она упала на каменистую поверхность и осталась неподвижна, крик мастера Лиланда поглотила бездна. Их фантомы развеялись.

— А-а-ахх, чёрт бы побрал эти проклятые инстинкты! — выругался Кайлеан с чувством, когда вопль падающего сошёл на нет. — Мужчина был важнее!

Я молчала, закусив костяшки пальцев, затем тихо произнесла:

— Как бы то ни было, ваши инстинкты делают вам честь, Кайлеан Георгиевич.

Но он был раздосадован.

— Я должен был догадаться. Возвращаемся. — И начал читать заклинание.

Наверное, таков был специфический эффект «абиссума»: я вновь потерялась в его ритмичных волнах, а когда очнулась, увидела, что Кайлеан приобрёл прежний облик, и мы опять находимся в помещении архива. Я бы вздохнула с облегчением, но дикие крики ввинчивались в мозг раскалёнными шурупами.

Леди Мибл сидела на полу с потерянным видом и раскачивалась вперёд-назад, а рядом катался по полу и корчился в муках сожалений мастер Лиланд. Он был как раненый зверь — я улавливала только отчаянное «зачем, зачем» — и рвал на себе волосы и одежду.

Это было невыносимо, я схватила Кайлеана за рукав.

— Сделайте что-нибудь, умоляю, прекратите его мучения!

Сумрачный Кайлеан обвёл вокруг нас круг, отсекающий звуки, иначе пришлось бы кричать, чтобы услышать друг друга.

— «Абиссум» не имеет обратной силы. Ничего сделать невозможно. Рассудок мастера Лиланда сейчас пожирает сам себя.

— А можно как-то отключить его сознание? Может, применить медикаментозный наркоз? Морфий, закись азота, что там ещё бывает? А, Кайлеан Георгиевич?

— Не поможет. Нам станет легче — он замолчит, но внутри его души всё останется по-прежнему. — Он помедлил, потом сообщил: — Но более трёх суток это не продлится.

— А потом?.. — спросила я дрогнувшим голосом.

— А потом он успокоится навсегда, — жёстко сказал Кайлеан. — Прежде чем вы начнёте переживать по этому поводу, напомню, что на сомнительный путь мастер Лиланд ступил самостоятельно, и вероятные жертвы его отнюдь не смущали. Поэтому я ничего не стал бы менять... ну, разве что для получения нужных сведений. — Далее в его голосе прорезались хорошо знакомые менторские интонации: — Данимира Андреевна, гипертрофированная жалость — не лучшая черта характера. Учитесь властвовать собой.

Тоже мне, Евгений Онегин, в раздражении подумала я. Невольная цитата задела за живое, тем более что в ней содержалась изрядная доля здравого смысла. Наверное, он как всегда был прав. Но нервы мои были взвинчены, и я возразила:

— Учитесь, учитесь... Вы будто готовите меня в большие государственные деятели. Это вам нужно быть таким... таким хладнокровным. А я — обычный человек. Да, понимаю, мастер Лиланд сам виноват, но ведь его нынешние мучения бессмысленны.

Кайлеан посмотрел на меня долгим взглядом будто с языка у него рвались какие-то слова, но ничего не сказал и взмахом руки разрушил защитный круг, ясно обозначив, что не желает продолжать разговор.

Крик снова ударил по ушам; прикрыв глаза, я отвернулась от обречённого человека.

Вызванные Кайлеаном службы забрали леди Мибл и мастера Лиланда. Последнего пришлось привязывать ремнями к носилкам, справиться с ним смогли лишь четыре человека одновременно.

...Сидя в углу за чьим-то рабочим столом, я отпивала мелкими глотками воду из хрустального бокала, который принёс Ариэль Аттиус. Отстранённо, чувствуя себя рыбой за стеклом аквариума, я наблюдала за происходящим. Мною было отмечено как почтительно обращаются к Кайлеану присутствующие, даже те, кто выглядел гораздо старше. Ещё я заметила, что все как один — даже отвечая на вопросы — стараются не встречаться с ним взглядом, будто Кайлеан Георгиевич был каким-то василиском. Даже мастер Аттиус, который раньше вёл себя гораздо

непринуждённой, теперь очевидно соблюдал определённую дистанцию. Надо думать, такой реакции способствовало недавнее зрелище полностью раздавленного существа, в которое превратился респектабельный заведующий Призрачным отделом.

В душе царила такая опустошённость, что я даже стала подумывать, не попроситься ли мне домой, в Башню, но тут двери архива распахнулись, и вошёл молодой человек, удерживающий на сворке трёх дракошек, рвущихся вперёд.

Я немного ожила.

Дракошечки были красавицами. Длинными ногами и горбатыми спинами они напоминали русских псовых борзых, но вдоль спины шёл зубчатый гребень, волною переходивший на хвост, узкие длинные черепа имели типично драконьи очертания, драконьими были и янтарные глаза с вертикальными зрачками. Впрочем, за счёт того, что тела дракошек покрывала не чешуя, а шерсть — серая с чёрными подпалинами, они всё-таки больше напоминали собак.

Ноздри волшебных существ трепетали, дракошечки водили мордами туда-сюда, принюхиваясь к окружению.

— А-а-а, вот и Харлин с девочками, — довольно сказал Кайлеан и обменялся с вошедшим крепким рукопожатием. Харлин, выглядевший ровесником Кайлеана, взгляда не прятал, смотрел прямо и вообще было заметно, что он рад видеть Его Высочество. У меня немного отлегло от сердца, а то начинало создаваться впечатление, что подданные знают Кайлеана Георгиевича исключительно как сатрапа и деспота, способного развеять в прах за малейшую провинность.

Кайлеан поздоровался и с подопечными Харлина, предоставив им ладонь для обнюхивания. Потыкавшись дружески носами в кайлеановскую ладонь, дракошечки начали совершенно по-собачьи приседать от счастья и молотить зубчатыми хвостами по полу — они тоже не считали младшего принца сатрапом и деспотом.

Вдруг одна из дракошек перестала выражать бурную радость, странно пригнула шею и стала поводить драконьей головой по сторонам, пока не уставилась в угол, где сидела я. Две другие тоже присоединились к ней и натянули поводки. Да, этих существ не обмануть никакими отводами глаз, подумала я.

— Леди Данимира, подойдите к нам, — позвал Кайлеан.

Я с готовностью вышла из-за стола.

Кайлеан представил Харлина — не смотря на свою молодость, тот оказался старшим егермейстером, Харлин поздоровался несколько

рассеянно, глядя сквозь меня. Интерес, на мгновение вспыхнувший в его глазах, тут же угас, будто он сразу забыл о моём существовании.

Другое дело дракошейки, на которых отводящие штучки не действовали. Они буквально завибрировали, изучая протянутую ладонь. Я протянула правую руку, но их внимание быстро переключилось на моё левое запястье. Чуткие носы тщательно изучали красную нить, а зубчатые хвосты постепенно начали вилять — сначала неуверенно, потом всё сильнее и сильнее. Вскоре мне были оказаны такие же почести, как и Его Высочеству.

Я метнула косой взгляд на Кайлеана. Он наблюдал за этой сценой, приподняв брови в некоторой задумчивости.

— А вы нравитесь драконам, Данимира Андреевна, — медленно проговорил он. — Однако, как быстро вас признали за свою...

— Вы же оставили на мне свой запах, помните? — сказала я. — Вот и результат.

Было очевидно, что мои слова не в полной мере убедили Кайлеана Георгиевича, но в этот момент к нам подошёл мастер Аттиус, которому дракошейки тоже пару раз махнули хвостами, и скользкая тема была оставлена.

Мастер принёс нам в платке огниво для сотворения магического огня.

— Это из стола леди Мибл. Она даёт первые показания. Утверждает, что вещь принадлежала Мортену. Якобы огниво было оставлено им в отделе в последнюю ночь, а она убрала его в нижний ящик стола. Уверяет, что больше не прикасалась к этому предмету.

— Что ж, поглядим. Идёмте в Призрачный отдел.

Туда мы отправились обычным манером — пешком, вероятно, из-за дракошеек. Возглавлял отряд мастер Аттиус, за ним шагал рыжеусый мужчина, как я поняла из оброненных фраз, ставший в одночасье новым хозяином Призрачного отдела, следом шествовал Харлин со своими девочками, за Харлином шла я, и замыкал цепочку Кайлеан. Его Высочество периодически прожигал взглядом мою спину, отчего казалось, что меня конвоируют.

Путь был не близок. Вначале мы, гулко громяхая железом, поднялись по винтовой лестнице наверх, затем долго петляли извилистыми коридорами вдоль полок, забитых книгами. При нашем приближении на потолке тускло загорались светильники, но едва мы проходили это место, свет угасал, и тьма вновь начинала дышать в затылок. С сожалением я размышляла, что не случись истории с обнаружением факта проникновения в библиотеку Мортена, маленькое путешествие могло бы показаться

восхитительным — Карагиллейновская библиотека напоминала пещеру Аладдина, наполненную таинственными сокровищами. Золотая вязь на переплётах привлекала больше драгоценностей. Но, увы, это была не развлекательная прогулка.

Наконец, мы вышли в коридор попросторнее. Факелы на стенах загорелись ярко, Кайлеан поравнялся со мной и сказал: «Пришли».

Не доходя до массивных двойных дверей, за которыми находился отдел призрачной литературы, мастер Аттиус остановился. Он отодвинул от стены табурет-подставку и развернул на его верхней ступени платок с огнивом. Кивком мастер показал Харлину, что тот может приступать к работе, сам же отошёл подальше. Кайлеан взял меня под локоток и тоже отвёл в сторону. Вскоре я поняла, зачем нужно было свободное пространство.

Старший егермейстер издал короткий шипяще-свистящий звук и спустил подопечных с поводка. Дракошейки устали на огниво, но сразу подходить не стали. Они, грациозно переступая стройными лапами, кружили поодаль от табурета, только втягивали воздух нервными ноздрями.

— Почему они не подходят? — шёпотом спросила я у Кайлеана.

Так же шёпотом он ответил:

— Для них запах на расстоянии меняется, сейчас дальний изучают.

Через несколько минут дракошейки приблизились к огниву. Они долго стояли над ним с полузакрытыми глазами, потом начали легонько прикасаться носами друг к другу, кончики зубчатых хвостов слабо подёргивались.

Я прошептала:

— А сейчас что делают?

— Обмениваются впечатлениями о запахе, синхронизируются.

Напоминает катнет, подумала я. Может, у них есть драконет?

После ритуала синхронизации дракошейки одновременно подняли головы и устали на запёртые двери. Ариэль Аттиус двинулся было в ту сторону, но из клыкастых пастей вырвалось дружное шипение.

Мастер Аттиус замер и, сделав пару скользящих шагов назад, вернулся на прежнее место.

Дракошейки неспешно обошли его и приблизились к дверям. По центру деревянных полотён были вбиты медные гвозди, их позеленевшие от патины шляпки образовывали сложный узор, расположенный по кругу. Что-то подобное я уже видела в Башне Кайлеана. Дракошейки приступили к тщательному изучению дверей. Иногда они даже вставляли на задние

лапы.

— Гвозди заговорённые, — тихо пояснил Кайлеан, не дожидаясь вопроса. — Заговоры разные, но в основном на удержание призраков в пределах отдела. В фолиантах этой публики полно, такая специфика, но даже если кто-то вырвется, дальше отдела не уйдёт — заклинания никого не выпускают.

— А почему дракошейки так заинтересовались?

— Должно быть, Мортен что-то делал с дверьми. Скоро узнаем.

— Он кого-то выпускал! — возбуждённо проговорила я. — Какое-то привидение!

— Или впускал, — заметил Кайлеан.

— Впускал? Вы думаете, он был не один?

— Тсс... — Кайлеан приложил палец к губам, потому что одна из дракошечек посмотрела на Харлина и издала короткий отрывистый звук, похожий на свист пополам с шипением. Это, видимо, означало, что изучение дверей закончено, потому что егермейстер сразу же подошёл к подопечным. Из сумки, висевшей на боку, он достал кусочки какого-то лакомства и скормил его дракошейкам. Потом они поговорили — на том же свистяще-шипящем драконьем языке, после чего Харлин повернулся и разрешил подойти всем остальным.

Не прикасаясь ни к чему, он указал с десятков мест в заговорённом узоре.

— Ваш объект что-то делал вот с этими гвоздями.

Ариэль Аттиус, прищурясь, осмотрел указанные места.

— Да, похоже... Но без дракошечек вмешательства не увидеть никаким образом. Я вижу, что Мортен был осторожен, поверхностный магический слой тщательно восстановлен. Никому и в голову не приходило копнуть глубже. С виду всё было нормально, и защита ведь работала!

— Пока я никого не обвиняю, — сказал в ответ на это Кайлеан, но его «пока» прозвучало многообещающе. Он долго рассматривал узор и наконец вынес вердикт: — Мортен менял местами гвозди, создавая новый узор. Гвозди, отмеченные дракошейками, вынимались и вставлялись неоднократно — разумеется, при помощи магии... Не могу определить тип существа, для которого это всё проделывалось... слишком много вариантов. Но никто из библиотечных призраков не мог войти или выйти... кроме того, для кого старался Мортен. Весь смысл манипуляций с заговорёнными гвоздями сводился к тому, чтобы определённая магическая сущность могла свободно уходить и приходить... Или наоборот — входить и уходить. Мастер Аттиус, свяжитесь со следствием, пусть спросят у леди Мибл,

замечала ли она когда-нибудь, чтобы Мортена сопровождал какой-либо призрак. А нам больше нет резона топтаться у порога. — Он толчком обеих рук распахнул двери и отступил в сторону, пропуская дракошек с Харлином вперёд, под своды Призрачного отдела.

После блуждания по тесным коридорам зал, где хранились книги, посвящённые призрачным сущностям, показался мне очень просторным. Его вид вызвал очередной прилив уважения к Карагиллейновской библиотеке — отдел был организован со всем тщанием. Левую стену занимал ряд высоких витражных окон; свет, прошедший сквозь цветное стекло, создавал пёстрый узор на отлично натёртом дубовом паркете. Витражи в средневековой манере изображали преимущественно сцены жестокости и насилия. Стилизованные человечки неуклюже, но трудолюбиво пронзали друг друга копьями и мечами, лили с крепостных стен расплавленную смолу на головы себе подобных, сжигали кого-то на костре и так далее. Что поделаешь, большинству обитателей отдела чужие страдания нравились. Наверное, в этой извращённой склонности присутствовала определённая доля зависти к тем, кто обладал плотью и кровью, и таковое свойство устроителями было добросовестно учтено.

Напротив, как и положено, обнаружился камин — широкий, с массивной верхней полкой, заставленной всяческим инвентарём: там стояли магические шары разнообразных размеров, кристаллы, свечи, раковины, шкатулки, пирамиды и тому подобное. В высоких оловянных кружках хранились пучки засушенных трав, но в одну из посуды кто-то воткнул пожелтевшие кости, торчавшие из кружки наподобие обычных карандашей.

Возле камина стояло кресло, обтянутое вытёртой кожей, но добротное с виду, сбоку была прислонена толстая кочерга. Я подумала, что наверняка зола в камине свежая, поскольку призраки любят, когда камином пользуются, а потом вдруг представила, как ещё вчера мастер Лиланд сидел в этом кресле и, склонив буйную бетховеновскую голову, ворошил уголья кочергой... Он любил свой отдел и заботился о нём, это чувствовалось, а теперь часы его жизни сочтены. Зачем он поддался речам Мортена, и почему абстрактный миф оказался ему дороже, чем весь прекрасный мир, которым он обладал неоспоримо?

От минорных размышлений меня отвлекли дракошейки. Они изящными серыми тенями скользили вдоль книжных стеллажей, порой чуть слышно потягивая, и сами слегка напоминали привидения. Несколько раз ищейки собирались в одном месте и начинали касаться друг друга носами. Выглядело трогательно, но я уже знала, что это не

выражение приязни, а часть их работы, обмен впечатлениями.

Всё чаще дракошейки поднимали головы и начинали принюхиваться к верхним ярусам.

— А как же они исследуют то, что наверху? Крыльев у них вроде бы нет, а тут высота какая... Они умеют лазать по лестнице? — Я с сомнением посмотрела на узкие перекладыны библиотечной лестницы.

— Есть у них крылья, — ответил Кайлеан, и будто в подтверждение его слов одно из удивительных созданий чудно сгорбилось, затем воспроизвело ряд странных телодвижений, в результате которых над спиной с хлопком развернулись тонкие перепончатые крылья. Дракошейка встряхнулась, взмахнула крыльями, оттолкнулась от пола и зависла в метре от пола.

Я округлила глаза:

— Как это у них получается? А где крылья раньше были?

— Ген оборотничества, он обеспечивает трансформацию... — Кайлеан добавил с оттенком гордости: — Селекция длиною в сто лет. Наш драконятник известен во всех королевствах.

Стройное серое тело поднималось вверх, лапы дракошейки плавно помавали в воздухе, в общем зрелище напоминало сцену из какого-то мультфильма, где душа собаки отправляется в рай, причём взмахи крыльев были слишком редкими, чтобы поднять такой вес. Крылья крыльями, но тут явно присутствовала дополнительная магия.

Вскоре все три дракошейки парили в воздухе, обследуя верхние ярусы, и наблюдать за их повадками было столь увлекательно, что я не ощущала времени.

Ищейки скрупулёзно обследовали отдел и в конце своей деятельности указали на те объекты, где почуяли следы Мортена. Их оказалось не так много, как я опасалась, но всё равно, когда мастер Аттиус при помощи рыжеусого дядечки снял фолианты с полок, библиотечный стол оказался почти весь заполнен. По счастью, дракошейки оказались хорошо выучены и смогли особыми сигналами обозначить экземпляры, на которых они чуяли самый сильный запах. Можно было надеяться, что именно это содержание интересовало Мортена больше всего. Отобранную стопку Кайлеан сразу отнёс на соседний стол и начал незамедлительно просматривать.

Кайлеан Георгиевич был большим собственником по части владения информацией. Я справедливо опасалась, что он, глазом не моргнув, скроет от меня всё, что ему потребуется, поэтому стояла чуть позади и старалась не дышать.

Через некоторое время стало понятно, что Кайлеан уделяет одной рукописи повышенное внимание, он то откладывал её в сторону, то возвращал и листал в задумчивости. Рукопись пребывала в ужасном состоянии — не то рваный, не то обгрызенный переплёт, хрупкие пожелтевшие страницы, обильно испещрённые пятнами. Кое-где текст был частично размыт, где-то его скрывала непонятная субстанция. Я даже заметила круглые следы от стаканов. Но самым ужасным было то, что язык рукописи оказался мне незнаком. Округло-кудрявые буквы неровно нанизывались одна на другую. Просто какой-то грузинско-эльфийский алфавит, в сердцах подумала я. А если судить по внешнему виду, то вообще можно было предположить, что перед нами любимая поваренная книга — тут соус пролили, тут маслом брызнули, а здесь на листы винегрет уронили и долго возили вилкой, пытаясь его собрать.

Подошедший Ариэль Аттиус взглянул и произнёс:

— А-а-а... Бертольд Бромбс, «Жизнь нежити»... Блеск, арабески, игры разума... Но ведь никто не смог воспользоваться этим трудом на деле.

— Однако «Жизни нежити» было уделено куда больше времени, чем практическим изысканиям других, — пробормотал Кайлеан. Он продолжал бегать взглядом по выцветшим строчкам.

Мастер фыркнул.

— Воображение у Бромбса, конечно, было хоть куда. Думаю, следы на рукописи — банальное подтверждение этого факта. Мортен открыл ненароком, зацепился за какое-нибудь парадоксальное утверждение — и понеслось... Я и сам когда-то провёл бессонную ночь, случайно заглянув в сии писания. Был обескуражен неоднократно и не менее трёх раз жестоко шокирован. Бромбс умел привлекать внимание к своим текстам. Но его чары скорее из разряда писательских, по моему разумению, в нём погиб большой поэт.

— Кто-нибудь населяет эту книгу? — спросил Кайлеан, поразмыслив.

Мастер Аттиус снова фыркнул:

— А как же — Бромбс не был бы самим собой, если б не подселил какую-нибудь пакость!

Кайлеан немедленно — с хищным выражением лица — произвёл пассы, над книгой закурился синеватый дымок, из дымка воспарила прозрачная фигура — тучная, с большим животом. Фигура держала в одной руке нечто призрачное, но явно напоминающее куриную ногу. Откусив от ноги, призрак, явственно чавкая, спросил:

— Чего надо?

Куриная нога была развеяна по ветру сразу после этих слов. Обжора с недоумением глянул на свою пустую руку, вытер её об призрачную рубашу, вздохнул и сказал:

— Простите, не признал сразу, что здесь кто-то из властительных Карагиллейнов. — Кряхтя, он изобразил намёк на поклон, согнуться сильнее не дал живот. — Ваше Величество?

— Мы пока «Наше Высочество», — холодно сообщил Кайлеан Георгиевич, — но это временно. Я — Кайлеан Третий.

— Сынок Джорджи? Младшенький? Надо ж, годы-то как летят... Только поглядите — молодой орёл! А ведь ещё вчера по малолетству библиотеку поджигал... как сейчас помню — штанишки коротенькие, спичка в ручонке дрожит... а кругом неразбериха, греки бегают, кричат «Ребята, Аристотеля спасаем!», римляне — «Нет, сначала Плиния и Сенеку!»... египтяне чучело какого-то крокодила вперёд пихают... драка началась... так и не спасли ничего... Э-хе-хе...

Призрак снова вздохнул, как мне показалось, преувеличенно тяжело.

— Если вы имеете в виду пожар, уничтоживший Александрийскую библиотеку, то это не я, — ещё холоднее сказал Кайлеан. — И вообще вы что-то путаете. Моя дрожащая ручонка отродясь спички не держала, мне без надобности. А в нашей библиотеке пожар я устроил только раз. И дальше Драконьего отдела возгорание не пошло. Всего-то один стеллаж и обгорел.

— Путаю? Э-хе-хе... наверное, это у меня от недоедания в голове помутилось, — призрак раскрыл перед собой пустую ладонь и воззрился на неё с глубокой печалью. — А говорите — дальше Драконьего отдела дело не пошло? И всего один стеллаж обгорел? Это у вас, наверное, тоже от недоедания. Кушали бы кашу хорошо — спалили бы всё дотла.

— К делу, — оборвал светскую беседу Кайлеан. — Я отвлеку вас ненадолго. Мне нужна информация, потом сможете продолжить свою трапезу.

— Да разве ж это трапеза? — возразил призрак. — Так, перекусон. Чтоб до обеда дожить.

Не вступая в пререкания, Кайлеан воссоздал фантом Мортена. Я обратила внимание, что он внёс некоторые поправки, и теперь облик Мортена приближался к усреднённому, больше напоминая тот портрет, что

вышел у Ариэля Аттиуса.

— Помните этого человека? Он заглядывал в вашу книгу года два назад.

Толстяк долго разглядывал Мортена, наклоняя голову то так, то эдак, после чего произнёс:

— Впервые вижу.

На мой взгляд, он врал. Видел он Мортена, но по каким-то причинам желал это скрыть. Я хотела заявить об этом, но побоялась помешать. Впрочем, Кайлеан, похоже, считал так же.

— Подумайте как следует. Напрягите память. Следствием установлено, что этого человека ваша книга весьма заинтересовала.

— Следствием? — Глаза толстяка глянули из-под набрякших век внимательно, и я подумала, что он далеко не тот беспечный обжора, каким хочет казаться.

— Он преступник.

— Но вы его не схватили, — констатировал призрак.

— Это вопрос времени.

— Тут я вам не помощник, Ваше Высочество. Я вообще ем всё время. А когда не ем, то пью. Сильно пью. Мне некогда обращать внимание на тех, кто суёт нос в мою книгу.

— Бросьте. Вашу книгу не Шекспир написал. В неё редко заглядывают. Уверен, вы помните каждого своего читателя и помните, на что обращалось особое внимание.

Толстяк был непреклонен.

— А этого юношу — не припоминаю.

Кайлеан некоторое время молчал, потом вымолвил со значением:

— Вам не поздоровится, если будете скрывать факты от королевского правосудия.

Призрак выпрямился и попытался втянуть живот.

— Я — копия Бертольда Бромбса, но не его привидение, а его создание. Я нежить и не умирал никогда. — Он мстительно усмехнулся: — У тебя нет надо мною власти, некромант.

Кайлеан улыбнулся ответной акульей улыбкой (я видела её сбоку, но даже с такого ракурса она вызвала дрожь):

— Это так. Но у меня есть власть над твоею книгой. Погибнет она — погибнешь и ты.

— От меня никто ничего не узнает.

— Что же такого есть в Мортене, что ты готов на всё ради него? — прищурясь, спросил Кайлеан.

— А вы не знаете? — с каким-то непонятным весельем сказала копия Бромбса. — Тогда вам не понять.

Кайлеан снова долго молчал, потом начал говорить замогильным голосом:

— Властью, что дана мне кровью Карагиллейнов, приговариваю рукописное творение Бертольда Бромбса, именуемое «Жизнь нежити», к переходу в небытие через испепеление. Испепелению подлежит только оригинал рукописи, печатным копиям даруется существование. Призраку, населяющему оригинал, даётся минута на подачу апелляции. Время пошло.

Он вскинул руки над книгой.

Позади что-то сдавленно произнёс Ариэль Аттиус, но больше он не издал ни звука. Промолчал и рыжеусый дядечка, имени которого я до сих пор не знала, промолчал и Харлин, только дракошейки взволновались и жалобно заскулили.

Я остолбенела. До сих пор я понимала, что раз Кайлеан — сын правителя королевства, то он наверняка занимается некоторыми государственными делами, которые априори предполагают жёсткую линию поведения... об этом вообще можно было догадаться по ухваткам Кайлеана Георгиевича, но я никак не рассчитывала, что стану свидетелем сцены, где он выступит в роли палача. Мне было ясно, что на возражения он опять ответит онегинской нотацией насчёт властвования собой и всего такого прочего. Я стояла ни жива, ни мертва, зная, что после этой экзекуции что-то надломится в наших отношениях.

Ничего больше не хочу, тоскливо думала я. Только домой. К маме с папой!

В руке у призрака возникла призрачная, оплетенная лозой бутыль. Он запрокинул голову, поднёс бутыль к губам, и всю отпущенную ему минуту жадно глотал влагу — кадык у него так и ходил. Напившись, он так же весело сказал:

— Ну и пёс с тобой, Твоё Высочество. — Призрак отшвырнул бутыль в сторону и рванул ворот рубахи. — Пепели, гад, всё равно ничего не скажу!

— Быть по сему, — сказал Кайлеан и захлопнул книгу.

Призрак исчез.

Скулёж дракошек захлебнулся и оборвался.

Я зажмурилась.

Потом услышала, как Кайлеан совершенно будничным голосом распоряжается:

— Я забираю в Башню всё, что лежит на этом столе. Приступайте к

отправке немедленно, охрану я обеспечу. На остальное составьте список. Список пришлите, а книги с того стола можете расставлять по местам.

Я приоткрыла один глаз, другой... «Жизнь нежити» лежала на столе целёхонькая.

— Вы её не испепелили... — хриплым голосом сказала я, чувствуя, как невероятное облегчение растекается по каждой клеточке.

— Дорогая леди Данимира, — сказал Кайлеан поучительно, — я не совершаю необратимые и притом бессмысленные поступки. Вот необратимые, но со смыслом — другое дело.

— Это был спектакль... Но зачем?

— Мне надо было узнать, на что пойдёт этот призрак ради Мортена.

— Ну и?... — жадно спросила я.

— Я узнал, — сказал Кайлеан и замолчал.

Я подождала, Кайлеан безмолвствовал. Наконец до меня дошло, что в который раз он предпочёл оставить свои соображения при себе. И это после того, как мы вместе парили над бездной, и его интересовало моё мнение, и вообще я думала, что мы как Шерлок Холмс и доктор Ватсон... А на самом деле, оказывается, мы — Шерлок Холмс и миссис Хадсон!

— А знаете что, Кайлеан Георгиевич, — сказала я тихо, чтоб не услышали подданные, — вас тут недавно гадом назвали. Так вот, я начинаю подозревать, что это было не ругательство, высказанное в сердцах, а сухая констатация факта.

— Эх, как меня только не называли, — махнул рукой Кайлеан. — Есть хочу. Вы не видели, но в последний момент копия Бромбса меня укусила, и теперь я такой же проглот, как и он. Давайте быстренько закончим с портным и пообедаем. Как вы хотели — в городе.

Он был похож на человека, только что разрешившего трудную задачу.

— Хорошо. Но этот разговор ещё не закончен.

На это Кайлеан ничего не ответил, протянув мне руку. Но тут я вспомнила кое-что.

— Подождите ещё минуточку! — сказала я и обратилась к Ариэлю Аттиусу: — Мастер Аттиус, я хотела спросить про ту змеиную книгу. Вы сказали, что решение найдено...

Мастер небрежно махнул рукой.

— Да какое там может быть решение. Не могу же я предоставить целый стеллаж какому-то справочнику. Он, конечно, определённую ценность имеет, но не до такой степени. Не тот у него статус. Заключим в специальный экранирующий футляр, уберём на хранение в подвал. Вот и всё.

— А вы не могли бы повременить с крайней мерой? Прошу вас, переместите «Трактат о гадах» в Драконий отдел. Давайте попробуем поставить его на недельку между двумя фолиантами посварливее. Вы же знаете, драконьим книгам, как и драконам, ни один яд не страшен, и магической силы в них на порядок больше. Возможно, после такого испытания характер «Трактата» изменится в лучшую сторону. Должен же он почувствовать разницу. По-моему, он начнёт ценить своих прежних мирных соседей.

Ариэль Аттиус обдумал моё предложение и хмыкнул.

— Недельку, говорите?

— Ну, точно тут никто не скажет. Мне кажется, будет достаточно. А вы считаете, неделя — слишком жестоко? — с тревогой спросила я. — Мои познания о драконьих книгах чисто теоретические — мне мама о них много рассказывала. Она говорила, что эти книги одни из самых сильных в магическом смысле, и притом характер у них не сахар. Вот я и подумала...

Мастер снова хмыкнул.

— Характеристика верная. Ладно, только ради ваших прекрасных глаз, леди Данимира, проведём эксперимент.

— Но вы дня через три его проведайте. Мало ли что...

— Вы сможете сделать это сами. Приходите к нам денька через три... если Его Высочество будет не против...

— Ваше приглашение — большая честь для меня, — сказала я. — Буду рада. Конечно, Его Высочество не будет против... — Я вопросительно взглянула на Кайлеана.

Кайлеан снова ничего не ответил, но взял меня за руку.

— До скорой встречи, мастер Аттиус, — успела торопливо проговорить я.

Я ожидала, что меня перенесут прямо в мастерскую портного, но вместо этого мы оказались внутри просторного двора, окружённого крепостной стеной из дикого камня. Небесный шатёр над нами светился яркой синевой и ни единого облачка не нарушало эту синеву, но весь двор накрывала сумрачная тень. Я оглянулась и невольно задрала голову — позади высилась тёмная громада замка Карагиллейнов. Мощные уступы громоздились один над другим, их соединяли неожиданно изящные террасы-галереи с ажуром колонн или выгнутые мосты, украшенные башенками; глаз выхватывал то крылатую химеру, застывшую перед прыжком (и я не была уверена, что это статуя), то витражное окно, у которого причудливо расчерченные стёкла светились изнутри алым... это был какой-то средневековый небоскрёб, казалось, башни действительно

царапают шпильями небо. У меня даже защемило сердце от невероятных масштабов. Город над городом... Подумать только, маленький мальчик Кайлеан вырос в таком месте...

Я разглядывала замок, его мрачную красоту, пока не закружилась голова, потом взгляд опустился ниже. Двери, к которым вёл пологий пандус, были распахнуты. На пандус заехал фургон, запряжённый парой мохноногих лошадок, над кузовом был натянут полотняный полукруглый тент. Несколько мужчин выгружали из фургона ящики с какими-то жёлто-красными плодами и вносили их внутрь. Рядом стоял кряжистый бородатый мужчина в белом фартуке и белом колпаке и, сложив руки на груди, наблюдал за действиями грузчиков. Он скользнул по нам безразличным взглядом — наверное, Кайлеан наложил отвод глаз и на себя, чтобы его не узнавали в городе.

— А где мы сейчас?

— Это хозяйственный двор замка. В детстве я часто убегал из замка через кухню. Пойдёмте, Данимира Андреевна, мы дойдём до города пешком.

— Я думала, мы сразу окажемся у портного. Пешком, конечно, в сто раз лучше. Но вы же голодны.

— Ничего, потерплю.

Кайлеан повёл меня к гигантским деревянным воротам в стене, рядом с которыми была ещё одна дверь — небольшая, обычного человеческого размера.

— Мне показалось, вам нужно сменить обстановку, — сказал он, открывая дверь и пропуская меня вперёд, — слишком много впечатлений, не все из них были приятными. Вы сами говорили о пользе пеших прогулок.

Тесноватый коридорчик, в котором было не разойтись двоим, освещался факелами и изобиловал поворотами.

Ну и толстенная эта стена, подивилась я про себя, но Кайлеан произнёс позади меня:

— Здесь стоит защита. Магический лабиринт, искажающий пространство. На территорию замка допускается не каждый. Сейчас я открываю нам проход, но сами бы вы бродили по этому бесконечному коридору до прихода стражи.

— Но как же тогда вошёл и вышел Мортен?

— Пока не знаю. Это меня сильно тревожит. Но служба безопасности над этим работает.

Когда мы, наконец, вышли наружу, то попали словно в другое

измерение. Мы всё ещё находились в тени, но нагретый воздух сразу ласково облил тело, пахло цветущими травами и хвоей, зазвенели какие-то невидимые насекомые, наверное, местные цикады или кузнечики, — звук был не стрекошуще-шершавый, а более нежный, серебристый.

Я даже оглянулась. Нет, фантастическая тёмная громадина, рвущаяся в небеса, никуда не делась. Но за пределами замка пейзаж был похож на знакомый южный... разве что всё было чуточку красивей — зелень свежее, цветы ярче. Или же мне, проведшей столько времени в заточении, так казалось.

Из-под наших ног полого уходила вниз извилистая гаревая дорога — залитая солнцем, розово поблескивающая. Дорогу с двух сторон огораживал парапет, внизу за парапетом дубы и кедры утопали в цветущих шпалерах жимолости, чубушника, колючего краснолистного барбариса. Может быть, на самом деле это были какие-то другие растения, но разница в глаза не бросалась — желтели пышные заросли дрока, бледно-голубые соцветия розмарина качались на иглистых веточках, по обочине дороги раскинул свои звёздочки гусиный лук...

— Пойдёмте, — сказал Кайлеан, — нас ждут.

Не знаю, что меня опьянило — изобилие света, запахов, красок или же отсутствие стен, или случился запоздалый шок от событий этого утра, но я несколько заторможено перевела на него взгляд. Кайлеан приглашающе согнул руку в локте, я послушно ухватила за его предплечье, и мы стали спускаться вниз как парочка туристов, что посетили местную достопримечательность и отстали от своего автобуса.

Вначале мы почти не разговаривали — я отходила от утренних событий и любовалась роскошными видами. Иногда я произносила «Подождите...», останавливалась и, держась за Кайлеана, вытряхивала очередной камешек, коварно запрыгнувший в туфлю. Тогда Кайлеан застывал как мраморная статуя, опираться на него было очень удобно. Затем мы двигались дальше. Под горячими лучами моя душа постепенно начинала оттаивать. В замке воскрешённый и повторённый многократно образ Мортена всё время стоял перед глазами, нависая подобно грозовой туче, теперь он померк и отступил.

Один раз мы остановились на мостике, под ним бойко сбегала вниз небольшая речушка. В образовавшийся просвет виднелся город Эрминар. Я облокотилась о перила, бездумно наслаждаясь панорамой, и вдруг услышала, как совсем рядом тоненько прозвенело. На каменной поверхности перил что-то блеснуло. Это был кузнечик, серебряный певун из зарослей, и он действительно сиял на солнце.

— Ой, кузнечик! — вскрикнула я. — Он серебряный! — и зашептала: — Не шевелитесь, а то он упрыгает. Хочу его разглядеть.

— Не упрыгает. Раскройте ладонь.

Я раскрыла ладонь, кузнечик покорно скакнул на неё, как на сцену. Поднеся его поближе к глазам, я увидала, что маленькое тельце покрыто серебристыми чешуйками, отчего насекомое блестело, словно было выковано из благородного металла ювелиром-искусником.

— Хорошенький такой... Кузнечик Фаберже! — Налюбовавшись, я сказала: — Всё, отпускайте.

В тот же миг освобождённый кузнечик с чуть ощутимым толчком исчез с моей ладони. Я посмотрела на Кайлеана.

— Вы и насекомыми можете управлять... Наверное, в качестве кары и тучу саранчи наслать можете?

Он пожал плечами.

— Тучу — нет. Насекомые думают по-другому, с ними сложнее.

— Сложнее чем с кем?

Он молча смотрел на меня.

— А, — сказала я. — Понятно. — И вдруг у меня вырвалось: — Значит, романа со стрекозой вы не заведёте.

Брови Кайлеана приподнялись, но он по-прежнему смотрел на меня молча.

То, что сгубило кошку из пословицы, распирало меня изнутри, и я не выдержала.

— Это вообще правда?

— Правда — что?

— Правда ли, что Карагиллейны заставляют забыть об... э-э-э... ну... об отношениях?..

Кайлеан Георгиевич немедленно приобрёл невозмутимый вид.

— Вижу, вы отогрелись на солнышке, — заметил он. — Терапевтический эффект пеших прогулок налицо.

— Так что там с забыванием? Правда или нет?

— Не скажу.

Я опешила.

— Не скажете?

— Нет.

— А почему?

— А зачем?

— Кроме вас никто точно не знает... — сообразила я.

Он чуть усмехнулся.

— Ну, некоторым всё известно лучше меня. Дрю, например.

— Но Дрю не может знать наверняка!

— Вероятность погрешности чрезвычайно высока, — на этот раз откровенно ухмыльнулся Кайлеан. — Но вообще я рад, что вы взбодрились до такой степени, Данимира Андреевна.

— До какой это степени? — подозрительно спросила я.

— До такой.

— Развлекаетесь, Кайлеан Георгиевич, да?

На это Кайлеан опять предложил мне руку.

— Двигаемся дальше?

Посопев, я взяла его под руку.

— Спасибо за кузнечика.

Некоторое время мы шли молча. Кайлеан занимался любимым делом — смотрел на меня, я чувствовала на себе его взгляд. А я... Я любовалась цветущими окрестностями, но при этом мрачно размышляла о том, что если кто-то постоянно скрывает от тебя всё самое интересное и даже жизненно важное, а тебе всё равно хочется идти с этим кем-то под ручку бесконечно долго и хоть на край света, то совершенно ясно как это называется. У нормальных людей это называлось любовью, а у таких невезучих как я — безумием и нарушением магической клятвы.

— Магистр Мерлин будет на балу? — спросила я, когда мы взошли на следующий мост — он назывался Ивовым, потому что старые ивы действительно росли здесь в изобилии, — и снова остановились, глядя на город, который был уже близко.

— Разумеется, — насторожился Кайлеан. — Почему вы спрашиваете?

— Надо кое-что узнать.

Кайлеан вдруг взял меня за плечи и повернул к себе.

— Узнайте у меня, — требовательно произнёс он. — Я тоже не вчера родился. Ну, говорите же, что у вас там ещё припасено?

— Я не могу говорить об этом с вами, — сказала я, глядя в сторону. — Честно. Это не в порядке мести, не потому что вы сами замалчиваете что-то важное... не спорьте, я же чувствую... Просто... именно с вами — не могу.

Он держал меня за плечи и, склоняясь всё ниже, настойчиво ловил мой ускользающий взгляд и спрашивал:

— Но почему? Почему?..

Руки, прежде державшие меня так крепко, что промелькнула мысль о синяках, внезапно расслабились, ладони очень характерно — поглаживающее, прошлись по моей спине, привлекая ближе... Тут я

наконец догадалась взглянуть на Кайлеана. Длинные ивовые ветви почти касались подсвеченных солнцем тёмных волос... а в глубине затуманенных серых глаз уже разгорались красные огоньки. Наверное, его ещё можно было остановить. Но я безвольно наблюдала, как двенадцать букв слова «здравомыслие» рушатся одна за другой и обломки перемешиваются, превращаясь в ничего не значащую абракадабру.

Послышался шум, из-за поворота выехал ещё один фургон, направляющийся к замку. Мы застыли. На сей раз это был заурядный автомобиль, судя по натужному рёву — с двигателем внутреннего сгорания. Впрочем, кто знает, может это завывали пленённые демоны, заключённые под капот. Шофёр сбавил скорость и озорно посигналил нам, полагая, что видит обычную пару, выясняющую отношения в романтическом месте — на мосту, под сенью вековых деревьев. Ему и в страшном сне не могла привидеться та паутина проблем, что опутывала нас с головы до ног.

— Целуй её, парень, чего стесняешься! — весело выкрикнул водитель, высунувшись из кабины. — За жабры её хватай!

Я невольно подавилась смешком, Кайлеан Георгиевич рыкнул что-то невнятное и, на мгновение подняв руку, метнул некий пасс в сторону фургона. Двигатель зачихал и умолк. Обернувшись, я увидела, как автомобиль беззвучно, прибавив в скорости раза в два, под недоумённые вопли шофёра понёсся вверх по дороге, но, к моему облегчению, довольно аккуратно завернул за поворот.

Вскоре вопли стихли вдали.

Наступила тишина, и в этой тишине дружно запели серебряные кузнечики. Мы целовались под серебряный звон, пока хватало набранного воздуха, и обнимались так, будто хотели прорасти друг в друга... потом, тяжело дыша, оторвались друг от друга.

— Это ведь ничего не значит, да?.. — пробормотала я. — ...Мы ведь разумные люди...

— Очень, — нетерпеливо сказал Кайлеан, — разумней некуда...

Два очень разумных человека вновь надолго прильнули друг к другу, а вокруг шелестели столетние ивы и звенели кузнечики, для которых эта весна была единственной в их короткой жизни.

Прошло немало времени, прежде чем мы очнулись и смогли расцепиться. Я тяжело дышала, грудь Кайлеана вздымалась как кузнечные мехи.

Наши глаза встретились. Я была готова увидеть знакомую мину кота, наевшегося сметаны, но Кайлеан глядел так серьёзно, что сердце моё стало стремительно проваливаться куда-то вниз. Ноги подкашивались, будто они

были из плавившегося воска, в голове образовалась пустота; я могла дышать, но воздуха всё равно было мало. Раньше мне казалось, что распространённое выражение «умираю от любви» является помпезным и фигуральным, теперь же я поняла, что люди, испытывавшие подобное, имели в виду нечто совершенно конкретное.

Наваждение надо было прогнать. В конце концов, все эти безусловно прекрасные поцелуи ничуть не изменяли наш безнадежный status quo.

Я сглотнула слюну и произнесла:

— И что это на нас нашло?.. Солнечное помрачение, не иначе... Мы же... э-э-э... останемся друзьями, правда... Ваше Высочество?

Он моргнул, его взгляд обрёл привычную ироничность.

— Данимира, прекрати нести ахинею, — сказал Кайлеан. — Я не гожусь в подружки.

Значит, Кайлеан Георгиевич сделал шаг вперёд и не намеревался отступать. Надо было срочно расставить точки над «i», пока, по выражению Дрю, мне не оттяпали половину мозгов.

— А я — в любовницы.

Он засмеялся, показав свои великолепные зубы. Засмеялся мужским таким, радостно-самодовольным смехом. Кот всё-таки наелся сметаны.

Кайлеан взял мою руку — ту, на которой была повязана красная нить, — и поднёс к губам.

— Тебе не о чем волноваться... — Он поцеловал запястье... один раз, другой... — Я обо всём позабочусь... не бойся меня... прекрасная Данимира... — он бормотал всё это, а его целующие, жадно захватывающие кожу губы поднимались всё выше и выше по руке, и вот они уже перебрались на мою шею...

...Ноги из воска, пустая голова...

— К... Кайлеан... — из последних сил вымолвила я, осознавая, что поддаюсь наваждению снова.

Его губы замерли. Мне показалось, что я физически ощущаю, каких усилий стоит ему остановиться, как тяжело погасить огонь в зрачках...

Кайлеан выпустил меня и отодвинулся... почти отшатнулся. Он отвернулся, прислонился к перилам и яростно потёр лоб ладонью.

— Действительно, — хрипло сказал он. — Всё это несколько преждевременно... Чёрт, просто накрыло... Прости. Но ты на меня так действуешь. Если б ты знала, чего мне стоит...

Он замолчал.

Я беспомощно смотрела на него и думала, что перед отъездом домой непременно сниму и отдам красную нить со своей руки. Всему

происходящему есть объяснение — демоническая пентаграмма стремится воссоединиться со своей утерянной частью, вот что это такое. И будет большим свинством с моей стороны исчезнуть из жизни человека, прихватив с собой часть его сущности. Ничего, перед расставанием душа Кайлеана обретёт целостность, моё присутствие больше не будет так мучить его; он сам станет свободен и с лёгкостью отпустит на свободу меня. Пусть найдёт свою королеву и пусть будет счастлив в своём желанном королевстве.

Что до моих чувств, то я была уверена, что пентаграмма здесь совершенно не причём. На родине меня поджидали чёрные денёчки.

— Будет лучше, если мы перенесёмся к портному прямо сейчас, — сказал Кайлеан. — Опаздываем. Но если хочешь пойти дальше...

Последние слова прозвучали весьма иносказательно, и в моём ответе тоже можно было кое-что прочесть между строк.

— Я хотела бы. Очень хотела. Но всё так неправильно... Лучше к портному.

Он протянул мне ладонь и произнёс довольно мягко:

— Потерпи. Думаю, всё изменится после бала.

Я быстро убрала руки за спину.

— И что такого произойдёт на этом балу?

— Иногда бал — это просто бал. Временная привязка. Я ожидаю известия приблизительно в это время.

— И что тогда? — настаивала я, по-прежнему держа руки за спиной.

Он посмотрел на небо, мечтательно улыбнулся, сладко потянулся и вдруг в одно мгновение сграбастал меня в охапку.

— Тогда, Данимира, всё будет правильно, — шепнул он мне на ухо, — и мы пойдём дальше.

И мы в два счёта оказались в мастерской, где меня поставили перед странным существом. От пяток и до шеи это был обычный упитанный господин — с узкими плечами, с брюшком, которое было искусно прикрыто обширным кружевным жабо, выглядывающим из-под парчового камзола. Голова же принадлежала гигантскому серому кролику, причём кролику не натуральному, а такому, каким его обычно изображают в кино про «Алису в Стране чудес».

В просторном помещении находились ещё три девушки, они хлопотали возле манекена, одетого в великолепное тёмно-фиолетовое платье. Девушки повернулись в нашу сторону (выяснилось, что они прехорошенькие и чем-то похожи друг на друга), присели в реверансе и вернулись к своему занятию.

Кайлеан объявил длинноухому существу:

— Маэстро Лампль, нас задержали дела государственной важности, но всё же мы здесь. — Пока я стояла, приоткрыв рот, Кайлеан по-хозяйски пригладил мои пряди, выбившиеся из причёски и смахнул какую-то пушинку с моего плеча. — Вот вам великолепный объект для приложения сил. Поручаю леди Данимиру вашим заботам. Далее у нас запланирован обед. Надеюсь, вы не желаете своему принцу голодной смерти и управитесь в максимально короткие сроки. А я пока отлучусь, всё равно здесь от меня толку мало.

Он направился к двери, но истаял, не дойдя до неё.

То одна, то другая портниха бросала на меня искоса заинтересованный взгляд, но они старались делать это незаметно. Я же в свою очередь постаралась не таращиться на голову маэстро. Надо было вести себя спокойно и с достоинством, как подобает бывалой леди — в конце концов это был не первый в моей жизни случай подобного несоответствия. Но маэстро Лампль сухо сказал:

— Вижу, Его Высочество не предупредил вас...

Не было смысла отрицать.

— Нет, не предупредил. Но всё в порядке.

— Чтобы моя внешность не отвлекала вас, сообщу, что не родился таким. Это следствие нарушения магической клятвы, и, видит бог, я ещё легко отделался.

— Как?! — вскричала я, затрепетав и позабыв о намерении вести себя как благовоспитанная леди. — Умоляю вас, милый господин Лампль, расскажите, что случилось. Понимаю, что моя ажитация — верх неприличия, но, поверьте, это любопытство не праздное. Я не настаиваю на подробностях, изложите хотя бы суть дела. — Я замерла, молитвенно сложив руки у груди.

В сущности, я была готова встать перед ним на колени, но этого не понадобилось.

Маэстро обернулся к девушкам и похлопал в ладоши.

— Девочки, перерыв. Сходите выпейте чаю, возвращайтесь через полчаса.

Портнихи явно неохотно покинули мастерскую. Маэстро Лампль закрыл за ними дверь, посмотрел на меня оценивающе, передёрнул узкими плечами и сказал:

— Ну, причина моего состояния не такая уж тайна. Сами понимаете, положение королевского портного... я на виду. Это случилось давно, я был тогда молод и только-только удостоился чести творить для нашей новой

королевы...

— Извините... Для новой королевы?

— Его Высочество вам совсем ничего не рассказал, — неодобрительно отметил маэстро Ламплъ. — Неведение может поставить вас в неловкое положение.

Мне очень хотелось пожаловаться. Но вслух я произнесла:

— Я здесь всего несколько дней и попала в страну при странных обстоятельствах. Его Высочество, как вы знаете, тоже долго отсутствовал и сейчас перегружен делами. Он просто ещё не успел провести экскурс в историю правящего дома Эрмитании. Думаю, принц Кайлеан будет благодарен, если вы заполните пробелы в моих познаниях.

Маэстро вновь посмотрел на меня оценивающе, как бы прикидывая, стоит ли говорить, потом всё-таки кратко пояснил:

— Король Георгиан долго вдовел. Королева Линор, его первая супруга, скончалась в родах, дав жизнь наследнику Леару. Нынешняя королева Елена — вторая супруга Его Величества.

«Что про это думает Елена?» — спросил братец Химериан. Вот что он имел в виду. Елена — это мать Кайлеана, а не его девушка. Глупо, но я испытала сильное облегчение по этому поводу, стараясь затолкать подальше здравую мысль, что Елена — довольно распространённое имя. Ещё мне хотелось узнать про мать Химериана, которая, судя по всему, встряла между Линор и Еленой, но законной женой так и не стала. Тема королевских подружек меня живо интересовала. Однако я опасалась отвлечь маэстро Лампля от более важной темы магического возмездия.

— И что же с вами случилось?

— Итак, я был молод, чрезвычайно успешен (только что одержал победу в турнире на должность портного королевы) и влюблён. Влюблён по взаимности. Моя невеста, леди Мэйз, заканчивала Магическую академию и числилась среди лучших студентов. Её одарённость равнялась только её честолобию, Мэйз не хотела быть «одной из», она хотела быть первой без всяких оговорок. Поэтому, когда случайность свела её с некоей магической сущностью...

— С какой?.. — жадно спросила я.

— Видите ли, леди Данимира, я — человек искусства, — маэстро поддёрнул кружевные манжеты, — для воплощения творческих замыслов мне вполне хватает собственных способностей. Моя стихия — это свойства материала: цвет, фактура, объём, плотность и тому подобное, тут мне нет равных, но я слабо разбираюсь в других областях магии. Скажу только, что видел эту сущность в облике золотой рыбы, чья чешуя светилась подобно

раскалённому металлу, а плавники напоминали языки пламени... — Тут маэстро заговорил отстранённо: — ...Потом я создал для Её Величества платье по мотивам этого видения — юбка из огненной вуали на чехле из золотой тафты, фигурный лиф, расшитый под чешую, удлинённые рукава из той же вуали, развевающиеся по ветру, и накидка, слева закреплённая на плече, справа на талии, а подол...

Я кашлянула.

— Ах, да, — сказал маэстро, — так вот. Мэйз заканчивала последний курс Академии и должна была защищать диплом, после чего мы собирались пожениться. На беду она выбрала тему «Магические ловушки — теория и практика». Или что-то вроде того, я точно не помню, но суть, надеюсь, вам ясна. Мэйз трудилась над своими дипломными ловушками, ямами и капканами как одержимая. И вот один раз в её сети случайно попала некая могущественная сущность, в виде золотой рыбы путешествующая между мирами...

— Эта рыба... Ну, то есть эта сущность, она была в реке? Под мостом? И говорила басом?

Маэстро взглянул на меня удивлённо.

— Почему в реке? Почему басом? Нет, голос сущности был мелодичен и вполне женственен. Я безусловно воспринимал её как даму. И она парила в воздухе на чердаке, где Мэйз проводила эксперименты. Сущность зависла между балками и стропилами, между которыми Мэйз растянула свою ловчую сеть, но плавники и хвост волшебной рыбы свободно двигались будто в такт невидимому течению. Впечатляющее зрелище, и, кстати, думаю именно оно впоследствии подвигло меня максимально удлинить рукава, не взирая на господствующие тенденции... Который раз Себастьян Ламбль доказал, что мозги у него отнюдь не кроличьи. Платье королевы произвело фурор, многие пытались воспроизвести копии... жалкие копии, разумеется...

Я опять кашлянула.

— Гм, да... Случайность оказалась роковой, — вернулся к теме маэстро, — поскольку звёздная странница призналась, что может менять реальность и предложила Мэйз награду за освобождение. Я, кстати, сразу был против извлечения прибыли из чужой беды, но Мэйз поддавалась искушению. Её условие было выполнено, диплом признали лучшим за всю историю академии... Но Мэйз не отпустила пленницу. Она захотела стать деканом своего факультета...

— Хочу быть столбовою деканкой... — пробормотала я. — Я, кажется, догадываюсь, что было дальше. Кем ваша Мэйз пожелала стать потом?

— Ректором Академии, — кисло произнёс маэстро. — Я уговаривал её... но Мэйз понесло... она всегда была страстной натурой...

Я нахмурилась. До меня стало доходить.

— Погодите... То есть, вы хотите сказать, что это ваша невеста нарушила магическую клятву? Но вы же были ни при чём! Что же случилось с вами?

— Мэйз требовала всё большего и большего, и когда она пожелала себе могущества звёздных странников, сущность разгневалась, взмахнула хвостом и вернула реальность в исходное состояние. О случившемся помнили лишь мы с Мэйз. Но моя невеста превратилась в большую мохноногую паучиху. Сущность сказала, что раз Мэйз так ловко плетёт сети, то пусть это будет её занятием до конца жизни.

— Ой! — сказала я. — В мохноногую! Какой ужас...

— Потом сущность разрушила путы, удерживающие её, поскольку набралась сил... ну, и ещё, отчасти потому, что нарушение договора ослабляет магические связи...

— Ой...

— Но тут вперёд выступил я и заявил о своём желании взять на себя расплату по нарушенному договору...

— А разве так можно?

— Сразу видно, что вы из другого измерения. Это право любого мага... только вот желающих маловато. Но я пожелал. Мэйз — она была хорошенькая, как статуэтка, и потом, для женщин внешность играет большое значение ... и вдруг такой удар... для неё жизнь была бы кончена... а я... моя физиономия была самой заурядной, физической привлекательностью я не мог похвастаться даже в молодые годы. Я был готов пожертвовать собой. В конце концов, я мог бы творить из паутины... наверное, это было бы даже интересно... Сущность захохотала и сказала, что быть по сему, но паучиной сути во мне нет.

— И?

— Как видите. — Себастьян Ламбль обвёл рукой вокруг серой морды. — Вот что во мне увидели. Когда всё закончилось, и Мэйз обрела прежние фигурку и личико, а я стал тем, кого вы видите перед собой, мы бросились к ногам царственной четы и честно рассказали обо всём, что с нами приключилось. Королева Елена великодушно простила мне уродство и оставила за мной место своего главного портного. Я обязан ей по гроб жизни.

Я поняла, что Елене будет передано каждое слово из нашего разговора, включая мои кашлянья и ойканья.

— Вы благородный человек, маэстро Лампль, — с чувством сказала я. — Не каждый поступил бы так на вашем месте. А что же Мэйз? Где она сейчас?

Маэстро пожал плечами.

— Дома, полагаю. Мы поженились. У нас шестеро дочерей, младшие сейчас вернутся в мастерскую после чаепития. К осени ждём прибавления семейства... Знаете... так внезапно, после стольких лет... надеемся, это будет мальчик.

— О-о-о... — умилилась я. — Это же настоящая любовь, маэстро Лампль!

— Да, после рождения третьей дочери я поверил, — сказал маэстро. — До того я полагал, что это чувство долга или жалость. А теперь, леди Данимира, когда ваше любопытство удовлетворено, может, мы перейдём непосредственно к цели вашего визита? Принц Кайлеан скоро вернётся, и хорошо бы нам управиться к тому моменту.

Я расправила плечи, сдвинула пятки и всем видом изобразила полную боевую готовность.

— Конечно-конечно. Что будем делать? Мерки, наверное, не надо снимать? Вся предоставленная одежда сидит идеально. Но вы же сами видите, — я провела рукой по своему нефритовому платью.

— Да, все измерения уже произведены и дополнительных не требуется. — Он махнул, на миг возникло и исчезло ненавистное изображение в вытянутых рейтузах и с копной спутанных волос. (Я скрипнула зубами, заставив себя промолчать.) — Прежде всего нужно определиться с концепцией. Какой вы видите себя на балу? Чего ждёте от этого вечера?

Долго думать не пришлось. После объяснений Кайлеана неизбежность моего присутствия на балу стала очевидной, и некоторые соображения по этому поводу у меня уже имелись. Но я не торопилась излагать их сразу.

— Скажите, а есть ли у вас какие-либо изображения с предыдущих балов? Я бы сперва хотела представить картину в целом. Может, фотографии светской хроники в журналах или что-то вроде того? Что-то же должно оставаться в анналах?

Себастьян Лампль подошёл к застеклённому шкафу, открыл дверцу и взял с полки большой прозрачный кристалл, в сердцевине которого что-то пестрело. Кристалл маэстро поставил на стол в центре мастерской.

— Прошлогодний бал в честь дня рождения короля. Идите-ка сюда, — позвал он. — Надо находиться рядом с видеокамнем. И постарайтесь ничего не трогать. Изображение довольно прочное, но со временем от

многочисленных прикосновений может начать портиться.

Я подошла и замерла в ожидании. Маэстро провёл ладонью над кристаллом, что-то над ним произнёс. Пёстрое пятно внутри камня начало увеличиваться, и вдруг вихрь ярких красок вырвался на свободу и закрутился вокруг нас. Мастерская наполнилась музыкой и голосами, слитыми в единый гул. Я изумлённо ахнула, озираясь, — мы стояли в центре бального зала, в толпе мужчин и женщин, одетых в пёстрые наряды. Некоторые стояли группами, некоторые прохаживались. Одна брюнетка, прекрасная как видение, пошла прямо на нас, и я спешно уступила ей дорогу. Когда она проходила, край её лёгкой накидки коснулся моей руки, я уловила тонкий и сладкий аромат духов. Эффект присутствия был полным, я действительно находилась на королевском балу.

— Какая красота! — воскликнула я.

Маэстро скептически дёрнул усами.

— Ну, допустим, не всё здесь такая уж красота. Взять хотя бы творение молодого Сабса. — Он указал на даму в чёрном, хохотавшую неподалёку в компании мужчин.

Я подошла поближе и оглядела её со всех сторон.

На мой взгляд, наряд был роскошный... правда, роскошный... ну, может быть, немного чересчур смелый. На голове дамы красовался эгрет, украшенный длинными чёрными перьями, похожими на страусиные. Перья ниспадали на смуглую, наполовину обнажённую грудь, сквозь красивую полупрозрачную юбку виднелись очертания стройных ног.

Маэстро Лампль тоже подошёл.

— Но ей есть что показать. Почему бы и нет? — философски сказала я. — Может, это у неё такой способ пошалить и повеселиться. А где ещё веселиться, как не на балу.

— Это графиня Амалия Леруан. Ей сто двадцать. Её праправнучке двадцать, и что хуже всего — это всё знают.

— Но женщине столько лет, насколько она выглядит, — вспомнила я вычитанную где-то сентенцию. — А выглядит леди Леруан превосходно. Я бы нипочём не догадалась сколько ей.

— Да, магическая вуаль на графине высочайшего качества. Однако в её положении я бы не стал уповать на сексуальность. Без вуали леди выглядит далеко не так соблазнительно... далеко не так... но огонь всё ещё горит... если вы понимаете о чём я говорю...

— Думаю, что понимаю. Вы про неукротимый дух?

— Именно. Я бы сделал акцент именно на это. Леди Амалия утратила молодость, испугалась и этот испуг постоянно отражается в её

туалетах... — Он досадливо поморщился. — Это всегда так понижает класс... надеюсь, вы понимаете. Я бы вернул ей уверенность в себе. Но пришлось отказать графине, количество моих клиентов крайне ограничено. И тогда она обратилась к Эллиану Сабсу, он сотворил это. Допустим, местами недурно... эгрет неплох... но за версту видно — мастер пошёл на поводу у заказчика. — Маэстро глядел на хохочущую Амалию и кривился, будто ел лимон. — Впрочем, я не виню мальчика. Эллиан ещё не научился управлять желаниями клиентов, а натиску графини покорился бы и горный тролль.

— А у вас она была бы в ежовых рукавицах?

Маэстро подмигнул:

— В кроличьих, но таких же надёжных.

Мы посмеялись и оставили леди Амалию наслаждаться обществом джентльменов.

Кружа по залу, я разглядывала диковинные наряды. Похоже, понятие повальнoй моды здесь отсутствовало, каждый был одет как вздумалось лично ему... я покосилась на маэстро... или — как знать — его портному. Были и вечерние туалеты современного вида, и средневекового, и даже наряды, напоминающие о Востоке — шальвары, накидки, вариации на тему сари. Несколько девушек оделись в кожу с заклёпками и шипами. Немного странновато для бала, но эффектности у таких туалетов было не отнять. Может, это были боевые магини? К своему восторгу я увидела и платья с кринолинами, каждая обладательница такого платья выглядела как сказочная принцесса. Впрочем, мне понравилось практически всё. Немного смущал явный переизбыток обнажённой плоти — разрезы от талии, щедрые декольте, прозрачные ткани и тому подобное... Но обладательницы смелых нарядов все как на подбор обладали эффектной внешностью, должно быть, им очень хотелось похвастаться статями.

Бедный Кайлеан Георгиевич, думала я, как он выносит эти соблазны... или не выносит? Возможно, идея романтической амнезии явилась кому-то из Карагиллейнов на таком же балу.

— Мастера по изготовлению магических вуалей весьма обеспеченные люди, — усмехаясь, сказал маэстро Ламплъ, заметив, как я хлопаю глазами при виде одной из смелых красавиц. Её потрясающий бюст был упакован в нечто вроде смятого целлофана, который не скрывал почти ничего. — Некоторые здесь потратили состояние, чтобы выглядеть лучше. Например, леди Катриция Каст. — Он кивнул в сторону целлофановой девушки. — Заложилa загородное поместье ради этого бала.

Вообще, если маэстро Ламплъ замечал, что меня что-то

заинтересовало, он непременно отпускал замечание. Иногда его комментарии были довольно едкими. Он будто препарировал собравшихся на балу. Мне показалось, что это у него такой метод — под видом непринуждённой беседы изложить клиенту свою позицию, и чувствовалось, что с этой позиции он не сделает ни шагу назад.

Немного устав от яркой роскоши дамских нарядов, я стала разглядывать мужчин. Тут царила такая же эклектика — сборище пиратов и джентльменов.

— Ну как? Составили впечатление? — спросил маэстро, почувствовав, что моё внимание начало рассеиваться.

— Почти. Но я ещё не видела главного. А где же Её Величество? Можно взглянуть на королеву Елену? На ней, кстати, тоже будет магическая вуаль?

Маэстро Ламплъ укоризненно покачал головой.

— Её Величество не нуждается в ухищрениях. Я же говорил вам про класс.

Он склонил большую голову — уши упали вперёд, произвёл пасс, и окружение сместилось с такой скоростью, что на долю секунды я потеряла равновесие. Перед нами предстало тронное возвышение, похожее на полукруглую сцену. Оба трона пустовали, королевская чета стояла неподалёку. Король держал золотой кубок, Елена положила руку ему на предплечье и что-то говорила.

...Я поднималась по ступеням, пройдя мимо пышечки Луссии, стоявшей у подножия в одиночестве с унылым выражением лица, мимо оживлённой толпы девиц — над толпою возвышалась скучающая физиономия Химериана. (Подошёл бы к Луссии, может, минус на минус дал бы плюс, мелькнула у меня мысль.) Краем глаза я также выхватила Ариэля Аттиуса и магистра Мерлина, они стояли на ступенях и о чём-то оживлённо переговаривались. Но надо сказать, что даже вблизи речь людей оставалась невнятной, наверное, в хронику встроили защиту от прослушивания. В любом случае, всё моё внимание было захвачено королевской четой. Сердце вдруг застучало сильнее, словно изображения могли меня увидеть.

Приблизившись, первым делом я принялась разглядывать не платье Елены.

Отец Кайлеана... темноволосый, темнобородый, длинное загорелое лицо... нос крючковатый, напоминающий орлиный клюв. У Кайлеана эта линия была несколько смягчена материнскими генами, а король очень напоминал хищную птицу. Он стоял, широко расставив ноги. Холодные

светлые глаза цепко оглядывали толпу подданных. Георгиан Второй и на балу оставался орлом.

Удивительное дело, увидев в первый раз королеву Елену, я уверилась, что Кайлеан является полным подобием матери, только в мужском варианте. Теперь же я глядела на его отца и видела, каким Кайлеан может стать годы спустя. У них была одна фигура, один разворот широких плеч, одна манера держать голову... характерная осанка, говорящая о том, что весь мир лежит у ног этого человека... неудивительно, что Кайлеану так хотелось собственное королевство... это в крови... это у него в крови... он никогда не откажется...

Усилием воли я отогнала призрак надвигающейся тоски.

Сбоку раздалось покашливание, очень похожее на моё предыдущее. Я вздрогнула.

— Ну и как вам? — спросил Себастьян Ламплъ.

— Извините, что-то отвлеклась... — я опустила глаза.

— Да, принц Кайлеан имеет много схожего с отцом, — заметил маэстро. — Но вы всё-таки вернитесь к нашей цели. Пора заканчивать, кристаллу вредно так долго проецировать, а Его Высочеству — голодать.

...Разумеется, никаких разрезов и заклёпок. Тёмный переливающийся атлас глубокого винного цвета; свободный крой, с первого взгляда простой, со второго — виртуозный; плечи обнажены так, чтобы оставаться для постороннего взгляда произведением искусства, а не объектом вожделения. Стоило королеве хоть чуть-чуть пошевелиться, атласные блики приходили в движение, на долю секунды обрисовывая линии стройного тела и вновь скрывая их. Да, королева не прогадала, когда не стала отказываться от услуг молодого портного с кроличьей головой.

Я обошла родителей Кайлеана последний раз.

— Теперь я видела всё. Пожалуй, мы можем закончить.

Маэстро Ламплъ произвёл движение, чудесная картина задрожала, размылась, закрутилась по спирали и скрылась в кристальном хранилище. У меня мелькнула запоздалая мысль, что хорошо бы взглянуть ещё и на наследника Леара, а так же на его супругу, но мы уже снова были в мастерской. Маэстро взглянул на часы, висящие над входом, усадил меня в кресло, сам сел в соседнее и быстро произнёс:

— Леди Данимира, я готов выслушать ваши соображения.

Я тоже машинально взглянула на часы. По-моему, мы с маэстро одинаково считали, что дело лучше решить без присутствия Его Высочества, который может начать давить авторитетом и требовать, чтобы я была «самая-пресамая» и тому подобное.

Я сосредоточилась и произнесла речь:

— Вот этого всего обнажения — не надо. Ходить полуголой в толпе таких же полуголых красавиц будет бессмысленной тратой сил. — Маэстро хотел что-то сказать, но я жестом остановила его. — Знаю, что вы можете смешать сексуальность и элегантность в нужной пропорции. Среди вещей, которые мне принесли, было одно серое платье... такое, со шляпой, помните? Я мерила, оно чудесное. Но у меня есть цель. Не думайте, никакого практического смысла моё желание не имеет. Но я хочу произвести достойное впечатление на родителей Кайлеана. Фривольность здесь только помешает. Возможно, король Георгиан отнесётся к разрезам и вырезам более благосклонно, но тем менее они понравятся королеве. Понимаете, да? И ещё я хочу, чтобы было удобно. Поэтому прошу — поменьше магии. Чтоб не было ощущения, что с меня сейчас всё упадёт. Я всё-таки немножко смущаюсь.

— По вам не скажешь.

Я засмеялась и махнула рукой.

— Это от неизбежности. Да и вообще, не собираюсь портить свой первый и последний королевский бал каким-то там смущением.

Себастьян Ламбль смотрел на меня с интересом, чуть склонив большую голову набок. Мне показалось, что ему очень хочется что-то сказать. Но он промолчал.

— Вот такая концепция, — сказала я, разведя руками. — А в остальном доверяю вам полностью и охотно выдаю карт-бланш. И не беспокойтесь насчёт Кайлеана... то есть, принца Кайлеана... на самом деле, я ему нравлюсь любая... он меня всякой видел... но я и тогда ему нравилась. — Вздохнув, я добавила: — Однако это тоже не имеет практического смысла.

После паузы маэстро как-то очень осторожно и очень неопределённо произнёс: — А если вы ошибаетесь?..

Насчёт чего, хотела спросить я, но тут в мастерской возник Кайлеан, и мы замолчали как два заговорщика.

Кайлеан окинул нас внимательным взглядом (мне показалось, он заметил, как скомкался разговор):

— Вы закончили?

— Да-а! — ответили мы хором с интонациями детсадовцев, которых спросили, хорошо ли они себя вели, пока не было воспитателя.

Кайлеан Георгиевич прищурился.

— Наша договорённость соблюдена? — обратился он к маэстро.

— Разумеется, мой принц, — ответил тот с некоторым холодком.

Я посмотрела вопросительно, но маэстро ответил непроницаемым взглядом, учитывая наружность, это ему не составило труда. С официальными интонациями он произнёс:

— Ваше платье, леди Данимира, будет доставлено в день бала, к полудню.

— Без примерки? — Кайлеан нахмурился. — Данимира, ты уверена?

— Полностью доверяю маэстро и не хочу лишний раз отрывать его от дел. Думаю, перед балом у всех хватает забот. Мне и так неудобно, что я свалилась как снег на голову...

Себастьян Лампль склонил голову в знак признательности, но подбородок Его Высочества пошёл вверх.

— Никаких неудобств, — заявил Кайлеан непререкаемым тоном.

Я поспешно сказала:

— Нет-нет, мы обо всём договорились.

Кайлеан помолчал, потом, к моему облегчению, расслабился и безразлично пожал плечами:

— В таком случае мы откланиваемся. Маэстро, всех благ.

Он стремительно подошёл ко мне и за руку поднял из кресла.

Мгновение — и мы перенеслись в город.

От яркого света я сперва зажмурилась, затем завертела головой по сторонам. Извилистая улочка, на которой мы оказались, была такой крутой, что уходила вниз широкими каменными ступенями. Дома лепились друг к другу, на балконах с витыми перилами стояли горшки с цветами, кое-где сушилось бельё, на крыльце неподалёку сидел насупленный полосатый кот и поглядывал на нас с подозрением. Вообще старая часть Эрминара, расположенная у подножия замка, внешне не слишком отличалась от какого-нибудь южно-европейского городка с многовековой историей.

— Ах, как хорошо, — заулыбалась я. — Кс-кс-кс! — сказала я коту.

Кот зевнул, на мгновение показал ауру фамильяра и отвернулся.

— Ой, — сказала я, — извините.

— Пойдём, тут есть одно место, — скороговоркой перебил Кайлеан, — там будет ещё лучше, там хорошо кормят. — Он потащил меня вниз по улице.

Да, не так я представляла себе эту прогулку. В мои представления не входил принц, мчавшийся со скоростью локомотива на запах котлет.

Место, где хорошо кормят, оказалось совсем рядом. На крохотной площади к стене, заросшей плющом, жался пяток пустых пластиковых столов, они казались брошенными — кое-где на них лежали опавшие листья. Рядом виднелся вход в подвальное помещение, над дверью не было решительно никакой вывески, но Кайлеан направился именно туда. Спустившись, мы попали в неожиданно обширное пространство, подвал оказался общим для нескольких домов. Низкий сводчатый потолок поддерживали ряды кирпичных столбов, грубо сколоченные столы и лавки расположились вдоль стен, по стенам же были развешаны щиты, к которым прибили головы каких-то жутких зверюг. Страшилища грозно пучили глаза и разевали бородавчатые пасти, демонстрируя клычища в три ряда, чёрные раздвоенные языки и тому подобные прелести.

— Теперь верю, — задумчиво сказала я, разглядывая стены, — здесь действительно должны очень хорошо кормить. Иначе просто кусок в горло не полезет.

Кайлеан хмыкнул.

— Ты про головы? Они для аппетита.

Я не успела спросить, чей это аппетит возбуждают такие ужасы.

Когда мы заходили, звякнул дверной колокольчик, и теперь в проёме

позади барной стойки, расположенной в дальнем углу, показался человек. Он вышел из-за стойки, направляясь к нам, я увидела, что передвигается он с помощью костыля, потому что одна нога у него отнята выше колена, штанина джинсов была подвёрнута. Отросшие, тёмные с проседью волосы почти касались плеч, половина худого лица была испещрена шрамами, которые спускались на жилистую шею и уходили за воротник клетчатой ковбойки. Сначала мне показалось, что это человек в возрасте, но Кайлеан двинулся ему навстречу, они обнялись и принялись колотить друг друга по спинам. Одноногий именовал Его Высочество «Кайлом, чертякой живучим» и уверял, что никогда не верил в его гибель. Кайлеан называл одноногого «Дэном, дружищем» и обещал, что «не дождётесь». Наобнимавшись, они утихомирились, Кайлеан обернулся ко мне.

— Данимира, это Дэниал, здешний хозяин. Дэн, это Данимира. — Живой взгляд хозяина был исполнен любопытства, и Кайлеан добавил: — Если бы не Данимира, я бы сейчас здесь не стоял.

Приглядевшись, я поняла, что хозяин brutального трактира ненамного старше Кайлеана. Ранняя седина и увечья ввели меня в заблуждение.

Просто Данимира, никаких «леди», — я это тоже отметила. Кайлеан вводил меня в свой ближний круг, где его, принца Эрмитании, могли назвать «чертякой». И никаких поклонов от Дэниала не последовало.

— Спасибо за Кайла, — просто сказал он и протянул мне руку.

— ...Так уж вышло, — пробормотала я, пожимая его жёсткую ладонь. Ответ был несколько неловок, потому что я не знала, что положено говорить в таких случаях.

Да бросьте, пустяки, дело житейское?

На моём месте так поступил бы каждый?

Что там ещё... Служу Эрмитании?

К счастью, Кайлеан Георгиевич счёл официальную часть законченной.

— Знаю, рановато мы заявили, но Дэн, сооруди там... хоть что-нибудь... не дай умереть с голоду...

Дэн метнул в мою сторону быстрый взгляд, затем снова посмотрел на Кайлеана.

— Пустую кружку нести?

— Обязательно. Я зайду сюда позже, завтра или послезавтра, но сегодня нам надо просто поесть.

Он увлёк меня к ближайшему столу, стоявшему в нише. На стене ниши был распят какой-то странный скелет — что-то шестиногое, с позвоночником, из которого росли иглы. Я покосилась на скелет, но послушно села напротив Кайлеана.

— Что за пустая кружка?

— Сейчас увидишь.

— А что это за место?

— «Поверженный вепрь» — не просто трактир, тут неофициальная штаб-квартира «Зелёного братства», заведение только для своих. Дэниал — лесник в отставке. Мы все скинулись и выкупили это место, после того как Дэна сшили по кусочкам и надо было чем-то его занять.

— Скинулись? А разве...

— Я употребил массу усилий, чтобы на моё происхождение закрыли глаза. Во всяком случае, меня признали за равного. Поэтому я внёс столько же, сколько все остальные. Да, мог бы скупить весь квартал. Но это был бы дурной тон — в лесу все равны.

— А «Зелёное братство» — это, значит...

— Нечто вроде профсоюза лесников. Тех, кто следит за дорогами, ликвидирует прорывы, проводит спецоперации в лесу.

— Вы состоите в профсоюзе, Кайлеан Георгиевич? — спросила я, но тут же прикусила язык. Обратит внимание или нет?

Кайлеан Георгиевич обратил внимание. Он долго молчал и молчание было очень, очень красноречивым.

— Данимира, посмотри на меня, — наконец произнёс Кайлеан. Я сглотнула слюну и подняла глаза. Кайлеан Георгиевич сверлил меня мрачным взглядом. — Тебе не кажется, что мы уже не в тех отношениях, при которых обращаются на «вы»?

До сих пор я весьма искусно избегала конкретных обращений. Всё было чрезвычайно глупо. Я была влюблена в принца по уши, неоднократно целовалась с ним... и как целовалась!.. и уже не знала, что выйдет, если он захочет пойти дальше... но не могла заставить себя перейти с ним на «ты». Мне почему-то казалось, что церемонное обращение — мой последний бастион... под который Кайлеан Георгиевич усердно подкапывался. Если рухнут и эти стены, я окажусь в полной его власти. Как когда-то я оказалась во власти Мортена. Который, кстати, тоже не произнёс ни одного слова о любви, и это должно было заставить меня задуматься. Однако я летела как бабочка на огонь, не задумываясь ни о чём, и сгорела. Все эти соображения, теснясь, промелькнули передо мной, и я выпалила в отчаянии:

— В этом всё и дело! Я не понимаю, в каких мы отношениях. Совсем, совсем не понимаю.

Он ещё некоторое время посверлил меня сердитым взглядом, но потом его лицо начало смягчаться.

— Потерпи немного. Скоро всё изменится.

— Опять «скоро»... Морген, морген, нур нихт хойте. Почему не сейчас?

Конечно, я хотела, чтобы он сказал, что любит. Прямо здесь и прямо сейчас. И тогда все магические клятвы полетели бы в пропасть. И я, возможно, вместе с ними.

— Ещё не время, — принуждённо сказал Кайлеан, глядя куда-то поверх меня. И мне показалось, что он досадует — не на меня, на самого себя.

Значит, всё остаётся по-прежнему — тайны, недомолвки и зыбкая почва под ногами. Я усмехнулась с горечью.

— Как скажете, Ваше Высочество.

Он ответил мягко.

— Чуть-чуть осталось. Потерпи.

— Что мне ещё остаётся делать, Кайлеан Георгиевич...

В этот момент подошёл Дэн с мальчиком лет четырнадцати в белом фартуке. Оба были нагружены снедью. Дэн поставил на стол огромную деревянную доску, которую, мастерски балансируя, принёс на одной руке. На доске покоилась зажаренная нога, по виду она принадлежала некоему поверженному вепрю (я невольно покосилась на скелет и на всякий случай решила не уточнять). Рядом с ногой лежал кинжал устрашающего вида, им очевидно полагалось кромсать мясо, высились горки маринованных овощей и зелени. Дэн тут же исчез, а мальчик расставил тарелки, мисочки с какими-то приправами и соусами, потом принёс кувшин, два стакана и пустую кружку, которую, уходя, перевернул вверх дном и поставил на краю стола.

Я посмотрела на кружку, но переспрашивать не стала. Кайлеан это уловил.

— Здесь так обозначают, что к столу подходить не надо. Ещё рано, но если вдруг кто-то заглянет, нас не потревожат, правило соблюдается неукоснительно. А то налетят с расспросами, никакого обеда не получится.

Саркастическое настроение всё ещё не покинуло меня.

— Удивительно. Я думала, если спрошу, вы скажете, что сие есть тайна великая. Которую мне знать ещё рано, но вы её непременно откроете... после бала... или после морковкина заговенья.

— После чего? — с живым интересом спросил Кайлеан, берясь за кинжал и приступая к нарезке мяса.

— После морковкина заговенья. Не представляю, что это такое, но у меня на родине так говорят. Наверное, на морковку иногда находит что-то такое... вроде бы духовно-религиозное. Но очень редко. Кажется, так.

Кайлеан переложил мне на тарелку ломоть мяса, овощей и пододвинул пару мисочек.

— С другими приправами будь осторожна, острые очень. Однако, какую интересную духовную жизнь ведут овощи на твоей родине. Вы там не испытываете угрызений совести, когда употребляете их в пищу?

Помимо своей воли я улыбнулась. Если бы у нас всё было хорошо, я могла бы сидеть вечность и смотреть, как героически Кайлеан сражается с куском мяса. Еда у него исчезала с фантастической скоростью.

Через некоторое время Кайлеан оторвал взгляд от тарелки.

— Ты знаешь, что приняла ритуальную позу?

Он был прав. Совершенно неосознанно я подпёрла подбородок кулаком и сидела, уставившись на Кайлеана. Я выпрямилась.

— Неужели я идиотски-жалостливо улыбалась?

— Канонически. Твой портрет можно было размещать на обложке учебника по народным традициям.

На минуту представив свою умильную физиономию в платочке на обложке, я засмеялась.

— Это на уровне инстинкта, я же говорила. С тем, что в крови, бороться невозможно.

— И не надо. Мне нравится.

Кайлеан взялся за кувшин и налил в мой стакан рубиновой жидкости — на треть.

— Вино?

— Лёгкое.

Другой стакан он наполнил до краёв.

Я взяла свой полупустой стакан, посмотрела на его полный и, поддразнивая, сказала:

— Что, Кайлеан Георгиевич, боитесь, что напьюсь и опять сделаю вам непристойное предложение?

А вот дразнить Кайлеана Георгиевича не стоило. Он в ответ улыбнулся широкой акульей улыбкой, в его зрачках вспыхнули красные точки.

— Риски.

Мне сразу стало не до смеха.

— Ну?.. — Его улыбка тоже исчезла, он подался в мою сторону, нависая над столом. Точки в зрачках пульсировали.

Вроде бы зазвенел колокольчик, и вроде бы кто-то зашёл, громко разговаривая, потом смолк, но перед глазами стоял бассейн, до краёв наполненный лавой. Лава ворочалась, булькала и угрожала устроить мне персональный день Помпеи. Пригубив вино — терпкое, но и правда лёгкое,

я произнесла:

— У меня действительно появилось предложение. Нам надо расстаться.

Кайлеан выдохнул и откинулся на спинку скамьи, огонь в зрачках погас.

— С чего это вдруг?

— С того.

— Отличное объяснение.

— Потому что с вами... ладно, с тобой... то жарко, то холодно, а я тоже не камень, так понятнее? — Я помолчала, ожидая насмешки — это объяснение было не лучше предыдущего, но он не заговорил, только смотрел на меня исподлобья. — Ты ведёшь свою игру, ожидая каких-то известий... Очень хорошо. Давай расстанемся до получения этих известий. Сократим общение до минимума.

— На бал тебе всё равно придётся пойти со мной.

— На бал пойду. А больше никуда.

Кайлеан положил руки, сцепленные в замок, на стол и долго их разглядывал. Потом сказал:

— Как скажешь. Какая жалость, что драконятник придётся отложить.

— Драконятник?! — Я распахнула глаза.

— Очень, очень жаль. — Кайлеан Георгиевич сокрушённо покачал головой. — На днях из яйца должен вылупиться новый дракончик. Хотел тебе показать.

— Дракончик...

— Они смешные такие, когда вылупляются. Следующее вылупление будет только через год.

— Через год... — упавшим голосом повторила я.

После долгого обоюдного молчания, во время которого Кайлеан крутил свой бокал, а я пыталась обуздать желание посмотреть на настоящих живых драконов, пришлось признать:

— Ладно. Против драконятника мне, конечно, не устоять. Но, между прочим, подлый приёмчик, Кайлеан Георгиевич!

— Меня научили, — немедля отозвался он.

Мои ноздри раздулись, но крыть было нечем. Выпрашивая у Кайлеана Дрю, я тоже прибегла к манипуляциям.

— Ладно, от драконятника не отказываюсь. Но сперва договоримся: в дальнейшем обойдёмся без красных огней.

— Каких ещё красных огней? — с искренним недоумением спросил он.

С некоторым напряжением я начала объяснять:

— Таких красных огней. Сначала у кое-кого глаза начинают светиться красным, как горячие угли... — Не хотелось продолжать, но его взгляд оставался вопросительным. — ...А потом ты лезешь целоваться!.. А если и не лезешь, то всё равно про это думаешь.

— Так очевидно про что я думаю?

В его вопросе сквозила явная ироничность, но меня это не смутило.

— В определённые моменты — да.

Кайлеан рассеянно пробормотал:

— Мне раньше никто не говорил... — Встретившись с моим немигающим взглядом, он скомкал конец фразы и сказал: — Но я же в зеркало не смотрюсь... в определённые моменты. Откуда мне знать, что происходит с моими глазами?

Раньше ему никто не говорил! Впрочем, какое мне дело, кто там и что там ему говорил. И будет ещё говорить. Я забарабанила пальцами по столу, потому что вдруг поймала себя на нелепом, но сильном желании швырнуть что-нибудь из посуды на пол. Чтобы всё разлетелось вдребезги. Как разлеталось вдребезги моё сердце при мысли о том, с кем он был раньше и с кем ещё будет. Я вдруг вспомнила слова Женьки о том, что когда я влюблюсь по-настоящему, всем надо будет укрыться в блиндаже. Выходит, она ещё тогда разглядела во мне что-то тёмное... Увидев, что Кайлеан наблюдает за моими пальцами, я перестала барабанить и начала похлопывать ладонью по столешнице. Потом перестала дёргаться и выпрямила спину.

— Я буду твоим зеркалом. Давай условимся. Если я подаю такой знак... — я сложила пальцы щепотью, будто держала спичку, а затем дунула на воображаемый огонёк, загасив его, — то ты немедленно берёшь себя в руки и остужаешь голову. Во избежание. Но надеюсь, нам обоим понятно — дело вовсе не в светящихся зрачках. Это просто сопутствующий симптом. Ещё раз настоятельно прошу — будь джентльменом. Иначе, Кайлеан Георгиевич... — я вздёрнула подбородок (с кем поведёшься, от того и наберёшься), — я буду вынуждена вернуться к обращению «на вы» со всеми вытекающими последствиями.

Его губы скривились, он уронил:

— Даже не представляешь, до какой степени я джентльмен...

— Ага... осетрина второй свежести, — пробормотала я и холодно сказала: — У джентльмена не может быть какой-то там степени. Он или джентльмен, или нет.

Кайлеан нахмурился было, но потом с какой-то усталой

обречённостью сказал:

— Да джентльмен, джентльмен я, не волнуйся. Просто иногда мне надо... к тебе прикоснуться. Ты же не понимаешь своей силы...

Допустим, кое-что насчёт своего влияния я уже начала понимать. Только моя сила была украдена у самого Кайлеана. Мне в который раз стало совестно и ужасно его жаль. Мучается и принимает владеющую им тягу за что-то другое. В голове снова промелькнула мысль — может отдать ему красную нить да покончить с этим заблуждением? Но вместо этого я сказала:

— Пожалуйста, не порти мне впечатление от пребывания у тебя в гостях. Если будет продолжаться в том же духе, мы разругаемся и бал омрачится нашей ссорой. А мне так хочется оказаться в сказке, насладиться настоящим королевским балом. Навряд ли у меня возникнет такая возможность в будущем.

Кайлеан встряхнулся, выражение обречённости исчезло с его лица.

— Кстати о бале, — небрежно сказал он. — Ты же умеешь танцевать?

Я вновь распахнула глаза. Во всех сказочных экранизациях принц и героиня непременно вальсировали, а это я как раз умела, мама мне показала шаги, когда я ещё была девочкой и с чувством ритма у меня всё было в порядке. Также я была уверена, что справлюсь с танцем типа «Встаньте, дети, встаньте в круг», тут, по-моему, можно было обучиться в процессе.

— Ну-у, как сказать. Умею. Правда, может быть, не сколько умею, сколько просто люблю двигаться под музыку. Но я совершенно точно могу вальсировать.

— Тогда тебе будет легко. У нас, в основном, танцуют вальго. Это нечто среднее между вальсом и танго.

Танго?! Я представила себя перекинутой через руку Кайлеана — голова волочилась по полу, в зубах была зажата роза, ноги в сетчатых чулках скребли по паркету в тщетной попытке обрести устойчивость.

Наверное, ужас отчётливо нарисовался на моей физиономии, потому что Кайлеан засмеялся.

— Вальго очень простой танец, он создан исключительно для приятного комфортного времяпровождения. Не такой невинный как вальс и не такой манерный как танго.

— И никаких акробатических трюков? — с подозрением спросила я.

Он снова засмеялся и встал.

— Никаких. Пойдём, я тебе покажу.

Кайлеан уже стоял рядом и протягивал мне руку.

Я огляделась. Два стола были заняты. Пока мы выясняли отношения, зашли другие посетители. За одним столом сидела четвёрка молодых мужчин, за другим мужская компания была облагорожена женским обществом, — там присутствовали две девушки, одетые в яркие платья. Наверное, это были боевые подружки лесников. Никто не обращал на нас внимания. Пока.

— Что, прямо здесь? На нас будут смотреть.

— Ты что, трусишь? Что с тобой тогда будет на балу?

— Ничего и не трушу, — сказала я и встала. — Просто танцевать здесь как-то странно.

Он отмахнулся.

— Ничего странного, по вечерам здесь часто танцуют. — Он кивнул Дэну, стоявшему за стойкой: — Поставь что-нибудь для вальго.

Дэн выставил на стойку две кристальные пирамиды, которые, надо думать, работали наподобие акустических колонок. Пирамиды начали вращаться, подвальное помещение наполнилось музыкой, по стенам побежали хрустальные блики. Кайлеан одной рукой обнял меня за талию, другой взял мою руку и сплёл наши пальцы, затем придвинул к себе поближе и сказал:

— Положи вторую руку мне на плечо.

Я сделала, как он велел, но в сердцах сказала:

— И как это у вас так ловко получается, Кайлеан Георгиевич? Шипишь, шипишь на вас, и всё без толку! Не успеешь оглянуться — мы снова обнимаемся.

— Просто ты не можешь долго сердиться, — разъяснил Кайлеан, — потому что без ума от меня.

Я фыркнула:

— Вот «без ума» — это верное выражение! Ты точно не забыл про мозг, когда восстанавливал моё тело?

...Он двигался легко — длинными скользящими шагами, увлекая за собой мягко, но уверенно, и оказался на удивление тактичным партнёром; я научилась этому вальго буквально за пять минут, а потом мы танцевали ещё и ещё, просто для удовольствия. Боевые подружки лесников, глядя на нас, стали вытягивать своих кавалеров из-за стола и вскоре обе пары присоединились к нам. Когда мы закончили, за столами нам похлопали — мне показалось вполне искренне, и я была счастлива. Мне показалось, что Кайлеан тоже остался доволен.

Потом он показывал мне свой прекрасный город, ту старинную его часть, которая раскинулась от подножия горы до берега реки. Вёл себя

Кайлеан Георгиевич вполне корректно, так что делать ему замечания не пришлось. Мы бродили долго, и в планах стояло полюбоваться ещё огнями вечернего Эрминара с палубы прогулочного кораблика, но когда сгустились сумерки, глаза у меня начали закрываться сами собой, а ноги и язык стали заплетаться. Кайлеан заметил это и закончил прогулку, перенеся нас в Башню.

Он поднялся вместе со мной на последний этаж, в моё жилище, которое я в шутку окрестила пентхаузом. Мы остановились у раскрытых дверей лифта.

— Сумасшедший был день, да? — выговорила я сонно. — Столько всего произошло, и сколько страшного было, но не смотря ни на что, этот вечер я буду беречь в памяти всю жизнь.

Вот тут мне всё-таки пришлось загасить воображаемую спичку. К чести Кайлеана, он среагировал немедленно, отпрянул и сразу шагнул назад в кабину. Уже оттуда он промолвил:

— Спокойных снов, Данимира Андреевна.

Его зрачки краснели, но двери закрылись и лифт пошёл вниз.

Я поплелась к кровати. Дрю нигде не было видно. Думая, что сразу же усну, я быстро переоделась в свою роскошную ночную сорочку и залезла в кровать. Но заснуть не смогла — перед глазами проносились картины сегодняшнего дня. Поворочавшись с боку на бок, я села и позвала Дрю.

Дрю вылетела из шкафа.

— Добрый вечер, Дрю. Ты что, спала в шкафу? Прости, что разбудила.

— Да я и не сплю никогда, — отмахнулась Дрю, — я ж привидение. Просто в шкафу уютненько и думается хорошо.

— О чём?

— О вечности, о чём же ещё?

— Здорово, — позавидовала я. — А у меня в голове только сиюминутное мельтешит. Посмотри на меня, Дрю. — Я слезла с кровати и встала босыми ногами на ковёр. — Я тебе никого не напоминаю?

Она честно подумала, повисев в воздухе передо мной, потом облетела вокруг и пожала плечами:

— Да нет, никого.

— А если бы у меня глаза были зелёные, а волосы прямые и белые?

Дрю задумалась и что-то такое промелькнуло в её глазах, но она снова пожала плечами...

— Нет, всё равно никого.

— Дрю, милая, — взмолилась я. — Ну даже если я хоть чуточку на кого-нибудь похожа, всё равно скажи!

— Ну хорошо... Я вас как в первый раз увидела, так сразу и подумала... — Я затаила дыхание. — У меня в детстве книжка была со сказками, старая такая, большая, с картинками во всю страницу... Картинки были очень красивые, я любила их разглядывать... Так вот вы просто копия принцессы Даннеморы из той книги. И зовут вас похоже.

— Я — копия принцессы из детской книжки?.. — разочарованно протянула я. — Нет, я, конечно, рада, что оказалась копией принцессы, а не сватьи бабы Бабарихи какой-нибудь... Но всё равно, это совсем не то.

— Ну, извините. Больше мне сказать нечего. А что такое?

Я села обратно на кровать.

— Сама не знаю, что... Просто так спросила, наугад. Постоянно мерещится — все вокруг что-то знают, одна я, наивная ромашка, в неведении. И принц Кайлеан когда-то спрашивал про женщину, очень на меня похожую. Это его очень интересовало. Может, он в детстве тоже сказок начитался и воображает теперь, что я потерянная принцесса?

Дрю помолчала, потом спросила:

— Как там у вас с принцем — уже или ещё нет?

— Ещё нет... — скорбно ответила я, потом спохватилась: — Тьфу! Разумеется, нет!

— Привередливая вы, леди Данимира, — хмыкнула Дрю. — У нас тут, понимаешь, пол-Эрмитании по принцу Кайлеану сохнет, а вы... — Она скорчила надменную физиономию. — «Разумеется, нет!»

— А другая половина сохнет по принцу Химериану? — сказала я первое, что пришло в голову, чтобы отвлечь Дрю от наших с Кайлеаном отношений. Сейчас я была не в настроении делиться интимными переживаниями. Нынешний вечер напоминал чашу, наполненную драгоценными минутами, и мне не хотелось расплескать ни капли.

— Конечно, — убеждённо сказала Дрю. — Даже гораздо большая половина.

— Ещё бы, — безразлично сказала я, — такой красавчик.

— Не только поэтому. — Дрю огляделась по сторонам и заговорила вполголоса: — Принц Химериан весёлый... и он как-то... попроще. Ваш-то, сумрачный такой всегда, и все у него должны по струнке ходить. Говорят, у него вместо сердца счётная машина, и он никогда ничего не делает просто так. Даже удивительно, что он так к вам привязался. В смысле, что у него вообще, оказывается, чувства есть.

Жабьим голосом я сказала:

— Что ж тогда пол-Эрмитании по принцу Кайлеану сохнет, если он такой-растакый?

— Принц есть принц, — поучительно заметила Дрю, — на дороге не валяется, по нему положено сохнуть. К тому же внешне он ничего такой, интересный. И, главное, не жадный.

Я вспомнила, как мы с Кайлеаном танцевали, и его смеющиеся глаза напротив, и мне снова не захотелось обсуждать наши отношения.

— А расскажи-ка мне лучше, Дрю, как получилось, что королева Эрмитании — мать Кайлеана, а не Химериана?

— Мать принца Химериана тоже умерла. А вы не знали?

— О господи. Откуда. Я вообще ничего не знаю, я же иностранка.

— Тогда слушайте.

Я залезла под одеяло и села, обхватив колени руками, Дрю опустилась на постель и приняла такую же позу.

— Только это неофициально, — предупредила она.

— Но народ в курсе, — кивнула я.

— Да! — обрадовалась Дрю моей понятливости. — Когда первая королева Линор преставилась в родах, король Георгиан вручил наследника Леара нянькам и воспитателям, а сам не женился долго, хотя в дамах сердца недостатка не испытывал. Вы только не вскакивайте и не вопите, но, говорят, тогда-то он договор этот и придумал, про забывание.

Я промолчала.

Убедившись, что с моей стороны ничего не последует, Дрю продолжила нараспев:

— Как-то раз в одном из южных королевств увидел он Шайну, черноволосую черноглазую чародейку, красоты необыкновенной, сошёлся с ней и привёз её в Эрмитанию. И так прикипел душой к южанке, что зачал с ней сына и вознамерился жениться, хоть происхождения Шайна была невысокого.

Я пожала плечами.

— Ну, молодец, в принципе. Поступил как нормальный человек.

— Но тут из северных земель прибыл с дружеским визитом старый союзник короля, и дочь с собой привёз — принцессу Елену, тоже чародейку не последнюю. Пригляделась Елена и увидела, что опутан Его Величество чарами дурманными, прикручен к Шайне любовной проволокой колючей. А как сняла Елена приворотные чары, так сразу и прозрел король и ужасно разгневался, что покусились на его свободную волю. В общем, заточил король Георгиан коварную чародейку в далёком монастыре на острове, в озёрном краю, а сам вскоре женился на принцессе Елене. Едва сын Шайны появился на свет, как отняли его у матери и забрали во дворец, чтобы воспитывать как королевского сына. Елена приняла Химериана, как до

этого стала матерью Леару.

— Даже и не знаю... — задумалась я. — С одной стороны, правильно, чего ребёнку в тюрьме расти, во дворце, наверное, лучше, с другой стороны — мать есть мать, без неё никак... Жуть какая!

— Это ещё не самая жуть, — радостно сообщила Дрю. — Слушайте дальше. Через год и королева Елена родила сына, принца Кайлеана. Его Величество Георгиан был счастлив без меры, и вся страна ликовала и праздновала это событие десять дней. Слухи об том событии дошли до озёрного края. Шайне удалось обольстить стражника, с его помощью она бежала из заточения. В столице чародейка хитростью пробралась во дворец, в детскую младенца Кайлеана и начала читать над ним заклинание зловредное. Внезапно вошедшая Елена увидела это, набросилась на Шайну и помешала ей закончить ворожбу. Сцепились две чародейки не на жизнь, а на смерть... Ну вот, как вы сами понимаете, победила Елена, жена короля.

— А Шайна?

— А Шайне пришёл конец.

Я похлопала глазами.

— О господи... Ты хочешь сказать, что мать Кайлеана убила мать Химериана?

— Но в честной драке.

— Ужас какой, — прошептала я. — А Хим знает?

— Вся Эрмитания знает, а он вдруг не знает?

— Кайлеан говорил про чувство вины... — сообщила я. — И что Елене тяжело отказать Химериану... о-о-о... теперь понимаю...

— Это дело известное. Наша королева принца Химериана всегда баловала. Гораздо больше чем собственного сына.

— Ещё бы... В какой сложной ситуации она оказалась... На её месте я бы, наверное, так же себя вела... Знаешь, Дрю, при первой встрече мне королева не очень понравилась... ну, не то что бы совсем не понравилась, но как-то так... — я пошевелила пальцами, — показалась надменной и неприветливой, поэтому я решила, что она всегда такая. А теперь думаю, что была к ней несправедлива. Жизнь у неё сложная. Как говорится, богатые тоже плачут.

— Ну, вы с королевой не очень-то расслабляйтесь, — посоветовала Дрю. — Всё-таки вы её единственного родного сыночка с пути истинного сбиваете.

— Я её сыночка с пути сбиваю?! — изумилась я. — Это её сыночек меня сбивает! Со своими поцелуями! Я, если хочешь знать, даже пару раз думала, не пожить ли нам во грехе, пока невесты подходящей на горизонте

нет... А ведь знаю, что дурость всё это, и закончится скверно...

Дрю взмыла вверх, описала несколько кругов, снова приземлилась у меня в ногах и выпалила:

— Я сейчас такое скажу... А вдруг он на вас жениться хочет? Это, конечно, невероятно... но принц Кайлеан странный... и упёртый.

— Ага. На мне только странный и упёртый человек захочет жениться. Спасибо, Дрю.

— Я про то, что уж если принц чего захочет, его никто не остановит. Ни король, ни королева, ни вообще никто на свете.

— Сам себя он остановит, — мрачно сказала я. — Иначе, представь. Вот поженимся мы, а лет через пять очнётся он в Муроме...

— Где?

— В Муроме. Есть такой старинный город в моей стране. Не очень большой, но красоты необыкновенной. Там при историко-краеведческом музее библиотека есть, в ней и обычный фонд интересный, много редких рукописей, а магический спецхран вообще мечта библиотекаря. Главная хранительница магического отдела — мамина знакомая. Ольга Олеговна маме говорила, что может похлопотать и взять меня к себе после того, как я институт закончу. Я б пошла за счастье. Так вот... смотрит, значит, по сторонам Кайлеан Георгиевич — а кругом Муром белокаменный, небо синее, деревья столетние шумят... И тут навстречу я иду, с реки Оки. Коса на грудь перекинута, на плече коромысло... а за юбку пятеро детей держатся, один другого меньше...

— За пять лет — пятеро детей?

— Думаешь, мало? Хорошо, добавим двойняшек — семеро за юбку держатся. И все семеро деревянными ложками машут — дети-то у нас сизмалу ложки вырезать будут, на продажу, для туристов, — семья большая, как же без приработка. И вот, машут они ложками и кричат — «Папа, папа, мы есть хотим!». И Кайлеан Георгиевич потерянно так — брови домиком — спрашивает: «Жена моя, где мои мечты, где моё королевство?» А я ему показываю на детей и отвечаю: «Вот твоё королевство, муж мой!..»

Выслушав меня, Дрю вдруг сказала:

— Господи, хорошо-то как!

Я скривила губы и горько проговорила:

— Чего хорошего, Дрю! Ну сама подумай, что Его Высочество Кайлеан Карагиллейн Третий будет делать в Муроме? На печи лежать? Да он со скуки всё кругом по кирпичику разнесёт, а ведь эти кирпичики — наше национальное достояние. На это я пойти никак не могу.

Дрю фыркнула.

— Плохо вы, леди Данимира, знаете нашего принца. Он нигде не пропадёт. Хотя, — она махнула рукой, — насчёт своих кирпичиков можете вообще не волноваться, никто в ваш Муром не поедет. Это вы в Эрмитании останетесь.

Я закатила глаза к потолку.

— Не останусь. Не хочу шипеть и выгибать спину при виде каждой незамужней королевичны. Давай не будем переливать из пустого в порожнее. Давай спать лучше.

— Спите, кто вам не даёт, — буркнула Дрю. — А я в шкаф пойду о вечном думать.

...Закутавшись в одеяло, я уже почти заснула, но что-то мешало окунуться в благодатный сон и удерживало на краю. Какие-то слабые звуки царапали сознание и не давали заснуть.

Я подняла голову с подушки и прислушалась. Звуки доносились из шкафа.

На цыпочках я прокралась туда и осторожно приоткрыла дверь. Полупрозрачная Дрю сидела в углу на обувных коробках и придушенно всхлипывала.

Присев на корточки, я полушёпотом спросила:

— Дрюшечка, ты чего?

— Семеро детей! А у меня ни одного не будет!

— Ох... прости, я не знала, что при тебе о детях нельзя...

Про себя я подумала, что Дрю — сложный случай. Когда она была живой, то мечтала о магии. Когда стала привидением — начала мечтать о детях. Если бы Дрю мечтала о детях, когда была человеком, возможно, сейчас не рыдала бы в шкафу, а нянчила младенца, живая и здоровая. Но ведь и я была ничем не лучше. Что б там не произносилось вслух, в глубине души я тоже мечтала о несбыточном.

— Прости меня, Дрю, — снова сказала я.

Дрю смахнула призрачные слёзы и хмуро сказала:

— Ладно, не извиняйтесь. По большому счёту, при мне вообще ни про что нельзя. У меня ведь ничего больше не будет. Но я уже привыкла. Просто вы такую романтическую картину нарисовали... белый город, семеро детей, вы в коромысле... Кстати, почему оно на плече? Сползло?

— Что сползло? Коромысло? А что это, по-твоему?

— Головной убор такой, — Дрю изобразила что-то вроде кокошника. — Разве нет?

— Нет. Это палка изогнутая такая, специальная, чтобы вёдра с водой

носить. Или пакеты из супермаркета.

— А-а. Уже не так романтично. Но всё равно — семеро детей...

Я заметила, что Дрю снова приготовилась горевать и поспешно сказала:

— Послушай, ты ночью всё равно не спишь... зачем тебе сидеть в шкафу? Не хочешь развлечься? Полетать над городом? По-моему, это будет гораздо романтичней коромысла и гипотетических семерых детей. И немножко похоже на магию — представь, ты летишь как птица... ночное небо, звёзды, внизу город как на ладони, река серебрится... Ты же раньше так не могла, а теперь — сколько угодно...

Дрю взглянула на меня сердито.

— Шутите? Я б полетала, если могла! Но никто из привидений не может покинуть Башню. Принц все стены заколдовал, все окна, все двери. Мы тут пленники навечно. И вы, кстати, тоже. Как принцесса Даннемора из сказки.

— Почему как принцесса?

— Тоже сидела в башне. То есть, сначала она сидела во дворце. К ней сватался король из соседнего королевства. Король был жесток и безобразен, Даннемора ему отказала. Тогда он захватил королевство Даннеморы, разрушил дворец и отрубил головы родителям. А Даннеморе удалось бежать. Долго она скиталась по лесам и горам, пока не увидел её дракон, пролетающий мимо. Он сцапал принцессу и утащил к себе. Даннемора жила на вершине высокой башни, а дракон, обвинив подножие башни, охранял её днём и ночью. То есть, днём он охранял принцессу у подножия башни, а ночью... ну, в общем, не у подножия. Безобразный король узнал, где скрывается принцесса и пришёл с войском. Тогда дракон спалил войско и сожрал короля... но Даннемору всё равно не отпустил. Так ему понравилось её охранять. В общем, так она и осталась жить на вершине башни.

Я оторопело выслушала изложение Дрю.

— Однако. Сказки у вас какие-то... не детские... Ты уверена, что ничего не добавила?

— Это не наша сказка. Это аннморийская легенда. В ней вроде как рассказывается о происхождении королевского рода Аннмории. Потому что аннморийские короли считают себя потомками дракона. Ну, и принцессы Даннеморы тоже.

— Не хочу даже задумываться, как принцесса и дракон умудрились основать чей-то род. А Кайлеан меня не цапал и не утаскивал. Я сама с ним утащилась. И, кстати, скоро он вернёт меня домой.

— Скоро он щёлкнет пальцами, и вы всё забудете, кроме него. И будете жить на вершине башни вечно.

— Угу. А когда я ему надоем, он переселит меня в подвал. Буду там цепями греметь. — Я помолчала, потом сказала: — Дрю, я не виновата в том, что с тобой случилось. Ты ведь нарочно меня пугаешь, да?

— Может, и нарочно... — отвернувшись, призналась Дрю. — Думаете, меня просто так Злюкой прозвали? Я, если честно, и при жизни немножко вредная была, а сейчас «немножко» отпало... А всё потому что! Зачем вы начали про полёты? Как ножом по сердцу. Привидение Башню покинуть не может, это проверено.

Я подумала и решилась.

— Дрю, я сейчас произведу эксперимент. Если у меня получится — всё должно остаться тайной. Обещай, что никому ничего не расскажешь и меня расспрашивать не будешь.

— О чём?

— Ты поймёшь о чём. Дай мне что-нибудь на плечи накинуть. — Дрю непонимающе смотрела на меня. — А то я сто лет тут искать буду.

Она принесла мне халат из розового атласа. Разумеется, халат, как и вся остальная моя одежда, был произведением искусства и в нём тоже можно было отправляться на бал. Я запахнулась и обвязалась поясом.

— Пойдём. Только тихо!

На лифте мы спустились в полутёмную гостиную, которую освещал лишь лунный свет. Я бросила взгляд на люстру-клетку — крошки спали. Затем, посмотрев на дверь, ведущую в кайлеановскую спальню, и на Дрю, я приложила палец к губам. На цыпочках прокралась к двери, ведущей на балкончик, и подёргала за ручку. Дверь не поддавалась.

— Я же говорила, — зашипела мне на ухо подлетевшая Дрю, — он тут все заколдовал!..

С колотящимся сердцем я подняла другую руку — ту, на которой была повязана красная нить, и потянула.

Балконная дверь мягко и бесшумно приоткрылась.

— Ничего себе... Как это у вас получилось?

— Это и есть та самая тайна, — прошептала я, — не могу рассказать, зато теперь ты сможешь летать по ночам. Будешь по утрам возвращаться, а я буду тебя тихонечко впускать. Но если он... — повторила я интонации Дрю, — ... узнает... считай, у нас грандиозные проблемы.

Дрю выпорхнула в окно, зависла за ограждением и, подбоченясь, с тихой усмешкой сказала:

— И всем-то вы верите, леди Данимира... Вот я сейчас возьму и улечу

куда подальше. И лично у меня никаких проблем не будет!

— Дрю, время идёт, — я замахала на неё рукой, — лети уже! И утром в окне не маячь, просто будь поблизости.

Она ещё какое-то время глядела на меня, потом свечкой взмыла вверх и исчезла.

Я осторожно закрыла дверь и уже собралась вернуться в постель, как вдруг заметила тусклый огонёк в люстре-клетке. Огонёк, подрагивая, приник к решётке и явно не спал. Я тяжело вздохнула. Наверняка у этой братии, что знает один — знают все. Я забралась на стул, потом на стол и специально для светлячка поднесла палец к губам.

— Помалкивай о том, что видел, — прошептала я. — Понял?

Огонёк оживился, стал ярче и начал выплясывать возле засова, на который закрывалась решётка люстры.

— Ты с ума сошёл.

Он заплясал ещё энергичнее. Более того, он начал отчётливо попискивать.

Я отрицательно помотала головой.

— Тише ты!

Писк стал громче. Не иначе, маленький паршивец надумал меня шантажировать.

Из комнаты Кайлеана донёсся какой-то звук. Моё сердце подпрыгнуло, плохо соображая что делаю, рукой с красной нитью я отодвинула засов, прошипев:

— В карман, живо!

Едва я успела закрыть клетку и оказаться на полу, дверь спальни открылась и на пороге показался Кайлеан. Он был босиком, в одних брюках и на его широкой груди сплетались в едином круге красные пентаграммы. Полуголый Кайлеан Георгиевич был слишком хорош для этого мира, во всяком случае для меня точно слишком. Во рту внезапно пересохло. Я застыла, не в силах отвести от него взгляда, Кайлеан тоже молча стоял на пороге.

— Данимира, — мягко произнёс Кайлеан спустя какое-то время, — ты что-то хочешь?

Что я хочу? Да, я безусловно чего-то хочу... Чего ж я хочу-то?

— Это... как его... а, точно! Водички попить! — хрипло сказала я. — В горле пересохло, не заснуть никак. Вот, спустилась... водички попить... а то в горле пересохло и не заснуть никак... — усилием воли я заставила себя замолчать.

Кайлеан прошёл к холодильнику и принёс запотевшую бутылку и

стакан. Под его пристальным наблюдением я выпила стакан воды. В кармане что-то щекотно зашевелилось, я быстро поставила стакан на стол и пробормотала:

— Спасибо, я пошла.

Несколько нерешительно Кайлеан сказал:

— Может, ты голодная?

Иными словами, не кралась ли я как тать в ночи к холодильнику, чтобы побаловаться плюшками?

В кармане снова произошло шебуршение, моё сердце снова ёкнуло.

— Нет! — Я впрыгнула в лифт. — Я только водички! Спокойной ночи!

Двери лифта закрылись, скрыв меня от сощуренных глаз Кайлеана Георгиевича. Оставалось надеяться, что он не пересчитывает своих пленников с утра пораньше.

Вернувшись к себе, я скинула халат и вытрясла шантажиста из кармана. Он немедленно принялся радоваться свободе — начал с пронзительным писком нарезать круги вокруг моей головы.

— Благодарить будешь потом, — намекнула я. — А сейчас ночь на дворе, я спать хочу. Ну-ка, марш туда! — Я непреклонным жестом указала на любимый шкаф Дрю.

Светлячок издал удивлённый звук и начертил в воздухе угасающий вопросительный знак.

— У нас так принято, — отрезала я. — Всяк призрак, сюда попавший, на ночь отправляется в шкаф и думает о вечном. Причём думает молча и до утра.

Светлячок протестующее запищал. Ни молчать, ни думать о вечном ему явно не хотелось.

— А вот! — злорадно сказала я. — А придётся! Я спать ложусь. Услышу хоть один писк — всё! Поймаю и посажу в банку!

В ответ мне были продемонстрированы фигуры высшего пилотажа. Надо полагать, имелось в виду, что вначале мелкого паршивца надо будет изловить.

— Как тебя звать-то? — вздохнула я.

В ответ он коротко пропищал что-то непонятное.

— Как-как? «Ем»? Хм... Зловещее имя у тебя какое-то, дружок. Но это тебе не поможет. Быстро в шкаф!

Огонёк взлетел выше и оказался вне зоны досягаемости.

Я посмотрела на него и махнула рукой.

— Ничего-ничего, — бормотала я, заползая под одеяло, — вот придёт Дрю, великая и ужасная, она с тобой разберётся. Ты у неё по струнке

ходить будешь.

Издав неуверенный писк, Ем двинулся в сторону шкафа. А действительно, напущу на него Дрю, думала я, засыпая. Пускай воспитывает...

Поутру в нашем жилище стояла тишь да гладь. Никто не пищал и не мельтешил. Неужто и впрямь задумался о вечном, удивилась я, но заглядывать в тот шкаф, куда удалился нахальный малыш, не стала. Я толком не выспалась и решила, что смогу выдержать очередную волну суеты только после приёма терапевтической дозы горячего крепкого кофе.

Когда я спустилась, на столе меня поджидала стопка журналов. Это маэстро Лапмль прислал выпуски светской хроники, посвящённые королевским балам, я всё-таки решила полистать их в поисках важных нюансов.

За завтраком Кайлеан объявил, что посещение драконятника состоится послезавтра.

— Ой! — я просияла, сжав руки у груди, и в этот момент увидала, как за оконным стеклом промелькнул бледный женский силуэт.

Ой-й-й, повторила я про себя уже с другим выражением, радуясь, что Кайлеан сидит спиной к окну.

— Драконятник — наверное, лучшее место, чтоб провести такой день, — сказал Кайлеан. — Рядом с драконами всё видится в другом свете. Ты это почувствуешь.

— Такой день? А что с днём послезавтра? — рассеянно спросила я, наблюдая, как Дрю вновь пролетает мимо окна, изображая какие-то ослиные уши и показывая язык кайлеановской спине. (У меня возникло нехорошее предчувствие, что Дрю не будет воспитывать Ема, а напротив, стакнётся с ним, и они в кратчайшие сроки доведут меня до цугундера.)

Кайлеан помедлил, потом произнёс, пристально глядя:

— Послезавтра твой день рожденья.

Я вздрогнула, привстала с места и снова села.

...Кровь, брызжущая фонтаном, кровь на стенах, кровь на полу... и гигантские безликие фигуры, которые я сама пригласила в свой дом...

Я помотала головой.

— Нет-нет-нет. Ничего подобного. Больше никаких дней рождений. Послезавтра будет обычный день. Просто четверг.

— И четверг, и день твоего рождения. Послезавтра тебе исполнится девятнадцать лет.

— Тоже мне, событие. Вообще не понимаю, зачем ты эту чепуху запомнил.

Кайлеан повёл плечом.

— Надо было — и запомнил, — неопределённо сказал он. — Ты теперь собираешься всю жизнь делать вид, что у тебя нет дня рождения?

— Да, собираюсь, — упрямо сказала я. — Я про свой день рожденья даже думать не могу. Мне теперь всегда будет мерещиться какой-нибудь подвох. Может, ты вообще меня в драконятник зазываешь, чтобы скормить своим любимым драконам. Всем известно, что невинные девы — их любимая пища. В девах, небось, повышенное количество витаминов и всяких полезных микроэлементов.

— Очень остроумно, — холодно сказал Кайлеан Георгиевич. — Если ты так беспокоишься, то один существенный момент можно легко исправить.

Я подумала и сказала:

— Но ведь останутся ещё витамины и микроэлементы.

Он потёр подбородок.

— Да, с этим сложнее. Можно уменьшить твою питательную ценность, посадив на хлеб и воду, но к четвергу больших успехов всяко не достичь.

Я хотела продолжить пикировку в том же духе, но слова застряли у меня в горле, потому что за окном вновь появилась Дрю. На этот раз она изображала нечто вроде победной пляски папуаса, чья деревня одолела соседнюю деревню в битве за кокосовую рощу. Наверное, я застыла с приоткрытым ртом, потому что лицо Кайлеана вдруг приобрело хищное выражение, он резко обернулся. Но Дрю к тому моменту завершила своё выступление и уже исчезла из поля зрения.

Кайлеан всё же встал, подошёл к балконной двери, постоял там... и я увидела, как он медленно, будто к чему-то прислушиваясь, проводит ладонью вдоль щели между наличником и дверью.

Проверяет, не нарушена ли его защита, поняла я.

Я сидела, прилипнув к стулу, но Кайлеан вернулся успокоенным.

— Ты не могла бы смотреть на меня, когда мы разговариваем? А то мне тоже всякое мерещится.

Когда я послушно уставилась ему в глаза, он протянул руку через стол, накрыл мою ладонь и легонько сжал её.

— Данимира, год назад ты попала в беду. В серьёзную беду. Но ты выкарабкалась, жизнь продолжается. Дурные воспоминания не должны управлять твоими дальнейшими поступками. Да, дни рождения по большому счёту условность. Но откажешься от них — отдашь Мортену и его ведьмам ещё один кусочек своей жизни. Не делай этого.

Он был, конечно, кругом прав. И рука, лежавшая поверх моей, была рукой друга, а не демона, сходявшего с ума по потерянному куску пентаграммы. Во всяком случае, мне очень захотелось поверить в это. Так захотелось, что даже стало страшно. Отдёрнув руку, я небрежно сказала:

— Тебе так дороги мои дни рождения... Надеюсь, ты не планировал после драконятника повести меня в ресторан и всучить там букет из девятнадцати роз и бриллиантовое кольцо?

Когда я увидела расширившиеся глаза Кайлеана, то поняла, что оттенок сарказма в моих словах остался незамеченным.

— Бриллиантовое кольцо? — переспросил он с живым интересом. — Ты хочешь именно кольцо или, может быть, что-то ещё?

В моём воображении к Башне быстренько подвели железнодорожную ветку, и состав из вагонеток, доверху груженных бриллиантами, уже тронулся в путь.

— Да нет же! — воскликнула я. — Наоборот! В смысле, вообще ничего не хочу!

Нехотя Кайлеан признался:

— Я действительно собираюсь сделать тебе подарок... хотя, по сути, он не может являться подарком, потому что формально он уже является кое-чем другим... но всё же это подарок... ну, если взглянуть в определённом аспекте...

— Понятно. Подарок Шредингера, дело житейское. Его вроде дарят, а вроде нет.

— Увидишь — поймёшь. Но тебе должно понравиться. А сейчас мне надо уходить... И вот что... ближайшие два дня я буду крепко занят. Придётся тебе это время поскучать дома.

Нельзя сказать, чтобы я сильно огорчилась. Вчерашний день выдался таким бурным, что идея поскучать дома показалась мне весьма привлекательной. Тем более, что мне было чем заняться.

Кайлеан отправился по своим загадочным делам, а я, выждав некоторое время, подошла к балкону и открыла дверь. Оживлённая Дрю скользнула откуда-то сверху и затараторила:

— Вот это ночка была! Они такие идут себе спокойненько, а я сверху такая — в-ж-ж-ж-ж! А они такие — «А-а-а-а!» А я — «Муа-ха-ха, трепещите, грешники!» а они — «Па-ма-ги-тя-а! Па-а-а-ли-и-цыя!»

Тщательно закрыв балконную дверь, я повернулась и увидела, что светлячки, запертые в люстре-клетке, выстроились в виде пульсирующей стрелки, и острие этой стрелки недвусмысленно указывало на засов.

— Кругом одни кровопийцы... — пробормотала я, сгребла со стола

журналы и решительно повернулась к люстре-клетке спиной.

Молча я вызвала лифт. Мы поднялись на последний этаж, там я прошла к креслу у окна, уселась и раскрыла журнал, демонстративно углубившись в его содержание.

Дрю ещё какое-то время щебетала в стиле «а я такая, а они такие...», потом прервалась и недоумённо произнесла:

— Так, я не поняла, я кому рассказываю?

Я продолжала сосредоточенно читать колонку редактора. Жернова редакторской мельницы вращала мысль не новая, зато справедливая: надежды, мечты, ожидания и предвкушения, не смотря на свою безусловную эфемерность, составляют важную часть нашей жизни и зачастую оказываются более яркими, нежели непосредственно событие, к которому относятся. Поэтому их надо ценить не меньше. Порассуждав ещё в таком духе, в конце своего послания редакторша плавно вырулила к другой верной мысли — принцев, девушки, катастрофически мало. Причём, не только в Эрмитании, но и вообще. Такова суровая жизнь. На всех не хватит. Поэтому надо понимать, что надежды и мечты могут остаться несбывшимися, но они всё равно будут прекрасны, и вообще на балу следует повеселиться на полную катушку... В принципе, я с редакторшей была согласна...

— Вы что, сердитесь, что ли? — неуверенно сказала Дрю.

— Нет, радуюсь, — ледяным тоном сказала я, продолжая читать. В позапрошлом году на понимающих что к чему людей произвёл глубокое впечатление наряд леди Мармарис цвета «мардоре»...

— А чему?

— А вот этому! — Тут я не выдержала, откинула журнал, вскочила с кресла и, вихля бёдрами, проскакала перед Дрю, попутно изображая ослиные уши над головой.

— Что это? — оторопело спросила Дрю.

— Не что, а кто. Это ты за окном, — просветила её я.

— Да ладно вам... Я была не такая.

— Конечно, не такая, ты была ещё хуже. Я чуть не поседела из-за твоего представления! Знаешь, Дрю, как это называется? Подстава, вот как!

— Подстава? — ахнула Дрю. — Да как вы можете так говорить? Он же ничего не заметил!

— А если бы заметил?

— Да не заметил бы! Я ужас какая ловкая!

— Вот именно, что ужас, — горячо начала я, но тут в шкафу кто-то кашлянул. Низким таким кашлем, ничуть не напоминающим писк.

Дрю вытаращила глаза.

— У нас что, в шкафу мужчина? — спросила она тоном мужа, вернувшегося из командировки.

В замешательстве я посмотрела на шкаф.

— Э-э-э... нет... Там малыш Ем... должен быть.

— «Малыш Ем»? Это моль?

— Нет, светлячок. Маленький совсем. Светлячок. Я его выпустила из клетки, когда ты улетела. Из той, что над столом висит. — Дрю вытаращила глаза ещё больше, я попыталась объяснить: — Потому что так получилось... Кайлеан проснулся, Ем начал пищать... громко пищать... ну, я запаниковала и выпустила его. Но, честное слово, он маленький и хорошенький!

В качестве иллюстрации к моим словам из шкафа тотчас вывалился некий молодец — долговязый, усатый, носатый, смуглый — несмотря на призрачность, и одетый даже по здешним меркам старомодно. Общий вид у него был какой-то такой... дартаньянистый...

Мы с Дрю ойкнули и придвинулись друг к другу.

Молодец потянулся, зевнул, клацнув зубами, весело оглядел нас с головы до ног и хриплым наждачным голосом произнёс:

— Ну что, девчонки, давайте знакомиться. Лемуэль Пэн, благородный разбойник. Можно просто Лем.

Не Ем, Лем — вот что он мне тогда пропищал.

Дрю вдруг приосанилась, вздёрнула нос, демонстративно обозрела Лемуэля Пэна в ответ и повернулась ко мне.

— Не маленький и не хорошенький, — с презрительной гримаской констатировала она и принялась поправлять свою растрёпанную короткую стрижку, делая её ещё более растрёпанной.

Ого, подумала я, что это у нас здесь — любовь с первого взгляда?

Вслух я сдержанно произнесла:

— Леди Данимира. Можно просто Данимира Андреевна. — Мои инстинкты, о которых Мортен высказался, что они здоровые, отсоветовали мне фамиллярничать с разбойниками, пусть даже и с благородными.

Дрю передёрнула плечиком и вместо представления сказала, надменно глядя куда-то в пространство:

— Это мой шкаф. Я его первая заняла. И вообще, там вещи дорогие. Нам там моль ни к чему.

— Тебя, Данимира Андреевна, мы хорошо знаем, — сказал Лем, не сводя взгляда с Дрю, — ты всем ребятам сразу понравилась. Хотя некоторые критиковали твоё деколье.

— Какое ещё декольте? — Я лихорадочно вспоминала, как была одета во время трапез в гостиной. — Не было у меня никакого декольте...

— Вот именно. А могла бы порадовать бедных отшельников. Но всё равно, мы с ребятами даже жалеем, что такая классная девчонка эдакому супостату досталась. А вот фифу я до вчерашней ночи не видал.

Наши с Дрю реплики прозвучали почти одновременно.

— Почему это «супостату»?

— Почему это «фифу»?

Лемуэль Пэн снова потянулся.

— Ух, как славно выпрямиться в полный рост! Спокойно, красавицы, отвечаю по порядку. — Начать он решил с меня. — Смотри сама, Данимира Андреевна. Это место завсегда наше было. Как драконов увели всех, так мы здесь и обосновались. Жили-поживали себе... кхм... то есть, не жили и не поживали, но, в общем, обитали давным-давно, и неплохо, скажу тебе, обитали. А принц твой? Заявился, сопляк сопляком, молоко на губах не обсохло, и начал свои порядки наводить. Да не будь я привидением, я бы ему ремнём по заднице надавал... тогда, конечно. Сейчас-то он заматерел, с ремнём к нему уже не подступишься. Короче, принц твой невинных людей в клетку засадил...

— Невинных благородных разбойников, — уточнила я.

— Абсолютно невинных! Да ведь не просто засадил, а ещё и скрутил, уменьшив раз в сто, — супостат он после этого или нет?.. А каково нормальному мужику пищать мышью малою? Самому себя слышать противно, это ж дополнительное издевательство! Мы первое время даже общаться не могли. Один рот откроет, остальные вповалку от смеха лежат. Потом ничего, попривыкли, но самые гордые из нас до сих пор жестами объясняются. Но главное — за что? Ну, баловались ребята маленько, налетали на окрестных селян, так на то они и селяне, чтоб пугать их. Были б умные — не орали как оглашенные. Мы же привидения... можем только по сердцу холодом ледяным могильным пройти да волос коснуться, инеем их раньше времени покрыть...

— Хулиганье! — Дрю снова дёрнула плечиком.

— Хм-м-м... — сказала я. — Я, пожалуй, даже знаю, как оно было. Они — селяне — такие идут себе спокойненько, а вы сверху такие — в-ж-ж-ж-ж! А они такие — «А-а-а-а!» А вы — «Муа-ха-ха, трепещите, грешники!» а они — «Па-ма-ги-тя-а! Па-а-а-ли-и-цыя!». Похоже?

Лемуэль Пэн одобрительно кивнул.

— Ну, ты, Данимира Андреевна, прям как сама всё видела. Только полицию они не звали. Мы в город не совались, по деревьям летали, какая

там в деревне полиция. Но они вот что удумали: королю Георгиану — тот ещё аспид, кстати, — коллективную жалобу накатали, от всех деревень. Вот он и прислал мальчишку своего. А тот, даром что сопляк, воспользовался тем, что мы померли и он власть некромантскую над нами имеет. Дорвался, понимаешь. Всех до единого переловил и в бараний рог скрутил. И за что, спрашивается, за пустяки какие-то!..

— Действительно, преждевременно поседевшие селяне с сердечным приступом — пустяки какие. А ты как думаешь, Дрю? — ласково спросила я.

— А что вы на меня смотрите? — оскорблено вскричала Дрю. — Я ничьего сердца не трогала! Я аккуратненько!

— Аккуратненько? А чего ж тогда люди кричали «А-а-а»? У вас же тут магов больше, чем обычных людей, все должны быть привычные ко всяким... — я хотела сказать «паранормальным явлениям», но подумала, что по отношению к Дрю это будет некорректным, — ... ко всяким чудесам.

Дрю сказала, глядя в сторону:

— Тут такое дело... Лучше вам знать. Помните, принц сказал, что я теперь грузовик поднять могу?

— П-помню, — сказала я, хлопая ресницами.

— Ну вот.

Воцарилось долгое молчание.

Я продолжала усиленно моргать.

— То есть ты хочешь сказать... что сегодня ночью на людей сверху аккуратненько пикировал хохочущий грузовик и обзывал их грешниками?

— Ну, что-то вроде, — буркнула Дрю. — Как-то так. Почти. Но никто не пострадал и сердца я ничьего не трогала!

Благородный разбойник Лемуэль Пэн присвистнул и восхищённо ударил себя по ляжкам:

— Ай да фифа — грузовик подняла! Меня научишь?

— Не научит, — сказала я, села в кресло и прикрыла глаза рукой, — и не только потому, что это магия принца Кайлеана, а потому что теперь нам всем конец. Дрю ведь единственное привидение, которое может двигать материальные предметы. Как только до Его Высочества дойдёт захватывающая история о девушке-призраке, поднимающей грузовик, он легко сложит два и два. Он нас всех в бараний рог скрутит. Готовьтесь. Трепещите, грешники.

— Не скрутит, — сказала Дрю. — Не такая я дура, я маскировалась. Все видели только грузовик. Может, в него вселилось что-нибудь другое, не

привидение. Да и те, кто по ночам кто гуляет, свидетели ненадёжные. Может, они под мухой были. Им не поверят.

— Кому надо, тот поверит, — зловеще пообещала я.

Лем подлетел ко мне и изобразил дружеское похлопывание по коленке.

— За себя не волнуйся, Андреевна, — сказал он, — уж кому-кому, а тебе ничего не будет. У нас там, в люстре, все знают, что супостат по тебе сохнет. Мы даже пари заключили. По карманам пошарили, призрачного золотишка наскребли, чтоб на кон поставить.

Я закашлялась. Вот так. Ходишь, ни о чём не подозревая, а над головой в это время на тебя пари заключают.

— И в чём суть... вашего тотализатора?

— Известно какая суть. Женится на тебе супостат или...

— Или что?

— Или так будете...

— Понятно. Некоторые женятся, а некоторые... И как ставки распределились? — поинтересовалась я.

— Большинство на «так» поставило, — честно ответил Лем. — Считают, супостат тебя охмурит. Но лично я поставил на женитьбу. Зато мой куш побольше будет. Уверен, скорее ты супостата охмуришь. Классные девчонки, они всегда из нашего брата верёвки вьют, по себе знаю. — Он нахмурился и погрозил мне пальцем. — Ты, смотри, блюди себя, Данимира Андреевна. Негоже честной девушке до свадьбы глупости всякие парню позволять. Парни, они ведь безбашенные... по себе знаю, а девичья честь на дороге, знаешь ли, не валяется. Как и призрачные дублионы. Если супостат к тебе с глупостями будет приставать, ты так ему прямо и скажи: вечером — свадьба...

— Знаю. Вечером — свадьба, утром — глупости.

— Почему утром? Ночью. Нет, утром тоже, это само собой. Но только после свадьбы. Ты главное в уме держи: сперва — свадьба, глупости — потом. И смотри не перепутай!

— Спасибо, — кротко сказала я, — очень полезное и своевременное напоминание. А то иногда прямо подмывает глупостями заняться.

Благородный разбойник засмеялся хриплым наждачным смехом.

— Да что ты можешь понимать в глупостях, цветочек? Вот фифа, другое дело. Уверен, она знает, что к чему.

Я была убеждена, Дрю сейчас ответит наглецу так, что придётся соскребать его со стенки. Действительно, Дрю подбоченилась, и речь её вроде была резка, но произносила она её каким-то подозрительно грудным, воркующим голосом.

— Не смей называть меня так. Дрю — меня зовут Дрю. — Она вновь поправила волосы. — И не твоя забота, Лемуэль Пэн, что я знаю, а что нет.

Лемуэль Пэн хрипло засмеялся и взмыл вверх, приблизившись к Дрю.

— Я не прочь взвалить на себя новую заботу... Дрю...

— Поглядим на твоё поведение... светлячок.

Всё, спелись, поняла я. Следовало пока не поздно произвести строгое внушение. Говорить надо было уверенно и властно, чего я отродясь не умела. Буду воображать себя Наполеоном в треуголке, решила я, встала и прошлась туда-сюда, заложив руки за спину.

— А теперь все слушают меня, — начала я, прохаживаясь. — Лемуэль Пэн, с этажа ни ногой. Не знаю, на что ты способен, но на всякий случай: никаких просачиваний сквозь канализацию и прочих фокусов. Никаких дружеских визитов к соратникам. Далее. Никаких делёжек шкафа. Мальчики — налево, девочки — направо. Лем, твой шкаф там. — Я указала на второй гардероб, не занятый Дрю. — При появлении принца немедленно прыгаешь туда и прячешься в секции с моим нижним бельём. Не думаю, что Его Высочеству вообще придёт в голову заглядывать в шкаф, но лучше подстраховаться... Особо подчёркиваю — никаких ссор. — Тут я пошла на чистый блеф: — Задумаете выяснять отношения — возьму за шиворот и собственноручно отправлю в люстру-клетку обоих. Моих способностей на это хватит. Ясно?

— Ой-ой-ой, какие мы строгие... — начала было Дрю, но благородный разбойник остановил её.

— Постой, не видишь, цветочек в правильном направлении мыслит, повелевать учиться. За принца однако замуж собралась, не за лесника. Пусть командует. На ком ей ещё тренироваться, как не на нас? Надо потерпеть. Потом подучится и на других перейдёт. Молодец, Данимира Андреевна, не стесняйся, песочь нас по полной!

Дрю скептически фыркнула, но насмешничать перестала. А я, получив несколько неожиданную поддержку, не стала отрицать версию Лема. В конце концов, если не научиться руководить привидениями, очень скоро они начнут руководить мной.

— Как известно, на следующей неделе состоится королевский бал, — продолжила я хождение туда-сюда. — Это мой первый королевский бал, я должна подготовиться, изучить методические пособия, справочную литературу и научные труды на эту тему, — величавым жестом я указала на журналы. — Попрошу мне не мешать. Если хочется флиртовать, отправляйтесь за поворот и воркуйте там на здоровье. Но будьте начеку, помните — Лем здесь на нелегальном положении. Чуть что — сразу в

шкаф!

— Флиртовать? С кем, с ним? С этим тощим верзилой? Ха! — Дрю взмыла вверх и изобразила какие-то замысловатые воздушные фигуры.

— Флиртовать? С этой колючкой, с этой занозой? — Лемуэль Пэн вплёл в фигуры Дрю свои, не менее сложные.

Они ныряли в воздухе как разыгравшиеся дельфины, и так, похохатывая и переплетая свои траектории, успешно продвигались к повороту. Вскоре парочка скрылась из виду.

— Луи, мне кажется, это начало прекрасной дружбы, — прокомментировала я их уход легендарной фразой и взялась за журналы.

...Картинки были какие-то мутноватые и расплывчатые. Для издания, напечатанного на бумаге отличного качества, это было несколько странно. Мне очень хотелось разглядеть знаменитый наряд леди Мармарис цвета «мардоре», но подробности непонятным образом ускользали из виду. Я сидела и озадаченно разглядывала удлинённое красно-коричневое пятно, но тут из-за поворота появилась Дрю. Она подлетела и скороговоркой выпалила:

— Вы, небось, не знаете, там надо страницу потереть, это только для магов журнал. Трите! — и улетела обратно.

Легко сказать... С точки зрения Дрю, достаточно было природной одарённости, чтобы заставить работать магический предмет, но я-то знала, что не так всё просто. Кайлеану следовало бы объяснить мне, как пользоваться местной прессой, но ему, видимо, просто не пришло в голову, что такая проблема существует. Вообще, сквозь его внешнюю уверенность постоянно проступало напряжение, и мне казалось, что таинственные дела, которые постоянно его занимали, не такие уж весёлые. Где уж упомянуть такую мелочь.

Я провела пальцами по странице.

Всё осталось без изменений, но в подушечках пальцев началось характерное покалывание — бумага действительно была пропитана магией. Интуитивно я применила заклинание, которое использовала для усиления красок старых выцветших иллюстраций, затем прибавила заклинание трёхмерной проекции и принялась вытягивать изображение из журнала. Обычно я так поступала, когда надо было поменять буквы местами, чтобы открылся истинный текст, метод показался мне подходящим.

Вначале ничего не происходило, затем изображение приобрело резкость, но задёргалось, будто леди Мармарис овладела пляска Святого Вита.

Зрелище было тревожное, я закусила губу, заподозрив, что испортила

чужую вещь. Страница, с которой я наобум произвела манипуляции, начала набухать, наливаясь светом и выгибаться в полусферу наподобие мыльного пузыря. Вид был такой, будто сейчас всё взорвётся.

Оцепенев, я не решалась что-либо предпринять.

Но тут пузырь лопнул, радужный сноп света вырвался на свободу и передо мной возникла голограмма — черноволосая красавица с надменной улыбкой смотрела куда-то вдаль, красновато-коричневая полупрозрачная ткань отливала золотыми узорами и казалась такой реальной, что её хотелось потрогать рукой.

Я выдохнула с облегчением. Метод сработал, хотя к нужному результату я пришла явно кривым путём. Одно только причиняло неудобство — масштаб оказался один к одному, фигура была великовата. Сидя в кресле, я упиралась взглядом в проглядывающие сквозь ткань коленки леди Мармарис. Как уменьшить масштаб я не знала, экспериментировать дальше поостереглась. Пришлось подниматься каждый раз, когда надо было разглядеть изображение.

Не считая беготни вокруг объёмных иллюстраций, изучение светских хроник Эрмитании оказалось занятием чрезвычайно увлекательным. Жизнь на балах кипела, хроники поражали обилием коллизий. Взять хотя бы историю с подтыканием одеялок — главный скандал осеннего бала позапрошлого года.

Дело было так. Группа первокурсниц-провинциалок, обучающихся в столичной Магической Академии, прилюдно бросилась к ногам короля Георгиана. Они жаловались на своего нового ректора, принца Химериана. Адептки утверждали, что принц злостно пренебрегает должностными обязанностями. При разбирательстве, случившемся прямо на балу, выяснилось следующее. По традиции, сложившейся с незапамятных времён, ректор Магической Академии обязан весь первый семестр заходить в общежитие и подтыкать на ночь одеялко каждому первокурснику. Заняться ректору особенно нечем, а юные существа, разлучённые с семьёй и вырванные из привычной среды, для успешной адаптации нуждаются в дружеском участии.

Надо отметить, что первокурсники мужского пола категорически отказывались считать себя юными, разлучёнными и вырванными, и сразу же отреклись от подобной привилегии. При прежнем ректоре — почтенном столетнем старце — и в женской половине общежития желающих воспользоваться утешением уже не находилось.

О традиции не вспоминали, однако она не умерла, а просто находилась в глубоком анабиозе.

С приходом нового ректора всё изменилось. Глубокая моральная травма от разлуки с отчим домом настигла всех проживающих в общежитии адептов поголовно. И тут выяснилось, что принц одеялки подтыкать не желает и по вечерам в общежитии не показывается. Среди адептов поднялся глухой ропот, который становился всё сильнее и сильнее, и в конце концов вылился в обращение к самому Георгиану Второму.

Представший перед венценосным отцом принц Химериан дал показания по этому делу. Поначалу он честно пытался выполнять свой долг. Но при первом же посещении общежития подвергся пяти попыткам затащить его под то самое одеялко, которое должен был всего-навсего подоткнуть. В следующий вечер попыток стало десять. На третий день — уже пятнадцать. Зловещую прогрессию не заметил бы только грудной младенец. Причём одна из попыток чуть не увенчалась успехом, поскольку её предприняла адептка, прибывшая из далёкой горной области, где, как известно, каждая вторая семья состоит в кровном родстве с троллями. Нет, принц Химериан не расист и ничего не имеет против троллей. Отличный народ, эти тролли, если не находиться с ними под одним одеялком.

Разбирательство закончилось изданием специального королевского указа, где отныне обязанность утешения юных существ возлагалась на заведующую медсанчастью Академии леди Гобл. Она, надо полагать, являлась опытным психотерапевтом, поскольку уже через пару дней количество страдалиц по отчому дому свелось к нулю.

Да, у Химериана Карагиллейна тоже оказалась не такая простая жизнь. Было не совсем понятно, как он оказался на таком посту, — учитывая его внешность и происхождение. По моему разумению, это было всё равно что петуху... простите, павлину... сунуться в вольер с лисами. Я наказала себе не забыть расспросить об этом Кайлеана.

Дрю и Лемуэль проявили деликатность (а может, им просто было не до меня) и позволили без помех изучить королевские хроники. К вечеру картина эрмитанских балов постепенно прояснилась. Некоторые детали остались непонятыми, но на них можно было махнуть рукой. Нельзя объять необъятное, и вообще со мной будет Кайлеан. Он поддержит меня, я поддержу его, и вместе мы как-нибудь справимся.

...Драконятник напоминал римский Колизей, рукою великана вырванный с корнем, то бишь с фундаментом, и вместе с изрядным куском земли вздёрнутый в вышину. Он завис над горной долиной, со дна которой поднимался голубоватый утренний парок, каменное кольцо обильно поросло зеленью, какие-то невероятно длинные цветущие лианы

свешивались вниз. Большой летающий остров окружали островки поменьше; острова соединялись друг с другом и с окружающими скалами узкими наклонными мостиками, растянувшимися над пропастью. Какие-либо ограждения отсутствовали, в сущности, это были пыльные каменистые висячие тропы, поросшие по обочинам травой. Два человека могли разминуться там, лишь соблюдая предельную осторожность. На каждой такой тропе располагалось по несколько горбатых башенок с проёмами, сквозь них должен был пройти любой, направляющийся в драконятник.

Из Башни Кайлеан перенёс нас на небольшую площадку в скалах, отсюда начиналась одна из опасных троп наверх.

— Непосредственно в драконятник перенестись нельзя, — пояснил Кайлеан. — Меры безопасности. Сначала следует проверка на детекторе ауры, ещё нас проверят на инфекции... на магические инфекции, — уточнил он, поймав мой вопрошающий взгляд, — и по некоторым другим параметрам. Нет на свете более неуязвимых существ, чем взрослые драконы, и более чувствительных, чем неокрепшие драконята. Они могут негативно среагировать на определённую ауру... на слишком тёмную, чересчур искажённую, с дефектом или ещё какую... — И зачем-то добавил: — Ко мне у любого из наших драконов полный иммунитет. Это заложено в линию, поддерживаемую Эрминарским драконятником.

Я встревожилась.

— Дракончик может заболеть, если к нему приблизится дурной человек?

Кайлеан помедлил и произнёс:

— Дурной человек... наверное, можно и так сказать. Хотя это спорное определение, всё сложнее.

— Меня тогда к маленьким пускать нельзя... — упавшим голосом сказала я. — Заболеют.

Его брови дрогнули.

— Что за фантазии?

— Это не фантазии. Я... так себе человек. Не очень хороший. У меня много прегрешений... было и есть...

Я думала о том, что порядочный человек на моём месте уже давным-давно отдал бы часть чужой пентаграммы и прекратил морочить голову её владельцу. Порядочный человек не подставляет подруг, не губит своего фамильяра, не нарушает магических клятв, не выпускает разбойников из тюрьмы, не крутит романов с несколькими молодыми людьми сразу... Правда, я уже давно раскаялась во всём содеянном, кроме, разве что,

выпускания Лема из тюрьмы, тут, совершенно очевидно, всё ещё было впереди... Что ещё... Мне вдруг вспомнилась ведьма Ангелина. Я ведь брезговала ею с самого начала. Не смогла взглянуть с другой стороны и подобрать к ней ключик. Даже не попыталась. А она была детдомовским ребёнком, ожесточившимся от отсутствия родительской любви, той самой любви, которой я была одарена более чем щедро... Я вспомнила её слова про Складовский детдом — судя по всему, она выросла в ужасном месте... Потом я внезапно вспомнила Одинцова из нашей Оленегорской школы. Он хотел меня поцеловать, а я, ещё ни разу не целованная соплячка, вместо того, чтобы честно признаться в любовном невежестве, от испуга изобразила Снежную Королеву и хлестнула по нему ледяной насмешкой, и прогнала прочь, и даже потом, успокоившись, не нашла в себе сил объясниться. А ведь он мне нравился... Несколько лет потом мы постоянно переглядывались, но тут же отводили глаза...

Мысли об Ангелине и, особенно, об Илюше Одинцове — в преддверье драконятника, да ещё в присутствии Кайлеана — были так несвоевременны и дики, что я потрясла головой и спросила вслух:

— Что происходит?..

Воспоминания тут же отхлынули назад, их острота сгладилась.

Кайлеан показал на тропу, которая прямо на глазах превращалась в туннель, накрытый хрустальным куполом. Одна прозрачная пластина наслаивалась на другую, стены стремительно ограждали дорогу, делая её безопасной.

— Жаль тебя разочаровывать, но твои прегрешения сочтены незначительными. По крайней мере, в плане драконьей безопасности. Тебя проверили, всё остальное тоже в норме. Мы можем идти.

— Ты хочешь сказать, мой приступ самокопания — искусственного происхождения?

— А это был приступ самокопания? Меня самого никогда не проверяли, я уже говорил почему — в моих жилах течёт кровь Карагиллейнов, но насколько известно, проверка ауры вызывает у всех разные ощущения. Дэн как-то обмолвился, что когда первый раз отправился в драконятник, перед мостом вдруг начал вспоминать свою бабушку, которая умерла давным-давно, когда он был ещё совсем мал. Оказалось, он отлично помнит всё, что с ней связано...

— Нет, — мрачно сказала я, — не о бабушке я думала.

Он взглянул пристально, но расспрашивать не стал, просто взял за руку и повёл к туннелю. Признаться, я обрадовалась, что можно подержаться за Кайлеана и крепко стиснула его ладонь — на такой высоте

мне ещё ходить не доводилось. Пока мы шли, я жалась к его плечу и старалась не смотреть по сторонам — хрустальные стены создавали иллюзию полностью открытого пространства. Но потом не удержалась и всё-таки взглянула.

Ах, как было страшно, но в то же время дух захватывало не только от высоты. Голубоватая дымка постепенно таяла, сиреневые скалистые вершины озарились утренним солнцем, и драконий Колизей, согретый лучами, казался уже не каменным кольцом, а золотым. Изумрудная зелень произрастала пышными купинами везде, даже на голом камне, я знала, что это значит, — магический фон благоприятно влиял на микроклимат и плодородие долины. В подобном месте выросла я сама. Внизу пестрели разноцветные крыши, наверное, там располагался посёлок, где проживал обслуживающий персонал, и тонкой светлой ниточкой поблескивала речушка.

У входа в драконятник нас встречали — две фигуры, высокая и низкая, стояли под аркой, обрамлявшей вход.

— О, смотри, Харлин с Мицци, — оживлённо сказал Кайлеан.

Главный егермейстер Харлин, с которым мы уже были знакомы, обменялся с Кайлеаном рукопожатием, а мне поклонился. Серая дракошейка Мицци бурно приветствовала Кайлеана — натянув поводок, замолотила зубчатым хвостом, заплясала на высоких лапах. Когда мы подошли совсем близко, Мицци взглянула на меня жёлтыми драконьими глазами, втянула ноздрями воздух и так же энергично помахала хвостом и мне.

— Глядите-ка, Мицци меня помнит, — поспешила объявить я, подозревая, что дракошейке больше нравится красная нить на моём запястье, чем я сама. — Она же была в библиотеке? Вон, у неё зубец на гребне кривенький, я его тоже запомнила.

— Она тебя не только запомнила, но и включила в число любимчиков, — отметил Кайлеан.

— Взаимно, — засмеялась я и спросила: — Могу я тебя погладить, Мицци?

Харлин улыбнулся в ответ:

— Её хвост говорит, что вы можете делать с ней всё, что захотите. Но больше всего Мицци любит, когда делают вот так... — Он волнообразно провёл пальцами вдоль гребня на горбатой спине.

Я наклонилась и повторила его движение. Удивительно, серая шерсть выглядела грубой, но на ощупь оказалась мягкой и шелковистой. Дракошейка блаженно прикрыла глаза и замерла, издавая ноздрями

тоненький прерывистый свист.

— Когда вылупление? — спросил Кайлеан, следя за движением моих пальцев.

— Есть ещё время в запасе. Но сейчас полетит радужный.

Кайлеан досадливо цыкнул.

— Ах ты ж... Я хотел показать его в самом конце.

— Мы не можем его дольше сдерживать — с вечера колобродит. Молодой, что с него взять. Ещё немного — разнесёт тут всё к хатшепсутам свинячим... простите, леди Данимира... В общем, как хотите, но радужный сейчас взлетит.

— Так идём же, — сказал Кайлеан и двинулся вперёд.

Мы вошли в полутёмную арку. Размеры драконятника были таковы, что арка тоже напоминала туннель, наши шаги и цоканье когтей Мицци зазвучали гулко. Понадобилось время, чтобы выйти в галерею, опоясывающую внутреннюю стену.

Первое, что бросалось в глаза — зияющие полукруглые дыры, расположенные ярусами по всему пространству внутренней стены. Драконьи пещеры, поняла я. Перед выходом из каждой пещеры размещались широкие помосты, и, так же как в Башне, соединялись между собой множеством переходов и лестниц. Так же как в Башне, повсюду змеились трубы, словом, антураж был узнаваемым, только масштабы оказались ещё больше. Если раньше старый драконятник казался весьма величественным сооружением, то теперь я узнала, что значит настоящее величие по-эрмитански. Королевский размах впечатлял.

Харлин с Мицци торопливо пошли — почти побежали — вдоль галереи, а Кайлеан крикнул им вслед:

— Я придержу его!..

Он подвёл меня к перилам, чуть отодвинулся, запрокинул лицо вверх. Руки он вытянул вперёд, ладони поставил так, будто отталкивал кого-то и замер в этой позе.

— Всё, Харлин на месте... — пробормотал Кайлеан через некоторое время, медленно опустил руки и несколько раз глубоко вздохнул. — Сейчас...

В глубине одной из пещер напротив сверкнула, замигала и погасла пронзительная рубиновая искра.

— Видишь? — спросил Кайлеан.

— Далеко... — я прищурилась. — Только искорку видела.

— Ничего, сейчас-сейчас... вылетит — не поймаешь...

Рубиновая искра вновь разгорелась, начала расти и оранжеветь, пока

не посветлела до жёлтого, приблизилась к выходу и после этого рассыпалась на множество зелёных искр.

— Каждый охотник желает знать... — пробормотала я, наблюдая, как зелёные искры начинают вращаться по кругу и опять светлеть. На помост перед пещерой выкатился шар, мерцающий бледным голубым цветом. Шар стал расти, темнеть, наливаясь синевой... потом появился лиловый оттенок... постепенно шар видоизменился в некую фиолетовую кляксу, которая дёргаясь и будто гримасничая, принялась вытягивать из себя какие-то отростки... но потом опять начала краснеть и сворачиваться в шар.

— Ку-уда?.. — Кайлеан выбросил руки вперёд, производя какие-то пассы. Он осторожно расправлял что-то в воздухе и вскоре краснота погасла, а шар опять стал кляксой. Фиолетовое создание нахохлилось и посидело в задумчивости, потом вновь зашевелилось... и вдруг, расправив крылья, над воздушной ареной взмыл тёмный хвостатый силуэт, немного напоминающий древнего археоптерикса... сильно не доедавшего в детстве.

— Полетел! Ой, какой! — пискнула я, глядя во все глаза на своего первого дракона.

— Погоди, ещё не всё, — сказал Кайлеан, тоже не отрывая взгляда от силуэта в вышине. — Он первый в своей линии и молодой совсем, не сразу всё выходит. Но он старается.

Тёмное тельце боролось с гравитацией, изо всех сил трепеща крыльями, руля туда-сюда тощеньким хвостиком, а потом засветилось, во все стороны брызнули цветные лучи и на месте невзрачного археоптерикса возникло сказочное создание, в три раза больше. Огромные крылья этой ипостаси переливались всеми цветами радуги и сияли так, что палевые камни драконятника запестрели от ярких бликов. Теперь дракон летел плавно и уверенно, иногда лениво — явно красуясь — выписывая округлые вензеля в небесной синеве.

— Красавец, да? — развеженным голосом произнёс Кайлеан.

— Он и до этого был милый, но сейчас — да, совсем красавец.

Мы долго наблюдали за радужным, пока к нам вновь не присоединился Харлин.

— Другое дело, — сказал он. — Видали, в обратку хотел скуклиться?

— Я рихтанул гюйсовым, — отозвался Кайлеан, — откатил.

— Так это гюйсом? Не рано ли?

— Сработало же...

— Как бы не начал лениться потом.

— Может. Но ничего, побалует, и всё нормально будет. Стержень у него оплетён неплохо. Кто стержневал, Марк?

Кайлеан с Харлином, поглядывая на радужного, принялись увлечённо обсуждать некоего Марка, подающего большие надежды стержнёвщика, и ещё одно воспоминание возникло в моей памяти.

...Однажды, гуляя по вечернему Петербургу, мы с Женькой встретили её земляка, студента-программиста Митяя. Митяй шагал с ватагой однокурсников навстречу, они дружной гурьбой направлялись в пивную неподалёку (кажется, отмечали чей-то день рожденья) и увлекли нас за собой. В начале вечера все общались как нормальные люди, но постепенно беседа съехала в область программирования, и вскоре я поняла, что безвозвратно потеряла нить разговора. Обсуждались такие вещи, в которых я совсем ничего не смыслила, не смотря на школьную твёрдую четвёрку по информатике. При этом, как ни странно, начинающие программеры искоса поглядывали на нас с Женькой, словно ожидая, что мы внесём лепту в общую беседу и выскажем оригинальную точку зрения на обсуждаемую проблему. Со скуки я пригубила пиво, которое окружающие бодро поглощали литрами, пиво оказалось невкусным, оно скверно пахло спиртом. Я совсем увяла, через какое-то время выскользнула из-за стола якобы попудрить носик, позвонила Женьке с улицы и предложила удалиться по-тихому, иначе я зачахну во цвете лет, придавленная грузом собственного невежества. Женька вышла, выслушала мои стенания и хмыкнула: — «Мальчишки решили впечатление произвести, умом, так сказать, блеснуть, а ты, простота оленегорская, не оценила...» «В нашей деревне в ухаживании больше ценится исполнение озорных частушек под балалайку», — поведала я ей, и мы всё-таки сбежали.

Я вздохнула, припомнив те беззаботные денёчки, но в который раз убедила себя мыслить позитивно — наверняка лекари-маги уже подняли Женьку на ноги и до встречи оставалось совсем немного. Что бы не твердили окружающие, я не верила, что Кайлеан станет удерживать меня насильно. Вернусь к родителям, успокою их и тут же помчусь на Урал. А история с программистами вспомнилась из-за схожести ситуаций — я не понимала и половины разговора, густо нашпигованного специфическими терминами... однако сейчас скучно не было. На Кайлеана, обсуждающего драконьи тонкости, я была готова смотреть сколько угодно, и делила внимание поровну между ним и прекрасным созданием в вышине. Последнее время Кайлеан выглядел напряжённым, каким-то замороженным, а тут оживился, его глаза заблестели, но не было того мрачного огня, с каким он обычно глядел на меня, и на лице не было печати властной надменности, напоминающей всем и каждому, что перед ними — будущий король. Харлин преспокойно разговаривал с высокородным

собеседником на равных, и даже позволял себе ироническую интонацию, комментируя некоторые из его высказываний.

Когда Харлин вновь отошёл, Кайлеан нетерпеливо спросил:

— Ну, что?

— Что — «ну что»?

— Ты улыбалась всё время. Что смешного?

— Ничего. Мне просто нравится драконятник... и ты в нём. — Я подбирала слова, он ожидал. — Звучит парадоксально, но драконы тебя очеловечивают.

Он помолчал, потом усмехнулся, глядя в небо.

— Один раз... давно... они очеловечили меня до такой степени, что я набил себе татуировку. Надпись «драконы навсегда». Вечную, невыводимую. Не представляешь где.

— Представляю.

Образ Чудовища, бесхитростно спускающего штаны с поясницы, встал передо мной как живой. Тёмная вязь на гладкой коже... так вот что она означала...

— Да? — Он повернулся и снова усмехнулся. — Мне сказали, что это будет чертовски сексуально. И я купился.

Неожиданно для самой себя я ответила:

— Правильно сказали.

Он взглянул остро, и я подумала, что сейчас придётся задуть спичку, но, к счастью, Кайлеан прислушался и сказал:

— Харлин зовёт. Пойдём, близится вылупление. Радужный всё равно сейчас полёт закончит. Он молодой ещё, надолго его не хватает. По дороге расскажу тебе про драконов, чтоб ты была в курсе.

— Я уже кое-что поняла. Они ведь не реальные, не динозавры с крылышками. Вы их создаёте. Это магия, да?

— Верно только отчасти, — сказал Кайлеан, увлекая меня в ту сторону, куда удалился Харлин. — Основа всё равно биологическая, самая что ни на есть реальная. Мой прадед, Кайлеан Второй, начал с того, что купил у одного моряка, прибывшего из Южной Америки, несколько окаменелых яиц птерозавра. Купил случайно, как диковинку. Но потом прадед обнаружил, что яйца удивительно хорошо сохранились и любопытства ради провёл ряд магических экспериментов. В итоге то, что затевалось в шутку, стало делом всей его жизни. Уже несколько столетий Эрмитания развивает и совершенствует благородное искусство драконотворчества. Позже и другие королевства начали нам подражать... кое-что им удалось, но... — Кайлеан небрежным жестом отодвинул это

«кое-что» в сторону, — мы лидеры. Равных эрмитанским драконам нет.

Мне стало любопытно, имеет ли драконотворчество кроме благородного какой-либо практический смысл. На мой взгляд, ресурсов драконятник потреблял немерено, даже с учётом выгодного расположения в зоне магического Гольфстрима. Однако Кайлеан был так явно вдохновлён своими драконами, что я не стала спрашивать и понадеялась, что тема целесообразности всплывёт сама по себе.

Инкубаторы располагались на нижнем ярусе, но телепортация в драконятнике была под запретом, дабы возмущения магического фона не повредили молодняку. Кайлеан начал первым спускаться вниз, указывая путь в лабиринте узких лестниц и переходов, излагая попутно краткий курс сотворения дракона. Начиналось всё с того, что в специально оборудованной лаборатории специально обученный некромант извлекал ДНК динозавра из предоставленного материала.

— Шутишь? — фыркнула я ему в спину. — ДНК динозавра невозможно извлечь. Научный факт. Во всяком случае, в каком-то пригодном для клонирования виде. Слишком много времени прошло, всё разрушилось.

— Останки ДНК динозавра, — уточнил Кайлеан, полуобернувшись. — Некромант извлекает останки ДНК и поднимает их.

— А-а-э-э-э... — глубокомысленно прокомментировала я это высоконучное сообщение.

— Нам сюда. — Мы свернули на узкую галерейку, ведущую к другой лестнице. — Далее в дело вступает стержнёвщик. Он укрепляет биологическую базу магической оплёткой. Так образуется стержень, аккумулятор драконьей энергии и сосредоточие драконьей сущности. У каждого стержнёвщика свой почерк, отчасти влияющий на наружность дракона. Если приглядеться, всегда можно определить чья работа. Я в радужном фишки Марка сразу углядел — крыло в развороте на прямую линию выходит, маховые перья поверх перепонки добавлены... украшательство, конечно. Так вот, оплетённый стержень помещается в особую магическую сферу, в яйцо...

— Что-то мне это напоминает. А яйцо не в утку, случайно?

— Яйцо помещают в гнездо, которое сооружают в пещере-инкубаторе. Яйцо, конечно, не совсем яйцо, и гнездо не гнездо... просто опытным путём определено, что подражание природным формам создаёт более гармоничную среду. Пока яйцо созревает, с ним работает куратор — маг, ответственный за развитие зародыша. Процесс созревания длительный, может пройти от года до десяти лет, прежде чем драконёнок появится на

свет. Сейчас мы идём наблюдать за вылуплением зелёного дракона, чей стержень был заложен пять лет назад. Кстати, хочу тебя предупредить, не кидайся прижимать к груди новорожденного зелёного. Зелёные выводятся для лесной стражи, у них бойцовое направление, этого в лесу уже заждались. Силёнок у только что вылупившегося дракончика немного, но если ему что-то не понравится, может в знак протеста цапнуть. А зубки у него уже сейчас о-го-го...

— Ну вот... и никаких «ми-ми-ми»?

— Вообще-то дракошейки тебя сразу признали... редкий случай... — в его голосе вновь прозвучала задумчивость, он даже замедлил шаги. — Насчёт «ми-ми-ми» поглядим.

Похоже, лучше будет, если дракончик меня цапнет, подумалось мне, и я оживлённо спросила:

— Зелёный — для боя, а радужный для чего? Для красоты?

— Это эксперимент. Если ничего не получится — тогда для красоты.

— А если получится?

— Тогда радужные будут кем-то вроде координаторов... миротворцев, если угодно. Драконы традиционно разделяются по цветам радуги, у каждого цвета свои особенности, и не все цвета ладят друг с другом. Одни фиолетовые у нас хладнокровные философы, зато остальные... Зелёные не любят жёлтых, оранжевые — фиолетовых, красные... — Кайлеан вздохнул, — этим поганцам вообще никто не нравится. Приходится следить, чтоб антагонисты лишний раз не встречались. Тут глаз да глаз нужен. Один раз ученик драконьеро напутал...

— Драконьеро?

— Тот, кто за драконами ухаживает... в общем, драконьеро из стажёров был, ну и выпустил красного, когда в небе жёлтый полоскался. Так этот красный провокатор сразу начал кругами вокруг жёлтого ходить... и ходил, ходил, ходил, пока жёлтый хвостом его не задел... Ну что ты — красного задели! Оскорбление, которое можно смыть только кровью! И понеслось... Получили мы та-акую драку в курятнике... чешуя да перья во все стороны летели. Лечили потом обоих долго и нудно. А стажёру тому шейную жилу перепилили.

От последних слов я опешила, но Кайлеан, обернувшись, усмехнулся и расшифровал:

— Говорили, ты был не прав, Бэзил. Что ж ты так оплошал, Бэзил, говорили. И так раз двести пятнадцать... выражения я, само собой, для тебя адаптировал. Бэзил рыдал в укромных уголках, уйти хотел.

— Ушёл?

— Остался, конечно. Куда ж он денется с воздушного драконятника... Я хмыкнула.

— А двухцветных драконов создавать не пробовали? В горошек или в полосочку?

— Пятнистых пробовали. Но они нестабильные получаются. Там нюансы всякие имеются. А радужный принципиально другой.

Десятки вопросов теснились у меня в голове, я жаждала подробностей из жизни драконов и драконьёро, но мы уже спустились на нижний ярус. Пройдя совсем немного, Кайлеан остановился перед входом в пещеру.

— Всё, пришли. Остальное потом доскажу. Ты, главное, помни, что маленький дракон — это тоже дракон.

Он поводит ладонью перед собой, взял меня за руку и ввёл в пещеру. Возникло ощущение, что я прошла сквозь горячую воздушную завесу, но в пещере было холодно.

И темно.

Только далеко впереди золотистое сияние рассеивало мрак, озаряя стены и низкий свод пещеры — там находилось гнездо, на светлом фоне двигались чёрные силуэты. Сердце забилось сильнее, и я решила, что надо будет сохранить на память об этом событии кусочек скорлупы от драконьего яйца.

Когда мы подошли ближе, я подумала, что никогда прежде не видела подобной магической конструкции. В основании лежал круглый зелёный камень-постамент, напоминающий мельничный жернов, сверху раскинулось нечто вроде гипертрофированного цветка лотоса, чьи лепестки будто были выложены из смятой золотой фольги. В центре венчика, на подстилке, свитой из светящихся белых нитей, стояло яйцо пирамидальной формы — широкое у основания и остроконечное на вершине. Матовая оболочка яйца была зеленовато-бурой, в коричневую крапинку, из-за камуфляжного окраса яйцо выглядело неказистым и, будь оно более традиционного вида, могло бы принадлежать милой певчей птичке... вот только птенчик собирался вылупиться метрового роста.

У гнезда находилось пятеро. Рядом с Харлином стоял крупный мужчина, даже в полумраке было заметно, какое у него красное обветренное лицо. Одевался краснолицый как лесник, я уже видела подобную форму на посетителях таверны Дэна. Он взглянул на меня без особой приязни, и я расшифровала его хмурый взгляд так: он, понимаешь, пять лет ждал дракона для своих ребят, а тут появился отвлекающий, понимаешь, фактор в лице посторонней девицы. Похоже, такая подробность, что во время представления Кайлеан продолжал держать

меня за руку, его тоже не порадовала — посторонняя девица к тому же пудрила мозги его соратнику.

Краснолицый был представлен мне как капитан лесной гвардии Павор Сикора. Ещё здесь присутствовали куратор яйца Маэс Тумпс, стержнёвщик яйца Уэллс Кром и драконьеро Бэзил Куорти, на шейную жилу которого я взглянула с невольным интересом.

— Всё готово, — доложил мастер Тумпс. — Ну что, начинаем?

Неожиданно они разместились вокруг яйца на равных расстояниях друг от друга, оставив для Кайлеана место на вершине пентаграммы... я почувствовала, как моё сердце проваливается куда-то вниз и стиснула зубы — наверное, так, что гримаса была заметна окружающим.

Кайлеан шагнул было к своему месту, но потом сказал:

— Минуту. Я сейчас.

Он отвёл меня метров на пять назад, взял за плечи, повернул спиной к гнезду и тихо произнёс:

— Я буду стоять на вершине, потому что там должен находиться представитель рода. Мы настраиваем каждого новорожденного дракона на подчинение крови Карагиллейнов. Это будет обычная рабочая процедура.

— Обычная рабочая пентаграмма... — глухо сказала я. — Почему ты раньше не сказал?

— Потому что тебе надо через это пройти. Ты — магически одарённая, тебе нельзя всю жизнь трястись при виде пентаграммного ритуала.

Я молча уставилась в темноту за его плечом, потом сказала:

— Я не трясусь. И у нас нет таких ритуалов.

— А у нас есть, — жёстко произнёс он. — И ты трясёшься. — Потом голос его смягчился. — Данимира, эта пентаграмма дарит жизнь, а не отнимает её. Не обращай внимания на то, что вокруг, на яйцо смотри. Там будет на что посмотреть.

Сделав несколько глубоких вдохов я сказала:

— Тебя ждут. Иди уже. А то твой капитан Сикора в моей спине сейчас дыру просверлит. Дай человеку дракона, а со мной всё будет в порядке.

Кайлеан повеселел, отвёл меня назад к гнезду и занял своё место.

Ритуал начался.

Вначале, когда зазвучало дружное бормотание — читалось заклинание, и вокруг гнезда один за другим начали вспыхивать огоньки, так похожие на те самые чёрные свечи, я вновь почувствовала приступ паники. Очень хотелось выбежать из пещеры на открытое пространство, тем более, я была уверена, что благодаря красной нити пройду сквозь защитный полог. Но Кайлеан глядел на меня, не отрывая взгляда, я

сообразила, что здорово отвлекаю его, а это могло повредить дракончику.

Я сосредоточилась на гнезде с яйцом. Зелёный камень-постамент начал медленно вращаться, но сам лотос оставался на месте. Зато его золотые лепестки удлинлись и с отчётливым потрескиванием сгибались и разгибались, как живые. Постепенно лепестки, которые уже более походили на щупальца осьминога, поднялись вверх и облепили яйцо полностью скрыв его поверхность.

Бормотание стихло.

В наступившей тишине было слышно только потрескивание, будто действительно сминали фольгу. Треск становился всё громче, золотая оболочка разгладилась, порозовела, затем накалилась докрасна (мне в лицо дохнуло жаром), потом потемнела, почернела и осыпалась белым светящимся пеплом на постамент. Наступил полумрак и совершенная тишина — потрескивание исчезло.

Маги продолжали стоять в ожидании.

Я проглотила слюну и мне показалось, что все это услышали.

Наконец, с яйцом стали происходить метаморфозы. Его бурая крапчатая скорлупа посветлела и истончилась так, что начала просвечивать. Вначале я заметила только смутную тень внутри, затем проявился продолговатый силуэт с большой головой. Силуэт производил какие-то замедленные движения. Вскоре оболочка стала совсем зелёной и прозрачной, отчего яйцо теперь напоминало бутылку алхимика с диковиной внутри. Я вытянула шею, чтобы получше разглядеть дракончика, стоявшего внутри яйца на задних лапах, но тут оболочка лопнула, жидкость из неё хлынула во все стороны.

Огни пентаграммы погасли.

На мгновение стало совсем темно, но тут же раздался щелчок пальцами, по стенам загорелись факелы, в их колеблющемся свете я, наконец, увидела новорожденного дракона. Можно было даже не сомневаться — для его сотворения использовалась ДНК тираннозавра.

Он был маленький — меньше метра, мокрый, пузатенький и кривоногий. Чересчур большая голова дракончика, казалось, сейчас перевесит и он кувыркнётся с постамента. Но кривые лапки и толстый хвост твёрдо упирались в камень и взгляд, которым он обвёл присутствующих, не производил впечатления испуганного.

— Тххх-а-а-а... — пообещал нам всем новорожденный, продемонстрировав пасть и кинжальные зубки.

Кайлеан приблизился к дракончику и протянул к нему руку. Тот предостерегающе клацнул и снова зашипел.

— Но-но, — сказал Кайлеан, — своих не узнаёшь?

При звуке его голоса дракончик как-то встрепенулся и по-собачьи склонил голову набок. Кайлеан дал ему время подумать, а следом поднёс руку совсем близко. Дракончик замер, а затем качнулся вперёд и игриво боднул кайлеанову ладонь.

— Тот-то же, — довольно усмехнулся Кайлеан, — а то шипеть вздумал. — Он наклонился, подхватил дракончика под мышки и поднял над собой. — Отличный мальчишка, через месяц его уже так не поднимешь! Как же его назвать-то?

Сцена живо напомнила мне фрагмент из «Короля-льва» и я воскликнула:

— Симба!

Все обернулись и посмотрели на меня. Я пожала плечами и сказала:

— Просто имя хорошее. Королевское.

Все снова повернулись к Кайлеану.

— Ваше Высочество!.. — с плохо скрываемым возмущением произнёс Павор Сикора.

Кайлеан аккуратно опустил дракончика на пол.

— Предлагайте свои варианты. Вы знаете, драконья сущность сама изберёт себе имя.

— Грозный! — Капитан лесной стражи призывно похлопал себя по ноге. — Грозный, сюда, ко мне, мой мальчик! Грозный, ко мне!

Услыхав призыв, дракончик вытянул шею, опять смешно повернул голову набок... но не сдвинулся с места.

— Анцелиус... — раздумчиво произнёс мастер Тумпс и пояснил для нас: — Легендарный дракон древности, личный дракон Его Величества Георгиана Первого... Анцелиус, сюда!

— Лютый! — перебивая мастера Тумпса, повысил голос Павор Сикора. — Ко мне, Лютый!

Дракончик остался равнодушен к древним именам из прошлого, Лютым он тоже, видимо, себя не чувствовал..

— Смарагдин, — предложил мастер Кром. — Изумруд на эльфийском.

И эльфийское имя не прельстило дракончика. Он, правда, переступил с ноги на ногу, но по-прежнему оставался возле Кайлеана.

— Свирепый! — предпринял очередную попытку капитан Сикора. Впрочем, его призыв был снова проигнорирован.

— У меня с фантазией плохо, — подал голос драконьеро Бэзил. — Воздерживаюсь.

Дракончик сделал шаг вперёд.

Красное лицо капитана Сикоры изменилось и даже, кажется, позеленело. Наверное, он вообразил, что сейчас заполучит дракона по имени Воздерживаюсь. Я мигом представила, как капитан носится по лесу с криками «Воздерживаюсь, где ты, мальчик мой? Воздерживаюсь!», и хихикнула про себя. Затем присела на корточки, протянула руки к дракончику и проворковала:

— Симба... Симба... Иди, иди ко мне, маленький... Симба...

Кайлеан было предостерегающе качнулся, но остановился, только глядел напряжённо. Зато дракончик оживился, приподнял хвостик и нетвёрдо, вперевалочку поковылял ко мне на крепеньких задних ножках. Он дошёл, положил переднюю лапу мне на колено (если учитывать длину когтей, то лапа была размером побольше человеческой ладони), и, поворачивая голову сбоку набок, начал золотистыми змеиными глазами разглядывать моё лицо.

Да, у меня была часть Карагиллейновской пентаграммы, и не всё было честным в этом голосовании. Но я беззаботно решила, что жизнь вообще штука несправедливая, а Симба — имя хорошее и не мешает дракону вырасти грозой лесных тварей.

— А кто у нас такой хорошенький, а кто у нас такой глазастенький... — приговаривала я, поглаживая дракончика вдоль гребня. Поймав немигающий взгляд Павора Сикоры, я поправила: — А кто у нас такой ужасненький! Кто такой свирепенький, такой кошмарненький! — Потом всё-таки наклонилась к треугольному, еле заметному ушку и тихонько, чтобы не травмировать чувства капитана, нежно прошептала: — Ми-ми-ми!..

Симба в ответ ткнулся носом в мою щёку и подставил холку для почесушек.

Я провела в пещере-инкубаторе длительное время. Вначале была проведена церемония именованья дракона. Кайлеан велел мне возложить руку на голову Симбы и произнести длинную ритуальную речь, начинавшуюся со слов «сим нарекаю тебя Симба на веки веков и да устрашатся враги имени твоего». Было забавно, но когда я положила руку на голову дракончика, то увидала, что даже его массивная мордочка непостижимым образом приняла торжественное выражение, потому провела ритуал со всей отпущенной мне серьёзностью и даже почувствовала прилив гордости. Теперь я мать драконов! Ну, почти, — не всех драконов, а только одного, и не мать, а крёстная мать, но всё равно было чем гордиться.

Кайлеан после ритуала расслабился и сообщил, что теперь за меня не

волнуется — церемония связала нас с дракончиком невидимыми узами, Симба меня никогда не тронет.

— И другие наши драконы будут знать, что ты своя.

— Драконет?

— По-другому... Они просто будут знать... виртуально чувствовать... На всякий случай, имей в виду, драконы ни разу не люди и, не смотря на происхождение, очень далеко отошли от животных. Они — особые магические создания, никогда нельзя до конца быть уверенным, что там у них на уме. Чем моложе дракон, тем он опаснее, в силу своей неопытности и силу соизмерять не умеет, и ситуацию неправильно просчитать может. Все, кто имеет дело с драконами, подвергаются обязательным охранным магическим процедурам — для безопасности. Я хотел тебя через это провести, но получилось ещё лучше, дракон тебя добровольно признал.

Я загадочно промолчала и потрепала Симбу по холке.

Потом в пещере начали появляться разнообразные люди, все они жаждали познакомиться с дракончиком, я вежливо отступила в сторону. Однако Симба издал вопль протеста и двинулся за мной как привязанный, пришлось оставаться рядом.

Новоприбывшие тщательно изучали стати Симбы, поздравляли мастеров, принимавших участие в его создании, жали руку капитану Сикоре и дружно уверяли, что «зверюга вырастет что надо». Попутно все, стараясь делать это не слишком заметно, изучали мои стати. Следом они взглядывали на Кайлеана, затем снова на меня и, в общем, ошибочный ход их мыслей был совершенно очевиден. Но я решила считать происходящее тренингом перед балом, там мне предстояло нечто подобное, только в гораздо больших масштабах. Однако я уже давно постановила для самой себя — никакое массовое заблуждение на тему моих отношений с младшим принцем Эрмитании не испортит мне удовольствия ни от драконятника, ни от королевского бала. Поэтому, изгнав даже тень смущения, я лишь безмятежно улыбалась окружающим. В конце концов, время неизбежно всё расставит по своим местам.

Смотрины продолжались долго, наконец Симба начал разевать пасть и раздражённо говорить «Тххх-а-а-а-а...» каждому, кто к нему приближался. Одного самого настырного исследователя он даже попытался цапнуть. Драконьеро Бэзил объявил, что дракон устал, и велел посторонним покинуть инкубатор; я отметила, что послушались его моментально, ушли все, кроме Бэзила.

— Сейчас закукливаться будем, — сказал Кайлеан, глядя вслед покидающим пещеру.

Я воззрилась на него с немим вопросом.

— Переведём Симбу в состояние покоя, иначе он свалится от истощения. Мы пока не добились полной стабилизации физического состояния. Работаем над этим, но пока часть времени драконы проводят в состоянии стазиса. Это как сон для человека, только люди в период сна форму существования не меняют, а драконам приходится. Видела, как радужный вылетал? Это он из энергетической формы в физическую возвращался.

Тем временем Симба уселся рядом, опершись на хвост, шумно вздохнул и привалился к моему бедру.

Я погладила дракончика по голове, он снова вздохнул и прикрыл глаза.

— Бедный детёныш, устал, маленький... Хочешь сказать, Симба превратится... в искру?

— В сгусток энергии высокой степени концентрации. Во что-то вроде шара, состоящего из магической плазмы. Сейчас Бэзил настроится и закуклит его.

— Симба превратится в шаровую молнию?

— Близко к тому. Но у нас всё под контролем, не так опасно. В особых перчатках закукленную форму руками можно брать. Видишь? — Он кивнул на Бэзила, который как раз натягивал чёрные перчатки, заклёпками и прорезями напоминающие байкерские. — Однако вне драконятника неподконтрольный плазменный шар способен натворить дел. Могу рассказать тебе давнюю историю. В одном из южных княжеств переселяли драконов на новое место. Везли по железной дороге. До сих пор непонятно, диверсия это была или трагическая случайность, но состав сошёл с рельсов и отправился под откос. Так вот, драконов, разумеется, везли в закукленном состоянии, десятки плазменных шаров разлетелись в разные стороны. Часть драконов, к сожалению, погибла, часть со временем удалось изловить, а вот отдельные особи улетели так далеко, что достигли границ измерения. Как энергетические сущности, не имеющие физического тела, они беспрепятственно прошли все кордоны и оказались на вашей стороне, в Империи. Тогдашние имперские власти разрешения на отлов не дали.

— Глупо... — признала я.

— Глупо, — подтвердил Кайлеан. — Даже самый вменяемый дракон в закукленном состоянии соображает плохо, он в такой момент вроде лунатика, а подсознание его к людям влечёт... Дракону хочется в физическую форму вернуться, он смутно помнит, что человек может ему помочь, вот и тянет его... Тут и магу нелегко придётся, а про простолюдинов и говорить нечего. Особенно, если это ваши

простолюдины. Наши-то хоть могут понять что к чему, а ваши вообще ничего не соображают. В общем, скверная вышла история, были жертвы... Свидетелям память корректировали, подстраивали под версию явления шаровой молнии. Если вообще оставалось кому память подправлять. Где-то на востоке... может, кстати, и в твоей стране... произошёл один из самых прискорбных случаев. Закукленный дракон из тех, из беглых, в гористой безлюдной местности наткнулся на группу людей... э-э-э... кажется, они называются «туристы»... такие, знаешь, добровольные бродяги...

— Знаю. И что дальше?

— Один из туристов оказался неинициированным магом. Дракон его магию почуял, да и сунулся в палатку, тот человек неосознанно, не отдавая себе отчёта, начал взаимодействие — неудачно, конечно. Частично раскукленный дракон застрял в пограничном состоянии, заистерил, попытался применить боевую магию... в конце концов и дракон развоплотился, и люди погибли... Власти пытались замять дело, но даже толком объяснения придумать не смогли. Идиотская история, которая никогда бы не произошла в Конфедерации. Неинициированный маг — большую чушь сложно представить.

Я пропустила критику родного измерения мимо ушей, поскольку меня осенила внезапная догадка.

— А как та местность называлось?

— Не помню. Эту историю мне отец в детстве рассказывал. Когда я дракона из драконятника украл... в смысле, повёл на прогулку.

Я продолжала выпытывать:

— Ну, вспомни! Россия? Урал? Перевал Дятлова?

— Может быть, — рассеянно сказал Кайлеан. — Россия, скорее всего. Или Китай. Это же почти одно и то же — где-то рядом? Перевалы там, безусловно, были. Всё, Бэзил настроился, давай отойдём.

С трудом отставив в сторону тайну перевала Дятлова, я стала наблюдать за драконьером и его действиями, сильно смахивающими на шаманское камлание. Не обошлось без эксцесса — перед самой кульминацией Симба очнулся, издал душераздирающий вопль, полный отчаяния и тоски. Дракончик протянул ко мне когтистые лапки... я тоже потянулась к нему, полная решимости схватить в охапку и прижать к груди, но Кайлеан придержал меня за талию:

— Данимира, не дури! Некоторые дети не хотят ложиться спать, только и всего.

Тут фигурку дракончика окутал зеленоватый туман, произошла вспышка — и всё закончилось, в воздухе перед нами завис маленький

зелёный светящийся шарик. Драконьеро ловко подхватил его руками в чёрных перчатках и отнёс в нишу, выдолбленную в стене, где опустил на подстилку из светящихся нитей.

Кайлеан насмешливо продолжил, по-прежнему удерживая меня:

— А Симба быстро сообразил, кто у нас тут слабое звено. Хитрый дракон получился, надо будет донести до Сикоры, пусть бдит.

Я сердито высвободилась из рук Кайлеана.

— Бесчувственный вы, Кайлеан Георгиевич! Он же звал меня, тянул свои лапки, бедняжечка!

Кайлеан Георгиевич опечалился.

— Как несправедлив этот мир, Данимира Андреевна... когда я тяну к вам свои лапки, меня вы почему-то не жалеете и не называете бедняжечкой!

— Наверное, это потому, что вы, Кайлеан Георгиевич, кто угодно, только не бедняжечка, — подумав, объяснила я и пожаловалась: — И вообще, мне, может, эта картина теперь сниться будет — Симба лапки тянет, маленький такой, пузатенький, криволапенький... милый такой!

Кайлеан склонил голову и задумчиво осмотрел свои ноги.

— Ноги уже не скривить, — с сожалением констатировал он, — рост тоже не уменьшить. Могу отрастить пузо. Ты будешь тогда называть меня милым? Милым бедняжечкой?

Я вспомнила недавнюю ночь и полуголого Кайлеана на пороге спальни — с безупречным торсом и кубиками на животе. Больше всего мне хотелось вскричать: «Да ты с ума сошёл, такую красоту портить?!». Но я только опустила ресницы и загадочно улыбнулась, в очередной раз убедившись в универсальности этого приёма.

Кайлеан долго смотрел на меня, ожидая ответа, потом с некоторой заминкой произнёс:

— Помнишь, я говорил о подарке, который не совсем подарок?..

У него был такой странный тон, что я встревожилась:

— Слушай... ты же не хочешь подарить мне... э-э-э... дракона?

— Тебе нельзя дарить дракона, — с сожалением сказал Кайлеан... я перевела дух. — Жестокости в тебе мало, Данимира. Любой дракон подомнёт тебя в пять секунд. Симба, нескольких часов от роду, и тот тебя раскусил. С драконами нельзя быть мягкой, это может плохо закончиться.

— Ну и ладно, — вздохнула я с изрядным облегчением. — Уж что выросло, то выросло. Поздно мне другой становиться.

— Пойдём. Ты должна кое-что увидеть. — Он взял меня за руку и повёл из пещеры-инкубатора.

На ходу я оглянулась, чтобы бросить прощальный взгляд на бедную маленькую одинокую искорку, покоившуюся среди полумрака в светящемся гнёздышке. Рядом с гнездом стоял драконьеро Бэзил, и я поняла, что он стал свидетелем нашего с Кайлеаном непринуждённого общения — мы ведь совсем позабыли о его присутствии. А теперь на его лице обнаруживались следы характерного умиления. Будто он смотрел вслед отъезжающей машине, к заднему бамперу которой прикреплены табличка «Just married» и консервные банки на верёвках. А, неважно. Я дёрнула плечом и пошла за Кайлеаном.

Идти пришлось недалеко. Место, куда меня привели, тоже находилось на нижнем ярусе. Пещера казалась совсем маленькой, быть может, потому что яйцо, лежавшее в магическом гнезде, было небольшим, чуть ли не в два раза меньше Симбиного, и его свечения хватало лишь на ближний круг. Выглядело яйцо просто — беленькое, гладенькое... лежало себе на подстилке, свитой из каких-то веточек-прутиков... но при виде него моё сердце забилося чаще.

— Кто там? — спросила я внезапно охрипшим голосом. — Дракон? — Я опустилась на колени рядом с гнездом и положила обе руки на тёплую скорлупу. По контрасту с поверхностью мои пальцы темнели, будто я была чернокожей, и красная нить на запястье тоже казалась чёрной.

Кайлеан опустился рядом.

— Я не знаю.

— Почему?... — Я боялась на него взглянуть.

Он помолчал, подбирая слова, потом заговорил, и речь его полилась для меня райской музыкой.

— Это ловушка для Снежинки. Тело, которое зреет в яйце, пока аморфное, — просто некое неопределённое существо. Когда душа Снежинки будет уловлена и помещена в яйцо, она сама изберет форму и существо станет сущностью. Твоя Снежинка отважна. Может быть, на свет появится кошка, а может — маленький белый пушистый дракон. Душа не сможет противиться своей истиной сущности, всё будет так, как и должно быть.

— Маленький белый пушистый дракон... — прошептала я. — Снежинка... не представляю...

— Не загадывай, предсказать невозможно. К тому же, надо ещё найти и призвать её душу.

— Когда это можно будет сделать?

Он ответил с заминкой:

— Сначала надо дать телу развиться и окрепнуть, чтобы было куда

поместить душу. Не меньше полугода.

Я закусила губу. В своём воображении я встречалась со Снежинкой уже завтра.

— А потом понадобится ещё какое-то время, пока будет формироваться физический облик. В общем, примерно год.

— Так долго... Через год мне надо будет возвращаться сюда... — поняла я вдруг, но сразу осмыслить эту перспективу не получилось, потому что Кайлеан забормотал торопливо:

— Я не смогу ускорить этот процесс. Я и так выложился. Никак. Честно, не могу... — Он опустил голову и после паузы сказал: — И я знаю, что это никакой не подарок. Это моё второе королевское слово. Но только я никогда — никогда! — и никому не показываю незавершённые дела и не делюсь невыполненными обещаниями. Только сейчас... только тебе... Понимаешь?

— Понимаю. Это называется доверие. Ты подарил мне доверие. И надежду. Мой лучший подарок на день рождения. Спасибо, я всё поняла правильно.

Я потянулась к нему и поцеловала в щёку.

Он повернулся, ответил мне поцелуем в губы — коротким и осторожным, затем отстранился.

Лицо Кайлеана было слабо освещено, но я увидела главное — в его глазах не было красный огней. Наверное, потому я впервые подумала о наших чувствах не как о сумасшествии или притяжении пентаграммы, а как о чём-то настоящем, что встречается раз в жизни и что ни в коем случае нельзя потерять.

Это был мой день рожденья... и, как ни странно, я ясно ощутила, что действительно стала старше.

Остаток дня рождения мы провели в Башне. Вечер оказался таким домашнему мирным, что, учитывая грядущий бал, приходило на ум выражение «затишье перед бурей». Кайлеан Георгиевич изъявил желание продолжить знакомство с кухней моей страны; немного поразмыслив, я выставила на стол чугунок с горячей картошкой, исходившей паром, глубокую тарелку с пышными румяными котлетами и окружила всё это мисочками с хрустящей квашеной капустой, солёными грибочками-огурчиками и черемшой.

— Интересно, — сказал Кайлеан Георгиевич, оглядев яства, — и лаконично.

Я фыркнула и добавила тарелку с бело-розовым квадратом «селёдки под шубой».

— На сегодня достаточно. А вообще наша кухня, Ваше Высочество, велика и могуча. У нас ещё много чего интересного есть... э-э-э... шашлык, форшмак, каймак, бешбармак... и так далее. Не говоря уж о таком старинном русско-народном ритуальном кушанье как салат «оливье». Но пузо будете отращивать без моей помощи.

Кайлеан воздал должное всему, а тарелку из-под «шубы» ему, моему, хотелось вылизать, однако воспитание не позволило. Потом он рассказывал мне о драконах, а я сидела напротив, подперев щёку, и слушала, очарованная сказочной действительностью этого мира.

В последующие дни мы виделись урывками, но скучать не приходилось. По утрам, перед тем как отправиться по делам, Кайлеан переносил меня в библиотеку, где препоручал Ариэлю Аттиусу, или в мастерскую Себастьяна Лампля. Маэстро Лампл доставал кристалл с хроникой какого-нибудь бала, включал его и я бродила среди разряженных фигур, подмечая детали, изучая манеры. Несколько раз Кайлеан отводил меня в драконятник. Там я виделась с Симбой, подраставшим прямо на глазах, и обязательно заходила в маленькую тёмную пещерку, где на подстилке из веточек белело небольшое яйцо. Я присаживалась возле яйца на низкую скамеечку, гладила тёплую шелковистую скорлупу и подолгу разговаривала с тем, кто находился внутри. По словам Кайлеана выходило, что некому там меня слушать, но я всё равно рассказывала неведомому существу о Снежинке, о том, какая она чудесная, — милая, добрая, храбрая... и красивая. Своего фамильяра я приняла бы в любом виде, даже

в облике пятнистой ядовитой жабы, но по правде говоря, очень хотелось, чтоб вернулась прежняя белоснежная кошечка с вечно удивлёнными оранжевыми глазами.

Время летело, бал стремительно приближался.

За день до бала случилось происшествие, лишний раз подчеркнувшее, как много я не понимаю в происходящем. В тот вечер я как всегда ожидала Кайлеана в гостиной, чтобы накормить его ужином, это стало нашей маленькой традицией. В сущности, при наличии волшебного холодильника любой мог за секунды организовать себе самую роскошную трапезу на свете, но я-то знала, что Кайлеану нравится получать ужин из моих рук. Он возвращался усталым и замкнутым, а я подсовывала ему всякие интересные вкусности и начинала щебетать что-нибудь беспечное, стараясь шутливыми речами развеять его пасмурность. Через какое-то время напряжение покидало Кайлеана, он оттаивал и расслаблялся.

Обычно он приходил поздно, но в этот вечер уж как-то слишком задержался. Дело шло к ночи, я продолжала бродить по гостиной в одиночестве. Когда внизу в городе часы на ратуше пробили полночь, я собралась подняться к себе наверх, но тут послышался отдалённый шум, вскоре дверь лифта открылась и в комнату ввалился Кайлеан... но в каком виде! Он ухватился за дверь и застыл, опустив голову, дыша тяжело и, видимо, не имея сил оторваться от опоры. Волосы удлинлись, чёрные змееподобные дреды почти доставали до пола, и когда он поднял голову, я с трудом удержалась от вскрика. Потемневшее искажённое лицо напоминало морду Чудовища, в глазах плескалось мутное пламя... он колдовал недавно и колдовал отчаянно, до полного истощения. Я бросилась к нему, чтобы помочь, но Кайлеан резко взмахнул рукой, между нами по ковру пролегла полоса магического огня. Хиленькая полоса, надо сказать, которую я легко смогла бы перепрыгнуть, — на большее у него просто не хватило сил.

— Уйди!.. — хрипло рявкнул он и, шатаясь, направился в спальню. Я шла за ним с другой стороны огня, Кайлеан повернулся и вновь прохрипел: — Прочь поди!.. живо!..

Он добрался до спальни и скрылся, захлопнув за собой дверь. Я посидела немного в гостиной на диване, потом на цыпочках подошла к спальне и осторожно заглянула. Было необходимо убедиться, что всё в порядке, случаи гибели магов от истощения всё же иногда случались, хотя и очень редко.

Кайлеан одетый лежал поперёк кровати и было понятно, что рухнул он на постель как срубленное дерево.

Я зашла в спальню и приблизилась.

Звериный облик уже начал исчезать, лунный свет падал на бледное лицо, обращённое к потолку, — неподвижное, напоминающее маску мертвеца. Но грудь равномерно, хоть и еле заметно, поднималась и опускалась. Послушав и убедившись, что ритм дыхания ровный, я пришла к выводу, что опасности нет, и уже собралась было пойти к себе, как вдруг заметила кое-что странное. Одна рука Кайлеана была бессильно откинута в сторону, почти свисая с кровати, и на рукаве я увидела словно бы белого светящегося червяка. Присев рядом с кроватью, я рассмотрела странную находку. Это был обрывок силовой нити, прилипший к ткани рубашки. Магическую энергию, обычно невидимую и неосязаемую, можно овеществить, если обладать достаточно мощным потенциалом и знанием боевой магии. Вот эту овеществлённую энергию я и видела сейчас. Мортен и его ведьмы при нападении пользовались похожими нитями, чтобы обездвижить свою жертву, но до овеществления дело не дошло — их было пятеро против одной, да и не являлась я таким уж сильным противником. А тут... толстая нить виднелась отчётливо и даже не просвечивала — концентрация энергии зашкаливала... немудрено, что Кайлеан оказался в таком плачевном состоянии... Он с кем-то дрался? С кем?

Я вновь взглянула на Кайлеана и вздрогнула: его голова была повёрнута, глаза открыты и взгляд устремлён на меня. Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, потом я подцепила пальцем силовую нить, показала и спросила:

— Для кого это было?

Он долго молчал, потом разомкнул сухие запёкшиеся губы и выговорил:

— Для друга.

Наверное, если бы я не глядела прямо в его глаза, я бы попалаась. Но я глядела, и, увидев, как чернильная темнота заливает глазницы, вскочила и метнулась прочь от кровати. Со звуком, напоминающим рычание, он рывком приподнялся и успел ухватиться за оборку на юбке. Я рванулась, раздался треск. Оторванная оборка осталась в сжатом кулаке Кайлеана, на юбке образовалась дыра. Вновь зарывав, он прижал скомканные кружева к лицу и по-звериному шумно втянул ноздрями мой запах.

«Вон отсюда!..», — услышала я сдавленный рык сквозь смятое кружево и на этот раз послушалась беспрекословно. По правде говоря, я даже не смогла повернуться к кровати спиной и добралась до двери, отступая мелкими шажками.

Очутившись на своём этаже, я нервно зашагала туда-сюда вдоль панорамного окна. Сна не было ни в одном глазу. Дрю и Лем молча

наблюдали за моей беготнёй, первой не выдержала Дрю:

— Что случилось? И что у вас с платьем?

Расправив юбку и обозрев прореху, я пояснила:

— У Кайлеана магическое истощение.

— А платье причём тут?

— Он чуть было не восстановился за мой счёт.

Они смотрели на меня непонимающе, и я вспомнила, что Дрю и Лемуэль не маги.

— Я ведьма-девственница. Для истощённого мага — просто подарок судьбы. За полчаса можно восстановиться на сто процентов.

— И как? — спросила Дрю.

— А-а-а... понятно... — закивал Лем.

Дрю посмотрела на Лема, потом протянула:

— А-а-а... в этом, что ли, смысле?

— Что ли в этом, — подтвердила я. — Он меня прогонял, но я подошла слишком близко к кровати, и Кайлеан меня чуть не схватил.

Лем спросил задумчиво:

— А супостат, стало быть, тебя гнал?

— Гнал...

— А ты, значит, Данимира Андреевна, ведьма-девственница, таки потащилась к его кровати?

— Потащилась... но надо же было убедиться, что всё будет в порядке...

Лем стукнул себя по ноге и с чувством заявил:

— Вот правду всё же говорят — все бабы... — Тут он запнулся, а мы с Дрю ожидали окончания фразы, прищурясь, будто глядели в невидимый прицел. Лем оценил наш прищур и закончил: — Легкомысленные очень.

Я раздула ноздри, но была вынуждена признать:

— Твоя правда, Лем, я действительно... эхм... очень легкомысленная. Вот потому спать сегодня ночью я не буду, а просто прилягу подремать. В одежде. А вы, пожалуйста, побудьте рядом, если что — подадите сигнал тревоги. Не знаю, правда, чем это поможет... если что... Наверное, я просто боюсь оставаться одна.

— Думаете, он придёт... восстанавливаться? — догадалась Дрю.

— Не знаю. Надеюсь, что нет. Но на всякий случай побудьте со мной.

Дрю с Лемом переглянулись, потом Лем достал из кармана потрёпанную колоду и веером перекинул её из одной руки в другую.

— Ну что, перекинемся в картишки?

Не снимая испорченного платья, я улеглась на кровать и свернулась

калачиком, Дрю с Лемом подлетели и опустили на меня плед — как два ангела-хранителя. Потом ангелы устроились у меня в ногах и принялись азартно шлёпать призрачными картами, попутно яростным шёпотом препираясь на тему прошлой игры, в которой, как я поняла, жульничали все, но никто не хотел в том признаться. Впрочем, мне было не до них. От тревожных мыслей я даже задремать не могла, хоть и лежала с закрытыми глазами — всё прислушивалась, не раздаются ли в ночи шаги командора, и гадала, кому предназначались овеществлённые нити силы. Он сказал «для друга»... что он имел в виду?.. Дикая мысль пришла мне в голову: а вдруг Кайлеан знал Мортена раньше и даже дружил с ним?.. Нет, такого быть просто не может... он бы сказал... или может?..

Меня так истерзали фантастические и ничем неподтверждённые догадки, что тело начала сотрясать нервная дрожь... потом я ощутила тонкий аромат, который постепенно становился отчётливей, и услышала, как Дрю пробормотала: «Ого...», а Лем присвистнул и воскликнул: «Тысяча чертей!»

Я перестала дрожать, раскрыла глаза и села.

Пахли розы, которые вились по стене над кроватью. Цветущие ветви шевелились, новые побеги выросли на старых стеблях, оплетая кровать цветущей колючей завесой, распускались новые бутоны и листья. Через некоторое время мы оказались в закрытом и защищённом пространстве, как будто моя кровать была замком спящей красавицы... Сгустился сумрак, запах усилился и сон начал неудержимо захватывать сознание.

— Что это значит? — спросила Дрю.

Опустившись обратно, я обняла подушку и сонно улыбнулась в темноту.

— Это значит, что я легкомысленная, а он — сумасшедший.

— Почему?

— Первую же восстановленную энергию потратил на меня... отбой тревоги...

— Уверены?

— Разбудите меня рано... — произнёс мой заплетающийся язык, — пока принц не сбежал...

Я вдохнула запах цветущих роз, но их аромат внезапно обернулся запахом полыни — я оказалась в чёрной степи, сидящей на тёплой земле. Степь вокруг была исчерчена тускло светящимися красными линиями, а рядом лежал Чудовище, его голова покоилась на моих коленях. Но вместо того, чтобы задать тысячу вопросов, я гладила его звериную морду и бормотала тысячу ласковых слов, и словно бы от моего лепета красные

линии вокруг разгорались всё ярче...

Проснувшись поутру, я обнаружила, что розы вновь скромно вьются по стене. Потом я вспомнила свой сон и впала в состояние крайней досады, хоть и чувствовала себя неплохо. Да, было прекрасно повидаться, но говорить должен был Чудовище, вместо того всю ночь говорила я, не задав ему ни единого вопроса... эх, подумать только, упустить такую возможность! Впрочем, у меня всегда имелось ощущение, что в чёрной степи кто-то искусно мною управляет... то, что там происходило, не могло зародиться в моём мозгу.

Утренние процедуры я совершила в ускоренном темпе, чтобы застать Кайлеана дома, и еле успела. Мы встретились у дверей лифта. Кайлеан был в полном облачении и явно собрался улизнуть пораньше. Он уставился на меня напряжённо, я тоже окинула его пытливым взглядом. Что ж... выглядел он неплохо, хотя был бледнее обычного... Мои ночные труды не прошли даром. Судя по всему, этой ночью я вновь помогла восстановиться его пентаграмме... и он опять не имел об этом ни малейшего понятия.

— Ты завтракал? — напористо спросила я и, не дожидаясь ответа, констатировала: — Не завтракал. Пойдём, — я увлекла его обратно.

— Мне надо идти, — вяло сопротивлялся он, но всё же позволил усадить себя за стол.

Завтракали мы в полном молчании. Я, признаться, ожидала если не извинений (тут я понимала сложность ситуации), то хотя бы каких-либо комментариев по поводу вчерашнего инцидента, но Кайлеан упорно не поднимал глаз от тарелки, должно быть обнаружил там новый, неизвестный науке вид омлета.

Наконец настало время для кофе. По нашей давней традиции, сложившейся ещё в «кармане бога», именно сейчас можно было обсуждать любые вопросы.

Судя по пристальному вниманию, тёмно-коричневая жидкость в чашке Кайлеана тоже принадлежала к неопознанным объектам.

— С кем ты вчера дрался? — требовательно спросила я после первого же глотка.

Ответил он скупно:

— Я не дрался. — И снова замолчал, созерцая чашку.

— Тогда что же вчера случилось?

Он наконец поднял глаза и глядел на меня с каким-то неопределённым выражением.

— Не сейчас. Завтра бал, я расскажу тебе всё в ближайшие дни.

Кайлеан Георгиевич был в своём репертуаре. Я почувствовала, что

внутри поднимается волна возмущения, но титаническим усилием воли подавила её и только спросила:

— Надеюсь, ты помнишь, что обещал передать весточку от родителей?

Он повторил:

— В ближайшие дни после бала.

— Всё-таки это странная привязка, — высказала я мысль вслух.

— Послушай, Данимира. Завтра бал. Не думай ни о чём, повеселись и получи удовольствие. А всё остальное оставь на потом. Всему своё время.

Как-то он это произнёс — «всему своё время» — таким странным тоном... моё сердце вдруг сжалось от дурного предчувствия... Я хотела было возразить, но он вдруг произнёс несвойственным ему просительным тоном:

— Пожалуйста... прошу... сделай, как я говорю... выкинь из головы всё, кроме завтрашнего события. Сделай это.

— Из-за твоих недомолвок я скоро начну опасаться твоего бала, — сказала я в сердцах. — Скажи, откуда это ощущение грядущих пакостей?

Он отвёл глаза в сторону.

— Ты не приготовил мне какого-нибудь странного сюрприза на балу?

Мне казалось, что я попала в точку. Но он вдруг явно расслабился и с готовностью ответил:

— Нет-нет, только радость, только наслаждение!

И я сдалась. Поскольку отчётливо увидела, что это именно тот случай, когда следует «расслабиться и получить удовольствие». Прошибить стену под названием «Его Высочество лучше знает, что надо Дане Шергиной» мне оказалось не под силу.

— Ладно. Но после... готовьтесь дать мне полный отчёт, Кайлеан Георгиевич.

— Договорились. — Кайлеан сопровождал своё согласие несколько кривоватой полуулыбкой.

Одним махом он осушил свою чашку и встал из-за стола. Я тоже встала и положила руку на его предплечье.

— Спасибо за розы, — сказала я.

Он пробормотал: «Прости за вчерашнее», быстро погладил мою ладонь и стремительно ретировался в лифт.

— Р-р-р-р! — сказала я закрывшейся двери. — Скользкий, скользкий Кайлеан Георгиевич!

Наконец наступило утро того самого дня; взошло солнце и лихорадка зажглась в моей крови. Время «Ч» неумолимо приближалось.

Платье обещали доставить за несколько часов до бала, вместе с ним должна была явиться некая Элломиана, призванная придать моей внешности соответствующий блеск. Маэстро Ламплё кроличьей головой поручился перед Его Высочеством за вкус и мастерство своей протее. В томительном ожидании я слонялась по Башне — от зеркала к зеркалу — и поминутно меняла суждение о предстоящем событии. То я ужасалась беспечности, с которой согласилась предстать перед всем королевским двором в качестве спутницы принца, то вдруг чувство строптивного авантюризма наполняло мою душу, как газ наполняет смятую оболочку воздушного шара. Тогда дух мой взмывал высоко и с высоты птичьего полёта я твердила в сотый раз: «Этот вечер — для меня и Кайлеана. А люди пусть думают что хотят».

К обеду вернулся Кайлеан, покинувший Башню чуть ли не на рассвете, он усадил меня за стол и заставил что-то съесть.

Я жевала, не ощущая вкуса.

— Всё-таки нервничаешь?

Я ответила классической формулировкой:

— Я не трус, но я боюсь.

— Ты будешь со мной, — сказал он просто, будто это обстоятельство отодвигало все другие в сторону. — И потом, — оживился он, — скоро доставят твои вещи. Когда преобразишься, тогда и почувствуешь себя готовой. Уж я-то знаю — можно сказать, завсегдатай, посещал балы с младенчества.

— Подгузник со стразами и вышитые пелёнки?

— Я не возражал... говорят. Очевидно, тогда я был записным франтом.

Меня вдруг осенило, что до сих пор я не поинтересовалась одним существенным обстоятельством.

— Ну-у-у... пожалуй, с тех пор ты уже слегка подрос и не влезешь в старые пелёнки... В чём же ты будешь сегодня? — От любопытства я даже подалась вперёд.

— Смокинг, — буднично сказал Кайлеан. — Чёрный. Брюки чёрные, рубашка белая... Ты разочарована?

— Смокинг, оно, конечно, хорошо. — Я откинулась назад. — Но как-то... при всём уважении... смокинг — это же просто чёрный пиджак...

— Просто чёрный пиджак? А портной обещал, что это будет произведение искусства. Вот и верь после этого людям... Хм-м... но чего ты ожидала?

— Чего-нибудь такого... экзотического... вроде шкуры за плечами. Или клетчатой юбки с белыми гольфами и музыкальным бурдюком

наперевес.

— Юбка и гольфы? — Кайлеан усмехнулся. — О, как я ошибся... Тебе можно доверить дракона, с жестокостью у тебя всё в порядке.

Я смирила его задумчивым взглядом.

— Пожалуй, я разрешила бы оставить пиджак... Пиджак с юбкой, очень миленько смотрится, видела в каком-то фильме. Так у тебя нет в роду шотландцев?

— Гиллейн — ирландская фамилия. Потом, конечно, намешалось всего, в наших жилах течёт этнический коктейль, однако известно, что в основе династии Карагиллейнов лежит брак ирландца и француженки.

— Минуточку! Предок ирландец! Тогда твой смокинг должен быть зелёным. В петлице клевер с четырьмя лепестками. И зелёный цилиндр как у лепрекона.

Кайлеан демонстративно поёжился:

— Пожалуй, теперь я доверил бы тебе целый драконятник... маленький, правда.

— Почему это маленький? Обрати внимание, на сцене вновь появляются белые гольфы — к зелёным башмакам с пряжками.

— Ха! Представь... я медленно, медленно натягиваю белый гольф... и начинаю горько плакать. Тут ты меня сразу жалеешь и соглашаешься на обычный костюм со смокингом. Всё просто.

Я надулась.

— Не факт. Вовсе не такая я уж мягкосердечная.

— Такая, такая...

В том же духе мы перебрасывались словами ещё долго, пока наша шутивая пикировка не была прервана — лицо у Кайлеана вдруг сделалось отрешённое, он сообщил, что сейчас прибудет мой бальный наряд.

...Элломиана оказалась энергичной красоткой лет двадцати пяти, её наружность показалась мне смутно знакомой. Лишь присмотревшись, я вдруг вспомнила лица трёх девушек в мастерской маэстро Лампля, уловила фамильное сходство и поняла, что это одна из дочерей маэстро, судя по возрасту, скорее всего старшая. В присутствии Элломианы Ламбль всё встало на свои места — она решительно потрянула каштановыми волосами, объявила Его Высочеству, что время не ждёт, и немедленно утащила меня наверх, где на кресле уже высилась груда таинственных коробок.

Я быстро огляделась. Дрю была одна, Лемюэль должен был прятаться под ванной. Вчера мы с Дрю решили, что шкаф — недостаточно надёжное убежище в момент подготовки к балу, мало ли что и кому может понадобиться.

— Итак, приступим! — Элломиана усадила меня перед зеркалом, распустила мои волосы, подхватила их, подняла наверх, потом опустила, взвесила... — Укоротить не хотите? Кардинально?

Я поморгала.

— Э-э-э... Я сейчас не готова принять взвешенное решение... что-то голова не работает... знаете, я вдруг начала волноваться... раньше — нет, а сейчас — да...

— Ну разумеется! — вскричала Элломиана. — Так и должно быть! Ещё не хватало, чтобы вы шли на королевский бал ничуть не волнуясь! Не меньше ста балов должно пройти, прежде чем вы сможете заявиться туда с холодным сердцем. Но тогда уже и по балам ходить не имеет смысла, лучше посидеть дома у камина с чашечкой какао.

Её слова возымели прямо противоположное действие. Волнение, получив одобрение извне, немедленно улеглось и затаилось.

— Впрочем, поступайте так, как считаете нужным, — отважно сказала я.

Элломиана в зеркале хмурилась.

— Нет, — пробормотала она, — пожалуй, я погорячилась... Вам очень пойдёт короткая стрижка, такая, знаете, с максимально открытым затылком, чтобы продемонстрировать потрясающую шею и божественную линию плеч... и ведь платье подходящее... ах, если бы вы принадлежали сами себе, мы бы славно поэкспериментировали... но, боюсь, меня испепелят на месте. Мужчины вечно умудряются создать фетиш из женской внешности и яростно противятся изменениям... как это мешает творить! — закончила она с чувством.

Конечно, меня не могли не порадовать лестные высказывания о «потрясающей шее» и «божественной линии плеч» (хотя мелькнуло подозрение, что лесть — такой же рабочий инструмент стилиста, как кисть и палетка с тенями). Но в то же время в речи Элломианы содержался недвусмысленный намёк на то, что меня считают собственностью младшего принца, который вправе решать, стричься мне или нет. Допустим, я и сама иногда замечала соответствующие признаки, но досадно было обнаружить, что окружающие в том ничуть не сомневаются. Я открыла рот, чтобы сказать всё, что я думаю по этому поводу, потом снова закрыла. Молчание — золото, как учит народная мудрость, и я решила последовать этому совету. После бала я получу известия от родных, они тоже узнают, где я. Если Кайлеан будет по-прежнему тянуть резину, отец сам придёт и заберёт меня домой, даже если всё адское измерение встанет на его пути. Вот так, а люди снова пусть думают, что хотят.

— Милочка, поди сюда, — небрежно поманила Элломиана Дрю.

Дрю подлетела, на её лице было написано скептическое: «Кто-кто милочка?»

— Простолюдинка? — Элломиана так же скептически оглядела Дрю. — Надеюсь, тебе хватит сообразительности. — Она пояснила: — Его Высочество отказал моим ассистентам в допуске на территорию Башни, но предложил воспользоваться помощью вашей прислуги. Это привидение действительно может удерживать материальные предметы?

— Да, это правда.

— Тогда на, держи. — Элломиана сунула Дрю потёртый матерчатый несессер. — Будешь делать что скажу, и уж постарайся, милочка, не напутай. Сейчас будешь шпильки подавать, по одной.

Я отчётливо видела, как Дрю раздирают противоречивые чувства. С одной стороны, ей страсть как хотелось нахамить магине и, возможно, даже запустить в неё несессером, с другой стороны, дело касалось моего благополучия.

Дрю выбрала мою сторону.

— Слушаюсь, мадам, — безразличным тоном произнесла она.

— Спасибо, — произнесла я одними губами, благодарно взглянув на Дрю, и она чуть заметно мне подмигнула.

Элломиана приступила к работе, разделяя волосы на волосы на пряди и подкалывая их по непонятной мне пока системе... что-то в её движениях вдруг навеяло воспоминание: маленькая горбунья в чёрном платье втыкает зачарованные шпильки в мою причёску, а я, наивная, с благоговением наблюдаю за её действиями... я скривилась так, что Элломиана остановилась.

— Что? Неужели больно? — изумилась она.

— Нет... просто... неприятные воспоминания. — Повинуясь некоему наитию, я спросила: — Вы случайно не знакомы с такой мадам Трюмо?

Элломиана заулыбалась.

— Мадам Трюмо? Она же преподавала у нас в «Кукушке»! То есть, в Королевском училище моды имени Коко Шанель. Между нами говоря, странноватая дама была, но преподаватель от бога, мне её уроки очень помогли. Но девчонки из нашей группы говорили, что она, вроде бы, не то заболела, не то ушла на пенсию, в общем, уволилась и уехала к себе на родину. Жаль, у неё был безупречный вкус. А вы с ней встречались? Надо же как тесен мир!

— Да, — сказала я глухо, — мир тесен. Продолжайте, мне ничуть не больно. А откуда родом мадам Трюмо?

Элломиана замешкалась, но сказала:

— Из Аннмории... ну, вы знаете, наверное... это оттуда принц Кайлеан возвращался, когда пропал.

— Конечно, знаю, — солгала я.

Вот как. Он ездил свататься в Аннморию. На родину принцессы Даннеморы, так похожей на меня. Маленькая деталь, о которой принц предпочёл умолчать.

Лицо Элломианы стало виноватым.

— Вы же понимаете, что для принца это ничего не значило. Королева Илгалея в матери ему годится и вообще, говорят, она — синий чулок, из своего подземелья не вылезает, алхимичит ночи напролёт. Какому мужчине учёная жена нужна... — Она передёрнула плечиком. — Аннмория богатая страна. Там много чего есть. Но думаю, Его Высочество ездил на смотрины из-за голубых драконов.

— Почему из-за голубых драконов?

Элломиана удивилась:

— Так вы не знаете? — Она начала кусать губы и перестала укладывать мои волосы. — Зря я тут разболталась...

— Но ведь уже сказали. Так что там с голубыми драконами?

— Ну, у Эрмитании нет голубых драконов. А в Аннмории — есть.

Настал мой черёд удивляться.

— Но я же видела голубых драконов в драконятнике!

— Вы видели, наверное, молодых синих, у них шкура бледнее. С возрастом синие драконы темнеют, до глубокого кобальта. А те, что называются голубыми — они другие, скорее серебристые, лишь с голубовато-дымчатым отливом.

Я продолжала недоумённо смотреть на Элломиану и та пояснила:

— Голубыми драконами называют морских драконов. Они очень редкие.

— А-а-а... Вот, значит, как... Выход к морю...

— У Эрмитании его нет.

— А Его Высочеству, значит, за державу обидно?

Элломиана с гримаской пожала плечами:

— Мужчины... Власть и политика — их любимые игры... и есть ещё любимые игрушки...

— Вроде драконов?

— Да. — Она спохватилась и сказала: — Вам, наверное, неприятно было слышать про королеву Илгалею... но то сватовство дело прошлое, принц ведь отверг брачный договор, и драконы не помогли, тут нечего

волноваться!

— Никто и не волнуется, мне-то какое дело... Что ж, королева Илгалея такая страшная? — спросила я, в упор глядя на отражение Элломианы. Мне было интересно посмотреть на её реакцию, а вот её ответ меня не очень интересовал, я и так его знала — в моей голове разрозненные кусочки паззла шевелились как живые и начали сползаться друг к другу, образуя более-менее понятную картину. На самом деле, только страус, сунувший голову в песок, не догадался бы раньше. Но я и была тем страусом. Каждому хочется думать, что его любят за красивые глаза и бессмертную душу, а вовсе не за нефтяные скважины.

Как и предполагалось, Элломиана занервничала:

— Да нет... ничего подобного... не страшная... наоборот... — Потом она взмолилась: — Давайте сменим тему, иначе меня ждёт двойное наказание — сперва меня испепелит принц Кайлеан, а потом папа оторвёт голову или что там от неё к тому времени останется.

— Вам не велено обсуждать мою внешность... э-э-э... не в профессиональном ключе? — Я обвела пальцем вокруг своего лица.

Элломиана проводила глазами мой палец и тревожно забормотала:

— Надо ещё маникюр успеть сделать... а я так и не решила насчёт лака... мне вообще не велено обсуждать что-либо кроме профессиональных вопросов, но я привыкла разговаривать с клиентами, это часть настроения... Я художник в конце концов, не маляр какой-нибудь! Мне надо не только увидеть, надо прочувствовать ауру объекта! Что же выбрать, что же выбрать? «Серебряный рассвет» или «Вечернюю розу»... а, может, взять «Ночную росу»? Покажите руки!

Если бы Элломиана не была дочерью Себастьяна Лампля, я, пожалуй, решила бы, что она наводит тень на плетень, прикидываясь существом не от мира сего. Но в её речи так явственно слышались интонации маэстро, что в искренности сомневаться не приходилось.

Разумеется, я могла бы, что называется, «дожать» Элломиану. И она выложила бы мне всё. Но мне стало её жаль. И себя жаль. И приподнятого, праздничного расположения духа жаль — ведь от таких выяснений настроение могло испортиться кардинально. А вот кого не было жалко совсем, так это одного скользкого типа, который, похоже, воображал меня кем-то вроде потерянной принцессы, основываясь на некоем случайном сходстве. Или не случайном. Выходит, красные уголья разгорались в его глазах не от нежных чувств, а от предвкушения «сбычи мечт»? Он смотрел на меня, а видел выход к морю и серебряные тела, мелькающие среди волн? Что ж... мечта не хуже других.

Я вытянула руки, растопырив пальцы.

Пальцы чуть-чуть подрагивали.

Да, маникюр был необходим.

Не то, чтобы я воображала, что у нас с Кайлеаном впереди большое светлое будущее... всё равно наши пути вскоре должны были навсегда разойтись... но раньше я могла надеяться хотя бы на светлые воспоминания.

— Элломиана, пожалуйста, продолжайте. И не волнуйтесь, о нашем разговоре никто не узнает. Тем более, что вы и не сказали ничего такого... особенного.

Ясное дело, я намеревалась изловить Его Меркантильное Высочество, припереть к стенке и не выпускать, пока он не изложит все свои бредовые идеи насчёт моего родства с кем-то там царственным. Затем расставить все точки над «i» и на этом завершить наши странные отношения. Которые, впрочем, уже можно считать завершёнными.

Но это после бала.

Всё будет после бала — и объяснение с принцем, и расплата за запретную любовь... ведь в моём сердце ничего не изменилось — Кайлеан Каррагилейн продолжал находиться там как ни в чём ни бывало — со всеми своими королевскими амбициями, трезвой расчётливостью и взглядом, устремлённым в морские дали.

А пока я подниму выше голову и никому не позволю испортить мне сегодняшний вечер, единственный в жизни.

Элломиана оторвалась от созерцания моих ногтей и благодарно улыбнулась:

— Вы можете называть меня Эллой, меня все так зовут. Наверное, я всё же выберу «Зимнюю бабочку».

— В таком случае я буду как все, Элла, — улыбнулась я в ответ. — «Зимняя бабочка»... очень подходящее название.

Улыбаться, улыбаться, улыбаться...

Её руки задвигались с удвоенной скоростью, с помощью магических заклинаний пряди разглаживались и превращались в сияющий золотой шёлк. Элла разделила мои волосы на прямой пробор и теперь два золотых крыла обрамляли лицо; на затылке же кудри были оставлены и уложены в удлинённый пышный узел, ниспадающий с макушки, покрытый почти незаметной, лишь чуть мерцающей сеткой. В качестве завершающего штриха был добавлен тоненький серебряный ободок, покрытый бриллиантовой крошкой и удлинённые серёжки в виде капель.

Когда причёска была готова, наступил черёд макияжа. На признание,

что я, вообще-то, никогда не пользуюсь косметикой, Элла осуждающе отметила, что гордиться здесь абсолютно нечем, но обещала пощадить мою неопытность и не делать из меня женщину-вамп.

Бояться действительно оказалось нечего: магическая пудра выглядела прозрачной, но полностью скрыла веснушки, искусно нанесённые тени сделали глаза ярче и выразительнее, губы с нанесённой помадой бледно-розового цвета теперь можно было смело охарактеризовать известной цитатой — «к поцелуям зовущие»...

Я повертелась перед зеркалом и сказала:

— Восхитительно! А теперь — платье?

Элла кивнула и велела Дрю достать из коробок туфли, чулки и бельё. Потом они с Дрю деликатно прогулялись за поворот, пока я переодевалась.

Туфли поначалу меня смутили. Спору нет, они были прекрасны — изящные, сшитые из серебристой полупрозрачной узорчатой парчи, но хрустальные каблуки выглядели чересчур высокими, а я ведь собиралась натанцеваться вдоволь. Я позвала Эллу, она заверила, что эти туфли сработал лучший маг-башмачник в Эрмитании, про которого говорили, что в его обуви можно танцевать неделю, ни разу не споткнувшись и ничуть не уставая. Пройдясь по комнате вдоль зеркальных шкафов, я убедилась в её правоте — чувствовала я себя превосходно. И кроме того, ноги в чулках и туфлях на высоких каблуках выглядели совсем по-другому... я снова повертелась перед зеркалом. Да, это были ноги не девочки, но женщины. Именно так я себя чувствовала — женщиной с прошлым. У меня много чего было в этой жизни... меня предавали те, кого я любила... и я предавала тех, кто любил меня... и путь мой был усеян пеплом несбывшихся надежд.

— А теперь закройте глаза и поднимите руки вверх, — скомандовала Элла.

Я починилась и почувствовала, как мягкая прохладная ткань принимает тело в свои объятия. Чьи-то пальцы пробежали по моей спине, закрывая магическую молнию, потом ещё что-то поправили.

— Вау! — произнёс голос Дрю. — Принцесса! Настоящая!

«Нет, не принцесса! Королевна!» — хмыкнула я про себя.

Спустя томительные секунды Элла сказала:

— Всё, можно смотреть.

Надо отметить, что сама Элла была одета с таким вкусом, что я, человек не так чтобы сильно завистливый, увидев её, испытала самую настоящую зависть к умению непринуждённо сочетать цвета и детали. Причём сейчас, находясь с закрытыми глазами, я совершенно не могла

вспомнить, что конкретно на ней надето... что-то артистически-небрежное, даже в цыганском стиле, но в приглушённых тонах — сиреневых, бежевых, винных, изумрудных... множество тонких оттенков, которые мне бы и в голову не пришло совмещать, по крайней мере в таком количестве. Мне захотелось, чтобы творение отца Элломианы напоминало её изысканный наряд... я с любопытством и предвкушением открыла глаза.

...Я была безупречна и я сияла... другое определение трудно было бы подобрать. Сияла светлая ткань, расшитая искорками как струями дождя, сияли уложенные золотые волосы, светилось идеальное лицо — с огромными глазами, тонкими бровями, нежным ртом... Стоявшая позади красotka Элла вдруг показалась грубоватой, приземистой, и одетой в старые бурые тряпки... и всё это не смотря на то, что со второго взгляда стало ясно, что моё платье, в сущности, очень простое. Вверху оно напоминало облегающую маечку с короткими рукавчиками, струящаяся юбка в мелкую складку-плиссе расширялась где-то от середины бёдер, и подол состоял уже из нескольких кисейных слоёв. Главную скрипку в наряде играла ткань — чувствовалось, что простое с виду платье сшито из чего-то необыкновенного и, наверное, безумно дорогого. И кстати, маэстро выполнил мои пожелания насчёт удобства, платье сидело как влитое, я чувствовала себя в нём свободно и выглядела прекрасно, вот только...

Ещё я казалась очень юной, по-девичьи чистой... казалось, это светится моя невинность... Я не знала, как к этому отнестись.

Мои размышления прервала самокритичная Элла:

— Я по сравнению с вами выгляжу просто коровой под седлом! Папа опять создал шедевр. Сложная простота — это его конёк. Эх, мне такое не дано... люблю я накрутить всякого...

— Замечательное платье! — поддержала я её и снова замолчала, разглядывая себя в зеркало.

— Вас что-то смущает?

Сказочным свинством было с моей стороны критиковать такую прекрасную работу. И маэстро Ламплъ, и Элломиана постарались на славу. Но я всё же попыталась объяснить.

— Понимаете, Элла... платье замечательное... причёска замечательная.... Всё чудесно. Но я не чувствую себя такой идеальной! Я не невинная овечка и не нарисованная принцесса из детской книжки. Во всяком случае, не хочу такою быть. Я живой человек и мне свойственно... всякое разное. Вы же говорили, что изучаете ауру клиента... и что вы художник... Вы должны понять... что-то сейчас не так... — от безнадёжности попытки я умолкла.

Элла принялась меня разглядывать, и по её напряжённому взгляду я поняла, что она вновь считывает мою ауру.

— Вообще-то понимаю. Вы гораздо сложнее...

— Да! — обрадовалась я. — Да! Я сложнее! Не слишком, но сложнее!

— Но папа увидел вас такой, — она показала на зеркало.

— Он увидел правильно, но с тех пор прошёл миллиард лет. Я тогдашняя была бы в восторге от образа принцессы. А сейчас у меня настроение совсем другое. Можно ли что-нибудь изменить? — Я молитвенно сложила руки.

Элла раздумывала.

— Хотите выглядеть по-другому?..

— Да! Хочу!

— Ладно... — медленно сказала Элла. — Рискну. Художник я или где... Была у меня одна задумка... Предупреждаю, волосы будут вполтину короче, если не больше, на целые сутки и вернутся к прежнему состоянию не раньше. Но учтите, если вам не понравится, времени на переделку в прежний образ уже не останется. И сэкономим на маникюре. Он будет, уж простите, тоже магическим, на приличный настоящий времени уже не остаётся.

— Да-да-да, я на всё согласна! Волков бояться — на бал не ходить. Платье снимать?

— Ну нет, нового наряда я вам предоставить не смогу. Модернизируем этот. — Она закатила глаза к потолку и с нервным смешком сказала: — Папа меня убьёт.

— Не убьёт. Он тоже художник.

— Вот именно поэтому и убьёт. Художники — страшные люди, когда дело касается их творений.

— Он вас любит. Вы тоже его творение и, смею надеяться, родная дочь ему всё же дороже чужих тряпок.

— Я иногда в этом сомневаюсь, — задумчиво проговорила Элла. — Но это ничего, я такая же. Он меня простит, если я сделаю хорошо. Вы не представляете, что значит быть дочерью Себастьяна Лампля в мире моды... Меня никто всерьёз не воспринимает... Рискну.

— С ума сошли, — осуждающе буркнула Дрю, отлетев в сторону, — не надо, красиво же! Очень красиво!

— Красота не приносит мне счастья, Дрю, — равнодушно сказала я. — И ничей мир она не спасёт. — Я опустилась на стул перед зеркалом. — Элла, смелее. Машу кашей не испортишь... или как там...

Заклинание разглаживания было снято, как и бриллиантовый ободок.

Магически укороченные волосы вновь завились, но не скучным равномерным завитком, а прихотливыми, не повторяющимися изгибами, — словно струи золотистого сигаретного дыма хаотично клубились, поднимаясь вверх. Вообще всё выглядело так, как будто взрыв на макаронной фабрике благодаря непостижимой игре случая породил гармонию и своеобразную упорядоченность. И даже обилие прядей, якобы выбившихся из причёски, работало на эту гармонию, наверное благодаря тому, что хаос всё-таки имел чёткую определённую форму и ни один изгиб не был случаен.

— Мне нравится! — сказала я, когда Элла отступила, разглядывая своё удивительное воздушное творение. — Очень нравится! Очень-очень! — Я повертела головой, причёска упруго колыхнулась, но внешний вид сохранила. — Держится!

— Двадцать четыре часа гарантирую. Но подождите, ещё не всё. Тут макияж нужен совсем другой. Будем делать вам «смоки айс».

— «Смоки айс»?! — взвизгнула Дрю, вытаращившись. — Леди Данимире?

— «Смоки айс»? — заинтересованно спросила я. — Что-то слышала, но не помню. А что это?

— Закрывайте глаза, — скомандовала Элла.

Я подчинилась, а когда вновь увидела себя в зеркале, то долго не могла наглядеться на преобразование. Так долго, что Элла занервничала и заговорила осторожно:

— Может показаться слишком ярким, но так надо. Сейчас мы платье немного подкорректируем и станет лучше. Пойдёмте к большому зеркалу.

Мы подошли к зеркальному шкафу и там со словами «как хорошо, что я знаю папину магию» Элломиана Ламплъ взялась за оба рукава моего бального наряда и каким-то непростым движением оторвала их напрочь.

— Мы все умрём, — прокомментировала Дрю с потолка, подхватив, видимо, это выражение от Леммюэля Пэна. — Ещё до начала бала.

— Весьма вероятно, — отозвалась Элла, наклонилась и таким же непростым движением убрала примерно треть длины платья. — Поддай-ка, милочка, несессер.

Она достала катушку прозрачных ниток с воткнутой в неё иглой и моток тесьмы.

— Стойте смирно, все инструменты и материалы у меня зачарованные. А не то уколою иглой — будете потом бантик хирургическим путём удалять, прирастёт намертво.

Моток Элла покатала в руках, поднесла к лицу, что-то пошептала ему

как живому и бросила на пол, удерживая тесьму за один конец. Моток развернулся и оказался полосой великолепной длинной сверкающей бахромы.

Преображение продолжилось.

Дрю подала небольшие ножнички, Элла разделила бахрому на отрезки и приладила к проймам. Теперь рукава стали длиннее, но как только я приподнимала руку, бахрома соскальзывала и рука обнажалась до плеча. Потом такую же процедуру она проделала с подолом — он вновь удлинился, но щиколотки остались открытыми. Вырез спереди стал не таким целомудренным, вырез сзади также увеличился... На туфли были добавлены застёжки, на шее появилась длинная жемчужная нить, небрежно завязанная узлом где-то в районе пупка.

— О! Двадцатые годы? «Великий Гэтсби» и всё такое? — Я вдруг поняла, что мне это напоминает.

— Не совсем. Мешковатости маловато. Талия, опять же, не там, совсем не там. Но эклектика — наше всё, цитаты присутствуют, — рассеянно отвечала Элла, обходя меня кругом. — Я же диплом защищала по этой теме. «Сравнительный анализ эстетики Империи и Конфедерации в период первой половины прошлого столетия». Или что-то такое же длинное. Название забыла сразу же после защиты. Стойте смирно, надо кое-что проверить.

Она отобрала у Дрю свой несессер, порылась в его недрах и извлекла деревянную палочку с гранёным хрустальным шариком на конце. Один взмах — и по моему сияющему серебристо-белому платью снизу вверх пробежала цветовая волна, придавая ему оттенок расплавленной бронзы.

— Волшебная палочка?

— Спектральный преобразователь. Нет, так слишком темно. — Элла взмахом палочки вернула платье прежний вид, а затем придала ткани и бахроме более лёгкий золотистый оттенок, жемчуга приобрели оттенок слоновой кости. Она полюбовалась на дело рук своих и, достав что-то из несессера, кинула этот предмет мне. — Надевайте и пора делать маникюр.

У меня в руках оказалась кружевная эластичная повязка с золочёной розеткой в виде расплющенного цветка мака. Я растянула её на пальцах, повертела и в недоумении сказала:

— А я причёску не испорчу?

— Это же на ногу, — вмешалась Дрю. — Подвязка для чулка.

— Да чулки вроде неплохо держатся... а почему одна?

— Это для настроения, — пояснила Элла, — другого смысла в одинокой подвязке для чулка нет.

— Да? А-а-а... логично!

Я натянула подвязку и тщательно осмотрела ногу. Потом опустила подол и так же придирчиво осмотрела себя целиком. Но придаться было не к чему. Вот теперь всё было как надо. Прихотливо выющиеся золотые кудри, чёрная пушистая щётка ресниц, затеняющая глаза с тёмно-серой подводкой, и матовая красная помада сделали меня старше и вдребезги разбили предыдущий образ юной непорочной девы, ожидающей рыцаря, чтобы вручить ему полцарства в придачу. Шарада, штучка? Да. Тёмная лошадка, тихий омут, неудачница Лилит? Скорей всего. Любительница фокстротов, подружка гангстера? Очень может быть — цитаты присутствуют! Прекрасная принцесса, невинный барашек, выход к морю прилагается? Нет, не дождётесь.

— Я живая! — радостно сказала я, вертясь перед зеркалом. — Я настоящая! Давайте же сделаем мне маникюр — красный лак, правда? — и можно спускаться к Его Высочеству.

И тут я увидела как сползают улыбки с лиц Дрю и Эллы.

— Я вообще только шпильки подавала... устала... пожалуй, пойду под ванну... полежу, отдохну немножечко... — сказала Дрю и исчезла.

— Что-то я тоже чувствую себя утомлённой... А как там у вас под ванной — много места? — задумчиво произнесла Элла.

Вздёрнув подбородок, я произнесла:

— Спокойствие, только спокойствие. Его Высочеству понравится. Я знаю, что и как надо сказать.

Дрю наполовину высунулась из двери ванной и сказала:

— Конечно, понравится, классно выглядите. Принц у нас не слепой, однако. Только вначале он всех вскипятит и испарит за самостоятельность, а уж только потом ему понравится.

Я отмахнулась.

— Бросьте, ничего ни с кем не случится. Элла, а вы-то на бал идёте?

— Да, у нас же и папа и мама на королевской службе. Мы всегда получаем приглашение на всю семью. Но Его Высочество принц Кайлеан велел по окончании ваших сборов отчитаться о проделанной работе. И мне, знаете ли, беспокойно. Его Высочество ожидает одобренный им лично вариант.

— Это он здорово придумал, — восхитилась я, — перед балом каждой девушке просто необходимо отчитаться о проделанной работе — посадила ли семь розовых кустов, отделила ли зёрна от плевел, познала ли самое себя... Ступайте к себе, собирайтесь и отправляйтесь на бал, там увидимся. А с Его Высочеством я как-нибудь разберусь.

Элла помедлила в замешательстве, потом взбодрилась и зашептала что-то, помахав волшебной палочкой, то есть, спектральным преобразователем. Мои ногти удлинлись и приобрели тёмно-красный цвет. Я полюбовалась ими (это были ногти независимого и решительного человека!) и произнесла:

— Вы сделали мой бал, Элла. Никогда не выглядела лучше. Благодарю за всё. А теперь ступайте и не беспокойтесь.

Фигура Эллы начала таять, затем вновь сгустилась.

— Кольцо, кольцо наденьте! Какое-нибудь одно, но большое! Кольца там, в сафьяновой шкатулке, — она указала на стол, — И духи там же стоят! Они вам подойдут! — Её силуэт начал бледнеть... и опять проявился. Элла торопливо забормотала: — Косметическая магия, даже щадящая, всё равно вредит, надо будет потом ванночки для ногтей поделывать, витаминизированные. И магическое укорачивание тоже не на пользу волосам, маски питательные лучше всего с маслом окки или с экстрактом...

— Да идите уже, Элла! — воскликнула я. — До бала совсем ничего осталось...

Когда Элла поборола свою деятельную натуру и исчезла окончательно, я надела кольцо, нанесла на шею сзади несколько капель духов. У них оказался лёгкий, но сложный аромат, и мне понравилось.

Теперь я была готова.

Дрю с освобождённым Леммуэлем выпорхнули из ванной комнаты, закружили вокруг меня с напутствиями:

— Удачи! Удачи, леди Данимира! Счастливо повеселиться, — щебетала Дрю.

— Шикарно выглядишь, Данимира Андреевна, — сказал Лем, — считай, супостат у тебя в кармане. Мне даже немного жаль парня — ни одного шанса у него. Веселись, Андреевна, и да хранят тебя боги!

— Ага. И да пребудет со мной сила. Пока-пока, ребята. Вернусь под утро, не скучайте тут без меня. — Я помахала им, шагнула в лифт и нажала на кнопку второго этажа.

...Нужная фраза была заготовлена заранее, чтобы произнести её с порога, но вместо того я, раскрыв рот, уставилась на фигуру в плаще и короне, стоящую ко мне спиной. Потом я произнесла совсем другое:

— Это не смокинг.

Кайлеан повернулся и долго разглядывал меня с неопределённым выражением лица.

— Это не то платье, — наконец ответил он в тон.

Мне всегда думалось, что все люди равны, но, как оказалось, человеком в короне манипулировать сложнее.

Во всяком случае поначалу, с непривычки.

Взяв себя в руки, я опустила ресницы, потом вновь вскинула глаза, чуть коснулась волос, улыбнулась и бесхитростно спросила:

— Тебе же нравится?

Да, Кайлеан Георгиевич являлся личностью демонической, с изрядными перекосами в характере от непомерной магической мощи и чересчур высокого социального статуса... а так же, по моему убеждению, его сильно портил общенародный трепет перед вышеописанным сочетанием благ, дарованных судьбой. Но было в его натуре что-то такое, что позволяло надеяться, — некое глубинное джентльменство не позволит Его Высочеству ответить отрицательно на подобный вопрос. Он начал двигаться, обходя меня сбоку, я поворачивалась к нему, как цветок поворачивается к солнцу.

Он разглядывал меня, я — его.

Не было никакого смокинга, а были чёрный камзол поверх тёмно-серой шёлковой рубахи, перетянутый широким ремнём с массивной квадратной пряжкой, узкие тёмно-серые брюки, заправленные в высокие чёрные сапоги, и плащ, скреплённый серебряной фибулой, — длинный плащ до самого пола, цвета мокрого асфальта, но с изнанки будто полыхало пламя.

И, разумеется, корона — серебряный обруч с зубцами в виде наконечников копий.

Треклятая корона, без которой всё было бы так просто.

— У тебя плащ с кровавым подбоем, — сказала я.

— Символизирует стихию, — ответил он со вздохом, — подземный огонь. У меня такая же стихия, как у предков, чьё имя я ношу, — Кайлеана Первого и Кайлеана Второго. Эта одежда — точная копия их парадной одежды, включая цвета. Традиция, прах её побереи. Я пять лет боролся за право не напяливать это по торжественным дням, а носить нормальную современную одежду! И вот, когда я добился своего...

Такое возмущение, такая трагическая нотка прозвучали в этих словах, что я засмеялась.

— Тогда появилась я и забраковала твой смокинг... бедный, бедный... бедняжка... — Я подошла и провела рукой по ремню, пересекавшему грудь, — ножны с каким-то оружием висели у него на боку. — Ну прости, не знала, что это больной вопрос. Из чего этот ремень?

— Мой первый василиск. Я выгляжу персонажем из комикса, —

проворчал он. — Но ты же хотела чего-то экзотического.

— Прекрасно выглядишь, — возразила я. — Только в сапогах и плаще стал в два раза больше. Просто человек-гора. Ты так и не ответил. Тебе нравится, как я выгляжу?

Он снова напрягся.

— Нравится. Может быть, даже слишком. Но иди сюда, — он взял меня за локоть и увлёк к зеркалу. — Видишь?

Я понимала, что он хотел сказать. Сейчас рядом с ним — таким всем из себя монументальным, в плаще и короне — должна была находиться благородная принцесса. А стояла легкомысленная особа с воздушными кудрями, сверкая бахромой словно певичка из кабаре.

— Вижу. Мы не подходим друг другу. Но ведь это было ясно с самого начала, не так ли? Так стоит ли притворяться?

Чуткий Кайлеан Георгиевич сразу же уловил подтекст и немедленно сдал назад.

— И всё же мы вместе. Не смотря ни на что.

— Да, вместе не смотря ни на что. На этот вечер. И не надо злиться... нельзя контролировать всё на свете. Особенно женские наряды.

По его лицу пробежала тень. Видно было, как сильно ему хочется контролировать всё на свете.

— И всё равно платье должно было быть другим.

При виде такого упрямства я вспылила и ощутила, что мне глубоко безразлично, что там у некоторых на голове — корона или кепка, и пора применять тяжёлую артиллерию. Я на несколько секунд приподняла подол, вытянула ногу и продемонстрировала всемирному контролёру подвязку с золотым маком.

— Ну как можно было одеть это с тем платьем, сам посуди?! Пришлось поменять имидж.

Адекватным ответом на это бредовое заявление мог быть только такой же бред. Но Кайлеан Георгиевич не был искушён в искусстве театра абсурда. Он только молча вытаращился на меня и явно не находил подходящих слов. Зато его глаза с загоревшимися углями сказали обо всём.

— Данимира, — хрипло вымолвил Кайлеан, — если ты ещё раз так сделаешь, ни на какой бал мы не пойдём. А пойдём мы вон туда, — он указал в сторону спальни, — и я точно знаю, что не пожалею о замене. Ты, кстати, тоже.

Тут сердце моё ёкнуло. Я попятилась и послала ему стоп-сигнал, дунув на воображаемую спичку.

— По-моему, это бал в твою честь. Как ты себе представляешь...

— Я очень хорошо себе всё представляю, — зловеще сказал Кайлеан. — А вот ты, видимо, нет. Немедленно иди сюда и бери меня за руку, отправляемся на бал сейчас же. Пока я не передумал.

— Я боюсь. Я к тебе подойду, а ты вообразишь бог знает что...

— Боится она! А платье задирать не боялась!

Он говорил раздражённо, но огни в зрачках пригасил. Я осмелела.

— И пообещай, что не будешь пилить Элломиану.

— Хорошо, вопрос закрыт, обещаю. Иди сюда.

Получив желаемый результат, я нежно улыбнулась Кайлеану, порхнула к нему и взяла под руку.

— И вовсе незачем было так кричать и топтать ногами. Сказал бы сразу, что я чудесно выгляжу. Но я тебя прощаю. Это у тебя нервное, от осознания моей красоты.

Он мрачно покосился и шутку не поддержал. Через секунду мы перенеслись под открытое небо, в тёмный вечерний сад, в начало длинной аллеи, по обеим сторонам которой на равных расстояниях друг от друга стояли котлы с пылающей в них смолой. Двойная череда огней уходила, казалось, к горизонту, туда, где высилась чёрная громада замка Карагиллейнов.

— Мы пойдём на бал отсюда? — Я поёжилась, глядя вдаль. — Может, вызовем тыкву?

Кайлеан оставался серьёзным.

— Это Аллея королей, мистический путь. Его надо пройти, так принято. Не бойся, расстояние здесь величина незначительная. Думай о чём-нибудь важном, не суетном... это тоже часть ритуала.

Думать о чём-нибудь важном в бальном платье и одинокой подвязке для чулка? Когда у тебя не просто глаза, а «смоки айс», и на губах голливудская помада «алый атлас»? Я украдкой провела пальцами по очертаниям цветка на бедре... Предложение показалось мне трудновыполнимым. Нелёгкая всё-таки жизнь у этих Карагиллейнов... ритуалы, тайны, мистические пути к танцполу... Лично меня вполне бы удовлетворил скромный выход из лимузина и двухминутное шествие по красной дорожке. Да что там! На королевский бал я была согласна попасть даже через тот задний хозяйственный двор, который уже видела раньше.

Я вновь посмотрела вдаль.

Далеко впереди — прямо над замком — переливалось скопление радужных водоворотов, образуя в тёмном небе обширную световую прогалину. Надо полагать, ради праздника были задействованы нешуточные магические резервы.

— Ну что ж... принято так принято... веди меня, Вергилий.

...Мелкий гравий отчётливо хрустел под ногами, будто мы шли по обычной парковой аллее, будто и не пылали по обочинам злые адские огни. Но в неверном свете деревья и кусты по сторонам казались стенами, за которыми притаились фантастические ночные твари — в глубине зарослей загадочно шелестело.

Вначале я действительно старалась думать о несуетном, трудно представить что-либо менее суетное, чем великолепные Дантовы строки: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Вскоре (поскольку половина земной жизни, по правде говоря, казалась мне чем-то весьма отдалённым) мысли плавно переместились в другую область, тоже важную, но, как я догадывалась, более суетную.

...Он сказал, что я не пожалею, глядя на дверь спальни. Таким уверенным тоном. Ещё бы! Бассейн с лавой раньше был пересохшим. Очевидно, на балу будет немало тех, кто вселил в Его Высочество такую

уверенность. Скорей всего, это будут кареглазые брюнетки или шатенки... королева, вроде бы, намекала, что я не во вкусе её сына. Все они, конечно же, вне зависимости от цвета волос, окажутся сёстрами Золушки — глупыми, заносчивыми, вульгарными... в глубине души я знала, что это неправда. Кайлеан был солью Эрмитанской земли, он мог выбирать лучших из лучших. Мне внезапно вспомнилась Ксюша, Ксения Михайловская. Роскошная, бесконечно уверенная в себе красавица... опытная и раскованная в постельных утехах... Вероятно, именно такие девушки во вкусе Кайлеана. А я... окажись мы там, за дверью, на которую он смотрел столь жадно... что я смогла бы ему дать, кроме кратковременного всплеска энергии, своей потерянной девственности? Тут мои мысли приняли ещё более суетный оборот. Интересно, его пентаграмма жжётся? Если погладить по голой груди, прочертить пальцем по красным линиям?..

Я вдруг стала остро ощущать своим плечом литое плечо Кайлеана.

...А татуировка «Драконы навсегда»? Можно ли почувствовать что-то особенное, если прикоснуться к его голой...

Тут Кайлеан с недоумённым видом потёр грудь, потом завёл руку назад и потёр поясницу. И посмотрел на меня.

— О чём ты сейчас думаешь, Данимира? — с неясным сомнением спросил он.

— Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу! — отрапортовала я, глядя честными глазами. — Утратив правый путь во тьме долины! Каков он был, о, как произнесу! Тот дикий лес, дремучий и грозный! Чей давний ужас в памяти несущий!..

— Стоп-стоп-стоп! — Кайлеан поднял руки. — Э-э-э... я, конечно, просил быть посерьёзней, но не настолько. Про ужасы, пожалуй, не стоит. Вообще, что-то твоя поэзия на меня странно действует... — И он снова рассеянно потёр поясницу. — У меня от неё мурашки в странных местах.

— Ничего удивительного, поэзия на всех странно действует, — охотно пустилась я в объяснения. — Кроме тех, на кого она вообще не действует. — Я собралась развить эту глубокую мысль ещё глубже, чтобы избавиться от суетного настроения. — Хотя, может быть, на этих последних поэзия может подействовать сильнее всего, вот потому они так сопротивляются её силе...

Тут я потеряла нить рассуждений, потому что гравий заволокло белесым туманом, ног коснулся холод, а слева возникли круглые пьедесталы, чередовавшиеся с котлами со смолой. На пьедесталах высились статуи мужчин и женщин в коронах. Все они, безусловно, были

изваяны из камня, однако отсветы пламени рисовали на их лицах подобие жизни... возможно, в буквальном смысле, потому что при нашем приближении статуи медленно, с затруднением, но всё же повернули головы, обратив слепые глазницы в нашу сторону.

— Они нас видят или не видят? — спросила я шепотом.

— Считается, что видят, — так же приглушённо ответил Кайлеан.

— А зачем?

— Затем, — доходчиво объяснил Кайлеан Георгиевич и накрыл мою руку своей. — Ни о чём не волнуйся, просто будь самой собой. Мы просто пройдем мимо. Так надо. Это очень просто.

Чем сильнее он нажимал на слово «просто», тем больше я уверялась, что всё совсем наоборот. Наша прогулка перед лицом бдительных предков подозрительно смахивала на смотрины. Что он творит? Я почувствовала острый приступ жалости. После бала Кайлеану предстояло пережить грандиозный разбор полётов и полный пересмотр жизненных планов. Если Его Высочество вознамерился провернуть авантюру, то есть, полагаясь на некое мнимое сходство, оттяпать у соседней королевы её владения, то моей помощи в этом сомнительном предприятии ему не видать. Но всё это будет после, а пока я, памятуя, что кошкам дозволено глядеть на королей, с любопытством взирала на венценосных Карагиллейнов, которых Кайлеан поочерёдно называл по имени.

Одна статуя заставила меня остановиться. Впечатление было таким, будто Кайлеан раздвоился. Только его двойник повзрослел лет на десять и переместился на постамент, где и окаменел, выставив перед собой меч и возложив руки в перчатках до локтя на эфес.

— Как на тебя похож... — пробормотала я.

— Это Кайлеан Первый. Наверное, самая значительная фигура в истории Эрмитании. Именно в годы его правления Эрмитания возвысилась над другими королевствами и стала крупнейшим по территории государством.

В его словах прозвучало не только почтение, но и почитание. Кайлеану Третьему явно льстило сходство со знаменитым тёзкой.

— Дай-ка угадаю. Наверное, он выгодно женился?

— Кайлеан Первый был мудрым политиком и доблестным воином, — поучительно сказал Кайлеан. — Меч видишь?

По холодному надменному лицу статуи скользили кровавые блики, огромный меч, на который опирались руки в перчатках, был выставлен вперёд несколько демонстративно. Наверное, и его потомок, что стоял рядом, станет таким же чересчур важным, когда получит свой выход к

морю и заматереет.

— Меч вижу. Но женился-то он на принцессе с приданым в виде соседнего королевства, а?

Подбородок Кайлеана Георгиевича пошёл вверх.

— И что с того? Да, королева Этель в девичестве была принцессой соседнего королевства. — Он указал на соседнюю женскую статую — представительную, бесстрастно взирающую сверху вниз.

— М-м-м... Так я и думала.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего не хочу сказать. Танцевать хочу. Так мы идём?

Умел ли Кайлеан Первый первым посмеяться над собой, смог ли полюбить свою Этель или он больше жизни возлюбил свой меч? Вряд ли Кайлеана Третьего волновали эти подробности. Я потянула Кайлеана дальше, оглядываясь и внутренне ожидая, что за спиной раздадутся громовые раскаты: «Брось эту суетную финтифлюшку, правнук мой!» Возможно, знаменитый король уже ознакомился с моим богатым внутренним миром, в котором я с упоением представляла его потомка голым.

Однако король безмолвствовал, хоть и повернул голову нам вслед.

Вскоре я остановилась вновь. Этот предок был длинноволос и изрядно бородат, в его бороде чудилась кривая ухмылка, которая иногда появлялась и у Кайлеана. Во всяком случае, сходство опять бросалось в глаза. Примерно таким же заросшим Кайлеан был, когда я впервые увидела его в человеческом облики. Корона на бородаче сидела несколько косо, а к его ноге уютно привалился небольшой изящный дракон, напоминающий дракошейку какого-то старинного образца — от ящера тут было гораздо больше; вместо шерсти была чешуя, узкий язык, дурашливо свешенный из пасти, раздваивался.

— О, кажется, я догадываюсь! Это ведь Кайлеан Второй? Тот, кто начал создавать драконов?

— Правильно. Тоже значимая фигура в истории Эрмитании. Рядом — королева Беатрис.

Хрупкая Беатрис, королева Кайлеана Второго, прижимала к груди что-то округлое, завёрнутое в ткань. Вытянув шею, я разглядела большеглазую головёнку — в руках королева держала половинку драконьей скорлупы, из которой выглядывал новорожденный.

Я улыбнулась. На какой бы основе не возник этот королевский брак, похоже, он оказался удачным. Интересно, кто из прадедов-тёзок Кайлеану ближе: Первый, стратег и завоеватель, или Второй, демиург драконьего

племени? Приставать к Кайлеану с выяснением я не стала — всё же, вопрос являлся не слишком тактичным, наподобие сакраментального «кого ты больше любишь, маму или папу». Вообще я решила больше не муссировать неприятную тему выгодной женитьбы... пока она не коснулась меня напрямую. Пусть Кайлеан повеселится, отдохнёт от своих таинственных забот... пусть наберётся сил, они Его Высочеству ой как понадобятся. И мне, наверное, тоже. Нет, я не стала задавать неудобных вопросов, вместо этого приподнялась на цыпочки и шепнула Кайлеану на ухо «Они симпатичные!».

Кайлеан просветлел и повлёк меня дальше. У последней статуи я опять оглянулась назад. Облачная пелена поднималась вверх, скрывая сначала фигуры и следом каменные лица, повёрнутые в наши стороны. Вскоре и мы сами оказались полностью в тумане, затем во тьме. Не успела я сказать, что мне холодно, как тьма рассеялась.

Теперь мы стояли на вершине широчайшей лестницы из слепящего белого мрамора, по которой предстояло спуститься вниз, в бесконечное бальное пространство, в полумрак, наполненный игрой света и тени, расчерченный тысячью косых цветных лучей. Стен не было — вместо них уходили вдаль сквозные аркады, и не было крыши, только неспешная, но неустанная магическая небесная круговерть, а внизу стояли люди — множество людей, зал был полон. Одни располагались группами, другие перемещались между сообществами, и никто даже не посмотрел в нашу сторону.

Цветной дым мягкими струями стекал вниз по ступеням, приглашая следовать за собой.

— Лестница тоже магическая?

— Здесь всё пространство магическое. Создано специально для бала. Нервничаешь?

— А ты?

Он хмыкнул.

— С чего бы?

— Я помню, ты с детства бороздил эти воды. Но без меня. А теперь со мной. Скажут...

Кайлеан прервал с весёлым изумлением:

— Да кто посмеет мне что-то сказать?

— Например, родители, — предположила я, — они, в отличие от почивших предков, не каменные.

— Боишься моих родителей?

— Нет.

Я отвернулась и опустила голову. Он чувствовал, конечно же, но не понимал. Я знала, что его родители будут не в восторге, но определённо собиралась в удобный момент намекнуть, что вовсе не претендую на почётное место рядом с их сыном. Меня беспокоило совсем другое. В бочке янтарного праздничного мёда таилась не просто ложка дёгтя. Возможно, это была ложка цианистого калия. Где-то там, в толпе находился Мерлин, который (как я надеялась и страшилась) может разъяснить мою участь.

...Вот сейчас Кайлеан строит планы, я строю планы, нас обоих волнует суетное... а завтра я превращусь в чёрного мохнатого паука и... и — всё.

Хотя некоторые люди любят пауков... буду жить у Кайлеана в коробочке... перед сном он будет выпускать меня поползать, может быть, даже положит на грудь... а вот интересно, если я буду пауком, я смогу почувствовать — жжётся ли его пентаграмма?..

— Опять думаешь стихами? — осведомился Кайлеан.

— Ты пауков любишь?

Он моргнул, затем осторожно ответил:

— Не знаю. Никогда не ставил так вопрос. А что такое с пауками?

— Пока ничего, — вздохнула я, потом взмолилась: — Пойдём скорее! Хочу танцевать и пить ледяное шампанское, и знакомиться с интересными людьми, и пить шампанское, и снова танцевать и пить шампанское! И ни о чём не думать.

— Пойдём. — Мы начали спускаться. — Я тоже хотел бы ни о чём не думать. Но раз ты собираешься снова и снова пить шампанское, мне придётся быть начеку.

— Тебя послушать, так я горькая пьяница!

— Как раз наоборот.

— Ладно, — признала я. — Возможно, тут твоя страсть всё контролировать пригодится.

Он задрал бровь.

— Страсть всё контролировать? Я просто заботливый.

— О, нет, — я засмеялась, — контроль — это ваша страсть, Кайлеан Георгиевич.

— Ничего подобного, — энергично возразил он. — Я, если хотите знать, Данимира Андреевна, ужасный... э-э-э... раздолбай. Заботливый раздолбай.

— Боюсь вас разочаровать, Кайлеан Георгиевич, скорее истукана с острова Пасхи можно назвать раздолбаем, чем вас.

— Обидные слова говорите, Данимира Андреевна!

Мы спускались по лестнице, с удовольствием перебрасываясь фразами, будто отбивая шарик в партии пинг-понга, пока где-то на середине спуска те, кто были внизу, не начали оборачиваться в нашу сторону. По толпе пробежало волнение, и люди стали расступаться, образуя свободное пространство перед лестницей.

Я посерьёзнела и заметила:

— Кажется, мы вошли в зону видимости. Нам случайно не надо принять соответствующее выражение?

— Соответствующее?

— Ну, такое, знаешь... пафосное...

Я попыталась изобразить пафосное выражение лица, но через секунду не выдержала и снова засмеялась. Кайлеан тоже фыркнул. Потом мы всё-таки замолчали, но, подозреваю, явились народу абсолютно не пафосными.

Кайлеан уверенно продвигался вперёд, толпа кланялась и послушно расступалась, а возникший коридор вёл напрямик к тронному возвышению.

Зазвучала музыка, что-то прекрасное и торжественное, в классическом духе, но прежде я никогда не слышала этой мелодии. Мелькнула мысль — хорошо, хоть не марш Мендельсона, от Кайлеана Георгиевича, рвущегося к цели, можно было ожидать чего угодно.

Зал был велик. Пока мы шли, я встречалась с множеством озадаченных взглядов. Кого-кого это притащил наш добрый принц, из дальних странствий возвратись? — наверняка задавались вопросом подданные Эрмитанского королевства. Да, такая вот я, неподходящая, мысленно отвечала я им, но всё же ваш принц в меня немножечко влюблён. Знаю, в свои планы он влюблён гораздо больше, однако и мне нашёлся уголок в его сердце... возможно, ма-ахонький такой уголок, размером с коробочку для паука... но всё же... но всё же...

Неоднократно я натыкалась на хмурые девичьи взгляды. Спокойно, Даня, это у них инстинктивное, утешала я себя. Каждой хотелось бы прогуляться под ручку с сыном короля, и не надо воображать, что зал битком набит бывшими Кайлеана. Вообще казалось, что у мужской части общества моя персона встретила больше одобрения, тут озадаченность быстро сменялась оценивающим интересом.

Ближе к тронному подиуму стали попадаться знакомые лица. Здесь был и Ариэль Аттиус, с маленьким эльфом мы обменялись дружелюбными кивками; заметила я так же маэстро Лампля, окружённого цветником из юных дочерей. Некоторых людей я не знала по имени, но видела в драконятнике или в библиотеке, некоторых знала по таверне Дэниала.

Лесники в зелёных мундирах салютовали нам, в ответ я не сдерживала радостную улыбку.

В общем и целом, можно было предположить, что проход сквозь строй удался. Спина всё время оставалась прямой, на окружающий мир я глядела без страха и даже ни разу не споткнулась. Оставалось только не ударить в грязь лицом перед королевской семьёй, и тогда обязательную программу можно было бы счесть выполненной. По мере приближения к тронному возвышению я становилась всё безмятежнее — у меня это обычно означало, что участок мозга, отвечающий за естественное человеческое смущение, решил, что он «в домике» и полностью изолировался от действительности.

...Все, кто находились на подиуме, были мне известны, хотя наследного принца и его семью до этого момента я видела только в голографических хрониках. Ещё тогда я отметила, что внешностью Леар пошёл, очевидно, в мать, королеву Линор. Он был светлоглаз, не слишком высок, худощав, по его плечам рассыпались длинные пепельные волосы. Впрочем, фамильный орлиный взгляд и орлиный же нос крючком в наличии имелись. Рядом с Леаром стояли его жена Арабелла (несколько бесцветная блондинка, будто её подбирали в масть Леару) и принц Лоннеан, его старший сын, мальчик лет десяти.

Мне показалось, что семья наследника не рада моему присутствию рядом с Кайлеаном. В их взглядах мне почудился холодок. Даже мальчик глядел на меня исподлобья. Впрочем, возможно он стеснялся незнакомого человека.

Химериан встретил моё появление высоко взметнувшимися бровями, «карманный оракул» королевы Луссия не только приподняла бровки, но и округлила ротик в виде буквы «о». Не знаю, что их так поразило. Да, я выглядела не так, как в первую встречу, но они не могли ожидать, что я заявлюсь на бал в банном полотенце.

Георгиан Второй и Елена, напротив, бесстрастно следили, как мы поднимаемся по ступеням. Ни тени эмоций. Наверное, подобное бесстрашие являлось отработанным годами профессиональной привычкой. Я ожидала официального представления, но Кайлеан подвёл меня к родителям, поставил перед ними и, по-свойски придерживая за плечи, непринуждённо произнёс:

— Это Данимира, я вам рассказывал. Данимира, это мои родители, впрочем, ты знаешь. Хима и Лусс ты тоже уже видела. — Он взглянул в сторону старшего брата. — Леар, Бэлла, Лонни, это Данимира. Не дуйтесь, она славная.

Такая непринуждённость удручала. С подобной лёгкостью можно представлять человека, которого собираются ввести в семью. А проделать это можно было только одним способом — провернув некую геополитическую комбинацию со мной в качестве главной марионетки.

— Ваше Величество, — я склонила голову перед Георгианом Вторым. — Ваше Величество, — я поклонилась Елене. — Цепь событий, приведшую меня в Эрмитанию, нельзя назвать счастливой, но я благодарна судьбе за встречу с вашей прекрасной страной. Яркие воспоминания об Эрмитании я сохраню на всю оставшуюся жизнь.

Вот так. Надеюсь, я ясно обозначила свои планы на будущее.

Король и королева несколько вопрошающе посмотрели на сына.

— Воспитанная, правда? — одобрительно сказал Кайлеан.

— Добро пожаловать на бал, леди Данимира, — ровным мелодичным голосом произнесла Елена. — Рады видеть вас. — После паузы тем же ровным голосом она добавила: — Рады вдвойне, поскольку наш сын настаивает на том, что своим возвращением обязан вам и только вам.

— Однако все утверждения Кайла крайне туманны, — тут же вступил король и вперил в меня пронзительный взгляд. — Поэтому с окончательными выводами повременим. Надеемся, леди Данимира, услышать от вас подробности.

Начинается, подумала я и напряглась. И тут же почувствовала, как Кайлеан ободряюще сжал мои плечи.

— Чего вам ещё надо? Я же рассказывал — я был слюнявым идиотом с рогами... — Он стоял позади меня, но я знала, что его рот сейчас кривится. — Данимира сумела полюбить мохнатого недоумка.

Я невольно заулыбалась воспоминаниям.

— Это было нетрудно. Его Высочество... э-э-э... в том своём болезненном состоянии действительно был очень мил.

— Ну? Теперь вы видите, какая она? Рогатый кретин был очень мил, и точка. Особое отношение Данимиры пробудило во мне разум, другого объяснения нет.

Судя по выражению лица Георгиана Второго, он предполагал, что другое объяснение существует.

Я поспешила пояснить:

— У Его Высочества весьма оригинальная версия произошедшего... но не уверена, что истинная причина улучшения состояния принца нам известна.

Король продолжал сверлить меня взглядом.

— Всё же мне хотелось бы услышать более подробный отчёт и самому

составить мнение. Например, завтра вечером за ужином.

— Ты приглашаешь Данимиру на подробный отчёт? — усмехнулся Кайлеан.

Смутить его отца было трудно.

— Если угодно, так. Никогда не думал, что скажу это в отношении тебя, но ты слишком легкомысленно относишься ко всему, что случилось.

— О, нет. Легкомысленно? Никогда. Просто по-другому. Там, где ты ставишь минус, я ставлю плюс.

— И всё же, сын, советую вначале разобраться в происходящем... прежде чем принимать поспешные решения.

Я снова напряглась. Какие такие «поспешные решения»?

— Я разобрался! — рыкнул у меня над ухом Кайлеан. — И это только моё дело. И бал в мою честь. И вечер — мой. Поэтому я забираю Данимиру, мы идём танцевать и пить шампанское. Ещё увидимся. — Он повернул меня спиной к родителям и потянул прочь.

Мне его резкость показалась излишней. Я успела задержаться и проговорить с извиняющейся улыбкой:

— Простите принца за горячность... право, мне иногда кажется, что мохнатым он был милее.

Георгиан Второй приобрёл прежнюю бесстрастность, но я увидела, как Елена предостерегающе дотронулась до него. Она всё-таки улыбнулась мне в ответ, улыбка была какой-то бледной и вымученной. Я вдруг вспомнила, что и отец Кайлеана однажды привёз очаровавшую его безродную чужестранку, закончилось это катастрофой.

Мне стало совестно, что доставляю королевской чете столько беспокойства, поэтому я напомнила себе, что это временные трудности. Вскоре моё пребывание в Эрмитании подойдёт к концу, и всё встанет на свои места. А бал, между прочим, подойдёт к концу быстрее всего, поэтому надо насладиться каждой минутой.

И где же Мерлин?

Я завертела головой.

— Не бойся, завтра я тебя прикрою, — сказал Кайлеан, тем временем увлекая меня подальше от тронного подиума. По пути он расстегнул свой тяжёлый плащ и, не глядя, скинул на руки человеку в ливрее. Праздничная толпа расступалась перед ним как ледовое поле перед ледоколом.

— В каком смысле?

— Ну, разумеется отец вознамерился залезть тебе в голову. Скорей всего, не сам, специалиста пригласит. Но мой щит сильнее, ничего не выйдет.

— Спасибо, — сказала я с искренней благодарностью. — Мне не нравится, когда копаются в моих мыслях.

— Я помню. Завтра будет обычный ужин.

— Ага. Обычный ужин с королевской четой.

Кайлеан остановился, выведя меня в центр зала.

— Будь самой собой и ты окажешься с королями на равных.

Вокруг образовалось солидное пустое пространство и что-то никто не торопился вставать в танцевальную позицию рядом с нами.

— Вот как? Первый танец — ваш и только ваш, Кайлеан Георгиевич? — сказала я, смеясь. — Традиция или вы просто жадина?

— Наш, — сказал Кайлеан, разворачивая меня к себе. — Первый танец — наш, Данимира. И пусть остальной мир исчезнет.

Господи, как же мне надоело уворачиваться от чувств и твердить о скором отъезде, напоминать себе о невозможности совместного будущего и о прочих тоскливых нерадостных вещах!

— Да, — сказала я, глядя в тёмно-серые глаза напротив, — пусть будет так. Только наш. — И положила руку ему на плечо.

Он сложил пальцы замысловатой щепотью и щёлкнул у нас над головами. Прозвучали первые звуки валго. Нежные, протяжные, проникающие в сердце, они нахлынули одновременно со всех сторон и музыка окружила нас, окутала, затопила как море. Окружающее померкло, публика исчезла, остался лишь серебристый освещённый круг, звёздное небо над головой и невозможный, скрытный, упрямый, любимый человек рядом...

...Натура Кайлеана давала себя знать во всём — он вёл мягко, но уверенно, повелевая нашими движениями единолично. Лишь иногда он вдруг ослаблял контроль, будто проверял, верно ли я его понимаю. Убедившись, что моё тело послушно исполняет его волю, Кайлеан вновь захватывал и повелевал... и на его лицо легла печать умиротворения — я наконец-то стала его собственностью. Моё лицо, наверное, имело сходное выражение, потому что происходящее между нами нравилось мне так, что голова кружилась от наслаждения... пусть это был всего лишь танец... хотя бы так...

Когда прозвучал последний аккорд, Кайлеан не сразу выпустил меня из объятия.

— Данимира, — сказал он глуховатым голосом, — ты изумительна. Теперь ты понимаешь, что у нас всё должно быть хорошо?

Ах, как мне бы этого хотелось!

— «Должно быть» не всегда означает «будет», — печально отвечала

я. — А где магистр Мерлин? Его не было рядом с троном.

Очарование разом развеялось. Вернулось прежнее освещение, мы вновь оказались в центре бального зала. Подданные по-прежнему стояли поодаль и почтительно ожидали, когда Его Высочество закончит выяснять отношения. Интересно, видели ли они наш танец?

— Зачем тебе Мерлин? — помрачнев, спросил Кайлеан и отпустил меня.

У нас возникли разногласия по вопросу богословия, мелькнула в голове цитата. Насчёт одного места из блаженного Августина. Желаю продолжить познавательную дискуссию.

— Так, просто спросила. Я ж не очень многих здесь знаю, а Мерлина знаю. Он, вроде, особа, весьма приближённая к трону?

— Считается первым придворным магом.

— А ты его любимый ученик, так почему его нет?

Кайлеан помолчал, покусывая губу, потом сказал:

— Он обещал присутствовать, значит, будет. Пойдём.

— Куда?

— Шампанское пить.

Он направил меня к аркаде, провёл сквозь неё, затем мы прошли вдоль с десятков метров и снова нырнули под арку. Но в прежний зал мы не вернулись, а оказались в совершенно другой обстановке. Этот зал был похож на гигантскую крытую оранжерею — повсюду буйная зелень, цветение и стеклянная крыша, расчерченная переплётom.

Какая-то птица, громко хлопая крыльями, перелетела с дерева на дерево и затихла.

Здесь никого не было, кроме нас.

— А как это? — удивилась я.

— Я же тебе говорил — здесь особое бальное пространство, создаётся по принципу магического лабиринта. Лучше не ходи в одиночку, заблудишься. Если такое случится, оставайся на месте и позови меня вслух или на анималинге. Я тебя услышу.

Кайлеан усадил меня в плетёное кресло, под разлапистые листья какого-то тропического растения. Тут же возник слуга с подносом, он ловко открыл бутылку, разлил искрящуюся жидкость по бокалам и удалился, не медля.

Кайлеан сел в соседнее кресло и, покручивая в пальцах свой бокал, заговорил раздумчиво:

— По правде говоря, Мерлин — персона такого уровня, что «придворный маг» — должность чисто номинальная. Никакой он не

придворный, он сам по себе. Если Мерлину взбредёт в голову, он покинет Эрмитанию в ту же секунду и никто его не остановит. По какой-то причине двадцать лет назад он отозвался на призыв отца и согласился меня учить. Но «любимый ученик»? Вряд ли. Скорей всего, ему показалось, что я смогу его развлечь. У него, видишь ли, проблема с развлечениями, как у любого человека, живущего лишнюю тысячу лет. А мысль о том, что у Мерлина есть привязанности, всегда вызывала у меня сомнения.

— Жёстко ты про своего учителя, — прокомментировала я его откровения.

Кайлеан пожал плечами.

— Да нет, я не критикую. Мерлину я обязан многим. Но он такой, какой есть, и лучше не заблуждаться. — Отпив из бокала, он продолжил. — Привязанности Мерлина под вопросом, однако чувство симпатии ему знакомо. Надеюсь, что я и ты это чувство у него вызываем. Но только надеюсь. Данимира, не играй в игры с Мерлином... потому что игрушкой в этой игре будешь ты.

— Упаси бог, — искренне отозвалась я. — На самом деле речь идёт о маленькой консультации.

— Ага. Значит, признаёшь, что интересовалась Мерлином не просто так?

— Признаю. Но консультация пустяковая. Маленькая женская тайна. Малипусенькая.

— Маленькая женская тайна, для которой требуется консультация тысячелетнего мага? Меня не хочешь спросить?

— Может, и спрошу. Потом.

— Ладно, — неожиданно покладисто согласился Кайлеан. — Потом так потом. У тебя шампанское выдыхается. Пей и идём танцевать.

Подслушивать будет, поняла я.

Из оранжереи мы вернулись в тронный зал. Дорога туда пролегла через другие залы — такие же роскошные, но размером поменьше, и от этого, наверное, поуютнее. Оформлены они были в разных стилях и музыка звучала разная, кое-где очень даже современная. Везде вдоль стен были расставлены столы и имелись небольшие буфеты, где страждущие могли утолить голод и жажду. Некоторые уже страдали и утоляли вовсю.

— Тебе нравится? Можем потом вернуться, — сказал Кайлеан. — Мне говорили, тут где-то должен быть настоящий ночной клуб, копия нью-йоркского «Съело». А сейчас надо побыть какое-то время в главном зале. Это наша обязанность как хозяев бала.

— Можем вернуться, — согласилась я. — Но вообще мне всё

нравится. Тронный зал — он, конечно, величественный до ужаса и масштабов совершенно нечеловеческих, но что-то в этом есть. Что-то по-настоящему королевское и сказочное. А в ночном клубе я и дома могу побывать. Не в Оленегорске, само собой, и не в Нью-Йорке, но в Петербурге или в Москве... или в Нижнем... можно найти приличные места. У меня подруга в Мурманске учится, она писала, что у них там недавно открыли новый двухэтажный клуб на пять танцполов, в гости звала. Наверное, съезжу как-нибудь на каникулах...

Я нарочито беззаботно щебетала о студенческом будущем, чтобы кое-кто уяснил мою позицию на сей счёт. А то меня уже в хозяйки бала записали. Искоса я поглядывала на Кайлеана, но он оставался благожелательно невозмутим. Как-то чересчур невозмутим. А слушают ли меня вообще? — задалась я вопросом и уже хотела было потребовать от Кайлеана повторить мои последние слова, но тут внимание отвлекла шумная толпа девиц. Меня поразили тот факт, что у всех у них волосы были выкрашены в радикально вишнёвый цвет, а поверх праздничных одеяний были повязаны фартуки. Вишнёвые девушки сгрудились возле одного стола в углу и что-то жаростно обсуждали, кавалеров возле них не наблюдалось. По эмоциональному подъёму сцена сильно напоминала картину Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

— Что за собрание? — удивилась я. — С одеждой у них что-то странное... и волосы...

— А, адепки, — небрежно сказал Кайлеан, взглянув на стол в углу. — Собираются припадать к королевским стопам. Коллективную кляузу сочиняют.

— Зачем?

— На Хима жаловаться будут, само собой.

— Что на этот раз?

— Ну, что-нибудь всегда найдётся. Хим сказал, за время моего отсутствия в Академии сложилась новая традиция. На весеннем или летнем балу адепки припадают к ногам короля-батюшки и жалуются на своего ректора. В этом году что-то там связано с предсказанием Лусс... — Кайлеан еле сдержал зевоту. — Ерунда какая-то...

— Напротив, очень интересно, — оживилась я. — Что за предсказание?

— Ну, вроде как Лусс однажды предсказала, что некто из королевской семьи — имени она не назвала — однажды женится на подавальщице из трактира. И волосы у этой подавальщицы будут вишнёвого цвета. Всем известно, что предсказания Луссии Ленорман сбываются. Пару лет назад

адептки создали клуб «Милые подавальщицы»... подают соответственно в трактирах... волосы красят...

— А что Хим?

— Не поддержал. Приглашения на клубные встречи игнорирует, трактиры посещает крайне избирательно — только те, где в службе нет подопечных. Словом, шансов никому не даёт. В общем, все старания напрасны. Девушки считают, что так нечестно.

Я озадачилась.

— А как же они собираются озвучить королю свои требования? Нечестно, что принц ни на ком из них не женится? Звучит как-то не убедительно.

Кайлеан усмехнулся.

— Разведка донесла, что лидирует грамотный тезис «Ректор должен участвовать в общественной жизни вверенного ему учебного заведения». А ректор уклоняется. Стало быть, не исполняет служебные обязанности.

— Действительно, безобразие какое! Тут пахнет выговором с занесением! — развеселилась я. — Однако, какая охота идёт! Слушай, давно хотела спросить, как твой брат вообще в ректоры угодил?

— Хим требовал от отца, чтоб тот ему какое-нибудь серьёзное дело поручил. Семейное честолюбие и всё такое. Думал, ему доверят провинцию какую-нибудь. А отец ему Академию предложил. На пробу. Сказал, что если Химериан с этим справится, то потом справится с чем угодно. Хим сначала с изменившимся лицом к пруду бежал — топиться. Но потом взял себя в руки, отступать было уже поздно.

— О-о-о... Семейное честолюбие... страшная штука... — многозначительно сказала я. — Далеко может завести.

— Куда ж Карагиллейнам без него, — отозвался Кайлеан безмятежно.

...Небо над тронным залом изогнулось в форме купола и звёздные водовороты причудливо освещали затемнённое пространство, придавая ему вид гигантской фантастической пещеры с самоцветами. Здесь по-прежнему было многолюдно. Звучала музыка, в центре зала двигались в ритме танца десятки пар. Остальная публика разбилась на группы — кружки по интересам, так сказать. Основным интересом, похоже, являлась королевская семья, — близ тронного подиума образовалась приличная толпа.

Признаться, я полагала, что первым делом нам предстоит вновь общаться с кайлеановыми родственниками, поэтому подсобралась и привела дух в боевую готовность. Этот экзамен нужно было сдать любой ценой. Однако едва мы вошли, к нам с приветствиями устремились

молодые люди в мундирах лесников. Кайлеан остановился и вскоре у нас образовался свой кружок. Друзья Кайлеана глядели на меня ласково, осыпали комплиментами... оказавшись в лучах дружеского внимания, я чуть ли не мурлыкала вслух.

Мне удалось запомнить как зовут каждого из представленных, это пригодилось, когда посыпались приглашения потанцевать: после танца я благодарила каждого, называя кавалера по имени.

Кайлеан Георгиевич держался молодцом — танцы с другими позволял, громы и молнии не метал, никого не испепелял, хотя каждый раз, когда меня уводили прочь, со стороны Его Высочества приходила ощутимая эмоциональная волна в стиле «они забрали мою прелес-с-сть!».

— Отважные люди твои друзья, — посмеиваясь, сказала я, когда меня в очередной раз вернули Кайлеану. — Ничто их не пугает. Даже ты.

— Вряд ли можно испугать того, кто каждый день сталкивается с опасностью.

— Неужели в лесу водится кто-то опасней тебя? — продолжала веселиться я.

— Таких немного, — надменно сказал Кайлеан Георгиевич. — Но обитатели леса берут количеством.

— А ты, стало быть, качеством?

— Разумеется, — ещё надменнее отвечал он. — Ну, хватит баловства. Надеюсь, ты насладились всеобщим вниманием, но с этого момента будешь танцевать только со мной.

— С радостью, — согласилась я. Потом взглянула поверх его плеча и увидела, что толпа за спиной Кайлеана переместилась, образовав прямой просвет. На том конце просвета у колонны стоял магистр Мерлин и смотрел прямо на меня. Он приподнял бокал в знак приветствия, моё сердце ёкнуло, я пролепетала:

— Погоди... Я... я сейчас...

Кайлеан обернулся.

Я опередила его на секунду, быстро пробормотав:

— Не ходи за мной. Скоро вернусь. — И спешно отошла, чтоб избежать препирательств.

...Кайлеан сверлил мою спину мрачным взглядом, а магистр поджидал с таким видом, будто у нас определённо назначено свидание. Когда я подошла, Мерлин выхватил из воздуха бокал шампанского и протянул со словами:

— Рад видеть вас, Данимира Андреевна.

Я поблагодарила в некотором замешательстве — в голове уже

немножко шумело, а разговор предстоял непростой. В то же время отказываться было неудобно — вдруг Мерлин, которому придётся пить в одиночестве, подумает, что я его не уважаю. Бокал я приняла, но решила пригубить из него чисто символически.

— Тоже рада видеть вас, магистр, — я широко улыбнулась, надеясь, что именно такую улыбку называют «ослепительной». — Тем более, мы встретились по такому прекрасному поводу — бал в честь благополучного возвращения домой вашего воспитанника.

Сегодня магистр был облачён во фрачную пару, но не перестал походить на знаменитого поэта. Только в нашу первую встречу домашний вид Мерлина навевал мысль о том, что не стоит выходить из комнаты, а теперь он будто бы приготовился получать Нобелевскую премию.

— Поговаривают, это событие не могло бы состояться без вашей помощи. — Голубые глаза за стёклами очков прищурились.

— Пустое, дорогой магистр, — с интонациями светской львицы произнесла я. — Его Высочество справился с выпавшими на его долю испытаниями с честью и самостоятельно. Не сомневаюсь, ваши уроки стали в том неоценимым подспорьем.

Магистр неопределённо хмыкнул.

— Ну да, ну да... Кайл — способный мальчуган...

Наступило молчание, плавно перерастающее в неловкое молчание. Надо было приступать к делу, но я не знала с чего начать.

Я откашлялась.

— Чудесная погода стоит. Хорошо, что дождя нет... Э-э-э... Ну, в смысле, зал без крыши... и всё такое...

— Как же без крыши... никак нельзя без крыши... А погода... да, чудесная...

— А у нас тоже на праздники облака разгоняют...

— Неужели? С помощью магии? — Мерлин был серьёзен, но казалось, светская беседа о погоде его забавляет.

— С помощью химии. С самолёта что-то сеют... кажется...

Как же я не любила просить у незнакомцев! Как там у классика? «Сами предложат и сами всё дадут»? Если бы. Тут скорее подходила другая фраза, не менее знаменитая — «никто не даст нам избавленья»... и что-то там про «своею собственной рукой»... Мозолистой рукой... или не мозолистой, нормальной рукой?..

— О чём задумались, Данимира Андреевна?

Я решилась и выпалила:

— О жизни, дорогой магистр! Неловко обращаться с просьбой в такой

праздничной обстановке... вам, наверное, развлекаться хочется, а я тут со своими проблемами... но по некоторым причинам прошу уделить мне внимание именно сейчас. Мне нужна консультация по одному жизненно важному вопросу.

Магистр удивился.

— Вы хотите поговорить со мной о жизни? А не боитесь, Данимира Андреевна, что у нас могут оказаться разные представления об этом предмете?

— Ничего, я буду иметь это в виду.

— Что ж... Излагайте.

— Вначале... могу ли я рассчитывать, что этот разговор останется между нами?

— Безусловно.

— Э-э-э... я имею в виду — совсем между нами... — Приблизив губы к его уху я многозначительно пробормотала: — Кругом полным-полно способных мальчуганов.

Всё-таки Мерлин действительно был великим волшебником. Он не щёлкал пальцами и вообще обошёл без пассов и прочих телодвижений. Но действительность вокруг начала меняться. Исчез бальный зал, исчезли аркады и звёздные водовороты. Я очутилась на вершине пологого холма, вокруг простирались пасторальные поля, вдали паслись белые овечки. Полуденное небо было невинно-голубым, солнышко мягко пригревало и веял лёгкий ветерок. Колонна, возле которой мы стояли, преобразилась в огромное дерево со светлой, седого оттенка корой. Судя по листьям, это был ясень, очень старый ясень. Между толстыми корнями струился ручей, в листве промелькнул и исчез какой-то рыжий зверёк. Наверное, белка.

Где-то за горизонтом прокатились глухие раскаты грома... а может, это было чьё-то гневное рычание... Кого-то лишили информации.

Сам Мерлин, кстати, тоже исчез. Вместо него появился огромный змей толщиной в три бревна, свившийся кольцом вокруг ясеня.

Я почувствовала настоящую необходимость прислониться к дереву.

Кора была гладкая, шелковистая.

Текучим движением змей переместился и массивная треугольная голова появилась прямо передо мной.

Наверное, тут стоило упасть в глубокий обморок — змей я всегда боялась, но на плоской морде пресмыкающегося красовались знакомые очки в золотой оправе — на этой голове они казались игрушечными. Сюрреалистическая деталь не дала инстинктивному страху перерасти в

полновесную панику. Это Мерлин, сказала я себе. Ему скучно, он развлекается как может.

Змей потянулся хвостом к ветвям, затем преподнёс мне золотисто-жёлтый плод, обвитый кончиком хвоста.

— Яблочко?

Символизм этой ситуации мне не понравился. Я наивно похлопала глазами и яблочко не взяла.

— Какое ж с ясеня яблочко?

— Ваша правда, Данимира Андреевна, — усмехнулся змей и вместо яблока возникла белая роза — с нежными лепестками в капельках росы.

Я подумала, но никаких тёмных историй про розу с ясеня не припомнила, поэтому подношение приняла и воткнула цветок в причёску, заложив его за ухо.

— Присядем? — предложил Мерлин.

Оглядевшись, я не увидела ничего похожего на сиденье. Никто и не подумал наколдовать табуреточку по-быстрому.

— Земля здесь тёплая, — сообщил змей.

— Надеюсь, что не только земля тёплая, но и трава не пачкается, — с намёком сказала я и села, прислонившись спиной к стволу ясеня. Потом поставила свой бокал на землю, расстегнула ремешки, скинула туфли и вытянула ноги. Это было прекрасно и земля действительно была тёплой. Знакомое ощущение посетило меня: почудилось, будто я в чёрной степи и впереди у меня километры порванных нитей...

Чешуйчатое кольцо зашевелилось и вдруг змей с удовлетворённым вздохом уложил свою тяжеленную голову мне на колени.

Раздался шипящий выдох:

— Хорош-ш-о-о-о...

Я содрогнулась, но поняла, что надо терпеть.

— Снимите с меня очки — ужасно надоели — и рассказывайте.

— Я решила к вам обратиться, потому что вы — лучший. Вы — легенда, — начала я с неприкрытой лести. — Про вас даже книжки пишут.

— Видел я эти книжки, — скучным голосом отозвался змей. — Если писателю нужен могучий маг — так сразу вынь да подай ему Мерлина. Мерлин то, Мерлин сё... Абсолютно все. Ничего своего придумать не могут, ленивцы.

— Сейчас просто постмодернизм в моде, — сказала я. — Не расстраивайтесь, это издержки славы. Про вас обычно хорошее пишут.

Змей приподнял голову, глянул на меня одним глазом и хмыкнул.

— Ну-с, так что там у вас?

Печально вздохнув, я повинулась:

— Нарушение магической клятвы.

— Ай-яй-яй, Данимира Андреевна, как же так? Неужто вы не знали, что даром такое не проходит? Расплата может настичь в самый неожиданный момент... и, поверьте моему опыту, этот момент всегда неподходящий.

Я опять печально вздохнула.

— Даже толком не уверена, существует ли тот, кому я дала клятву. Но мне ответили... кажется. Во всяком случае, то, о чём я просила, исполнилось.

Я рассказала о том, как глупо попала в ловушку ковена, о нападении и побеге, о смертельном страхе, овладевшем мной, и об опрометчивом обещании на Тучковом мосту.

— Может, это была галлюцинация на нервной почве? — с робкой надеждой предположила я. — Может, и не было под мостом пришельца из другого измерения? И вообще никого нет?

— Даже если под мостом никого не было, то теперь есть. Пламенная клятва вполне способна породить нечто... назовём это существо Кредитором. Но вы уверены, что нарушили слово?

— Уверена.

Набрав побольше воздуха, я приготовилась признаться Мерлину, что вопреки обещанию полюбила его ученика, принца Кайлеана, но змей произнёс небрежно:

— Впрочем, тут всё элементарно. Пусть кто-нибудь другой отдаст то, что вы получили на мосту, и долг будет аннулирован, клятва утратит силу. Да, имейте в виду, имеется обязательное условие — всё должно произойти на том же самом месте, где прозвучали слова обещания. Но такая сообразительная девушка как вы легко справится с этим пустяком. Видите, ваша проблема решается просто, не благодарите.

Я уставилась на плоскую чешуйчатую макушку сизого цвета. А что я получила на мосту?

— А что я получила на мосту?.. — повторила я вслух. — Погодите... но ведь... Жизнь?.. Вы имеете в виду, что кто-то должен отдать за меня свою жизнь?

— Логично же. Зуб за зуб, око за око, баш на баш, шило на мыло, чижа на ежа...

Внезапно я поймала себя на желании опрокинуть бокал с шампанским на голову знатока лингвистики, чтобы он замолчал.

— Магистр!.. — резко оборвала я синонимическое излияние.

— Дорогой магистр.

— Что? Ах, да, конечно... дорогой магистр, это абсолютно неприемлемое решение.

— Отчего ж? — удивился он. — Оно самое рациональное, следовательно, лучшее. Ну, хорошо, вот вам ещё один способ, старинный и очень надёжный: когда родится ваш первенец...

— Исключено. Первенца даже не упоминайте, — отрезала я. (Никакого первенца даже не предвиделось, но я уже была готова защищать его как тигрица.)

— Тогда отдайте Кредитору то, что появилось у вас дома, но о чём вы ещё не знаете. Тут надо соблюсти порядок — сначала обговариваете сделку, потом узнаете, что должны отдать.

Я подумала, нахмурилась и воскликнула:

— О, нет! Ладно, если папа машину новую купил или мама холодильник поменяла. А если я вернусь домой и, скажем, обнаружу там счастливо нашедшуюся тётю из Саратова? Или братика или сестричку? У меня родители ещё молодые, всё может быть. Тем более, в сказках обычно новорожденный и есть то самое неизвестное. Согласна плести рубашки из крапивы в полночь на кладбище, или складывать слово «вечность» из льдин, готова ступать каждый день как по лезвию бритвы... или онеметь навсегда в конце концов... но искупление должно касаться только меня. Иначе оно бессмысленно.

— На вас не угодишь, Данимира Андреевна, — пробурчал змей. — Я предлагаю простые элегантные решения, а вы капризничаете.

— Потому что ваши решения... они какие-то... нечеловеческие...

— Давно уже не чувствую себя человеком.

Змеиная голова убралась с моих колен, длинное тело скользнуло и свилось в кольцо. Гигантский змей возвышался надо мной, он покачивался, то заслоняя, то открывая солнце.

Я приложила руку козырьком к бровям, защищая глаза.

— Неправда. Не наговаривайте на себя. Конечно, живёте вы давно, наверняка многое приелось, однако вы не ушли жить-поживать в какую-нибудь нору рядом с какими-нибудь жужелицами. С жужелицами вам не интересно, вас люди занимают. Магистр, миленький, ну вспомните ещё какой-нибудь способ снять мою вину!

— «Миленький магистр»... о, Митра...

Зловещее пресмыкающееся осыпалось сверкающей пылью и исчезло, Мерлин вернул себе облик импозантного пожилого джентльмена во фрачной паре. Он положил руки на пояс, наклонился пару раз влево, потом

вправо, поворачивал головой, разминая шею, потом ворчливо сказал:

— Ну вот, теперь позвоночник в норме. Я, знаете ли, уже не юноша, змеиную форму принимаю не ради забавы. Впрочем, вам пока не понять. Кстати, о юношах... Кайлу вы признались?

Я надела туфли, застегнула ремешки, встала и протянула Мерлину его очки. Никому я не признавалась, да и вам тоже имени не называла, промелькнуло у меня в голове. Конечно, догадаться нетрудно, но вообще-то над некоторыми обстоятельствами нашей с Кайлеаном истории я порой размышляла в недоумении.

— А как это так получилось, что ваша помощница Мелисса оказалась в нужном месте в нужный момент?

— Кстати, — Мерлин, сощурился, смотрел вдаль, будто подсчитывал овечек, пасшихся вдали, — крапива на кладбище у вас ещё будет. Помните, её надо рвать голыми руками. Только тогда ваши усилия увенчаются успехом.

Он сбил меня с толку.

— Какая крапива? На каком кладбище?

— Всему своё время, Данимира Андреевна, всему своё время... Касаемо вашего положения... мог бы предложить ещё с десяток способов... но они вам тоже не понравятся. Ступайте-ка на Тучков мост и договаривайтесь сами. Никому бы не посоветовал, но что-то мне подсказывает, что у вас может получиться. Почешете Кредитора за ушком, назовёте «миленьким», — тут Мерлин отчётливо хихикнул: — Воображаю эту картину... глядишь — и простится ваша вина...

— Вы что-то знаете, — осенило меня. — Мелисса оказалась в том дворе не просто так!

— Всё, что происходит, происходит не просто так, — подмигнул Мерлин. — А как же иначе? Это и есть главный закон жизни, о которой вы хотели поговорить.

Небо над лугами потемнело, пейзаж подёрнулся рябью, трава под ногами сменилась мрамором. Я вновь оказалась в бальном зале. Меня окружали незнакомые люди, Мерлин исчез.

Сейчас найду Кайлеана и спрошу наконец, не считает ли он странным счастливое возникновение Мелиссы у «кармана бога», подумала я, но не успела сделать ни шагу, как от колонны отделилась тёмная тень.

— Добрый вечер, Светлейшая, — вкрадчиво произнёс голос Химериана.

На нём был длинный чёрный камзол из парчи с искрой, на груди пенилось чёрное кружевное жабо, заколотое у горловины чёрным

бриллиантом в оправе из платины. Он поднял руку, чтобы отвести от лица прядь волос — на длинных смуглых пальцах сверкнули перстни. Любой выглядел бы в этом чёрном сверкании опереточным персонажем, только не Химериан. Князем тьмы он выглядел, Люцифером, падшим ангелом.

Несчастные адептки, посочувствовала я. Их ректору следует ходить с бумажным пакетом на голове... хотя и это, скорее всего, не помогло бы, Химериан излучал притягательность от макушки до пяток. Это чувствовала даже я, влюблённая в его брата. Уж не была ли мать Химериана суккубом?

Оглянувшись по сторонам, я нигде не увидела Кайлеана и вообще ни одного знакомого лица. Причём никто даже не посмотрел в мою сторону, скорее всего, Химериан наложил на нас отвод глаз. Я предполагала, для чего это было сделано: братец Хим собирался заложить братца Кайла, и не желал, чтобы ему мешали.

Иуда он, а не Люцифер.

Я улыбнулась и произнесла беззаботно:

— Добрый вечер, Ваше Высочество. Погода стоит хорошая, да?

— Н-нда... неплохая... — с некоторой заминкой ответил Химериан. Наверное воображал, что я тут же ринусь допрашивать его насчёт «Светлейшей».

— А у нас на праздники тоже облака разгоняют. С самолёта, при помощи химии.

Он глядел на меня с любопытством, я продолжала светски улыбаться:

— Химия — это такая магия, в которой как нигде используются фундаментальные принципы мироздания. Чрезвычайно распространёна в моём родном измерении.

— Я знаю, что такое химия.

— А самолёт — это такая железная птица, которая...

— Я летал на самолёте... Светлейшая.

— Да? И как вам? — проявила я живой интерес. — Иногда страшновато бывает, не правда ли?

Он не ответил.

Ладно. Всё равно сеанса с разоблачениями не избежать. Пусть Химериан меня подготовит.

— Я так понимаю, самолёты — не ваша страсть. Желаете просветить меня насчёт титула «Светлейшая»? Ну что ж, излагайте, я вся внимание. Только не долго, мы с Кайлеаном... с Его Высочеством принцем Кайлеаном хотели потанцевать.

— Я лучше покажу. — Он протянул мне руку.

И тут я дала слаbinу. Конечно, надо было без колебаний принять

приглашение, показав, что сам чёрт мне не брат. Но я помедлила, показав, что не так уж уверена в себе.

Химериан проявил наблюдательность и, усмехаясь, сказал:

— Смелее, леди Данимира... верну вас в целости и сохранности. — И прибавил с той же усмешкой. — Даже если вам не захочется возвращаться.

Он перенёс меня в Карагиллейновскую библиотеку, в хранилище, где мне ещё не доводилось бывать. От щелчка Химериана зажёгся свет, он отразился в стеклянных полках, на которых покоились сотни видеокристаллов.

— Здесь хранятся официальные хроники за последние годы. Визиты, приёмы, тому подобное. Хочу показать кое-что... трёхлетней давности.

Сердце моё заныло. Я догадывалась, что предстоит увидеть.

...Кристалл ожил, скромное библиотечное помещение преобразилось в богато украшенный зал. Одну его сторону занимала широкая беломраморная лестница, похожая на ту, по которой мы пришли на бал, тронный подиум как обычно разместился у противоположной стены. Я сразу увидела возле трона Кайлеана и двинулась в ту сторону как зачарованная.

Химериан шёл следом.

...Три года назад Кайлеан был другим — кристалл запечатлел совсем молодого человека, он мог бы быть студентом. Я вдруг поняла, что Кайлеану, возможно, меньше лет, чем я полагала. Наверное, меня вводили в заблуждение уверенные манеры, сила, желание принимать решение за других... а это было просто королевское воспитание? На его лице было странное для светского раута выражение — эдакая мрачная решимость посетителя зубоврачебного кабинета. Не хочется, но надо. Мне захотелось погладить его по щеке, чтобы согнать эту мрачность... я знала, что проекцию потрогать нельзя, но всё равно протянула руку...

— Не туда смотрите, — резко сказал Химериан. В его голосе проскользнуло раздражение.

Я обернулась, он кивнул в сторону лестницы.

Верх лестницы скрывался в темноте, и теперь из этой темноты выступила сияющая женская фигура в белом. Она спускалась и тьма следовала за ней как плащ, клубилась, пытаясь вновь укутать, но сияние, исходившее от женщины, не давало тьме приблизиться.

— Понимаете, почему «Светлейшая»? Лестница королей выявляет атрибуты рода. Способность разгонять магическую тьму присуща только тем, в ком течёт королевская кровь Аннмории. Только они имеют право на титул Светлейших.

— Это Илгалея? — спросила я, глядя как моя мать в лучистом ореоле света неторопливо спускается в зал.

— Да. Её первый визит в Эрмитанию. Последние двадцать лет Аннмория — изолированная страна. Илгалея, при всей красоте, порядочный социопат. Вашему принцу удалось сделать невозможное — выманить улитку из её раковины. Ну так что, узнаете?

Я сделала усилие и ровным голосом произнесла:

— Может быть. Но при чём здесь я? Признаю, мы с Илгалеей похожи. Но ведь всем известно, что где-то по свету гуляют наши двойники.

— Вы не похожи на двойников. Вы похожи на мать и дочь. Официально у королевы Аннмории нет детей, однако во время её визита в Эрмитанию по приказанию моего отца главный придворный чтец аур изучил ауру Илгалей. Вон он стоит, — Химериан кивнул на неприметного мужчину средних лет, выглядывающего из-за колонны неподалёку. Тот, наморщив лоб, то и дело кидал на Илгалею сосредоточенные взгляды и, что-то бормоча, чёркал в блокноте. — Так вот, чтец обнаружил едва различимый знак, указывающий на то, что потомок у неё всё-таки имеется. Знак стёртый, потому что дитя было отлучено от матери сразу же после рождения, но он есть. Возможно, потеря ребёнка стала причиной нелюбимости королевы.

— Уверяю вас, здесь имеет место быть всеобщее заблуждение. Это просто случайное сходство. Игра случая.

Химериан засмеялся.

— Тогда вам нужно увидеть ещё кое-что. — Он сделал шаг к стеллажу. — Хорошо, что запись уже здесь.

— Подождите.

...Илгалея прошла совсем близко.

Знакомые зелёные глаза... взгляд настороженный, нервно сжатые губы...

Я впилась в её лицо взглядом и через секунду незаметно перевела дух. Нет, это была не мама. Я не могла объяснить свою уверенность, но знала точно: эта женщина — копия моей матери, но не она. Я посмотрела, как Илгалея поднимается на подиум, как обменивается любезностями с Георгианом и Еленой... когда она подошла к Кайлеану, он, бесстрастно улыбнувшись, склонился и поцеловал ей руку. Я отвернулась. Не могла я смотреть, как Кайлеан на полном серьёзе собирался жениться на выходе к морю, вдвое старше него.

— Хватит! Ненавижу эти игры престолов. Давайте дальше. Какие гадости у вас ещё припасены?

Я не поворачивалась к подиуму, пока одна призрачная картина не сменилась другой. Но она оказалась ещё поразительней.

...Мы с Кайлеаном, смеясь и переговариваясь, шествовали по лестнице королей, спускаясь в бальный зал. У Кайлеана под ногами мрамор трескался и обугливался, и подземное пламя вырывалось из каменных трещин. А я... мрак сгустился с моей стороны, но я испускала сияние не хуже Илгалеи и тьма не смела ко мне приближаться.

— Но ведь ничего этого не было! — вырвалось у меня. — Мы просто шли — спускались по обычной, нормальной лестнице! Ступени не трескались! Огня не было! И я не светилась как собака Баскервилей!

— Атрибуты рода наблюдаются только со стороны. Лестница королей создана для подтверждения родства с правящими домами. И мой брат провёл вас по этой лестнице на виду у всех. Ваше происхождение — доказанный факт, смиритесь...Светлейшая.

Я долго молчала, наблюдая за нашим шествием. Не замечала, что так часто улыбаюсь... наверное, кажусь окружающим дурочкой.

— А Карагиллейны?

— Мы меняем дороги, по которым идём.

Да уж. Там, где прошёл Кайлеан, живого места не осталось.

— Мы могли прийти на бал другим путём?

— Конечно.

— Он провёл меня по Аллее предков... или как там... по аллее со статуями... это что-то значит?

— Даже так? Кайл не только собрался на вас жениться. Он собрался сделать это срочно. По Аллее королей проводят невест или женихов, когда дело уже решённое.

— Это мы ещё посмотрим, — сказала я сквозь зубы. — Но ведь у Аннмории уже есть королева. Королева по происхождению, она ведь тоже прошла по лестнице.

— Её можно заменить. Если есть кем.

— Заменить? Каким же образом?

— Способов много. Откупные. Шантаж. Война.

Я уставилась на Химериана.

— Война? Кайлеан может развязать войну ради трона?

— От вашего имени, разумеется. Потому что Совет Конфедерации не вмешивается в конфликты крови. Считается, что это частное династическое дело. Вы — главный козырь Кайлеана в борьбе за собственное королевство. А вы думали, он клюнул на ваши ясные глазки и стройные ножки? Не спорю, глазки и ножки хороши. Но они лишь будут приятным бонусом к

трону.

Не знаю, как мне удалось остаться спокойной.

— Неправда. Кайлеан не будет удерживать меня силой. Он обещал, что как только будет готов переход в моё измерение, он поможет мне вернуться домой. Буквально через пару месяцев. И скоро мои родители будут знать, где я. Кайлеан послал человека, чтобы рассказать маме и папе, где я сейчас.

Химериан смотрел на меня, насмешливо приподняв брови.

— Послал своего человека? Не проще было бы связаться с ними по Интернету? Или вы из сельской глуши?

— Да, я из сельской глуши. Но у нас есть Интернет. Это у вас нет.

Его брови приподнялись ещё выше.

— Как же нет, когда Кайл сам изобрёл интернетник? — Встретив мой непонимающий взгляд, он помахал в воздухе, изображая нечто раскидистое. — Ну, такая антенна для связи между мирами, подключает к вашему Интернету.

Это был удар под дых и тут же последовал другой.

— И он сказал, что переход надо готовить месяцами? Это с его-то возможностями? Леди Данимира, вас могли отправить домой на следующий же день после прибытия в Эрмитанию. И тогда же, разумеется, вы могли связаться с родителями. Разве Кайл не показывал свой офис в подвале Башни? Там установлен самый мощный интернетник во всём королевстве. Да и, пожалуй, во всей Конфедерации.

После долгого молчания я спросила:

— Зачем вы мне это рассказали? Вам какой прок?

— Да просто жалко стало, — сказал Химериан и фальшивая нота прозвучала так отчётливо, что все почившие музыканты мира, должно быть, перевернулись в гробу. — Он обманщик, а вы глаз с него не сводите. Я помогу вам добраться до дома. Но нужно начинать действовать прямо сейчас, завтра может быть уже поздно. Доказательства вашего происхождения видели все, у Кайла развязаны руки. Вот что я предлагаю: мы возвращаемся на бал, там я оставлю вас ненадолго: надо будет объяснить отцу причину моего ухода... не истинную причину, но что-то приемлемое. Затем мы покинем дворец.

— Кайлеан, наверное, уже беспокоится, — бесцветным голосом сказала я.

— Нет. Я применил одно средство... праздничную полночь ведь так приятно продлить...

Он протянул руку, она показалась мне горячей, потому что собственные пальцы были ледяными.

Мы перенеслись обратно на бал.

Химериан усадил меня в помещении, больше похожем на обычное кафе, — столы, разделённые перегородками, барная стойка с обилием разноцветных бутылок позади, небольшая эстрада с оркестриком, певица интимно мурлыкала в микрофон «Девушку с Ипанемы».

— Только не уходите никуда, иначе заблудитесь. Без навыков здесь не сориентироваться.

Я послушно кивнула.

Жестом он подозвал официантку.

— Закажите себе что-нибудь.

— Мороженое, — автоматически сказала я. — Какое-нибудь.

— И не беспокойтесь, искать вас не станут. Сейчас никто в замке не ощущает времени. Это не продлится долго, но я успею.

Он ушёл.

Я с трудом дождалась, пока вернётся официантка. Когда она поставила передо мной высокую вазочку с разноцветными шариками, я вскочила и схватила её за руку.

— Где тут кухня?

Она только хлопала глазами.

— Отведи меня на кухню, — повелительным голосом приказала я. — Прямо сейчас. Немедленно.

Я совершенно не ориентировалась в бальном лабиринте, но кухонные помещения по логике должны располагаться неподалёку от заднего хозяйственного двора. Там находился единственный выход из замка, который я знала. Оттуда я смогу добраться до Башни и узнать наконец правду.

...Официантка всё-таки сообразила, что я не шучу, но двинулась в сторону кухни замедленно, то и дело поглядывая на меня, будто желая убедиться, что происходящее ей не снится. Глаза у неё были какие-то нехорошие, мутные. Мне вдруг пришло в голову, что такая заторможенность — следствие заклинания, наложенного Химерианом. Похоже, чары не только влияли на чувство времени, но и затуманивали рассудок.

— Пойдём быстрее... — взмолилась я, но тут официантка и вовсе остановилась. Она наморщила лоб, пытаясь собраться с мыслями.

— А зачем нам на кухню?

Её попытки логически осмыслить происходящее надо было пресечь на корню... и вообще следовало форсировать события.

— Пожар! — выкрикнула я бедной девушке прямо в ухо. — Беги на кухню! Там вода!

Она подпрыгнула и помчалась как вспугнутая лань, на своих каблуках я едва за ней поспевала.

В таком темпе мы быстро добрались до кухни. Едва мы ворвались туда, официантка схватила ближайшую кастрюлю и ринулась к мойке набирать воду. Повара один за другим бросали работу и таращились на нас с неадекватным любопытством. Они тоже попали под чары.

Наученная горьким опытом, я не стала задавать вопросы и объявила громогласно:

— Прибыл королевский деликатес — килька в томате! Ведите на задний двор, должна проследить лично! И поживее, килька завянет!

Перспектива увядания королевской кильки встревожила всех. Повара загомонили и затыкали пальцами в сторону дальней двери. Я бросилась туда, толпа в белых колпаках последовала за мной.

Не представляю, сколько времени занял бы спуск по серпантину в бальных туфлях и что от них осталось бы в конце пути, но на моё счастье у дверей замка стоял фургон, обычный старенький фордик-минивэн. Шофёр выгружал из фургона коробки, на которых было оттиснуто изображение бананов. Растолкав всех, к коробкам направился крупный упитанный мужчина с седыми закрученными усами — по виду типичный главный повар. Наверное, шеф желал первым узреть новый деликатес. Он рывком оторвал картонную крышку и уставился на бананы.

— Килька завяла! — вскричала я. — Смотрите, как пожелтела! — По толпе прокатилось волнение, послышались сдавленные рыдания. — Сейчас же за новой партией! — Подскочив к шофёру, я приказала: — В город, срочно, вопрос жизни и смерти!

Коробка выпала из его рук, кивнув, он послушно сел за руль, я запрыгнула в кабину. И вот уже наш фордик катил по серпантину вниз.

Возможно, садиться в машину, которой управлял зачарованный водитель, было не слишком благоразумно, но выбирать не приходилось. Я открыла окно и выглянула наружу. Когда в строю деревьев появлялись просветы, можно было разглядеть тёмный длинный силуэт на фоне полуночного неба — Башня Кайлеана возвышалась над Эрминаром. Там я вскоре узнаю свою судьбу, потому что если Химериан говорил правду, участь моя окажется незавидной.

Не прошло и пяти минут, как мы благополучно спустились вниз, но у подножия дорога повернула в сторону от Башни.

— Стойте! Мне не туда!

Шофёр остановил машину, однако на все призывы доставить меня к Башне, испуганно тряс головой и мычал что-то невразумительное. Боже мой, простой народ его боится, с горечью подумала я про Кайлеана и поняла, что дальше мне предстоит идти пешком.

Я прикинула расстояние — оно казалось не таким уж большим, медлить я не стала — времени было в обрез. Крикнув «Спасибо!», я спрыгнула на землю. Ожерелье зацепилось за ручку двери и нити порвались, шарики со стуком посыпались на землю. Это был настоящий жемчуг, очень красивый, но что было горевать — вскоре я могла потерять гораздо больше. Сорвав с шеи остатки ожерелья, я побежала обратно к развилке, где, как я помнила, находился спуск в город.

Когда мы с Кайлеаном гуляли по городу, он рассказывал, что старые кварталы населяют в основном маги, причём большинство семей происходит от отцов-основателей Эрминара. Здесь проживала элита. Неудивительно, что улицы были пусты, местные жители веселились на балу.

Возможно сейчас, находясь под чарами, они веселились вдвойне...

...Я спешила по мостовой, поглядывая на Башню, и в пустынной тишине звук моих шагов звучал чётко, как щелчки кастаньет. Иногда мне начинало казаться, что кто-то бежит рядом, но я понимала, что это просто стук каблуков отражается от стен. В ту нашу единственную прогулку я восхищалась живописными улочками, их прихотливыми изгибами, поворотами, внезапными спусками и подъёмами. Отсутствие логики в

планировке города меня приятно забавляло. Тогда мне это даже нравилось. Теперь же, вынужденно сворачивая в сторону от цели, я в отчаянии восклицала вслух: «Нет, ну кто ж так строит-то?!».

В очередной раз свернув, пробежав по ступеням вниз, затем поднявшись наверх и ещё раз повернув, я выскочила из-за угла, взглянула вдаль и обмерла: Башня исчезла, со стороны горной гряды шла пелена тумана.

Я взглянула на небо — его заволокло низкими чернильными тучами.

Магического зарева над замком больше не было. Вокруг потемнело настолько, что если бы не фонари, улицы объяла бы крошечная тьма.

Мне показалось, что и фонари светят тусклее.

Что-то ненормальное было в этом внезапном ненастье...

Это Кайлеан, почему-то решила я. Он что-то почуял и пытается сбросить магические путы.

Или Химериан обнаружил, что я сбежала.

Мне вдруг припомнился побег из Малого переулочка и страшные глаза Мортена, шарящие по закоулочкам Петроградской стороны... в панике я заметалась и побежала в ту сторону, где, как мне казалось, находилась Башня. Направление я потеряла сразу же, но продолжала нестись сломя голову. И, как назло, никого, чтобы спросить дорогу!

Я выскочила на освещённое место и наконец увидела человека.

Он стоял в центре перекрёстка — темнокожий старик с седой курчавой бородкой, в гавайке с пальмами и в шортах-бермудах, в потрёпанной соломенной шляпе, надвинутой на глаза; у его ног сидел тощий пёс, похожий на шакала. Старик попыхивал трубкой и опирался на трость. Трость явно была самодельной, потому что по большому счёту это был просто сук дерева, кривой и плохо ошкуренный.

Вид у него был какой-то... нездешний, пляжно-тропический, но это был первый человек, у которого можно было спросить дорогу.

Я бросилась к нему и, запыхавшись, сказала:

— Здравствуйте, дедушка! Не подскажите случайно, в какой стороне Башня принца Кайлеана?

Старик сдвинул шляпу. Белки его глаз были испещрены красноватыми прожилками, но мутным этот взгляд было никак не назвать. Он вынул из рта трубку и произнёс:

— Что дашь мне за путь, кошечка?

Раньше я бы, не задумываясь, ответила — «Всё, что угодно», но теперь... я отпрянула и развела руками:

— У меня ничего нет.

— Дай мне что-нибудь, чтобы я порадовал сердце Эрзули.

Эрзули? Я скосила глаза на собаку, та равнодушно изучала камни мостовой и на имя никак не среагировала.

Старик подметил мой взгляд и сердито сказал:

— Жене моей, Эрзули, дай что-нибудь!

Я машинально поднесла руку к шее. Ожерелье порвалось... Подвязка с маком? К чему старушке Эрзули одинокая подвязка для чулка? Кольцо? Оно не моё, дорогую вещь надо вернуть в королевскую сокровищницу, нам чужого не надо. Платье или туфли? Бред. Я впала в замешательство и вдруг вспомнила. Я спешно вынула из волос розу Мерлина. Она была всё так же хороша и ничуть не увяла. Даже капли росы нетронутые блестели на её лепестках.

— Вот, возьмите эту розу. Думаю, она не увянет никогда — её сотворил великий волшебник.

Старик прикрыл веки, вдохнул аромат и опустил розу в плетёную торбу на боку. С довольным видом он прокомментировал презент так:

— Я отдам прекрасный цветок прекрасной Эрзули, и она подарит мне свою любовь. Эрзули будет ласкать и нежить меня до утра, и горы в эту ночь будут сотрясаться, и моря выйдут из берегов...

Однако... я приподняла брови. Завидная уверенность.

— Вы только не надорвитесь, дедушка, — осторожно предупредила я. — В вашем возрасте напрягаться вредно. А теперь... не подскажите ли, как пройти к Башне принца Кайлеана?

Станный дедок хохотнул, принялся шарить в своей торбе и вытащил оттуда теннисный мяч. Войлок, изрядно замусоленный, был уже не жёлтым, а серым.

— Поиграешь с моей собакой? — спросил он, протягивая мяч.

Пёс встрепнулся и взглянул на меня с надеждой.

— Конечно, — кротко сказала я и протянула руку за мячом. — Только недолго. Извините, я тороплюсь. Очень.

Старик ловко убрал мяч:

— Другой лапкой, кошечка.

Он хотел, чтобы я взяла мяч рукой, на которой была повязана красная нить?

Я быстро поменяла руку и на этот раз получила мяч.

Собака вскочила с места и вильнула хвостом.

— Кидай, — сказал старик.

— Куда?

— Куда сердце подскажет.

Моё разбитое сердце молчало, поэтому я просто бросила мячик перед собой, пёс бросился вслед. Мяч докатился до угла ближайшего дома и остановился, но когда собака приблизилась и попыталась схватить его, проворно укатил за угол.

— Следуй за ними, — велел старик и я бросилась вдогонку. Перед тем как завернуть за угол, я оглянулась, и увидала, что вслед мне смотрят трое. Рядом с хозяином собаки появилась высокая фигуристая красавица в пёстром платье, она держала в руках мою розу, и странный тип в щёгольском фраке и цилиндре. Мне показалось, его лицо было раскрашено белым гримом под череп. Тип приподнял свой цилиндр, в ответ я нерешительно помахала и побежала догонять мяч.

Туман застилал мостовую, но катившийся мяч рассекал дымчатую пелену как корабль рассекает воды. Собака с азартом суежилась рядом, пытаясь ухватить беглеца за бочок, я спешила следом. Нарушая законы гравитации, мяч бодро прыгал вверх по ступеням и, не изменяя скорости, скатывался вниз. Вообще, двигался он на редкость целеустремлённо... пока собака наконец не поймала мяч — прямо у каменной ограды, которая опоясывала подножие Башни.

Туман растаял, будто не бывало. Небо прояснилось, выглянули звёзды и луна засияла необыкновенно ярко.

Ни одно окно в Башне не светилось и это меня обрадовало — Кайлеана там не было.

Я оглянулась, но ни собаки, ни мяча не увидела.

— Спасибо! — громко сказала я и двинулась вдоль ограды.

Вскоре обнаружились кованые ворота, обмотанные толстой ржавой цепью, цепь запирали здоровенный амбарный замок, тоже ржавый. За решёткой буйствовала непроходимая чаща из засохших деревьев и кустов, она надёжно преграждала доступ внутрь. Голые острые сучья сплетались в непреодолимую преграду, их обвивали побеги с шипами. Очевидно, нога человека не ступала тут лет сто.

Схватившись за прутья решётки, я стала трясти её, смутно надеясь на красную нить. У меня не было времени искать другой вход, да и что-то подсказывало — нет никакого другого входа. В гости к Его Высочеству пешком никто не ходит. Внезапно цепи ожили, заскользили по решётке как змеи и упали к моим ногам.

Я ухватилась за прутья и потянула на себя.

Нехотя, с душераздирающим скрипом, тяжёлая створка ворот приоткрылась.

Вначале в образовавшуюся щель я просунула руку с нитью — на

пробу. Сучья и ветви зашуршали, стремительно расплетаясь и образуя пустое пространство. Тогда я протиснулась сама и смело направилась напрямик в чашу, продолжая держать руку перед собой. Ни один страшный шип не коснулся моей кожи, совершенно невредимая я добралась до входной двери и вошла в Башню.

Здесь, на первом этаже, мне ещё не приходилось бывать, но дверь лифта оказалась прямо перед входом. Осматриваться я не стала, без раздумий вызвала лифт и спустилась в подвал.

Там было темно. Подражая Кайлеану, я щёлкнула пальцами над головой, и для верности подкрепила традиционной магической формулой:

— Да будет свет!

Свет действительно появился — тусклый и подрагивающий, впрочем, для моих целей этого было достаточно.

Я бросилась к двери офиса. Но не успела открыть заветную дверь, как услышала протяжный стон. Стон, полный боли и муки, доносился откуда-то сбоку. Мурашки пробежали по спине, я застыла на месте.

Стон повторился.

Вытянув шею, на цыпочках я пошла на этот звук. Он доносился из-за неприметной деревянной двери неподалёку от офиса. Замирая от жуткого предчувствия, я толкнула дверь и она отворилась.

...Всё помещение было пронизано энергетической паутиной. Светящиеся нити крепились к полу, стенам, потолку. Сходились они в центре, где в воздухе висел, прочно опутанный ими, распятый человек. Вот что довело Кайлеана до магического истощения за день до бала! Я-то думала, он выплеснул энергию где-то... в лесу, может быть... сражаясь со зловредными тварями... а он потратил её всю тут, в подвале нашего дома, запеленав несчастного так прочно, что он не мог двинуть ни рукой, ни ногой... И в то время как я вертелась перед зеркалом в бальном наряде, здесь мучился, может быть, даже погибал человек?

Голова пленника была опущена на грудь, спутанные рыжевато-каштановые волосы закрывали лицо. Должно быть, от страха мой рассудок пошатнулся, потому что на какую-то долю секунды я вообразила, что это отец... потом, что это — Мортен. Но тут он поднял голову, уставился на меня большими карими глазами, и я поняла, что рыжеватый оттенок волос ввёл меня в заблуждение, — ничего общего ни с отцом, ни с Мортеном. Этого человека я раньше никогда не видела.

Он был молод, но очень измучен, его лицо показалось мне симпатичным и добрым.

— Принцесса Кайла... — прохрипел незнакомец и вдруг слабо

улыбнулся. — Красивая...

Я осознала как нелепо выгляжу — в сверкающем бальном платье, с волосами, взбитыми в летящее облако...

— Я сейчас... я позову кого-нибудь на помощь... — забормотала я растерянно. — Я не позволю ему вас мучить... Господи, я даже представить не могла... Держитесь, я помогу вам. Кто вы, как вас зовут?

Незнакомец перестал улыбаться и вслушивался в мой лепет — как мне показалось — с каким-то недоумением.

— Я Макс... — успел сказать он, перед тем как снова впасть в забытье.

Я не разбиралась в колдовстве такого уровня. Я только видела, что энергетическая конструкция напоминает сейд, магию, которой владела моя мать, и понимала, что нельзя самой рвать энергетическую паутину, пронизывающую тело несчастного, это могло его убить. Кто же такой Макс и за что Кайлеан так поступил с ним? И кого я могла позвать на помощь в моём положении?

— Я вернусь, — пообещала я узнику, хотя он не мог меня слышать, и бросилась вон из камеры.

...Интерьер офиса был лаконичен — пара стульев, пара стеллажей с папками и книгами, расположенных на противоположных стенах, большой рабочий стол, стоявший по диагонали в углу, в другом углу холодильник. Впрочем, даже если бы тут хранились музейные редкости, я не обратила бы на них внимания, потому что сразу увидела интернетник.

Странная антенна с разветвлениями раскинулась над рабочим столом Кайлеана. Её основание выросло прямо из корпуса моноблока и сооружение действительно, как и описывал Хим, напоминало не то оленьи рога, не то экзотическое деревце.

Я села за стол и включила компьютер. Подбирать пароль не потребовалось — защита была основана на биометрии и система сразу опознала меня как свою.

Кайлеан пользовался неизвестной почтовой программой, но все «почтовики» несложны.

Я торопливо вбила адрес отца; путаясь в латинице, набрала короткое сообщение.

Всё-таки заменила «папочка, спаси меня» на «папа, заberi меня отсюда».

Трижды отправила письмо отцу и трижды маме.

Для верности надо было отправить сообщения через социальные сети. Вдруг мама зайдёт на какую-нибудь из своих страниц раньше, чем в почту. Чем скорее родители увидят мои послания, тем больше у меня шансов

выпутаться из этой истории.

С трудом вспомнив пароль, я залогинилась в «Контакте» и быстро просмотрела сообщения с недоумёнными вопросами по поводу моего отсутствия.

Сообщений от мамы не было. Вообще ни одного.

Я насторожилась.

Тогда я зашла на мамину страницу в «Контакте» и увидела такое, от чего волосы зашевелились у меня на голове.

«Последний раз Лара была в сети...»

И дата.

Последний раз мама посещала свою страницу в день, предшествующий моему дню рождения. Тому дню рождения.

Мамы не было в сети больше года!

Может быть, она забыла пароль, забросила эту страницу, завела новую?

В других сетях дата последнего посещения стояла та же.

Может, мама занялась моими поисками и потеряла интерес к виртуальной общественной жизни?

Я торопливо нашла сайт, посвящённый сейду. Мама вела там семинар, консультируя менее опытных коллег-ведьм, и относилась к этой деятельности очень ответственно, считая её своей миссией. Её ученицами были, в основном, ведьмы из провинции, из маленьких городков и сёл, из отдалённых уголков нашей страны. Мама опекала тех, кто не имел возможности ездить на очные семинары, и никак не могла их бросить безо всякого объяснения.

Но и здесь она отсутствовала больше года, исчезнув без видимых причин.

Сама не зная зачем, я нажала на звёздочку «избранного» и приоткрыла рот: последними в списке были все мамины страницы. Кайлеан собирал информацию о моей матери и давным-давно был осведомлён о её подозрительном отсутствии в Сети.

Я таращилась на экран компьютера и мысли мои разбегались как испуганные зайцы.

Что-то случилось.

Я вдруг вспомнила кривую ухмылку Мортена, когда я грозила ему местью отца. «Это вряд ли», — сказал он, будто что-то знал.

Что мне теперь делать, я не знала, и, когда в офис ворвался Кайлеан, продолжала сидеть за столом в полной прострации. С какой-то отстранённостью я отметила его вид: глаза горят, лицо искажено гневом, на

висках вздулись тёмные вены, будто в его жилах текла чёрная кровь. И корону он где-то оставил.

Кайлеан накренился, упершись в столешницу кулаками, и прорычал:

— Как ты сюда попала?

Некоторое время я сидела неподвижно, потом очнулась, вскочила и тоже подалась вперёд.

— Нет, это я тебя спрашиваю, — зашипела я, поворачивая к нему монитор с маминой страницей. — Это что такое?

— Как ты вошла в систему? — продолжал рычать он.

Стыдно, но дальше мы принялись кричать, перебивая и не особенно прислушиваясь друг к другу... а я, кажется, даже топала ногами.

— Я-то отвечу — как! Но ты мне вначале скажи — это что такое? — Я пальцем тыкала то в монитор, то в антенну. — Это что такое?! Интернетник? Он у тебя не просто есть! Ты! Его! Изобрёл!

— Зачем ты с бала удрала?

— Машины страницы у тебя в «Избранном»! А сам говорил, что Интернета нет!

— Тебе Мерлин помог?

— Кто угодно мне помог, только не ты. Ты только врал, врал, врал! Немедленно отправляй меня домой! Немедленно! Не хочу здесь больше оставаться! И тебя больше видеть не хочу!

Кайлеан внезапно замолчал и отодвинулся. Его желваки так и ходили туда-сюда, ноздри раздувались. Было видно, как он пытается обуздать эмоции. Красные угли в его глазах то вспыхивали, то гасли.

— Сядь! — Он взял стул и сел по другую сторону стола. — И успокойся.

— Не надо мне указывать, — огрызнулась я и села, демонстративно сложив руки на груди.

Мы тяжело дышали и молча буравили друг друга мрачными взглядами.

— Ты в очередной раз удивила меня, Данимира, — произнёс наконец уже ровным голосом Кайлеан. Его сжатая в кулак ладонь разжалась, по столу рассыпался жемчуг из моего порванного ожерелья.

Таким же ровным голосом я отвечала:

— По части умения удивлять ты вне конкуренции. Впереди планеты всей. — Я стала собирать жемчужины по одной и аккуратно складывать в органайзер. — Ну что, Кайлеан Георгиевич... карты на стол? Информация в обмен на информацию.

Он вновь смерил меня долгим взглядом, явно что-то обдумывая.

— Там нет места, — холодно сказала я.

— Где?

— На моих ушах. Ты же прикидываешь, не поместится ли там ещё немного лапши? Нет, не поместится.

Он шевельнул плечом.

— Лапша, уши... не понимаю... — Он встал, прошёл к небольшому холодильнику в угу, достал оттуда бутылку с водой и стакан. Налил в стакан воды и поставил передо мной. Потом вздохнул, как-то скривился и нехотя сказал: — Хорошо, что ты хочешь узнать?

— Что с моими родителями? С ними всё в порядке?

— Вероятней всего — нет, не в порядке.

Моё сердце ухнуло вниз.

— С чего ты так решил?

— С того, что я отправил человека на твою родину, в посёлок, где ты живёшь. Ему надо было просто покрутиться вокруг, понаблюдать, оценить обстановку, заметить какие-нибудь отклонения в магическом фоне... в общем, предоставить данные, по которым я смог бы определить степень опасности, угрожающей тебе. Мой человек исчез. Он больше не выходит на связь.

— Он мог исчезнуть по другим причинам. Видишь ли... я живу в другом Оленегорске... не в том, который на карте... у нас чужак не может покрутиться просто так.

— Твой отец — Шергин Андрей Сергеевич, директор Оленегорского Опытного завода, приписанного к Имперскому Министерству обороны. Завод расположен в закрытой зоне магического Гольфстрима. Это учитывалось. И тот человек был одним из двух. В твоём Оленегорске, Данимира, сгинуло двое моих людей.

— Я хочу домой.

Кайлеан впери́л в меня тяжёлый взгляд.

— А ты понимаешь, что, возможно, тебе некуда возвращаться?

— Я всё равно хочу домой. Мне надо узнать, что там происходит. Теперь... что с моим происхождением? Насколько понимаю, дело в моей матери?

Он задумался, потом поднялся.

— Пойдём. Тебе надо кое-что услышать.

И тут я вспомнила.

— Стой! За что ты пытаешь того парня?

Он изумился:

— Кого я пытаю?

— Не ври мне, я его видела! Здесь, рядом, подвешенного, всего в паутине!

Недоумение в его глазах сменилось пониманием.

— А-а-а... так я у тебя пыточных дел мастер...

— Да уж не ангел с крыльями. — И мстительно добавила: — Ради своих целей ты на что угодно пойдёшь.

Он хмуро бросил:

— Идём. — И вышел, не оборачиваясь.

Я последовала за ним, что мне ещё оставалось...

Идти было недалеко. Кайлеан привёл меня как раз к двери той камеры, где висел распятый человек по имени Макс. Он кивнул на дверь и сказал:

— Показывай, как ты это делаешь.

Надоели враньё, недомолвки и увёртки. Я шагнула и без лишних слов приложила руку с нитью к чёрному камню, врезанному в дерево.

Дверь послушно отворилась.

По расширившимся на мгновение глазам Кайлеана я поняла, что лёгкость, с которой была снята его защита, произвела на него впечатление. Но неужели он думал, что я блесну виртуозными пассажами и изощренными заклинаниями?

Когда мы вошли, узник приподнял голову, его взгляд не сразу, но сфокусировался на Кайлеане и улыбка вновь появилась на измождённом лице.

— Кайл, дружище, — хрипло проговорил Макс, — ты вовремя. Ещё немного — и я чокнусь в твоём треклятом гамаке. Дай хоть чуть-чуть постоять на твёрдом полу.

— Максик, — с ласковой насмешливостью отвечал Кайлеан, — да ведь ты родился чокнутым, так что никакой треклятый гамак тебе не повредит. Впрочем, хочешь познать прелести жизни простолюдина — давай, вперёд, заземляйся.

Облегчение хлынуло в мою душу: он не мучил этого человека, тут было что-то другое. Наверное, я не была создана для больших страстей, потому что чувство облегчения смешалось с тревогой за судьбу родителей, эмоции перепутались и слёзы вдруг покатались по щекам.

Я отвернулась.

— Эй, твоё девушка плачет? — спросил Макс.

— Что случилось? — встревожился Кайлеан. — Данимира, что с тобой?

— Ты не мучитель... — сдавленно пробормотала я.

Кайлеан моргнул.

— Ты плачешь, потому что я не мучитель? А тебе хотелось, чтоб я им был?

— Нет. Я радуюсь тому, что ты обычный обманщик.

— И на том спасибо... — пробормотал он и пальцами стер мои слёзы, затем вернулся к паутине и принялся менять её рисунок. Какие-то нити он подтянул, какие-то ослабил, в результате его манипуляций Макс смог принять сидячее положение.

— Вот оно, счастье-то... — сообщил порозовевший Макс. Он потянулся, скрестил ноги на восточный манер и теперь напоминал статую Будды, парящую в воздухе в ореоле силовых линий. — Никогда не думал, что так обрадуюсь возможности просто посидеть.

— Данимира, позволь представить тебе моего лучшего друга Максимилиана Иниго. Наша дружба началась наилучшим образом — с детской драки. Вообрази, кто-то осмелился полезть на меня с кулаками! Представляешь моё изумление — обычно-то все в обморок падали, стоило лишь мне бровью повести. Разумеется, был впечатлён. Решил, что эдакая безбашенность дорогого стоит... и не ошибся. Не мог познакомить вас раньше — Макс отправился на разведку в тот же день, как я вернулся. Надо было найти объяснение твоему необыкновенному сходству с правительницей Илгалеей. Нужные сведения он добыл... и даже сверх того... однако Илгалея рьяно оберегает свой секрет. Перед самым возвращением на Макса напали, ему удалось вырваться, но вернулся он из Аннмории в состоянии полного магического истощения. Уровень истощения приближался к критическому, Максугрозило навеки остаться простолюдином.

— Участь хуже смерти, — подал голос Макс.

Я так не считала, но предпочла промолчать.

— Пришлось создать такой вот восстанавливающий кокон, на него ушла вся моя энергия. Сам был на грани, правда, восстановился удивительно быстро. Надеюсь, в скором времени и Макс поправится.

— Ты послал лучшего друга на такое опасное дело?

Кайлеан переглянулся с Максом. На их физиономиях появилось одинаковое снисходительное выражение.

— Дань, мы — мужчины. Угроза — не повод сидеть дома. Надо будет, и на опасное дело отправлюсь я сам. — Он многозначительно взглянул на меня. — Тебе лучше привыкнуть к этой мысли заранее.

Да, он был прав. Да, мужчины есть мужчины. Но опять у него был этот собственнический командирский тон. «Даня должна привыкнуть к тому, Даня должна смириться с этим...» Похоже, Кайлеан Георгиевич воображал,

что уже прощён, и дело в шляпе: соседнее королевство у него в кармане, а я сижу у окошка в короне и кружевном пеньюаре и поджидаю его с опасного дела.

Кайлеан тем временем продолжал:

— Послушай Макса, ему есть что рассказать. Твой выход, герой.

Макс завозился, устраиваясь поудобнее, откашлялся и начал задушевым голосом:

— Давным-давно, в одной далёкой галактике....

Я распахнула глаза и приоткрыла рот.

— Шутка, — довольно ухмыльнулся Макс. — Ладно, не в далёкой галактике, а в соседнем королевстве, и не так что бы давным-давно. Лет двадцать назад. Но всё по порядку. Прибыл я, значит, в Гелсинору...

— В столицу Аннмории, — подсказал мне на ухо Кайлеан.

— ... и отправился в турне по местным трактирам. Легенда у меня была такая: будто бы я — сотрудник «Волшебного семечка»...

— Реальная эрмитанская фирма, солидная, очень известная, — снова пояснил Кайлеан, — специализируется на семейной магии. Последняя надежда бездетных пар. С их руководством я договорился, в случае проверки они бы всё подтвердили.

— Да, «Волшебное семечко» знает вся Конфедерация. Фирма старинная, но шагает в ногу с прогрессом, потому меня отрядили для сбора, так сказать, сырья для новых заклинаний. Меня интересовали семейные предания и прочий фольклор. Не гнушался я и слухами, побасенками, анекдотами, а сомневающимся отвечал: когда б вы знали из какого сора можно создать новое заклинание! Я исправно угощал собутыльников, за какие-то сведения щедро платил... словом, эль и байки лились рекой... а что, когда ещё погуляешь за казённый счёт?.. — Макс подмигнул Кайлеану. — Через какое-то время разговор плавно и ненавязчиво сворачивал на королеву Илгалею. А что, родни у прекрасной Илгалеи совсем нет? Не-а, говорят, совсем нет, одна-одинёшенька наша Светлейшая. И наследника нет? Нет, говорят, и тоже от слова «совсем». А чего ж тогда, говорю, славные аннморийцы, ваша королева нашего принца турнула? Чем он ей не угодил? И молод, и пригож, и магически одарён, и королевскому делу сызмальства обучен... ну и пару-тройку наследников трону обеспечил бы играючи... — Тут Макс запнулся, потом, усмехнувшись, произнёс: — У Данимиры выражение лица такое стало... мне продолжать?

— Какое? — с интересом спросил Кайлеан, приподнимая моё лицо за подбородок и поворачивая к себе.

— Будто она лимон съела, — пояснил Макс.

Я строптиво дёрнула головой.

— Нормально у меня всё с лицом. Просто я очень внимательно слушаю. Последнее слово было «играючи». Про то как Его Высочество играючи завалил бы аннморийский трон наследниками.

— Макс. Рассказывай дальше. — Кайлеан понизил голос. — И без «играючи» всяких.

— Так вот. Да-да, помним-помним, говорят славные аннморийцы, было дело. Несколько лет назад приезжал к нам свататься соседский мальчонка... простите, Ваше Высочество, из песни слов не выкинешь, я как фольклорист-профессионал не могу себе этого позволить... Так вот, говорят, все уж думали — дело на мази, породнимся с Эрмитанией, но что-то не срослось. И вовсе не факт, что это наша вашего турнула, может, наоборот, — ваш нашу, уж больно мальчонка смурной был. А больше, говорят, мы его и не видели, впрочем, королева наша красавица и ещё в самом соку, нечего нам насчёт наследников волноваться, всё распрекрасно в нашей Аннмории и за это надо бы ещё выпить. Выпили. Но как я не бился, с какой бы стороны не заходил, все твердили, что дела превосходны, а наследник ещё будет, торопиться некуда и беспокоиться не о чём. Будто я стучался в глухую стену без дверей. Такое поголовное благодушие казалось странным. Всегда ведь находится скептик, идущий поперёк течения. Кто-то же должен был высказаться в том смысле, что королева уже не юная девушка, а часики-то тикают... Но такого не нашлось. И, наверное, от отчаянья, пришёл мне в голову вопрос — возможно ли охмурить всех жителей скопом... целую страну? Сказки, скажете вы? Я и сам думал, что сказки. Но всё же решил осторожно проверить общий магический фон...

Кайлеан буркнул:

— Видимо, недостаточно осторожно.

Макс отмахнулся.

— Не, я в последний день напортачил... а тогда ещё нет. Шарил я, шарил и в конце концов обнаружил это — тоненькую, необычно сплетённую сеть забвения, раскинутую над всей страной. Славная такая сеточка, кто-то аккуратно развесил её над всей Аннморией и закомуфлировал под атмосферную дымку. Если специально не искать, то и не заметишь никогда.

— Да, я и сам ничего такого не почувствовал, когда был здесь с... э-э-э... визитом... — подтвердил Кайлеан.

— Должно быть, в присутствии прекрасной королевы задача скорейшего производства наследников занимала все мысли Вашего

Высочества... — сочувственным голосом предположила я. — Где уж тут заметить...

Кайлеан Георгиевич сделал вид, что ничего не услышал, Макс сдавленно хмыкнул и продолжил.

— Толком изучить заклинание не получилось — по всей сетке были укреплены сторожевые колокольчики.

— Сторожевые колокольчики?

— Такие маленькие дополнительные заклинания, остро реагирующие на чужую магию. Только тронь — и хозяин заклинания мигом примчится узнать, кто это тут такой глазастый. Однако стало ясно, что чары наложены пятнадцать-двадцать лет назад и что их воздействие строго направленное. В противном случае местные жители давно превратились бы в стадо беспамятных идиотов. Но аннморийцы производили впечатление вполне нормальных людей... пока речь не заходила о королевских семейных делах. Это было уже что-то... Следом припомнил я один рассказ... Прозвучал он в самом начале моего пребывания в столице и тогда я не придавал ему особого значения, поскольку копал в другом направлении. Но запомнил, ибо память разведчика — бездонный колодец...

— Если он бездонный, то что туда упало, то пропало, — заметил Кайлеан.

— Это была поэтическая метафора! Не сбивай меня. В общем, сидел я в трактире, окружённый новыми приятелями, и зашла у нас речь о наследственности. И один малый — в изрядном подпитии — упомянул о досадной аномалии, случающейся в его роду. Примерно раз в сто лет рождалась в этой магической семье девочка, полностью лишённая магических способностей. Но к простолюдинам такого ребёнка тоже причислить было нельзя, потому как увечье частично компенсировалось полным иммунитетом к любому виду волшебства. Именно такой особенностью обладала прабабка рассказчика, и поныне проживающая в Гелсиноре, в доме своего правнука.

Кайлеан вдруг взял меня за руку, я не стала вырываться. По всей вероятности сейчас должна была начаться самая важная часть повествования Макса.

— Пораскинул я мозгами да и разыскал того парня. И поведал ему о страстном желании пообщаться с его уникальной прабабкой. Дескать, вижу в её лице кладезь преданий старины глубокой. И весь горю в предвкушении нашей скорой встречи. И плачу наличными. Тот сперва отнекивался — я так понял, про бездарную бабулю было ляпнуто по пьяной лавочке. Но я энергично потряс перед носом нашего козлика капустой и он повёлся... Как

выяснилось, престарелую леди Аврору держали на чердаке — семья позаботилась, чтобы магический мир позабыл о её существовании. Нет, ничего не хочу сказать, чердак сухой, тёплый и чистый... мебель, клозет, все дела... даже прялку ей там поставили для любимого хобби — вязания из собственноручно спрядённой пряжи... но лестница, ведущая на чердак, была так узка и крута, что покинуть своё жилище хрупкая леди уже не могла. Впрочем, такая скрытность оказалась на руку. Проведай королева о существовании человека, которому невозможно запорошить мозги магией... кто знает, на что бы она пошла... Через час нашей занимательной беседы я знал, о чём Илгалея заставила позабыть всю Аннморию.

Я бессознательно сжала пальцы Кайлеана и сказала:

— Близнецы? Илгалея — моя тётя?

— Нет, вы подумайте! — возмутился Макс, — Я тут распинаюсь, а ты уже всё рассказал Данимире?

— Угу... как же, расскажет он... Просто я видела Илгалею — довольно близко, в хронике. Она определённо не моя мать. Но сходство поразительное, издали и правда можно ошибиться. Кем же она ещё может быть? Но каким образом мама, принцесса Адского королевства, стала библиотекарем в Тихой Империи? Леди Аврора рассказала про это?

— О, это занятная история и произошла она как раз двадцать лет назад. Жили-были две сестры, две принцессы, Илария и Илгалея.

Макс пояснил, что рассказ будет весьма подробным, потому что историю, случившуюся двадцать лет назад, леди Аврора узнала от своей старинной подруги, дочь которой в ту пору служила во дворце старшей горничной. Как известно, слуги знают всё, особенно старшие слуги: информация стекается к ним отовсюду — от десятков, а то и сотен незаметных свидетелей.

Поначалу повествование Макса воспринималось мною отстранённо, будто под сводами Башни звучал пересказ какого-то фильма или книги. Я никак не могла осознать тот факт, что речь идёт о ближайшей родне. Даже когда Макс упомянул, что принцессы лишились родителей в юном возрасте, я, обычно сентиментальная сверх меры, ничего не почувствовала. А ведь получалось, что король Джонас и королева Темпл были моими дедушкой и бабушкой! Как выяснилось, королевская чета увлекалась рискованными магическими опытами, в подземелье Гелсинорского замка располагалась великолепно оборудованная алхимическая лаборатория. Одной тёмной ненастной ночью по подземелью прокатился глухой рёв и замок содрогнулся. Наутро перепуганные слуги обнаружили на закопченной стене лаборатории светлые силуэты убегающих мужчины и

женщины, а короля с королевой больше никто никогда не видел.

До совершеннолетия принцесс регентство взвалил на себя первый советник короля, граф Ганнелон. Он проявил себя достойным человеком, став рачительным хозяином для чужого добра. Ганнелон трудился как муравей на благо королевства, однако педагогика не была его коньком. Осиротевшие пятнадцатилетние девочки-близняшки внезапно обрели чрезмерную свободу... по мнению многих не пошедшую им на пользу.

Потерю родителей сёстры переживали по-разному. Принцесса Илгалея, и раньше отличавшаяся замкнутостью и склонностью к учёным занятиям в уединении, стала всё больше и больше времени проводить в лаборатории родителей, а принцесса Илария постепенно превращалась в настоящую дикарку. Её любимым занятием стала бешеная скачка на отцовском чёрном жеребце Неверморе, гигантском и свирепом. Принцесса проносилась по окрестностям как вихрь, распугивая крестьян и вытаптывая их посеvy.

Отстранение наконец покинуло меня. На окраине моего посёлка всегда паслось несколько смирных рабочих лошадок, ребятам позволялось иногда на них кататься, и я могла пустить лошадь в галоп, не свалившись при этом в придорожную канаву... но мама? Изящная, интеллигентная, сдержанная? Она никогда не выказывала склонности к лошадям и скачкам... тем более, к скачкам по чужим огородам...

— Кхм! У принцесс имена похожие. Здесь нет никакой путаницы? Илария носилась на жеребце? Илария вытаптывала посеvy?

— Он ничего не напутал, — шепнул мне на ухо Кайлеан, — дослушай до конца.

...Когда сёстрам было по семнадцать, произошло событие, при других обстоятельствах не оставившее яркого следа в истории королевства. В горах поймали шпиона из Тихой Империи. Он крутился вокруг рудников, где добывались ценные и редкие минералы, используемые в производстве магического оружия. Подобные залежи на территории всей Конфедерации можно было перечесть по пальцам, поэтому добыча и продажа сырья из этих рудников являлась монополией короны. На территории Тихой Империи такие залежи и вовсе отсутствовали, поэтому интерес изначального измерения к аннморийским горам был закономерен.

В самом деле, он восторгался не только выходом к морю, но ценными залежами, с горечью вспомнила я, искоса взглянув на Кайлеана. Да в меня просто невозможно не влюбиться — при таком-то приданом...

...Шпиона — молодого мага — поймали с поличным — при нём обнаружили геологические образцы. При аресте он отбивался так умело и

так отчаянно, что королевская стража окрестила его «рыжим дьяволом».

Я вздрогнула. Кайлеан пожал мои пальцы, как бы говоря: «Держитесь, ценные залежи! Я с вами!»

— Папа не шпион. Папа — геолог и инженер, — с достоинством сказала я. — Если он там оказался, то это ещё ничего не значит. Может, это случайность.

Кайлеан улыбнулся, будто моя наивность его умилила, но ничего не сказал, и Макс продолжил.

...Только благодаря численному преимуществу стражники всё же скрутили чужака и препроводили в камеру с заговорёнными стенами. Спец-темницу для чересчур одарённых и посему особо опасных преступников устроили в отдалённом уголке замковых подземелий, она славилась тем, что из неё ещё никто не убегал. Там «рыжий дьявол» должен был ожидать решения своей участи, потому что граф Ганнелон на тот момент отсутствовал — вёл переговоры в отдалённых королевствах, с которыми собирался заключить выгодное торговое соглашение. О происшествии на рудниках случайно услышала принцесса Илария, которая, не долго размышляя, велела отрубить мерзкому шпиону его мерзкую голову. Чтоб впредь неповадно было. Чтоб каждое измерение знало — Аннмория умеет охранять свои интересы.

Тут я подумала, что, пожалуй, следует тихонечко положить нижнюю челюсть на пол, да так там и оставить, поскольку поднимать её раз за разом, пока длится рассказ Макса, похоже, нет никакого смысла. Мама туманно упоминала о том, что у них с папой были какие-то сложности... Ну, в общем, да, не поспоришь... когда девушка для начала велит отрубить парню голову, такие отношения действительно нельзя назвать простыми.

Если бы маминой сестре не вздумалось учинить допрос, вероятно, я никогда бы не появилась на свет. Но по прихоти судьбы Илгалея в то время как раз увлеклась экспериментами с редкими камнями из собственных рудников. Она предположила, что раз пришелец из другого измерения интересовался этими минералами, он может обладать какими-то полезными знаниями, и поспешила в темницу, пока голова шпиона ещё оставалась у него на плечах.

Свидетелей этой встречи не было, никому не известно, что произошло между принцессой и «рыжим дьяволом». Но, как по большому секрету рассказал одной симпатичной горничной один общительный стражник, в камеру принцесса Илгалея вошла с надменным и холодным видом, а вышла оттуда — спустя длительное время — будто бы озадаченной и с полуулыбкой на лице... и тут же отменила приказ сестры.

А затем стала ежедневно наведываться в темницу и подолгу оставаться наедине с пленником.

Внимательные слуги отметили перемену в поведении юной госпожи. Учёные занятия были заброшены, реторты и пробирки покрылись пылью. Илгалея, слывшая до сих пор настоящим «синим чулком», вдруг заказала целую гору нарядов и перед посещением темницы стала пользоваться услугами придворного куафёра. Взгляд её приобрёл мечтательно-рассеянное выражение, на губах часто появлялась лёгкая улыбка.

Принцесса Илария перемены в сестре не заметила, поскольку предпочитала находиться вне стен замка, возвращаясь лишь для сна и еды. Про имперского шпиона она беспечно позабыла сразу же, как только отдала жестокое приказание. И вспомнила лишь тогда, когда кто-то из придворной челяди нашептал ей, что сестра ежедневно посещает королевскую темницу, где приговорённый шпион пребывает в добром здравии и даже в относительном комфорте.

Илария вспыхнула как спичка и отправилась в темницу, чтобы убедиться в правдивости сведений. Опять же, никому не известно, что там произошло. В камеру принцесса вошла с высоко вздёрнутым подбородком и выпяченной нижней губой, раздражённо постукивая свёрнутым хлыстом по бедру, вышла с ещё более высокомерным видом... держа в руке хлыст со сломанной пополам рукоятью.

Повторный приказ о казни не был отдан.

Спустя несколько дней Илария вновь появилась в темнице... затем пришла ещё раз... и ещё... и вскоре стала навещать молодого узника не реже своей сестры... но в другое время. Чёрный Невермор отныне томился в стойле, изводя конюхов злобным нравом.

Тут Макс прервался и они с Кайлеаном почему-то вопросительно уставились на меня.

Я повела плечом и пробормотала:

— Папа обаятельный. У него харизма. Могучая очень.

— Насчёт могучей харизмы верю, — сказал Макс. — Потому что перед самым возвращением регента Илгалее стало известно о... э-э-э... изменении ауры сестры. — Он многозначительно посмотрел на меня.

— Имеется в виду... э-э-э... одно характерное изменение, — поддакнул Кайлеан.

За кого они меня принимают? Я фыркнула и вернула им многозначительный взгляд.

— Я понимаю, не маленькая. А аура Илгалей?

— Осталась прежней.

Что бы там не происходило, у папы не было серьёзных отношений с принцессой Илгалеей. У меня отлегло от сердца — не хотелось бы узнать, что отец беззастенчиво воспользовался вниманием обеих близняшек.

Любопытство Илгалей разгоралось. Она даже не догадывалась, кто стал первым возлюбленным Иларии, хотя та обычно секретов от сестры не держала. А ведь в королевских семьях Конфедерации бытовало устойчивое поверье, что девственная кровь является своего рода подношением судьбе и служит основой успешного правления царственной четы, поэтому девушки из королевского рода редко вступали в связь до брака. Если Илария переступила через свои принципы и через традицию, значит её чувства и впрямь глубоки...

Кто же тот счастливчик, ради которого принцесса Аннмории пожертвовала столь многим?..

...И вот, однажды ночью Илгалея не смогла заснуть, её мысли всё время возвращались к тайному роману сестры. Тогда она встала, накинула халат и отправилась в покои Иларии, намереваясь вызвать ту на откровенность. Но Иларии там не было и её нетронутая кровать пустовала. Подстрекаемая любопытством, Илгалея принялась расспрашивать личную горничную сестры. Маленькая простолюдинка отвечала уклончиво и при этом нервничала так сильно, что принцесса заподозрила неладное и вопреки правилам хорошего тона прибегнула к магическому воздействию на волю чужой служанки.

Открывшаяся правда ошеломила принцессу. Она спустилась в подземелье и застала сестру в камере рыжего узника. Одежда и волосы обоих были в подозрительном беспорядке, дыхание сбито... догадаться, чем они только что занимались, было не сложно.

Разразился ужасный скандал. Впрочем, «ужасный скандал» — слабое обозначение для выяснения отношений двух магинь из королевского рода. Принцесса Илария сохранила больше благоразумия, ей удалось выманить бушевавшую Илгалею во двор. Возможно, только благодаря этому замок уцелел. Илгалея метала в Иларию заклятия, выкрикивая «Что он в тебе нашёл?», «Я такая же, но умнее!», «Ты нужна ему для одного, с тобой и поговорить не о чём!»... и прочие слова, что неизменно рождаются в уязвлённом женском сердце.

Илария отбивалась молча.

— А папа? — невольно воскликнула я. — Что он делал в это время?

— Он не мог покинуть пределы своей камеры, — ответил Кайлеан. — Чары же остались, а Илария отбивала нападение, ей было не до того.

...Гремел гром, сверкали молнии, башенные шпили скрылись за

тёмными тучами. Откуда ни возьмись налетела стая чёрных птиц, они металась над полем боя, издавая пронзительные крики. Две тоненькие светловолосые девушки, похожие как две капли воды, швыряли друг в друга огненные шары, энергетические сюрикены, метали зелёные лучевые стрелы. Обитатели замка в ужасе следили за смертельным фейерверком, украдкой выглядывая из-за портьер... Битва длилась несколько часов, потом одна фигурка вдруг медленно осела на землю.

Илгалея вложила в свою магию слишком много сил, слишком много чувств...

Илария тоже сразу опустила руки.

Чёрные птицы куда-то подевались, грохот стих и сменился шумом дождя — набухшие тучи разразились ливнем. Илгалея сидела на земле и плакала. Дождевые струи лились по её лицу, смешиваясь со слезами. Илария медленно и осторожно приблизилась, присела рядом на корточки и попыталась обнять сестру, но та отбросила её руку.

Спустя время Иларии всё же удалось поднять Илгалею и увести под крышу. Однако едва они вошли под своды замка, Илгалея снова высвободилась и спокойным будничным голосом сообщила, что имперского лазутчика следует казнить немедленно, не дожидаясь возвращения Ганнелона.

Один из лакеев, притаившийся за колонной и ставший свидетелем этой сцены, рассказывал потом, что вид принцессы Илгалеи был страшен — с длинных волос стекала вода, халат превратился в мокрую грязную тряпку, а лицо походило на маску мертвеца. Она выговаривала слова замедленно, неестественно спокойным голосом.

— Ты была права, надо было сразу казнить его, — сказала принцесса. — Прости, что помешала тогда. Теперь я прослежу, чтоб всё случилось быстро.

Следует отметить, что замедленность речи Илгалеи Макс передал превосходно, поскольку и его язык начал заплетаться.

И вот на этой драматической ноте он вовсе замолчал, глядя куда-то мимо нас.

— О-о-о, Максик, пора тебе баиньки, — безапелляционно произнёс Кайлеан.

— Я ещё не всё, — с усилием пробормотал Макс. — Не надо...

— Надо, Максик, надо, — сказал Кайлеан и после паузы, во время которой Макс мотал головой и вяло бормотал «Не-не-не...», коротко и отчётливо произнёс: — Веретено.

Бедняга вздрогнул, поднял левую руку и, растерянно глядя на неё,

сказал:

— Я палец уколол...

Он обмяк и повалился навзничь, но силовая паутина удержала тело от падения на пол. Кайлеан опять произвёл с нитями некие манипуляции, в результате которых его друг вновь принял вид распятого.

— Без этого никак нельзя? — жалобно спросила я. — Страшно ведь смотреть... Он нас слышит или он спит?

— Слышит, хотя вряд ли понимает отчётливо. В двух словах не объяснить, но быстрее всего восстановление идёт в состоянии полусна-полуяви, именно в таком положении. Нам лучше уйти, чтоб не тревожить Макса. Пойдём в офис, там я доскажу тебе остальное.

Мы вышли и я спросила:

— Что за история с веретеном?

— А, тут просто. Макс вернулся в скверном виде, можно сказать, в бредовом состоянии. Передал все нужные сведения, но продолжал говорить и говорить, приводя ненужные подробности, истощая последние остатки силы. Такое случается, когда человек слишком долго бережёт важную информацию, не имея возможности её передать. Проще говоря, Макса заклинило. Мне нужно было срочно вводить его в транс кодовым словом, а он как раз по третьему кругу принялся хрипеть о том, как помогая леди Авроре с её прялкой, случайно укололся веретеном. Вот я и взял за основу это слово, оно ничуть не хуже других.

Мы остановились у закрытой двери офиса и Кайлеан вновь сделал приглашающий жест. Он не терял надежды самостоятельно дойти до причин моего вольного обращения с его замками. Но как он не сверлил взглядом мою ладонь, разгадка ему не давалась.

Войдя внутрь, я первым делом бросилась к компьютеру и проверила, нет ли ответа на мои отчаянные призывы к родителям.

Ответа не было.

Я села, сумрачно уставившись в пол. Как мог он держать меня в неведении, прекрасно зная, что с родителями что-то случилось! Что произошло там, в моём мире? Вопросы метались в сознании... усилием воли я отодвинула их в сторону. Вначале надо было разобраться с событиями двадцатилетней давности.

— Что было дальше?

Кайлеан пододвинул стул и сел напротив.

— Как понимаешь, казнь «рыжего дьявола» не состоялась, причина лежит на поверхности. Всё просто. Твоя мать выкупила жизнь твоего отца у сестры. Ей было чем заплатить. За его освобождение она отдала Илгалее

самое ценное, что у неё было, и твои родители покинули наше измерение.

Я подняла на него глаза.

— Мама отдала самое ценное?.. И что же это?

Он смотрел на меня пристально и серьёзно. Меня посетило крайне неприятное предчувствие, что всё ещё хуже, чем мне представлялось.

Наконец он произнёс:

— Трон.

Я продолжала мрачно глядеть исподлобья.

— Данимира, твоя мать — старшая. Будучи принцессами сёстры были равны, но после совершеннолетия королевой стала бы Илария. Она истинная королева Аннмории по праву рождения. Ты — дочь старшей дочери, потомок главной линии. У тебя больше прав на корону Аннмории, чем у Илгалей.

— Они близнецы! Какая разница?

— Для Лестницы королей разница есть. Если на Лестнице одновременно окажутся обе сестры, сияние твоей матери будет ярче. Если ты пойдёшь рядом с тёткой, ты тоже засияешь сильнее. Подделывать право первородства невозможно. А давнее коронационное испытание Илгалей прошла успешно, потому что на тот момент в нашем измерении соперниц у неё не было. Иначе Лестница доказала бы, что существует некто, у кого больше прав на трон.

— Как?

Кайлеан пожал плечами.

— Думаю, её свечение стало бы прерывистым или слишком тусклым. Лестница никогда не ошибается, в её создании принимали участие сильнейшие маги со всей Конфедерации. Сейчас в нашем измерении находишься ты. Илгалее не стоит и близко подходить к Лестнице Королей.

С отчаянной надеждой я возразила:

— Но папа — не принц, не граф какой-нибудь, не маркиз... Разве это не имеет значения?

— Имело бы, если б он был бездарным простолюдином. Но твой отец — маг, этого достаточно. А все эти титулы... так, условности... розочки на торте. Главное — магическая сила, она у твоего отца есть.

Да, дурные предчувствия оправдались. Я была о-о-очень большим шансом для безземельного младшего принца... вернее, приложением к большому шансу... Может быть, приятным приложением, но это уже не имело значения... Он с самого начала сделал ставку на моё происхождение. И до большего у нас не дошло, потому что дело было в дурацком поверье... а я-то думала, что он бережёт меня, потому что... впрочем, какая разница,

что я там думала.

Мои горькие размышления прервал голос Кайлеана:

— Теперь о Мортене.

...Ах, да, Мортен... Кем бы не был Мортен, он не спасёт меня от права первородства. Впрочем, он не сын моего отца, хоть тут повезло.

Безразлично — скорее машинально — я спросила:

— Ну, кто он? Сын Илгалеи, мой кузен? Устранял конкурентку на всякий пожарный?

— Понять, кто он, было нелегко. Макс не смог найти ответ на этот вопрос, впрочем, такого поручения я ему не давал. Это дело моего уровня. Я тщательно изучил книгу Бертольда Бромбса... Помнишь книгу с наглым призраком-обжорой? Его ещё развеселило, что мы не знаем, какого призрака проводил Мортен в Библиотеку Карагиллейнов... Именно его веселье натолкнуло меня на одну мысль. Чтобы подтвердить гипотезу, я лично и тайно посетил Аннморию, чтобы поговорить с главным королевским магом. С бывшим главным магом.

Я криво усмехнулась.

— Старичок продал секрет своей королевы принцу другого королевства? Что, обиделся на маленькую пенсию?

Я уж думала, ничто не выведет меня из состояния скорби по утраченным иллюзиям, но Кайлеан ответил так, что мой рот вновь приоткрылся.

— Он не на пенсии. Он умер. Я поднял его из могилы и допросил. Живой он бы мне не ответил. — Кайлеан придвинул стул ещё ближе и взял мои руки в свои. Просто мания у него была какая-то — постоянно до меня дотрагиваться... — Данимира, твой отец тоже заплатил Илгалее.

Я похолодела. Мортен всё-таки сын моего отца?

— Ночь?! — вырвалось у меня. — Илгалея потребовала ночь с моим отцом?

Кайлеан отрицательно покачал головой.

— Насколько я понимаю, твоя мать на это бы не согласилась. До того она защищалась, любя сестру и признавая вину, после подобного требования её чувства могли измениться. Своё она бы защищала до конца. Да и кто знает, пошёл бы на это твой отец?

— Не пошёл бы.

— Илгалея поступила хитрее... хотя с моей точки зрения это была хитрость сумасшедшей. Она потребовала не ночь, — всего несколько минут, но наедине и в своих покоях. Якобы, чтоб попрощаться. У неё был сообщник, честолубивый придворный маг. Илгалея пообещала за помощь

должность Верховного мага и, надо сказать, впоследствии сдержала обещание, — как раз этого сообщника я и поднимал недавно на Гелсинорском кладбище. За короткое время, отпущенное на прощанье, они сумели затуманить разум твоего отца и наполнить его кровью Чашу Крови. Он сам об этом не помнил и твоя мать об этом не узнала — крошечную ранку сразу заживили. Чаша Крови — мистический артефакт аннморийских королей. Из крови двух человек, помещённой в Чашу, можно создать призрак-зародыш, не отличимый от новорожденного младенца. Извлечённый из чаши призрак даже может расти и развиваться как настоящий младенец. Но это будет лишь временная иллюзия, которая всё равно развеется спустя какое-то время.

— О, боже... — проговорила я шёпотом, понимая к чему ведёт Кайлеан.

— Илгалея сотворила Мортена из своей крови и крови твоего отца, и, видимо, нашла какой-то способ поддерживать в нём иллюзорное подобие жизни. Подозреваю, это весьма преступный способ, поскольку Макс в своём отчёте упоминал, что в народе ходит слухок о систематически исчезающих в королевских подземельях людях. Помнишь, как называлась книга Бромбса?

— «Жизнь нежити»...

— Вот именно. Призраком, которого впускал и выпускал Мортен, был он сам. Над ним постоянно висит угроза развоплощения. А в книге Бромбса есть раздел, где собраны описания и схемы разнообразных ритуалов, которые — по утверждению автора — могут помочь призраку обрести настоящую жизнь навсегда. Большинство этих ритуалов основаны на магии родственной крови. Кроме Илгалеи, твоих родителей и тебя, у Мортена больше «родственников» нет. По версии «Жизни нежити» ты подходишь больше всего, потому что ближе к Мортену по возрасту и по статусу — вы с ним дети одного и того же человека. Только ты настоящая, а Мортен... так... ничто... Данимира, это «ничто» отчаянно хочет стать человеком. Тебе угрожает смертельная опасность.

Я хлопала глазами, пытаюсь осмыслить слова Кайлеана, но он не дал мне опомниться.

— Из этого всего следует, что ты не должна покидать Эрмитанию. Здесь тебе будет надёжней всего, — чрезвычайно деловым тоном продолжил Кайлеан, — когда ты выйдешь за меня замуж, вся мощь клана Карагиллейнов станет тебе защитой.

Я стиснула зубы.

Он даже не потрудился облечь своё предложение в приемлемую

форму, полагая меня достаточно запуганной.

Тысяча противоречивых мыслей и чувств смешались и слились в одно короткое слово. Я встала и сказала:

— Нет.

Кайлеан будто бы немного удивился. Он долго молчал, потом тоже встал и осведомился:

— В каком смысле «нет»?

— В глобальном. Я не пойду за тебя замуж и не останусь в Эрмитании. Рудники и выход к морю придётся поискать в другом месте. Верни меня домой, у меня с родителями беда.

Он снова долго молчал, видимо, подбирал верные слова, чтобы максимально точно передать свои мысли на этот счёт... и он их подобрал.

— Ты вздорная и глупая девчонка, и я не позволю тебе погибнуть по собственной глупости.

Судя по двойному упоминанию моих невысоких умственных способностей, Кайлеан был вне себя. Раньше он не позволял себе подобного тона... впрочем, должно быть, раньше он не знал отказов. Он сам говорил, что все в обморок падали, стоило ему бровью повести.

Я понимала, насколько он выбит из колеи непривычным отношением к его пожеланиям, но всё равно разозлилась тоже.

Что ж, раз наши отношения перешли на ту ступень, где люди начинают мериться уровнем IQ, пришла пора Кайлеану Георгиевичу узнать правду о красной нити у меня на запястье. Пусть осознает, что его тяга ко мне искусственного происхождения... и пусть не воображает, что знает всё на свете.

Но не успела я высказать язвительные мысли вслух, как вдруг увидела, как Кайлеан поставил ладони с растопыренными пальцами перед собой. В пространстве, ограниченном ладонями, постепенно сгущалась лиловая дымка.

Он перестал смотреть мне в глаза и в этом мне почудилось недоброе.

— Что ты делаешь?

— Что должен. — Сдвинув брови, Кайлеан продолжал формировать из дымки шар. — Ты останешься здесь.

Я вдруг ясно увидела, что через несколько мгновений превращусь в безвольную куклу. Послушно пойду под венец, послушно заменю на троне Аннмории тётку, послушно проведу первую брачную ночь и все последующие ночи. Буду исправно рожать Его Высочеству... уже Величеству... наследников... и всю жизнь проведу в сладком сиреневом сиропе, не помня своей истинной натуры. А Кайлеан, убедив себя, что

действует во благо, в глубине души будет осознавать несправедность своих поступков. Нечистая совесть не даст ему покоя и, возможно, от душевного разлада он станет для подданных гораздо более жестоким правителем, чем королева Илгалея.

— Знаешь, почему я не приняла помощь со стороны? — Мой голос зазвенел от напряжения. — Знаешь, почему могла уйти, но не ушла? — Движения его рук немного замедлились — он слушал, но по-прежнему не поднимал глаз. — Потому что мне важно понять, кто ты на самом деле и чего стоят твои слова. Все эти поцелуи... приступы страсти... кипящая лава... всё это чепуха... розочки на торте, как ты говоришь. — Лиловая дымка перестала темнеть, Кайлеан замер. — Помнится тогда, в библиотеке, когда все были покорны твоей воле, ты уверял, что меня это не коснётся... а теперь... посмотри на себя! Вот он, момент истины, и я рада, что знаю правду... пусть даже это последняя правда в моей сознательной жизни!

Он не шевельнулся и я продолжила — уже другим тоном.

— Послушай... Мы ведь помогали друг другу — там, в «кармане бога»... и кажется, даже дружили... я ничего не забыла. Ты вытащил меня сначала из тела кошки, потом из той ловушки, куда мы оба угодили... Я, быть может, сделала для тебя меньше, но тоже помогала как могла... Мы были близки, как могут быть близки две одинокие души... Скажи, куда всё ушло?

Кайлеан уставился на меня потемневшими, почти чёрными глазами и не двигался. Я прямо видела двух крошечных персонажей на его плечах. Красная фигурка на левом плече приплясывала, размахивая трезубцем, и советовала: «Возьми её, возьми, возьми, заполучи любой ценой, тебе же хочется эту игрушку! Поступай так, как ты привык!» А некто в белом на другом плече... я просто верила в его присутствие.

Наконец, Кайлеан отмер и, издав нечленораздельное рычание, запустил лиловым шаром в меня — запустил вкось, шар прошёл мимо и разбился о стену позади. Потом он бомбардировал несчастную стену ещё и ещё, при этом рычал и ругался как последний сапожник... как древнеегипетский последний сапожник. Сгустки опасной материи проносились в миллиметре от моей головы, но ни один не задел.

Когда поток ругательств и лиловой дряни иссяк, Кайлеан прошагал туда-сюда по офису, рухнул на стул и указал на стул напротив:

— Данимира, сядь.

Я села, сложив руки на коленях. Поджилки у меня всё ещё тряслись, но гроза, похоже, миновала.

Мы помолчали, глядя друг на друга.

— Спасибо, — тихо произнесла я, — за то, что не лишил меня свободы.

Он ещё помолчал, потом как-то безнадежно махнул рукой:

— Пройденный этап.

Пока я осмысливала его признание, Кайлеан заговорил. Плотину прорвало, ночь невероятных откровений ещё не закончилась.

— Один раз уже пробовал. Тогда, на той убогой кухне. Помнишь, мы поссорились из-за Чудовища?

Я смогла только кивнуть.

— Тогда я прикоснулся к тебе... и вдруг решил: «Да в самом деле, почему бы нет?»... И велел поцеловать меня. Мне захотелось, чтобы ты сделала это сама... первая. Ты подчинилась... не волнуйся, долго это не продлилось. Я сразу ощутил, что тебя так и не получил. Ушло что-то важное, необходимое... меня целовала не ты, а механическая кукла. Я никогда не отступаю от своих решений, а тут оставил эту затею. Хотя хотел подчинить тебя сразу, как только увидел в человеческом обличье.

— Почему?

— А ты как думаешь? Здоровому взрослому мужчине, запертому в тюремной камере, судьба вдруг посылает такой подарок — красивую девушку... к тому же голую... к тому же, так похожую на ту, что я винил в своих бедах... к своим врагам я жалости не знаю. Мне, знаешь ли, было бы весьма удобно иметь в распоряжении послушную и готовую на всё барышню. Это значительно скрасило бы моё заключение. Ты лежала передо мной такая беззащитная, такая соблазнительная... Стоило мне захотеть, и ты никогда не пришла бы в себя и никогда ничего не узнала. Впрочем, я хотел. О, ещё как хотел! Все три дня, пока ты была в беспамятстве, я боролся с собой...

— И что же тебя остановило? — чувствуя, как кривится рот, спросила я.

— Удивительно... твоя сварливая старушонка, ехидная Данимира Андреевна спасла тебя. Вначале она раздражала, потом казалась забавной... в конце концов я признал в ней личность. Что за девчонка скрылась за старухой, гадал я. Мне стало любопытно... и я тебя не тронул. А потом... Потом ты открыла свои удивительные глаза, сказала «Привет», улыбнулась... и что-то со мной произошло...

Он замолчал, вспоминая с болезненной гримасой.

— Так ты поэтому начал шипеть и отчитывать меня как нашкодившую кошку?

Плотина продолжала низвергаться.

— Я был зол. Ты просто улыбнулась, а я будто начал падать с большой высоты и всё никак не мог упасть. Я чуть не рехнулся в этом «кармане бога»! Мы могли выбраться оттуда гораздо быстрее, но у меня половина восстановленной энергии уходила на подавление желания. Я сто раз воображал, как будет славно метнуть лиловый шар и стащить наконец с тебя эти чёртовы клетчатые брючки в обтяжку, в которых ты искушала меня ежедневно...

— Я и не думала... — пролепетала я.

— Конечно, не думала. Ты играла в свои невинные девчонские игры... а я терпел. Только в начале чуть не сорвался, тогда на кухне. Но остановился, потому что захотел чего-то настоящего... того, что происходит между обычными людьми... об этом я ведь только слышал, но сам никогда не испытывал. Желание настоящего подобно стальному канату удерживало меня на краю. Мучило, но удерживало. Ты получила надо мною необъяснимую власть...

Пора, поняла я, набрала побольше воздуха и мрачно сказала:

— Объяснимую.

Кайлеан насторожился, взгляд его сделался внимательным.

— Я виновата перед тобой и должна просить прощения. Давно надо было рассказать, но я боялась.

— А теперь не боишься?

— И теперь побаиваюсь, — призналась я. — Но верю, что ты сильный. Сильный не обижает тех, кто слабее его.

Он усмехнулся:

— С некоторых пор не уверен, что ты слабее.

Я положила на стол руку, потянула за кончик красной нити и шепнула: «Ступай...». Нить помедлила, как бы давая мне время передумать, затем соскользнула с запястья. Как только контакт с кожей был прерван, часть пентаграммы перестала притворяться невинной шерстяной ниточкой. Она засветилась огненно и на стол улеглась в виде замысловатой руны.

Кайлеан уставился на огненный вензель.

— Вот твой стальной канат, — сказала я. — Это часть твоей пентаграммы. Возвращаю. Тебя мучила привязанность ко мне? Больше не будет. Всё закончилось.

Он перевёл взгляд на меня, в его зрачках тлели угли.

— Откуда это у тебя? — спросил он глухим голосом.

— Ты сам мне дал, когда я починила твою пентаграмму.

— Когда ты — что?..

Я вздохнула.

— Я умею чинить твою пентаграмму. Не знаю почему. Всегда умела, с первого дня знакомства. Ещё когда кошкой была. Своим выздоровлением ты действительно обязан мне. Но всё произошло не так, как кажется. Не само собой. Твоя пентаграмма оказалась разорванной в клочья, я несколько месяцев связывала обрывки в единое целое. Во сне.

Я рассказала ему про чёрную степь, про то, как ночами бродила босиком по её тёплой сухой земле, отыскивая красные нити среди ковыля...

— В ту ночь, когда всё было почти готово, я собиралась соединить последний обрывок с восстановленным узором, но в сон пришёл Чудовище, твоё второе «я», и не дал мне этого сделать. Последнюю нить он повязал мне на запястье. Пентаграмма всё равно заработала, но без одного фрагмента. На утро появился ты... очнувшись, в чересчур здравом уме... словом, такой, какой есть. Теперь понимаешь? Замки в Башне принимали меня за свою — они видели часть твоей пентаграммы.

— Чудовище... то есть я... — он поправился с заметным усилием, видно было, что Кайлеану нелегко даётся отождествление с «рогатым недоумком». — Я как-то объяснил свои действия?

— Нет. Ты только сказал, что тебе — тебе нынешнему — эту нить отдавать нельзя ни в коем случае.

Он помолчал, потом усмехнулся:

— А ты всё-таки отдала... непослушная Данимира... Почему?

— Потому что я тоже хочу настоящего. Мне не нужна искусственная привязка. — Я облизала губы и с запинкой добавила: — Твоя тяга... и всё такое... из-за нити на моём запястье. Прости, что не отдала её раньше.

— Нить тут не причём, — резко сказал Кайлеан. — Ничего не изменилось.

Надо было проявить терпение, сказать, что стоит подождать результата, что прошло слишком мало времени... может быть, что-то надо было сделать с этой блудной нитью... провести какой-то ритуал воссоединения... но я вдруг с застывшей улыбкой сказала:

— Рудники и выход к морю остались?

Я увидела как сузились его глаза, а ноздри гневно раздулись.

— Ты поэтому мне отказала? — Его голос стал ещё холоднее.

— Кайлеан... пойми... у меня ведь нет королевства, что бы тебе там не казалось. Я не стану бороться с Илгалеей за власть. Насколько понимаю, мама заключила с сестрой что-то вроде договора отречения, и я не стану вступать в это дело. А ты — будущий король и никем другим быть не сможешь.

— Это единственная причина твоего отказа?

Я испугалась, что сейчас он снова решит, что через эту причину можно легко перешагнуть, и заговорила сумбурно:

— Мне жаль тётю... кажется, её жизнь сложилась не очень хорошо... Вся эта история с призрачным сыном... Тогда Илгалее было меньше, чем мне сейчас... и рядом никого не оказалось. Близких друзей, похоже, не было, с сестрой конфликт интересов, родители умерли... опекун, и тот был в отъезде. Никого, чтобы утешить, остановить, не дать совершить ошибку. Мне кажется, ей поговорить было не с кем. Того типа, что ей помогал, заботила только должность Верховного Мага. Он хладнокровно помог несовершеннолетней девочке в состоянии аффекта совершить фатальную ошибку. А потом, быть может, существование Мортена отбросило тень на всю тётину жизнь и не позволило построить новые отношения...

— Да уж, подозреваю, Мортен — не та ошибка, которую можно просто взять и зачеркнуть. Но Илгалея сама выбрала свой путь — породила призрачного ублюдка, пустышку вместо наследника. След на её ауре не был стёрт, он просто не мог проявиться отчётливо — Мортен не человек.

— Он не пустышка. И не «ничто». Ты его не видел. Да он живее всех живых... И так же, как все, не хочет умирать.

Кайлеан высоко задрал брови.

— Ты его оправдываешь? Напоминаю — он тебя сожрать намеревался. И ему это почти удалось.

— Не оправдываю. Он жуткий. Но... — Я не знала, как выразить свои ощущения, поэтому просто повторила: — Мортен...не «ничто». Мортен живой.

— Лучше бы он на самом деле был живой, — хмуро возразил Кайлеан. — Или мёртвый, что было бы просто превосходно. Однако технически он никогда не жил и никогда не умирал. И в то же время рождён от слияния крови... Я не до конца понимаю свойства его сущности, меня это... м-м-м... беспокоит. Мортен опасен, его будет сложно уничтожить. Но ничего, я это сделаю. А теперь... поведай-ка мне, Данимира, кто мутил воду на балу? Кто наговорил тебе такого, что ты помчалась в Башню?

Я мысленно заметалась. Уйти в глухую «несознанку»? Или рассказать? А как же Пустошь Братской Любви? Но если Химериан собирался пойти против брата, не причинит ли он вреда ему в дальнейшем? Сказать или не сказать?..

Но тут Кайлеан, наклоняясь ближе и заглядывая мне в глаза, предположил:

— Это Арабелла?

Я поморгала от неожиданности:

— Кто?!

— Тогда Леар?

Я снова похлопала глазами:

— Почему Леар?

Кайлеан изучил моё недоумённое лицо и нахмурился:

— Кто тогда?

Скажу, решила я. Хим, конечно, открыл мне глаза на происходящее, но ни за что не поверю, что он это сделал из любви к ближнему. Ну, набьёт Кайлеан Химу физиономию... ну и пусть. На пользу пойдёт.

— Всё, что мне рассказали, я хотела бы услышать от тебя. Но правду мне открыл Химериан. И пожалуйста, помни, что он твой брат.

Кайлеан изумился ещё больше моего.

— Химериан?! Нет, он не мог.

— Очень даже смог.

— Да нет, у Химериана случаются мелкие... э-э-э... закидоны, но вообще он нормальный мужик.

— Не знаю, мелкий это закидон или крупный, но твой нормальный мужик сдал тебя со всеми потрохами. И предложил сбежать с ним прямо с бала. Обещал помочь добраться до дома.

Кайлеан задумался, потом отрицательно покачал головой.

— Нет, Хим не мог.

— Что значит «не мог», если это он и был? Я его своими глазами видела. Как тебя сейчас.

Кайлеан поморщился:

— Почерк не его. Топорная работа. Там временная магия была задействована... она всё-таки требует высшего уровня, а состряпано было так, что половина простолюдинов из obsługi чуть рассудка не лишилась. Хим — высший маг, а для нас без причины простолюдину навредить... как бы тебе объяснить... всё равно что калеку обидеть. Захоти Хим навредить — поизящнее всё обставил бы... Не похоже на него... а нацепить чужую личину не сложно... особенно если не опасаться казни за подделку личности...

— В смысле?

Кайлеан снова поморщился, тема была ему явно неприятна.

— Леар... Слабоват он по части магии... уровень у него средний... Белла тоже не блещет. Если б не её Ирселон...

— Ирселон?

— Родное королевство Арабеллы. Ныне одна из провинций

Эрмитании.

— Оу! Что же там, в этом Ирселоне? Выхода к морю явно нет... теряюсь в догадках!

Кайлеан проигнорировал мой сарказм и продолжил задумчиво:

— Заклинание в замке было выполнено вроде как в ирселонской манере... и как будто плели его сразу два мага... И к простолюдинам у Бэлы с Леаром отношение... попроще...

— Но зачем это Леару? Он же первый в очереди на престол и когда-нибудь получит всё.

— Отец произнёс вслух, что предпочёл бы видеть на престоле Эрмитании меня. Не один раз произнёс. Чисто теоретически, разумеется, и в частных беседах, но приватность в замке вещь относительная. Леар воспринял теории отца негативно. Он у нас немного параноик... впрочем, как и любой из Карагиллейнов. У нас, видишь ли, сложные семейные взаимоотношения.

— Вижу. Сложные взаимоотношения? Это ещё мягко сказано. Но тогда Леару выгодней свершить красивый старинный обряд — засунуть меня в спальный мешок и вручить тебе вместе с соседней Аннморией. А Химериан... или кто там... стремился разлучить нас.

— Аннмория слишком близко. Леар предпочёл бы видеть меня подальше от своих будущих владений. Так что очень сомневаюсь, что ты попала бы домой, согласившись уйти с бала. И не думай на Хима. Мы с ним порываем друг на друга, но не враждуем всерьёз.

Я обдумала новую информацию и сказала:

— Ну, раз так... Ты уверен, что в «карман бога» тебя именно Илгалея отправил?

Он взглянул на меня остро и сказал:

— Я всегда держу в уме альтернативные версии. Рано или поздно я разберусь со всем. — Он вдруг снова взял мои руки в свои. — Мы отвлеклись от главной темы. Ты не ответила мне.

— Это ты про что?

— Это я про то. Даня, почему ты сказала «нет»?

Я скосила глаза — огненный вензель продолжал пылать на столе.

Действительно, будто бы ничего не изменилось. Ему по-прежнему хотелось ко мне прикоснуться, а мне — чувствовать его прикосновения. Может, и правда, нить не при чём... и королевство не при чём?

Робкая надежда шевельнулась в моей душе и тут же я поняла, как устала. Это была самая длинная ночь в моей жизни. Наверное, уже светало. Было чувство, что скелеты, вывалившиеся из всех шкафов, погребли меня

под собой. Сил выяснять отношения не было, поэтому я пробормотала:

— Пока не выясню, что с родителями, ни о чём думать не могу... потом.

Он оживился:

— «Потом» — это же не «нет»?

— Да, это не «нет». Но это твёрдое «потом». Верни меня домой.

— Мы можем отложить официальное торжество, — вкрадчиво промурлыкал он. — Свадьба будет скромной и быстрой.

Я закатила глаза и сказала:

— Кайлеан! Попробуй взглянуть с такой стороны: родители невесты — не чужие люди. Какая свадьба — а вдруг твоя тёща в фашистском плену?!

Он уставился на меня глазами мадагаскарского лемура.

По-моему, мысль о том, что у него будет тёща, потрясла Кайлеана Георгиевича сильнее всех откровений этой ночи. Он даже как-то притих... должно быть, глубоко задумался о коварных превратностях судьбы, подстерегающих адского демона на жизненном пути. Потом очнулся:

— Ты устала, ступай к себе. Я ещё побуду здесь.

— Ты ведь отпустишь меня домой?

Кайлеан сжал губы и после паузы произнёс:

— Ступай. Я извещу тебя о своём решении.

Я поплелась к выходу, но вынуждена была остановиться — дверь не подчинилась.

Я оглянулась.

— Дверь. Она теперь не открывается.

Он сидел, непривычно сгорбившись, глядя на обрывок своей пентаграммы и, казалось, ничего не слышал.

— Что это за знак? — спросила я, чтобы вывести его из оцепенения.

Кайлеан ещё немного посидел в неподвижности, затем, будто придя к какому-то решению, положил руку на стол. Красная нить ожила и змейкой скользнула к хозяину.

Он встал, подошёл и протянул ко мне открытую ладонь. Нить уютно свернулась на ней, вновь изобразив тот же самый загадочный вензель.

Мы оба молчали, наконец Кайлеан вымолвил:

— Это адвинт, древний рунический язык программирования пентаграмм. И это руна «сердце»... Чудовище... то есть я... отдал тебе своё сердце.

Внутри у меня всё сжалось.

— Это же не приворот? Ты же не поэтому...

Он покачал головой:

— Всё свершилось раньше. Чудовище просто констатировал факт. Я называл его глупцом... а глуп был именно я. Дай мне свою руку, Данимира.

Я поняла и возразила:

— Не надо. Мы оба хотим настоящего.

— Когда я рядом с тобой, всё настоящее... всё обретает смысл. Остальное неважно.

Если это было не объяснение в любви, то я не знала, как ещё можно воспринять его слова. В непреодолимом порыве я прильнула к нему и потянулась губами к его губам... он тут же мне ответил.

...Всё было по-прежнему, ничего не изменилось. Нас по-прежнему тянуло друг к другу с неодолимой силой, и мистическая связь была тут не причём. И никакие сокровища в мире не могли породить такие чувства. Несколько раз мы размыкали губы, но только для того, чтобы глотнуть воздуха.

Первым отпрянул Кайлеан.

— Данимира, иди спать. Иначе моё «сейчас» окажется сильнее твоего «потом».

Кто знает, почему он не терял голову, когда её была готова потерять я. Может быть, всё ещё лелеял надежду на совместное царствование, для благополучия которого требовался фундамент на девственной крови...

— Иди, — повторил Кайлеан. — Только сперва дай мне руку.

Я положила руку ему на грудь и, пока он возвращал на моё запястье нить, сбивчиво произнесла:

— Всё так сложно и так запутано, и порою кажется безнадежным... но я хочу быть с тобой! Придумай же что-нибудь!

— Что-нибудь? — он приподнял брови.

— Что-нибудь... Придумай для нас... альтернативный финал.

Он помолчал, потом толчком отворил дверь.

— Постарайся выспаться. Завтра будет трудный день.

Я с испугом и надеждой повторяла в уме его слова. Завтра будет трудный день? Что он имел в виду?

Ответ на этот вопрос я получила поздним утром, когда меня разбудила Дрю, зависшая над постелью.

— Просыпайтесь, леди Данимира, Его Высочество ожидает внизу.

Сквозь задёрнутые шторы бесцеремонно пробивалось солнце и озаряло комнату жизнерадостным разноцветным сиянием.

Я медленно приходила в себя, смутно вспоминая вчерашнее — бал,

мой сумасшедший побег, открытия и признания... возвращение на рассвете, падение замертво в кровать, изгнание любопытствующего Лемюэля Пена в ванную комнату, суету и причитания Дрю, которая почти силой заставила меня подняться и переодеться в ночную сорочку.

Сев в постели, я жалобным голосом простонала:

— Дрю, Лем, всё ужасно, я — принцесса!

— Никто и не сомневался, — отозвался Лем, парящий рядом с Дрю. — И ты, Андреевна, уже рассказала нам как ужасно быть принцессой — раз двадцать перед тем как заснуть...

— ...И ещё десять раз во сне, — подхватила Дрю. — И сейчас всё станет ещё ужаснее. Его Высочество прислал вам очередной наряд, а, может, и драгоценности к нему. Прямо даже не знаю, как вы переживёте такую напасть. Лем, слетай-ка за поворот, леди Данимира одеваться будет.

На одеяло упала голубая коробка, перевязанная серебристой лентой.

— Потом посмотрю, — апатично сказала я и отодвинула коробку.

— Его Высочество велел это обязательно надеть и передал, что если вам не понравится, он будет рад.

Я задумалась, потом переспросила:

— Он будет рад, если мне понравится?

— Не-е, — Дрю энергично помотала головой. — Так и сказал — будет рад, если не понравится.

В недоумении я вскрыла коробку, заглянула внутрь... моё сердце забилося чаще. Я извлекла из коробки чёрные джинсы, такую же куртку, серую хлопковую майку с принтом, изображающим Лондонский мост, и чёрную бейсболку с большим козырьком. На дне коробки обнаружилась упаковка с носками, завёрнутые в тонкую бумагу «конверсы» со звёздочками, солнцезащитные очки в футляре и небольшая сумка из серой замши на длинном ремне.

— Ой, Дрюшечка... — дрожащим голосом сказала я, прижимая к груди джинсы. — Ой... Мне нравится, очень нравится! Мне кажется, я знаю, что это означает...

Дрю подлетела и двумя пальчиками приподняла футболку.

— Чудно. У нас такое только простые люди носят. Порядочная принцесса на такое не позарится.

— Я непорядочная принцесса! — радостно сообщила я, залезая в узкие джинсы. — И я очень даже зарюсь! Потому что принцесса я только формально, по происхождению. А воспитание моё самое что ни на есть рабоче-крестьянское!

Дрю скептически фыркнула, я поправила:

— Ну, ладно, приврала, на самом деле инженерно-библиотечное...

Лем высунулся из-за угла и пояснил:

— Манеры у тебя, Андреевна, не инженерные. И осанка не библиотечная. Ходишь, будто корона на голове... такое не скроешь, это в крови. А скоро корона будет настоящая.

Ничто не могло изгнать надежду из моего сердца.

— Насчёт «скоро» — это ещё бабушка надвое сказала, — ответила я, зашнуровывая кеды. Потом я с удовольствием попрыгала на ковре, проверяя гибкость подошв. — Надеюсь, в ближайшее время я домой отправлюсь. У меня там очень важные дела — поважнее короны.

— Дитё вы ещё, леди Данимира, — снисходительно произнесла Дрю, будто она была по крайней мере вдвое старше меня. — Не вам тут решать.

Я встала перед зеркалом, надела очки, низко опустила козырёк бейсболки и осталась довольна — лица было толком не разглядеть.

— Посмотрим.

Швырнув кепку с очками на кровать, я поспешила к лифту.

Кайлеан ждал меня, стоя на балконе. Слепящее солнце заливало его фигуру и вначале я увидела только стройный тёмный силуэт. Услышав шум закрывающейся двери лифта, он обернулся и шагнул в комнату. Я с восторгом обнаружила, что Кайлеан тоже одет по-походному — джинсы, футболка, кроссовки... всё чёрное. Солнцезащитные очки-авиаторы скрывали его глаза, губы были плотно сжаты, отчего невозмутимое лицо в обрамлении тёмных прядей казалось жёстким и холодным.

Но я всё равно просияла:

— Доброе утро, а может, и день! — Наверное, мою улыбку можно было увидеть со спины. — Во всём чёрном ты похож на Князя Тьмы. А я — на твою верную приспешницу. Простые россияне будут оборачиваться вслед и креститься.

Он снял очки и выражение его лица смягчилось.

— Это только для перехода. В Мадриде у меня дом, там, если хочешь, переоденемся.

Моя улыбка медленно испарилась.

— В Мадриде?! Мы что, отправляемся в Мадрид? Но почему туда? Мне домой надо!

— Сначала туда. Если войдём в твой мир через имперский портал, то после соблюдения ряда формальностей сможем передвигаться вполне легально. Я уже говорил, у нас при императорском дворе что-то вроде дипломатической миссии. Не вполне официально, но мы представляем всю

Конфедерацию, и с присутствием Эрмитании мирятся — нынешний император относительно лоялен. Законность будем соблюдать до определённых пределов, разумеется. Никто не одобрит посещение принцем Эрмитании закрытой магической зоны на Кольском полуострове, но для начала российскую туристическую визу для посещения Москвы и Санкт-Петербурга нам выдадут.

— Мне? В Россию? Туристическую визу? И зачем нам Москва?

— Возвратишься на родину под чужим именем, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов. В Петербурге вернёшь свою личность и на Север отправишься уже как Данимира Шергина.

Он прошёл к письменному столу, что-то достал из ящика. Потом вернулся и положил на стол, накрытый к завтраку, две книжицы.

Сверху лежал российский внутренний паспорт с золотым двуглавым орлом. Я взяла его в руки. Удивительно, Кайлеан точно запомнил всё, что как бы невзначай выпрашивал у меня в «кармане бога». Данные были указаны правильно — ФИО, дата рождения, регистрация в Малом переулке, даже моя физиономия демонстрировала естественную для паспортных фотографий напряжённость — широко распахнутыми глазами я преданно тарасилась в объектив.

— Здорово, прямо как настоящий, — похвалила я неведомых умельцев.

— Распишись. — Он выложил на стол перьевую ручку, отодвинул стул и усадил меня.

Я взяла ручку, но прежде как бы ненароком пролистала страницы до заголовка «семейное положение» — она была чистая. После этого я поставила свою подпись.

На обложке второго паспорта был вытиснен золотой герб в виде щита с короной наверху... опять моргая, я глядела на слова «Malta» и «Passaport».

— Это государство из тех, что официально торгуют гражданством, — пояснил Кайлеан, — его можно получить за инвестиции в экономику страны. Клан Карагиллейнов сделал очень большие инвестиции в экономику Мальты. Давно сделал. Один из предков был мальтийским рыцарем... долгая история, потом расскажу. Словом, в вашем мире я — мальтиец. Поскольку мы будем путешествовать вместе, логично было оформить и тебе такие же документы. Ну и потом это англоязычная страна, удобно... чего не могу сказать о тамошнем левостороннем движении.

Я открыла паспорт.

— Мы будем путешествовать как молодожёны, — быстро сказал

Кайлеан. — Так удобнее.

Моргать я уже устала, поэтому молча уставилась в паспорт.

Dani Karagilleyn — значилось рядом с моей фотографией.

— Свадебное путешествие, — сказал Кайлеан. — Ни у кого не возникнет вопросов за каким чёртом двух мальтийцев понесло в холодную, дикую... ну, в смысле, экзотическую страну.

— ...И путёвку в Сибирь... — задумчиво произнесла я, потом спросила: — Это же фальшивый паспорт?

Он передёрнул плечом.

— Смотри что считать фальшивкой. Формально — нет. Бумага настоящая, печати тоже, и с биометрией проблем не будет. Недавно инвестиции Карагиллейнов в экономику Мальты стали ещё больше.

— Но имя не моё.

— Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет, — с небрежной полуулыбкой процитировал подкованный Кайлеан Георгиевич.

Я не поддалась на шекспировское обаяние.

— Сам-то ты как считаешь? Фальшивый или нет? Если имя не то?

Он посопел, похмурился, но признал:

— Фальшивый. Пока.

— Мне достаточно того, что ты это понимаешь, — кротко сказала я, взяла ручку и поставила подпись. — Только скажи, Москву ты упомянул просто так? Зачем нам в столицу? Ты, может, на карту не посмотрел? Это же крюк. Нам нужна «Мурманка», трасса Р-21. Петрозаводск, Кондопога, Костомукша, Кандалакша, Ковдор... и так далее.

— Сначала позавтракай. — Он переместил ближе несколько тарелок и заговорил вновь только после того как убедился, что я что-то проглотила. Разлив кофе по чашкам, Кайлеан продолжил: — Ксения Михайловская из ковена Мортена... думаю, она не просто так появилась в твоей жизни. Её отец — Игорь Михайловский, крупный московский чиновник. По некоторым сведениям, он активно искал возможность влиться в оружейный бизнес. Даже сделал попытку договориться с твоим отцом за спиной у хозяина завода. Уникальное магическое оружие, уходящее налево, — это большие деньги и большие возможности в теневой политике.

— И что папа?

— После этой беседы Михайловский назвал твоего отца «собакой на сене»... и ещё несколькими более грубыми эпитетами.

— Папа послал его куда подальше?

— Судя по всему — да. Но покровителя твоего отца, Владислава

Ладыженского, больше нет. Его частный «Боинг» исчез с радаров над Тихим океаном, и произошло это примерно тогда же, когда ковен совершил на тебя нападение. Теперь Оленегорским Опытным официально владеет другой человек... вероятней всего, подставное лицо. Есть информация, что бенефициарным — тайным — владельцем завода является именно Михайловский. Он не указан в правоустанавливающих документах, но является фактическим собственником всех активов.

— А папа? — пролепетала я.

— На заводе произошла смена руководства. Больше никаких сведений, кроме тех, что производство работает и государственные заказы выполняются в срок. То есть, внимания к себе завод не привлекает. А вот что на самом деле происходит в твоём Оленегорске... об этом можно узнать только на месте. Не забывай, там пропало двое моих людей. Уверен, сейчас часть отгружаемой продукции не фигурирует в официальной отчётности. Перед тем, как отправиться в Оленегорск, я планирую посетить Москву, навести справки и заручиться кое-какой поддержкой, она нам не помешает. Поэтому мне нужен официальный статус. Атака на тебя, твою семью и завод произошла в единый промежуток времени. Более чем уверен, это звенья одной цепи.

Я поставила чашку с кофе, потому что у меня затряслась рука.

— Мои родители... они живы?

Кайлеан устремил на меня пристальный взгляд.

— Я пытался уберечь тебя от лишних волнений, поэтому и предпочитал держать в неведении. Но ты предпочла спокойствию правду. Помни об этом.

Я сглотнула слюну, отогнала надвигающиеся слёзы и кивнула.

— Правда такова, что нынешнему хозяину завода Михайловскому живыми твои родители не нужны. Они лишние свидетели его махинаций. Так что в большей степени их жизнь зависит от того, экспериментирует ли Мортен с родственной ему кровью. — Он скривил губы и добавил: — Надеюсь, экспериментирует.

Наверное, я позеленела.

— Он что... выкачивает из папы с мамой кровь?

— Не знаю. Но пусть лучше так. Тогда он будет вынужден поддерживать в них жизнь.

Нерешительно я сказала:

— Однажды я слыхала... папа заговорил на себя кое-какие механизмы в оружейном цеху. По производственной надобности. Они могут по этой причине держать его в Оленегорске?

Глаза Кайлеана хищно вспыхнули.

— Было б славно. Твой посёлок расположен в петле магического Гольфстрима. Фон там мощный и очень неровный, в период возмущений я, пожалуй, смогу использовать свои силы в полном объёме. Никто ничего не поймёт. Примут за спонтанный выброс энергии.

Залпом допив кофе, я сказала:

— Я готова. Только мне надо попрощаться с Дрю, с Лемом...

— С кем, с кем? — переспросил Кайлеан.

— С паучком в ванной. Милый такой, я его Лемом назвала. Ещё перенеси меня, пожалуйста, в драконятник, к Снежкиному яйцу. Я там быстро. Слушай, а как же Макс?

— С Максом всё будет в порядке. Сегодня на рассвете я смог перевести его в Лесной госпиталь, там знают как справляться с такими травмами.

Помолчав, я нерешительно спросила:

— А твои родители?.. Им, наверное, не понравилось, что ты вновь покидаешь дом... и так скоро... Они злятся на меня?

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом сказал, тщательно подбирая слова:

— Они поняли, что ты изменишь мою судьбу, и ещё не вполне освоились с этой мыслью.

— Мне очень жаль. Я ненарочно. К тому же, ещё ничего неизвестно. Может, всё останется так, как было...

— Не останется. — Он встал. — Собирайся и двигаемся в путь.

Прощание с Эрмитанией происходило в режиме форс-мажора, хотя в начале дело застопорилось из-за того, что Кайлеан хотел вернуть Дрю в камеру к остальным привидениям, а я воспротивилась.

— Пожалуйста, позволь Дрю здесь остаться!

— Хозяйское добро охранять! — Дрю вытянулась по стойке «смирно».

И паучку под ванной сучать не давать, добавила я про себя.

Кайлеан отмахнулся.

— Башня и так будет под защитой, никто сюда не проберётся.

— А цветы поливать кто будет? — с большой тревогой спросила Дрю.

— Какие ещё цветы?

— Эти! — Дрю указала на плети роз, вьющиеся по стене. — Засохнут ведь! Леди Данимира этого не переживёт.

— Не переживу, — подтвердила я. — Тоже засохну.

Кайлеан повёл бровью:

— Магические розы засыхают по другой причине.

Но я подкинула новый повод оставить Дрю наверху:

— А пыль?! Помнишь, мы вернулись, а всё в пыли! Пылицу кто убирать будет — Пушкин?

— Кто этот Пушкин? — раздражённо осведомился Кайлеан.

— Знаменитый русский поэт, классик. Безвременно погиб на дуэли в девятнадцатом веке.

Кайлеан на короткое время задумался, потом как-то зловеще ухмыльнулся:

— А где он похоронен? В России?

— А-а-э-э... ну да... На Псковщине... недалеко от Петербурга... относительно, конечно, недалеко... а что?

— Если твой Пушкин уже погиб... хлопотно, конечно, но, пожалуй, я смогу это организовать. Заедем по пути.

— Ой, нет! — поспешно сказала я. — Это просто глупое присловье! Лучше оставь Дрю здесь. И знаешь... не жалко Дрю, пожалей остальных привидений, тех, кто внизу!

— Хм-м... действительно... какие-то нервные они были последний раз... — признал Кайлеан, возведя очи горе. Потом зажмурился и потряс головой.

Я поняла, что в его воображении завела хоровод разудалая компания злюк, дрюк, крюк и прочих хрюк.

Уж нее знаю, какой довод подействовал сильнее — цветы, пыль или моё воззвание к гуманизму, но Дрю была дарована относительная свобода — она получила разрешение остаться в моих покоях.

...В воздушном драконятнике я взобралась на небольшую приставную лестницу, чтобы чмокнуть Симбу в макушку — малыш рос как на дрожжах. Я велела ему быть хорошим мальчиком, расти здоровеньким, свирепеньким и слушаться воспитателей, в особенности капитана Сикору. Потом я обнимала и гладила Снежкино яйцо и горячо обещала вернуться.

Покидала пещеру я чуть ли не задом наперёд — всё время оглядывалась. Яйцо, белеющее в темноте, как всегда напомнило мне об одинокой душе Снежинки, неприкаянно витающей в пространстве... всё-таки я не выдержала и несколько раз хлюпнула носом.

Когда мы вышли из пещеры, Кайлеан подвёл меня к краю площадки, велел для надёжности перекинуть ремень сумки поперёк груди и надеть тёмные очки.

— Уже?.. Мы что, отправимся отсюда? — Я осторожно заглянула за

перила. Внизу клубился туман, земли не было видно.

— Высота, — Кайлеан тоже надел очки. — Физическая величина преобразовывается в магическую и сокращает путь. Впрочем, дорога до Мадрида знакомая. На этот раз доберёмся не в пример быстрее.

— Мне опять молчать всё время?

— Нет, не обязательно. Можешь говорить.

Внезапная догадка осенила меня. Я приподняла козырёк бейсболки и выразительно взглянула на него поверх очков.

— Мне и в первый раз не обязательно было молчать?

— Я же не знал, как ты поведёшь себя в минуты опасности.

— А теперь?

— А теперь я знаю, что ты умница и сама сообразишь, когда можно говорить, когда нельзя. Только всё равно, не обращай ко мне слишком часто. Представь, что мы едем по горному серпантину и я за рулём.

Образ был выразительным и доходчивым.

— Тогда я лучше помолчу.

— Как хочешь. — Его голос прозвучал глухо и отстранённо.

Готовится к переходу, поняла я.

Не глядя, он нашарил мою руку.

— Готова?

В ответ я пожала его пальцы.

Кайлеан не стал считать до трёх. Он резко произвел несколько пассивных, железные перила вдруг раскалились и начали крючиться, будто сухая трава истлевала от жара. Искорёженные прутья отодвигались, через несколько секунд в ограждении образовался свободный проход и туда Кайлеан увлёк меня решительно и бесповоротно.

Мы снова падали...

Сперва в мягкой серой сумеречности, затем сверкнул луч, рапирой пронзивший толстый ватный слой. Блеснул и исчез, но вскоре вновь промелькнул... один, другой, третий... Окружающий туман забликовал, заискрился, проблески сливались в широкие полосы, закручивались по кругу, образуя зеркальный светящийся колодец. В зеркалах показывались и исчезали, возносясь, призрачные земли — измерения, которые мы пересекали ускоренным магическим манером. Горы сменялись долинами, дворцы восставали на месте руин, а небоскрёбы поглощали джунгли ... иногда не наземные, а подводные. Я с любопытством взидала на эти картины, сменявшиеся, впрочем, слишком быстро, чтобы успеть запомнить детали. Только иногда казалось, что ощутился мимолётный аромат незнакомых цветов. Потом стены колодца засветились так интенсивно, что если б не защитные очки, глазам стало бы больно.

В какой-то момент пришлось опустить веки и единственной связью с реальностью стало соприкосновение с рукой Кайлеана. «Подобно стальному канату» — вспомнила я его слова и сжала пальцы посильнее, он пожал в ответ. Глаза я открыла только тогда, когда прозвучало:

— Готовься, приземляемся.

Как следует готовиться к приземлению после падения — по ощущениям — с высоты многих километров, я не знала, но на всякий случай решительно сдвинула брови и стиснула зубы. Но пасаран, танки грязи не боятся и всё такое. В сущности, было ясно, что никто не разобьётся, но сердце всё равно ушло в пятки.

Как выяснилось, не приземления стоило опасаться. Падение вдруг замедлилось, а следом мы и вовсе зависли в центре колодца — две мушки в янтаре.

— Ш-ш-шес-с-сему! — прошипел сквозь зубы Кайлеан. Чувствовалось, что он пытается вырвать нас из недрожимости, но ничего не выходило. — Следовало ожидать! Данимира, держись за меня крепко и ни в коем случае не отпускай, но освободи мне руки...

Я послушно вцепилась в полу его куртки и собиралась спросить в чём дело, но тут увидела сама: в сверкающей стене обозначился чёрный разрез, его края начали выворачиваться, обнажая потустороннюю тьму. Кайлеан метнул в том направлении несколько огненных шаров, но они угасли на

подходе и сквозь разрез всё равно полезло нечто чёрное, огромное... Вначале выпросталось гигантское крыло с заострёнными маховыми перьями, следом клювастая птичья голова... Голова склонилась набок, в круглых глазах-тарелках отразился блеск и клюв блеснул полированной сталью...

— Кто это? — воскликнула я.

— Ворон неудачи, — сквозь зубы отвечал Кайлеан. — Голем, враг путешествующих сквозь миры. Кто-то его создал и послал вдогонку. Перебирайся за спину и держись, сейчас начнётся...

Я передвинулась как он велел... и вовремя. Ворон наконец прорвался на эту сторону и, хлопая крыльями, взмыл вверх, его распростёртый силуэт раскинулся над нами зловещим облаком.

Что ж ты вьёшься надо мною, над моею головой... в мозгу сами собой, речитативом, не распевно зазвучали слова и оборвались — чудовищная птица ринулась в нападение.

Я тихонько взвизгнула, не удержалась, уж очень страшен показался вид стремительно несущейся на нас чёрной твари.

— За спиной держись! — рывкнул Кайлеан, хотя я и так там была, и метнул в агрессора огненный шар.

Шар разбился, пламя растеклось по чёрным перьям. Ворон с отвратительным звуком, похожим на скрежещащее завывание бензокосилки, взмыл вверх и там энергично встряхнулся. Огонь скатился с чёрного оперения будто вода и угас.

Раз за разом ворон атаковал нас, Кайлеан откидывал его, яростно выкрикивая заклинания, то испуская струи пламени из центра ладоней, то посылая воздушную волну, но проклятая птица не оставляла попыток. Глядя на стальной клюв и острые как бритва перья, можно было догадаться — достигни ворон своей цели, то, что с нами произойдёт, трудно будет назвать простой неудачей. Словно в подтверждение моих мыслей при очередном сближении острые концы перьев пропороли рукав Кайлеановой куртки и ткань потемнела от крови.

— Не дождёшься, — забормотала я вслух подобно заправскому рэперу, — не дождёшься, ты добычи не дождёшься... чёрный ворон, я не твой, не твой, не твой!

Ворон вдруг разинул клюв... нет, не клюв, пасть — багрово-красную, зубастую по-щучьи, и издал дикий скрежещащий вопль — одна бензокосилка наткнулась на другую... И в эту развёрстую пасть Кайлеан тут же загнал светящийся зелёным шар. Птица сделала глотательное движение и тоже засветилась зелёным изнутри, а потом чёрные перья и

чёрная плоть ссыпались прахом с костей и на нас ринулся птичий скелет.

— Обними меня! — прохрипел Кайлеан, и сам успел извернуться и обхватить меня, прежде чем то, что осталось от ворона, налетело, ударило и всё завертелось...

Я чувствовала себя стёклышком в калейдоскопической трубке, которую трясёт не в меру энергичный малыш. Если бы не объятия, скорей всего нас унесло бы прочь друг от друга сумасшедшим вихрем и раскидало бы по разным мирам, но мы вцепились друг в друга, став единым целым, и никакая магия не смогла нас разъединить. Потом был удар, и беспамятство, а когда я очнулась, то обнаружила, что по выражению провидицы Луссии возлежу на груди сына кесарева, который продолжает крепко прижимать меня к себе.

Я приподняла голову и встретила взглядом с Кайлеаном. Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза, потом я спросила:

— Ты как? — И осторожно провела пальцами по исцарапанной щеке, спутанным волосам...

Голос его звучал глухо, но он улыбался, глядя мне в глаза:

— Превосходно.

Руки, обнимающие меня, были неподвижны, но сердце ускорило ритм.

— Вот и сбылось пророчество Луссии, — сказала я, лишь бы что-то сказать.

— Нет, — он покачал головой, — ещё не сбылось. Всё будет совсем по-другому, гораздо лучше...

Его многообещающая мечтательная улыбка смутила меня ещё сильнее и я принялась осматриваться по сторонам.

...Обшарпанные жёлтые стены, мутные слепые окна, асфальт в дождевых лужах... взгляд упёрся в подозрительно знакомые зелёные мусорные контейнеры в углу двора-колодца. Не веря происходящему, я повернула голову и увидела железные ворота.

— Это никакой не Мадрид! — проговорила я в изумлении и поойкивая (всё тело ныло) покинула грудь кесареву.

Кайлеан приподнялся на локтях, огляделся, и — тоже покряхтывая — сел.

— Хатшепсутов ворон... убить не убил, но напакостил капитально... — Он с гримасой согнул ногу. — Сейчас, подожди... приду в себя и соображу куда нас закинуло...

— Нечего тут соображать, я знаю где мы. Мы в Петербурге, рядом с «карманом бога». Ну, в смысле, именно отсюда я попала в «карман»... Видишь, след на воротах — во-он там в углу справа? Нижний лист жести

был согнут. Это Мелиса открыла лазейку, чтобы я к тебе прошла, потом вернула всё на место.

Кайлеан взглянул на ворота.

— Вот как?.. — неопределённо отозвался он и встал. — Могло быть хуже.

Его заметно шатнуло.

Я вскочила и поддержала Кайлеана, только теперь сообразив, в каком он виде — рваная куртка в тёмных пятнах, джинсы тоже не в лучшем виде, одна кроссовка «просит каши»... и сумки не было. И тут же поняла — и моя сумка исчезла тоже... Медленно я осознала — я и принц Эрмитании Кайлеан Третий находились в центре Петербурга — без документов, без копейки денег, — нищие, грязные и оборванные как бомжи... Кайлеан к тому же был ранен и вымотан нападением ворона его состояние оставляло желать лучшего; к тому же, насколько я понимала, ему нельзя было пользоваться магией в нашем мире.

— Придётся поменять план действий, — растерянно сказала я.

Он горько усмехнулся:

— Да уж... полёт в бизнес-классе отменяется.

— Хорошо хоть лето. Тепло и погода неплохая...

Кайлеан взглянул вверх.

— Тучи, — сказал он. — Наверное, дождь будет.

Я тоже взглянула на жемчужно-серые тучки.

— Нет, это так... просто тучки... дождя не будет. Слушай, надо хоть как-то привести себя в порядок. Иначе будем привлекать к себе внимание. Так недолго и в каталажку загреметь... нам же это не надо?

— Каталажка крайне нежелательна. Если полиция что-то заподозрит и меня опознают, случится большой скандал. У Эрмитании будут неприятности.

— Здесь недалеко река... грязь смоем, я тебя осмотрю... можешь идти?

— М-могу, — ответил Кайлеан, сделал несколько шагов и снова пошатнулся. Я заметила, что он хромает, подскочила и подставила плечо.

— Обопрись на меня и пойдём. Здесь всё равно делать нечего.

Мы поковыляли к выходу.

Под одной из арок нам встретила женщина с большим пакетом, из которого торчали перья зелёного лука. Она уступила дорогу, отпрянув к стене, и смерила нас выразительным взглядом. По выражению, появившемуся на её лице, можно было понять, какое впечатление мы производим на порядочных людей, — загульная парочка, не знающая

удержу в развлечениях и резво катящаяся вниз по наклонной.

Подбородок принца Эрмитании надменно пошёл вверх. Кайлеан Георгиевич заметил и оценил взгляд встречной.

— Нам бы только до реки дойти... там я что-нибудь придумаю, — забормотала я, увлекая Кайлеана за собой. — Перед выходом на улицу наброшу на нас вуали — так... вообще... попробую придать общую благообразность. Не знаю, правда, насколько меня хватит — никогда ничего не делала с чужой внешностью, да и свою толком не меняла — только кудряшки выпрямляла, да и всё... честно говоря, никогда не думала, что это мне когда-нибудь понадобится...

Кайлеан, казалось, совсем меня не слушал и о чём-то усиленно размышлял, потом спросил:

— Твоя квартира где-то рядом?

Я затормозила, наткнувшись на невидимое препятствие.

— О нет-нет-нет... Туда мы не пойдём... Я не могу...

— Возможно там найдутся документы и деньги. Подозреваю, шанс небольшой, но его надо использовать.

— Всё равно не могу, — резко сказала я. — Просто не могу и всё. И деньги там вряд ли остались. — Я вспомнила Ангелину и её расстройство по поводу того, что я умираю прежде чем сообщила пин-коды от кредитных карточек. Наверное, она выгребла всё, до чего смогла дотянуться...

— Я схожу, осмотрюсь, и если всё в порядке — вернусь и пойдём туда вместе. — Он потянул меня вперёд.

Я упёрлась как осёл на горной дороге.

— Что там может быть в порядке? — Я постаралась совладать со страхом, но истерические нотки всё равно прорвались. — Вся комната в крови? Может, я ещё на свои косточки полюбуюсь?

От воображаемой картины я мелко затряслась и Кайлеан привлёк меня к себе.

— Ты была почти ребёнком, но проявила самообладание и ум, — заговорил он, медитативно поглаживая меня по голове. — Теперь ты уже не маленькая девочка, ты справишься, ты многое пережила, набралась опыта и стала ещё сильнее...

Я уткнулась ему в грудь и насморочным голосом сказала:

— Не стала. И если я чего-то там набралась, то оно только что вылетело обратно. Пробкой! Мне по-прежнему страшно. У меня ноги отказываются идти в ту сторону, не заставляй меня... — Тут у меня возникла ещё одна мысль, я с ужасом взглянула на Кайлеана. — А вдруг

кто-то из ковена там поселился? С них станется! А я не хочу никого из них видеть!

Он поднял моё лицо за подбородок, взгляделся и мягко произнёс:

— Конечно, я пойду один. Ты просто подождёшь меня неподалёку.

Лучше подалёку, подумала я, с трудом пересиливая желание бежать, не останавливаясь, до канадской границы. Чтобы справиться с паникой, пришлось вызвать в памяти образ родителей, нуждающихся в помощи. Я проглотила слюну и сказала:

— Хорошо, идём. Только погоди, вуали сооружу.

С грехом пополам я облагородила нашу внешность, замаскировав ссадины на лице Кайлеана, а также самые крупные пятна и прорехи. Остальное, как я понадеялась, окружающие должны были принять за модные тенденции, усердно пропагандирующие стиль «пятый день ночью под забором». Ещё я попробовала смягчить ощущение неординарности, излучаемое Его Высочеством за версту, наколдовав ему очки от близорукости старомодного фасона. Потом отступила, чтобы оценить плоды своих усилий, и с досадой констатировала:

— Эх, пустое дело. Породу за очками не спрячешь. На тебе этот ужас даже стильно смотрится. Что ж вы, Ваше Высочество такое Высочество, а?..

Возможно, я была предвзята, как все влюблённые, но мне воображалось, что Кайлеан Георгиевич даже в самом ужасном рубище всё равно продемонстрирует миру, что тот лежит у его ног. Девушки будут закидывать его лифчиками и телефончиками, а мужчины в ужасе звонить в полицию, требуя устранить конкурента.

Кайлеан усмехнулся, будто прочтя мои мысли, и вдруг как-то пригнулся, выставив плечи вперёд и подслеповато сощурившись. Куда-то подевалась и королевская осанка, и хищность, и даже рост как будто уменьшился. В одно мгновение он стал похож на обычного городского жителя.

— А так?

— О! Так лучше... ты что же, применил магию?

— Нет. Просто умею ходить в разведку. Идём?

— Идём. Но считаю своим долгом предупредить, что я в разведку ходить не умею.

Он пожал плечами и произнёс:

— Это ничего, ты же со мной.

Эти простые слова смогли бы утешить любую. Я вздохнула и по кошачьей привычке потёрлась щекой о его плечо:

— Я рада, что я с тобой. Пойдём.

Мы вышли из-под арки и оказались в небольшом проулке. Проулок пустовал — ни людей, ни машин, но слева и справа виднелись более оживлённые улицы. Шеренга оболваненных стрижкой, но уже обросших листвой городских тополей уходила в обе стороны.

Я повертела головой.

— Как ни странно, пока не понимаю, где мы, надо пройти дальше... — Я напрягла память: — Вроде бы, тогда я прибежала оттуда. — Я кивнула налево. Мы неспешно — из-за хромоты Кайлеана — двинулись в том направлении.

На соседней улице я сразу же сориентировалась. Неподалёку находилась «Можайка» — Военно-Космическая Академия и Чкаловский скверик, где когда-то... в прошлой жизни... я любила посиживать на скамейке, разглядывая изображённое на брандмауэрах панно «История авиации».

И Малый переулок действительно был совсем недалеко, и Тучков мост... до нужного места мы добрались быстро... слишком быстро.

Кайлеан оставил меня маяться на углу, а сам направился к моему дому. Я в сильном душевном смятении глядела вслед. Кайлеан, видимо, сбросил маску. У него появилась походка охотника в лесу — мягкая, осторожная... Будь он действительно в лесу, под ногой не хрустнул бы ни единый сучок... даже хромота куда-то подевалась.

Совість вконец загрызла меня. А вдруг там на него нападут? А вдруг он будет нуждаться в подмоге? Через силу я поплелась следом, стараясь не думать о том, что могло поджидать впереди.

Ближе к парадной Кайлеан вдруг начал замедлять ход, а потом и вовсе остановился. Не оборачиваясь, он сделал мне знак остановиться.

Я замерла, глядя как аккуратно он отступал, не поворачиваясь к подъезду спиной и шагая след в след по своему пути.

Наконец он повернулся и быстро дошёл до меня.

— Уходим! — сказал он, схватил за руку и потащил прочь.

— К реке, — сказала я, указав направление. — Что там?

— В твоей квартире никто не живёт. Но вокруг раскинута сторожевая сеть с колокольчиками, такая же как в Аннмории, только небольшая, локальная. Никого не должна интересовать твоя квартира, но вот если кто-то к ней приблизится сознательно... хозяин сети сразу же об этом узнает.

— Хозяин сети — Мортен?

— Скорей всего. Всё говорит в пользу этого предположения.

— Тебя не засекли?

Кайлеан помолчал и ответил кратко:
— Надеюсь, нет. Я был осторожен.

До Невы мы дошли молча. Вернее было бы сказать — доковыляли. Кайлеан совсем охромел, и если вначале я взяла его под руку просто потому, что захотелось пройти по знакомым улицам в тесной близости (и помечтать об утопическом), то в конце пути я откровенно его поддерживала. В небольшом и немногочисленном Петровском парке, что тянулся полосой вдоль берега Невы, мы спустились по откосу поближе к воде, и там Кайлеан немедленно повалился в траву с еле слышным стоном облегчения.

Сейчас можно было не поддерживать визуальную иллюзию — признаться, я тоже издала вздох облегчения, скинув наши вуали. Хранить одновременно несколько иллюзий оказалось не так-то просто.

В кармане джинсов я нашарила вышитый платочек — маленький сувенир из Эрмитании, захваченный на память в последнюю минуту. Теперь из сувенира платок превратился в предмет первой необходимости. Я намочила его в воде и, неоднократно прополаскивая, бережно смыла кровь и грязь с бледного лица Кайлеана и с рук. Но приподнять его и стащить куртку, чтобы осмотреть остальные раны, мне не удалось.

— Позже, — сквозь зубы сказал Кайлеан, не открывая глаз, и я оставила его в покое.

Захватив платок, я спустилась к реке и немного прошлась по берегу в сторону Тучкова моста.

Потом оглянулась.

Кайлеан лежал недвижим, вытянув ноги, раскинув руки, с закрытыми глазами, но грудь поднималась и опускалась равномерно... хорошо бы ему поспать хоть немного, подумала я и отошла ещё дальше.

Присев на корточки, я опустила платок в воду и стала его выполаскивать.

— Здравствуйте, — прошептала я. — Это я, кошка... то есть Данимира Шергина... это я раньше была чёрной кошкой, которая дала вам клятву... год назад, помните?

Несколько минут ничего не происходило, но потом...

Мне показалось, или волна, плеснувшая на берег, была чуточку выше остальных волн?

Я снова зашептала:

— Была ночь, и среди туч виднелось лицо мага, который разыскивал кошку... а вы укрыли эту кошку... меня то есть... а я ещё дала вам

клятву... а-а-э-э... никого не любить... — Я сделала виноватое лицо и решилась: — Ну, в общем, я её нарушила!

Тут я замолчала, потому что увидала, как неподалёку из зеленовато-коричневой глубины вынырнула рыбка — золотисто-оранжевая, с красиво развевающимися плавниками и хвостом. Она напоминала изящную акварель китайского художника... ожившую акварель... я опустила ладонь в воду.

подавив желание подманить её, сказав «цып-цып-цып», я спросила:

— А это вы, да?

Рыбка подплыла поближе и зависла, неспешно шевеля плавниками. Вокруг неё прямо у меня на глазах образовалась заводь из кувшинок — круглые листики и белоснежные цветы появились из-под воды.

Гармоничность явления меня приободрила. Мог ведь заявиться и крокодил, окружённый пираньями.

— Ладно... допустим, это вы... Так вот — по-другому и не могло случиться! Как можно было его не полюбить? Взгляните, он во-о-он там, на траве... извините, Кайлеан не может подойти... он вообще принц и этикету обучен... просто плохо себя чувствует... но правда он прекрасен?..

В сущности, призыв взглянуть на моего избранника являлся безусловной риторикой и рыбка продолжала безмолвно перебирать плавниками на одном месте, но венчики кувшинок развернулись в сторону Кайлеана и даже будто бы приподнялись на своих стеблях.

Воодушевлённая, я зашептала горячо:

— Я знаю, что он бывает несносен — эгоцентрик, и скрытный ужасно, и манипулятор, и вообще не верит в равенство людей... и, возможно, в его прошлом есть тёмные пятна, но вот мы только что пережили нападение монстра — и посмотрите — он весь изранен, а на мне ни царапины! Он позаботился о том, чтобы я осталась невредимой. Он вернул мне человеческий облик, вытащил из магической ловушки, а теперь помогает вернуться домой... Он старается! Я даже горжусь им иногда — столько добрых дел, и это с его-то характером! Так случилось, что сначала я полюбила в нём звериное, а теперь люблю его теперешнего... по-другому, но так же сильно... — Я замолчала, рыбка оставалась на месте и тоже молчала. Я неуверенно добавила: — И в любви ведь нет ничего плохого, правда ведь?

Только я собралась развить мысль, что если бы я старушек грабила или сиротские приюты поджигала, то это было бы совсем другое дело, такого плохого человека можно судить безо всякого снисхождения, — но ведь я этого не делаю! — как вдруг услышала, что Кайлеан зовёт меня.

Обернувшись, я обнаружила, что он уже не лежит пластом, а приподнялся на локте.

Я обрадовалась и вернулась к рыбке и кувшинкам.

— Ещё вернусь и поговорим, — пообещала я. — Просто сейчас мне домой в Оленегорск очень надо. Но вы подумайте. Может, с этой клятвой можно что-нибудь сделать?..

И в тот же миг кувшинки ушли под воду и золотистая искра исчезла в глубине, оставив ощущение, что у меня только что состоялась беседа с галлюцинацией.

— Ты с кем-то говорила? — спросил Кайлеан, когда я подошла к нему.

— С рыбкой. С маленькой такой, симпатичной, — сказала я полуправду, поняв, что обрушивать на Кайлеана очередной неприятный факт из моей короткой, но бурной биографии в данное время не стоит. Он всё ещё был бледен и выглядел не вполне здоровым.

— Как ты любишь разговаривать с животными, — отметил он. — То паучок в ванной, то рыбка...

— Я люблю животных, — сказала я, — сама такой была. Но оставим это. Как ты себя чувствуешь?

— Скверно. Мне надо в подземелье, — вяло сказал он. — Там мне станет лучше. Стихия поможет.

Я поморгала.

— Ну-у-у... можно, конечно, поискать какой-нибудь подвал...

Он снова упал в траву и забормотал:

— Не подвал. Здесь есть настоящее подземелье. Я чувствую, я знаю. Большие пещеры, туннели... мне надо туда. Я выдохся, а там моя магия воспрянет. Отведи меня в пещеры...

С тревогой я потрогала его лоб. Бредит?

И вдруг догадалась:

— Ну конечно! Метро! Вот твоё подземелье! Здесь рядом станция метро «Спортивная»!

— Метро? — Кайлеан приоткрыл глаза. — Глубоко?

— По-моему, да. По эскалатору надо долго спускаться. Здесь же река рядом, поезда под рекой идут. Но я всё ещё не осмотрела твои повреждения. У тебя одежда в крови... особенно рукав... и с ногой что-то серьёзное...

— Идём. Под землёй мне станет лучше.

— Ты просто спустишься под землю, и тебе это поможет?

— Физиология такая — слишком тесно связана с магией... расплата за высший уровень. А в подземном метро воздух пропитан магией

электричества, у которой много общего с магией огня.

Магия электричества? Как много нам открытий чудных готовит просвещения дух... однако, — подивилась я.

— Да, спускаемся в метро. — Кайлеан осторожно приподнялся и сел. — Там я смогу колдовать. Моя магия вплетётся в уже имеющийся узор и будет незаметна имперским наблюдателям.

Зачем колдовать в метро, я понятия не имела, но, видя как бледен Кайлеан, не стала допытываться. Раз для облегчения состояния ему надо было оказаться под землёй, значит так тому и быть.

— Будут ли понимать тебя так же, как меня в твоей стране? — спросила я на всякий случай, помогая ему подняться.

— Обмен был обоюдным, — кивнул Кайлеан.

Когда я восстановила и укрепила наши вуали, мы поковыляли к метро.

Перед входом в вестибюль я попросила его собраться и применить все навыки хождения в разведку, чтобы беспрепятственно миновать досмотр у турникетов. Он вяло кивнул, я с тревогой поняла, что даже короткая прогулка истощила его силы... надо было срочно спускаться под землю.

Я поволокла Кайлеана, как муравей тащит на себе полудохлого жука. На гранитных ступенях он чуть не упал. Я стиснула зубы... только бы спуститься вниз...

У входа во внутренний вестибюль я прислонила Кайлеана к стене и, нервно улыбаясь, выпросила у проходящих молодых людей два жетона. Парни игриво намекали, что жетоны хорошо бы обменять на телефончик, но я оглянулась на Кайлеана и они тоже посмотрели. Кайлеан стоял, скрестив руки на могучей груди, и сверлил весельчаков многозначительным взглядом исподлобья. Даже прислонённый к стенке Кайлеан Георгиевич смог произвести впечатление — молодые люди поскущнели и сразу же пришли к верному выводу, что мой телефончик не так уж им и нужен, они отдали мне жетоны даром... то есть, безвозмездно.

Оставалось проскочить кордон перед турникетами. Что-то подсказывало, что тут не обойдётся без неприятностей.

Дурные предчувствия не замедлили оправдаться — перед турникетами нам наперерез двинулся полицейский.

Это был пузатый пожилой дядечка с лицом простоватым и, вроде, добродушным... и он был магом. Не слишком сильным, но моя маскировка его не обманула.

— В таком виде не пуцу! — сказал он, неприязненно глядя на Кайлеана. — Девушка! Уводите своего дружка, пока я его не отправил куда следует. Пускай проспится вначале.

— Ну, пожалуйста...

— Да и вас за нарушение можно привлечь — нечего людям глаза запорашивать. Скажите спасибо, что у меня дочка такая же, жалко мне вас, дурёх... Ай-яй-яй! Такая славная девчушка и связалась с драчливым пропойцей... Слушай, девочка... бросай ты этого типа, пока жизнь себе не испортила...

Он принял Кайлеана за пьяного.

— Дядечка! — Я приложила руки к груди. — Пожалуйста, дядечка! Коля хороший! Коля и не пьёт совсем... — От отчаянья на меня снизошло вдохновение. — К нему просто друг армейский приехал — Серёга из Перми! Они вообще за пивом вышли вчера... в Купчино... а утром — вдруг здесь, на Петроградке... Коля в отпуске, Серёга из Перми в отпуске... а так они и не пьют вовсе!

Полицейский смерил взглядом Кайлеана:

— Где служил, Николай?

Я напряглась, опасаясь, что болезный Кайлеан Георгиевич ответит в духе «когда я на почте служил лесником»... или «в Иностранном Легионе», но он подсобрался, выпрямился и хрипло произнёс:

— Десант.

— А-а-а... ВДВ... — решил дядька. — Не сезон вам ещё в фонтанах купаться... Где ж ты, десантура, надрался-то так?

— В Купчино начали... — обтекаемо ответил Кайлеан.

— А порезал тебя кто?

— Мы с Серёгой отбились, — махнул рукой Кайлеан. — А потом снова выпили... за победу. Отметили.

— Отметили они... — проворчал дядька и уже с интересом спросил: — А Серёгу куда дел?

Кайлеан покачнулся и загадочно приложил палец к губам.

— Серёга? Серёга где надо. Познакомился... с одной... — Он начертил в воздухе нечто гитарообразное. — Но это не моя тайна. До Перми не дойдёт. Пермь должна спать спокойно.

— Вот, видите? А Коля ни с кем знакомиться не стал! Он хороший! Мне очень-очень надо его до дома довести! А я выскочила, чтоб его забрать... и без кошелька... испугалась очень... только жетончики в кармане... и у Коли денег на такси уже нет. А нам домой надо! Пожа-а-алуйста!

Полицейский ещё раз смерил взглядом Кайлеана и вздохнул:

— Ладно, проходите... дочка у меня такая же... дурёха...

— Спасибо! Спасибо! — я расцвела и поскорей увлекла за собой

Кайлеана, пока страж порядка не передумал.

На эскалаторе Кайлеан обмяк было и навалился на поручень, но внизу он уже выпрямился. Выйдя на перрон, он остановился посередине, расправил плечи и глубоко задышал.

— Хорошо-о-о... — с мучительным удовлетворением наконец произнёс он.

— Давай спустимся на вторую платформу, — обрадовалась я и потянула Кайлеана к следующему эскалатору. — Там ещё глубже!

Внизу я усадила его на круглую скамью рядом с золотистым мозаичным панно, воспевающим радости спорта.

Кайлеан глядел перед собой отрешённо... я сидела рядышком и помалкивала.

С шумом приходили и уходили поезда, платформа то наполнялась народом, то становилась безлюдной...

Через какое-то время я отметила, что его лицо наконец приобретает здоровый оттенок.

— Тебе лучше?

Он скривился и неопределённо пошевелил пальцами.

— Удовлетворительно. Пока сойдёт... Это собиратели милостыни? — вдруг заинтересовался Кайлеан, указав на двоих, вышедших из вагона прибывшего поезда.

Я пригляделась.

Мальчишки в мешковатых штанах, с причёсками из заплетенных косичек — может быть, моложе меня, увешанные бусами, фенечками и прочими атрибутами богемной жизни. Они остановились у колонны неподалёку и бренчали мелочью, выгребая её из кепки. Поскольку у одного в руках была гитара, а у другого — сдвоенные экзотические барабанчики-бонги, я предположила:

— Да, наверное. Но эти не нищие... Так просто, по вагонам ходят, играют что-нибудь... на пиво набирают... лето...

— А что у вас говорят, когда... на пиво набирают?

Я пожала плечами:

— Ничего не говорят. Музыку играют... «спасибо» иногда говорят. А те, кто без музыки, как-то так изъясняются: «Люди добрые, сами мы не местные, памажите, кто сколько может» и повторяют — «кто сколько может, кто сколько может» и это дикое «памажите»... Но «сами не местные» — это мафия. Мафия нищих. Все знают, но иногда подают — попрошаек жалко. Грустная, в общем-то, тема... — Я спохватилась: — А что? Ты же не хочешь...

— «Кто сколько может?» Хм-м-м... Великолепно! — Кайлеан хищно осклабился, порадовавшись неизвестно чему. — Идём!

Он повлёк меня к музыкантам; те опасливо покосились на приближавшегося Кайлеана, засуетились и подхватили рюкзачки, явно намереваясь смыться.

— Стоять. — Кайлеан оказался у них на пути и, подняв руку, пощёлкал пальцами. — Имена!

— Юраш... — как-то вдруг обмякнув и перестав беспокоиться, сказал гитарист.

— Ярик, — безучастно представился барабанщик.

Глаза обоих были пугающе пусты, они не отрывали взглядов от лица Кайлеана.

— За мной.

Кайлеан потянул меня к поезду, прибывавшему на станцию, Юраш и Ярик двинулись за ним как приклеенные. Я упиралась и бормотала.

— Ты их зачаровал? Это невинные люди, они тут не при чём! А это им не повредит? С ними же потом всё будет в порядке?

— Смотря как себя поведут, — холодно сказал Кайлеан. — Домой хочешь? — (Я насупилась, но кивнула.) — Тогда принимай всё, как есть.

— Мне никто не подаст, я не умею побираться... У меня не получится!

Он глянул высокомерно, в зрачках я уловила отблески огня.

— Естественно, не умеешь. Это буду делать я.

В полном смятении я позволила увлечь себя в вагон.

Двери закрылись, поезд тронулся в сторону «Адмиралтейской».

Как только мы оказались в туннеле, Кайлеан сотворил пасс и лампы в вагоне погасли. Через секунду освещение появилось вновь, но теперь свет стал багрово-тусклым и весьма зловещим... Вагон будто застыл в безвременьи, и пассажиры застыли, повернув головы в сторону нашей компании. Я поёжилась. Как-то чересчур преданно все уставились на Его Высочество. Чем-то ситуация ужасно напоминала сцену допроса в королевской библиотеке.

Внешность Кайлеана как обычно при использовании им магии обрела оттенок монументальности — он будто увеличился в размерах, на голове обнаружилась широкополая шляпа с высокой тульей, волосы удлинились и заструились по плечам, за спиной затрепетал чёрный плащ — неосязаемый сгусток тьмы.

Кайлеан приказал музыкантам:

— Играйте.

Тотчас мерно, в гипнотическом ритме застучали барабанчики, Юраш

тихо перебирал струны своей гитары и под его пальцами зарождалась странная нездешняя музыка — колокольчики на ветру, арфа Эола...

— Люди добрые! Сами мы не местные! — голосом Дарта Вейдера провозгласил Кайлеан. — Памажите наличными, кто сколько может! Кто сколько может! Наличными! Кто сколько может!

Он снял шляпу и сунул её мне.

— Собирай.

Я, слегка ошалевшая от «памажите» из уст принца Эрмитании, автоматически кивнула.

Кайлеан медленно двинулся по вагону, я за ним, наш маленький оркестрик позади.

В красном полумраке пассажиры слегка заторможено, но послушно шарили по сумкам и карманам, доставая купюры. Подавали практически все, шляпа наполнялась. Несколько человек с виноватым видом кинули одну мелочь, а один мужчина — хорошо одетый, с благообразным породистым лицом, — вдруг прижал портфель к животу и фальцетом выкрикнул:

— Никому ничего не дам! Понаехали тут! У меня деточки, две родные кровиночки, — и то ни копейки алиментов от меня не получают!

— Кто. Сколько. Может, — с нажимом повторил понаехавший Кайлеан, нависнув над жадиной.

— Мерзавцы... какие же вы мерзавцы... ненавижу... ненавижу-у-у... — подвывал мужчина под стук барабанов. Слезы текли по его благородной физиономии, когда он опустошал свой увесистый бумажник.

Руки были заняты шляпой, я локтём тронула Кайлеана, привлекая внимание.

— Может, не надо, ну его? Ты только посмотри, как его крючит... пусть лучше детям своим деньги отдаст.

— «Кто сколько может» — это сейчас не просто слова. Формула достаточно ёмкая, я легко вплёл в неё нужное заклинание. Все отдадут только то, что действительно могут пожертвовать, необходимого не лишатся, не волнуйся. А этот, кстати, всё равно добровольно никому ничего не отдаст. Если нажать посильнее — может и скончаться... от избытка чувств.

— Тогда оставь, — скривилась я, — пусть живёт, если может так жить. Мы двинулись дальше.

— Кто сколько может! — продолжал заклинять публику Кайлеан под барабанный ритм.

Я по-прежнему ощущала неловкость. Народные деньги в шляпе были

не последними, но всё равно чужими... Я заставила себя помнить о том, что мама и папа нуждаются в помощи, и запретила себе думать о моральной стороне нашего мероприятия по отъёму денег у населения. Надо было добраться до дома. Однако при виде пассажирки, совершающей странные телодвижения, я заново почувствовала себя не в своей тарелке. Пожилая женщина с гладко зачёсанными седыми волосами то вынимала из кошелька одинокую купюру, то вытряхивала мелочь на ладонь и пересчитывала её, то ссыпала обратно, то пыталась снять с себя застиранную вязаную кофточку, то озабоченно копалась в сумке, извлекая какие-то мелочи — потрёпанную записную книжку, рекламные буклеты, карандаш, ручку...

Я опять потыкала локтём Кайлеана.

— Что с ней? — встревожено кивнула я на суetyающуюся пассажирку.

— Не может подать. Вообще ничего. Но очень хочет помочь. Характер такой.

Я вдруг вспомнила как уверяла речное божество, что не граблю старушек, и мне стало так стыдно, как не было никогда в жизни. Я выхватила из шляпы несколько бумажек и вложила их в сумку бедняги.

— Возьмите себе! У нас ещё есть! — с чувством сказала я.

Женщина просветлела. Она быстро достала из сумки то, что я ей дала, и торжественно опустила обратно в шляпу, глянув вокруг горделиво. Я всё-таки вынула часть купюр и опять положила в её сумку. Через мгновение деньги снова перекочевали в шляпу.

Пассажирка сияла, я хмурилась.

— Не возьмёт, не старайся, — обронил исподволь наблюдавший за этой сценой Кайлеан.

Перестав настаивать, я двинулась за ним. Дальнейший сбор подаяний прошёл гладко, не считая досадного эпизода, когда одна девушка — русоволосая, хорошенькая, но слишком, на мой вкус, активно раскрашенная, в шортиках, вдруг вытянула длинную загорелую ногу и поставила её перед Кайлеаном, преградив ему дорогу.

— Привет, — сказала нахалка, копаясь в сумочке. — Познакомимся? Меня Кристина зовут, а тебя?

Судя по тому, что она вела себя менее скованно, чем остальные пассажиры, Кристина была не лишена магических способностей. Наверное, заклинание Кайлеана действовало на неё слабее.

Кайлеан ничего не ответил, но и дисциплинарных мер предпринимать не стал. Просто стоял с непроницаемым лицом и ждал, когда магичка найдёт лишние средства.

Лишние средства всё не находились, а нога всё не убиралась... моё терпение лопнуло.

— Кайлеан Георгиевич, вы идите себе, не задерживайтесь, — посоветовала я голосом ласковым, но слегка вибрирующим. — У нас работы непочатый край. Я здесь сама разберусь.

Краешек его губ приподнялся... это наглое нарушение субординации, видите ли, забавляло Его Высочество!

Он двинулся дальше, легко перешагнув через препятствие.

— Кто сколько может... кто сколько может... — зазвучали слова заклинания.

— Ах, какой... — мечтательно сказала девица, глядя вслед Кайлеану. — А задница-то какая... М-м-м... Нет, такого мужика упускать просто грех! — И она стала приподниматься.

Я преградила ей дорогу.

— «Ах-какой» занят, — сквозь зубы произнесла я. — В смысле, делом занят. Недосуг ему. Руки прочь. И ноги.

Ничуть не обидевшись, Кристина опустилась на место и с сожалением сказала:

— Ладно, занят так занят... Слушай, и где только такие водятся? — Она наконец опустила в шляпу свою лепту.

— Если расскажу, ты не поверишь, — сухо сказала я и пошла дальше, бдительно оглядываясь. Но магичка уже сидела смирно, только продолжала мечтательно улыбаться, глядя перед собой.

Когда мы дошли до конца вагона, шляпа наполнилась доверху.

Поезд начал тормозить — приближалась станция.

— Оставайтесь в вагоне, за мной не ходить, — велел Кайлеан музыкантам. — Когда двери закроются, можете считать себя свободными.

...Как только поезд вышел из туннеля, красноватый свет в вагоне сменился на обычный, облик Кайлеана стал прежним и пассажиры задвигались в прежнем ритме.

Двери открылись, Кайлеан шагнул на платформу, я медлила.

— Данимира, идём, что с тобой?

Я колебалась, и всё же подбежала к той женщине, что так хотела помочь нам, и всё-таки всунула ей в руки несколько крупных купюр.

— Тратить только на себя — это приказ! — выпалила я, копируя кайлеановские интонации, и успела выскочить из вагона, когда двери уже начали закрываться.

— Мы Рокфеллеры. — Я заглянула в шляпу. — Во всяком случае, по сравнению с нашим бедственным положением по прибытии сюда.

Кайлеан тоже посмотрел и с прохладцей уронил:

— Разве что по сравнению.

— Вообще-то считается, что если у человека есть еда, одежда и крыша над головой, он богаче, чем ему кажется, — поучительно сказала я. — Сейчас переоденемся в чистое, поедим, и жизнь заиграет новыми красками. А там и как добраться придумаем. Может, в Интернете пристроимся попутчиками в машину хотя бы до Петрозаводска... я, правда, сама так никогда не ездила, но надеюсь, паспорта в таком случае никто не спрашивает.

— Сперва поедим, потом переоденемся, — с голодным блеском в глазах уточнил Кайлеан Георгиевич.

— В таком виде нам только чебуреки из ларька продадут. Боюсь, я не смогу долго поддерживать иллюзию на другом человеке.

— Что есть «чебуреки из ларька»?

— Это лотерея, Ваше Высочество. Где ставкой может оказаться если не жизнь, то здоровье.

— Готов рискнуть.

Я вздохнула.

— Ах, какая выпечка в «Кофейном раю», там, где я работала... Как бы нас там накормили! А ведь Роберт Ашотович, хозяин, вряд ли случайно назвал меня «Светлейшей»... может, надо было сразу идти туда... но боюсь, ловчая сеть раскинута и там. Мортен ведь приходил в кафе, и кто знает, не взял ли он позднее Роберта Ашотовича в оборот?.. Господи, мне теперь везде мерещатся засады и обман... неужели так будет всегда?

Кайлеан пожал плечами:

— Теперь ты видишь жизнь такой, какая она есть, без прикрас.

— Жизнь в розовом цвете нравилась мне больше, — печально улыбнулась я.

— Никто не может оставаться ребёнком вечно.

— Знаю. Впрочем, за утрату иллюзий я получила кое-что не менее ценное...

Кайлеан приподнял брови:

— Что же именно?

— Встречу с тобой.

Мне хотелось отблагодарить Кайлеана, за то, что он сейчас со мной, и самое малое, что я могла ему дать, это подтверждение — не смотря на противодействие судьбы, он сумел занять особое место в моём сердце...

...Он ответил длинным взглядом и, протянув руку, поправил выбившуюся прядь моих волос и провёл пальцами по моей щеке. На его лице вдруг проступила какая-то светлая растерянность, как у человека, который получил хорошее известие, но ещё не в силах в него поверить... куда-то спешили люди, толпа обтекала нас справа и слева, а мы всё стояли молча и глядели друг на друга, пока какая-то хмурая женщина с тележкой на колёсах не прошла между нами, бесцеремонно растолкав и разлучив. Очарование момента прошло, а Кайлеан вдруг снял нечто невидимое с моего рукава, в два прыжка догнал женщину — теперь я увидела, что это ведьма — и припечатал ладонь к её плечу. Ведьма гневно обернулась, но тут же её глаза расширились, она приложила руку к губам и неуклюже побежала прочь, волоча за собой тележку.

— Позавидовала, — коротко объяснил Кайлеан, вернувшись. Его лицо приобрело прежнее жёсткое выражение. — Вернул ей слаз. — Он деловито продолжил: — А насчёт твоего Роберта Ашотовича... полагаю, нам стоит навестить его. Скорей всего, он — конфедерат, по каким-то причинам эмигрировавший в другое измерение. Жаль, я был не в форме и сразу про него не вспомнил. Можно было бы обойтись без всего этого цирка... — он махнул рукой в сторону стоящих у перрона вагонов.

— Роберт Ашотович... э-э-э... практичный, знаешь ли... Деньги у нас всё равно уже есть, может, ну его?

— Пойду я, ты подождёшь неподалёку.

— Практичный — это значит «прижимистый». И очень себе на уме. Не факт, что он захочет иметь с тобой дело.

Кайлеан скупно усмехнулся:

— Посмотрим. Если он догадывался, кто ты такая, тем более, догадается кто я.

— Но раз на квартире установлена сторожевая сеть, значит, и возле моей бывшей работы тоже?

— Какое-то сигнальное устройство вероятно установлено, но настроено оно, вероятнее всего, только на тебя. Кафе, в отличие от квартиры, — публичное место, где появляется множество посторонних людей. Настраивать сеть на всех не имеет смысла, колокольчики будут трезвонить каждые пять минут. Полагаю, как обычный посетитель я пройду беспрепятственно.

— Тогда нам надо вернуться обратно, пошли, вон наш поезд прибывает.

...По дороге к «Кофейному раю» нам попался маленький сетевой магазин, где Кайлеан Георгиевич с кислым видом обозрел ассортимент, указательным пальцем перебрал вешалки и всё-таки с моей подачи соизволил переодеться в нечто, отдалённо напоминавшее его прежнюю одежду.

— Вот теперь, Ваше Высочество, вы влились в коллектив, — одобрила я, когда мы вышли на улицу. — Как истинный россиянин — с головы до ног в изделиях китайской швейной промышленности. — Я взяла Кайлеана под руку и повела его в сторону «Кофейного рая».

— Бывало и хуже, — коротко ответил он.

— Ну-ка, ну-ка? — Избавившись от отягощающей необходимости облагораживать чужой облик, я ощутила лёгкость, будто скинула с плеч тяжёлый рюкзак.

Развеселившись, я потребовала от Кайлеана рассказать, когда это ему «бывало хуже». В ответ он преподнёс занимательную историю о своём визите в отдалённое южное княжество, где население происходило от итальянцев, вознамерившихся возродить угасшую славу Древнего Рима. Соответственно роль парадно-выходного одеяния выполнял трёхметровый кусок ткани, который следовало обернуть вокруг тела в виде тоги. Любая мужская особь, появившаяся на торжественном приёме в чём-то брюкоподобном, без снисхождений причислялась к слабакам, а король послал своего младшего сына с целью заключения союза, в том числе и военного.

Я с улыбкой внимала повести о драматических взаимоотношениях юного Кайлеана Георгиевича с трёхметровой простыней, как вдруг заметила на одном из домов небольшую потемневшую от времени табличку. Она располагалась у входа под арку и на ней я с изумлением прочла нечто знакомое.

— Ой! — воскликнула я, остановилась и перечитала еле различимую надпись вслух: — «Алексей Абрикосов. Свадьбы и ню»!

Стрелка на табличке указывала на железную дверь, утопленную в стене. Наверное в старину в подворотне находилась дворницкая, а теперь тут устроена фотостудия.

— Давай зайдём, — взмолилась я. — Какая удача, что мы при деньгах!

— При деньгах?.. — рассеянно переспросил Кайлеан, уставившись на табличку с неопределённым выражением лица. Казалось, он перечитывает

её снова и снова. Я тоже взглянула, осознала вероятный ход его мыслей и, смешавшись, заговорила быстро:

— Он снимал меня когда-то давно, во время прогулки по городу. Ну, Лёха Абрикосов, — помнишь, я тебе рассказывала? Раз уж мы рядом, я хотела бы выкупить свои фотографии... просто на память о том времени... и о своих розовых очках. Представляешь, я тогда даже в институте ещё не училась... какой чудесный август был... только потом поняла... Вдруг эти снимки у него сохранились, есть же шанс?

— Это он бросил тебя в трактире? — холодно спросил Кайлеан.

— Ну, было дело. Но мне от него ничего не надо, кроме снимков. Давай зайдём, спросим? Раз уж мы всё равно здесь. Это быстро: да — да, нет — нет... Если что, найдётся же у него лишняя флешка, снимки перекинуть минутное дело. Или пусть на почту мне пошлёт, так даже быстрее будет.

Он пожал плечами:

— Если хочешь...

Я позвонила в звонок.

Долго никто не открывал, наконец послышался детский визг, перемежаемый чьими-то уговорами, и дверь отворилась. Пахнуло капустным запахом — видимо, здесь была не только студия, но и жильё.

На пороге стояла изящная бледная блондиночка с коротким хвостиком, прижимающая к себе такого же белокурого карапуза. Как только ребёнок перестал верещать и с живым любопытством уставился на незнакомцев, стало ясно, что мы попали по адресу — девушка держала на руках точную копию Лёхи Абрикосова.

— Здравствуйте, мы к Алексею, — сказала я, — по поводу фотографий. Приобрести хотим.

Блондинка в молчании переводила взгляд с меня на Кайлеана и обратно. Сцена затянулась и по сердцу вдруг пробежала тень тревоги. Почему-то вдруг вспомнились полустёртые буквы на табличке... будто они уже не имели значения...

— Лёши нет, — сказала наконец хозяйка приятным хрипловатым голосом.

— Мы спешим. Может, вы сможете помочь... — начала я нетерпеливо, но она вдруг расширила глаза и ожила, удивлённо проговорив:

— Это же ты!.. Это тебя он снимал тогда!..

— Э-э-э... Да, Алексей снимал меня... мы, собственно, по этому поводу...

— Что там произошло?

— Где? — хлопнув ресницами, спросила я.

— Во время съёмки! — с отчаяньем воскликнула блондинка.

— А что-то произошло?.. — пробормотала я, ничего не понимая. На мой взгляд, единственное, что произошло выдающегося, так это то, что её муж... или сердечный друг... в общем, её Абрикосов решительно бросил меня в кафе, заставив расплачиваться по счёту.

— Я вижу, многое нужно прояснить, — вмешался Кайлеан. — Так мы зайдём?

Хозяйка переместила увесистого малыша на другую руку, с напряжением изучила нашу внешность и разрешила:

— Заходите.

Из небольшого «предбанника» мы попали в такую же небольшую квадратную комнату, где у одной стены сгрудились штативы с аппаратурой, а затем в кухню, напротив, больше похожую на коридор. Стол был занят пакетами с овощами, лежала газета с очистками. На плите бурно кипел суп и блондинка мимоходом уменьшила газ.

— Садитесь, — сказала она, устроив малыша на детском стульчике, потом сдвинула пакеты, свернула и выбросила газету с очистками и махнула тряпкой по табуретам. — Меня Юля зовут.

— Меня Даня, а это... — Я на секунду запнулась, потому что в голову пришло замечательное «Колян Георгиевич». — Это Коля... Николай... — Я послала Кайлеану предупредительный взгляд.

Помедлив, Юля всё же предложила:

— Чай, кофе?.. Только кофе у меня растворимый... и сахара немного... и чай не очень...

— Нам всё равно какой чай, и без сахара, пожалуйста, — сказала я поспешно, сообразив, что финансы в этом доме громко распевают романсы. — Но где Алексей?.. — После паузы я спросила: — С ним что-то случилось?

Она опять посмотрела на меня странно, налила в чайник воды, щёлкнула кнопкой, достала чашки и разложила пакетики с чаем.

— Лёша умер. Давно, когда я ещё беременная ходила. Сразу же после ваших съёмок. Позвонил, взбудораженный такой, сказал, что нашёл девочку с большим модельным будущим, сказал, что поймал удачу за хвост... переслал фотографии и исчез. А потом...

— Как «умер»? — в ошеломлении спросила я. — Он же был абсолютно здоров! В смысле бодр, весел... скакал, снимал и всё такое...

— Его нашли во дворах... — Юля назвала адрес и я вздрогнула — это случилось по соседству с тем кафе, где я тщетно ожидала возвращения

Лёхи Абрикосова. — Умер по необъяснимым причинам. Внезапная остановка дыхания. Его будто задушили, а следов на теле не осталось. Но рядом нашли разбитую камеру... вдребезги разбитую, словно по ней камнем молотили... Это был мой подарок ко дню его рождения, я полгода копила, чтобы маг наложил заклинание на объектив... Лёша не знал. Я же магичка, а он из обычных людей... Он и так талантлив был, без всякой магии, но я хотела помочь... и вот... так нелепо ушёл... и так непонятно...

Лёха Абрикосов, весёлый маленький фотограф, вовсе не бросал меня... ему просто не дали вернуться.

— Может, кто-то из твоей компании что-то знает? Они почти на каждом снимке, значит, всё время рядом были, могли заметить что-то странное, что бы объяснило случившееся.

— Из какой ещё компании?.. — цепенея, спросила я.

— Ну, парень с тобой был, светловолосый, эффектный такой, длинноволосый, и девушка... итальянского типа, как мадонна...

Мартин и Ксения? Теперь замолчала я, переваривая услышанное.

— Эти снимки сохранились? — спокойно спросил Кайлеан.

— Конечно! Это же память о Лёше, его последняя работа!

Она вскочила и выбежала из кухни, но тут же вернулась с ноутбуком.

Мальчик оживился при виде компьютера, Юля пообещала:

— Лёшка, сейчас дяде с тётей картинки покажу и потом мультики свои посмотришь. Подожди немного.

Маленький Лёша Абрикосов не согласился с отсрочкой и громко захныкал. Чтобы успокоить ребёнка, Юля взяла его на руки и кивнула на оживший ноутбук.

— Там на рабочем столе папка, «АА» называется. В ней другие папки, ищите с названием «Бэмби».

— «Бэмби»?

— Это Лёша так назвал. Он говорил, что ты напомнила ему оленёнка — на длинных стройных ножках, и такая юная, наивная, светлая, очень трогательная... действительно... на фото было похоже...

Я уловила некий скептицизм в её голосе и криво — совершенно в стиле Кайлеана — усмехнулась:

— Кроме ножек от этого мало что осталось, да?

— Кое-что осталось, — уклончиво ответила Юля, покачивая малыша.

Кайлеан развернул ко мне экран.

...Вот она я, семнадцатилетняя, свято верящая в то, что мир будет добр ко мне всегда... вскинула руки, подняла лицо к небу — улыбка до ушей, видны все тридцать два зуба, а глаза зажмурены... и Мортен на заднем

плане тоже улыбается, скрестив руки на груди, — ни дать ни взять, добрый ангел-хранитель... за левым плечом.

— О, господи... — севшим голосом сказала я. — Почему же я его не замечала? Его же невозможно не заметить!

— Отвод глаз, — произнёс Кайлеан. — А камера неживая, к тому же, с наложением магии, её не обмануть.

Он медленно перелистывал картинки: я весёлая, я задумчивая, я снова хохочу... и везде на моей физиономии ожидание счастья, которое ожидает буквально за поворотом...

— Я думала, вы друзья, — сказала Юля. — Эта парочка, они же везде. Я искоса бросила взгляд на экран.

...Облокотившись о чугун перил, глупая девчонка свесила кудри вниз и уставилась на оливково-зелёную гладь канала Грибоедова. Дурацкая улыбка, разумеется, присутствовала и здесь — будто я ожидала, что прямо сейчас воды канала разойдутся и на гранитный берег выйдут тридцать три богатыря и каждый предложит мне руку и своё мужественное сердце.

А в двух шагах позади стояли, обнявшись, Мортен и Ксения. Мортен что-то шептал Ксении на ухо, а она повернула голову в мою сторону и выражение её лица было раздражённым... я ей активно не нравилась.

— Но я видела эту фотографию, — припомнила я, — на предпросмотре, Лёша мне показывал. Не было там ни Мортена, ни Ксении, я бы запомнила.

— Мортен обладает необычными силами, — признал помрачневший Кайлеан. — Должно быть, его присутствия поблизости хватало, чтобы полностью блокировать адекватное восприятие. Тем не менее, магическая камера зафиксировала истинную реальность.

Юля нахмурилась.

— Мортен — странное имя какое... Немец, что ли, или швед? Или это кличка? Раз они не ваши друзья... кто тогда они вообще, эти люди?

— Они маги, убившие вашего мужа, — без обиняков сообщил Кайлеан. — Вероятно, у меня будет возможность воздать им по заслугам.

— Но за что?! — Стон, вырвавшийся из груди Юли, слился с моим. — Лёшка, он же был такой безобидный!

— Он мог помешать и его убрали. Очевидно, в расчёты Мортена не входило восхождение Данимиры на модный Олимп.

— Я и не собиралась никуда восходить! Я учиться собиралась!

Кайлеан пожал плечами:

— Мортен этого не знал и решил не рисковать. Ты нужна была ему под рукой.

— Странно, что он так долго меня обхаживал, — горько сказала я. — Их пятеро было. Зазвали бы котёночка в подвале посмотреть — и дело с концом.

— Во-первых, Мортен собирался пойти другим путём... помнишь каким? И во-вторых... знаешь, что для тёмного мага особо притягательно? Воспользоваться чужим доверием. У колдовства тогда появляется... особый привкус... он кружит голову как вино. А высшее наслаждение — предать любящее сердце. Это особое удовольствие. Ты ведь чувствовала что-то к Мортену?

Я вдруг увидела как сузились его глаза и сжались губы, и осознала, насколько нелегко было Кайлеану принимать моё бывшее увлечение Мортеном.

— Ты сам говорил, что там присутствовал морок!

Юля, внимательно следившая за нашим диалогом, вдруг тревожно обняла Лёшу-младшего и пробормотала:

— Кто вы такие?..

Но мне было не до неё. Мне не понравилось, с каким знанием дела Кайлеан расписывал особый привкус предательства.

— Что-то ты много об этом знаешь.

Кайлеан чуть заметно дёрнул плечом.

— Ты — тёмный маг?

Он надменно приподнял подбородок.

— Я — ученик Мерлина.

— И что это значит?

— Мерлин воспитывает универсалов... владеющих всем спектром магии.

— Весь спектр магии... Вот как это теперь называется...

В зрачках Кайлеана вспыхнули красные угли, он рявкнул:

— Не собираюсь оправдываться! Когда мы встретим Мортена, чем больше во мне будет тёмной магии, тем лучше!

Нашу перепалку прервала Юля, которая ещё крепче прижала к себе ребёнка, отступила к стене и жалобно пробормотала:

— Только сына не троньте...

Я опомнилась.

— Простите. Не надо было вмешивать вас в свои отношения. Мы уже уходим. Эти фотографии я покупаю, но пусть они пока побудут у вас. Только не показывайте их никому... это очень опасно.

Я отсчитала деньги и положила их на стол. По моему разумению, заплачено было с лихвой. На деле, снимки оставались здесь на вечное

хранение, я не собиралась их забирать. Как говорится, у каждого есть друг, способный испортить фотографию.

Из дома Абрикосовых мы с Кайлеаном вышли, отвернувшись друг от друга. И шагали молча, пока вдалеке не показалась вывеска «Кофейного рая». Тут я была вынуждена нарушить молчание.

— Почти на месте. Вон, видишь, круглая вывеска, где крыльцо и навес с коваными завитушками? Мне, наверное, ближе подходить нельзя. Я тебя здесь, в скверике подожду.

Он кивнул и решительно пошёл вперёд, даже не оглянувшись и не сказав ни словечка. Я присела на скамейку и, нахохлившись, смотрела ему вслед.

А вдруг что-то произойдёт?

А вдруг Кайлеан не вернётся?

И как это у меня получается?

Я ведь хотела поддерживать его и всячески выказывать свою благодарность, а потом взяла и нашипела. В который раз я напредила себе, что будь Кайлеан хоть трижды тёмным магом, не стоило пользоваться его помощью, одновременно пиная за несоответствующий высоким идеалам моральный облик. И кто знает, до какой степени практическими были его знания о сладком вкусе предательства... Не надо было заводить себя, но я автоматически примерила ситуацию на себя и мгновенно потеряла самообладание. От одного только предположения, что со мной снова могут поступить бесчестно, страх выморозил душу.

Ещё меня неприятно задело упоминание об увлечении Мортеном. Мне было стыдно вспоминать, какой я была доверчивой.

Где-то я Кайлеана понимала — сама старалась не задумываться о личной жизни Его Высочества. А когда всё же задумывалась, испытывала море неприятных эмоций... но, по крайней мере, не высказывалась вслух... или высказывалась?

Уже на крыльце он всё-таки бросил взгляд в мою сторону, я прочувствованно выдохнула — всё-таки посмотрел! Откинувшись на спинку скамейки, я прикрыла глаза.

Мысли закрутились водоворотом.

...Что ждёт меня в Оленегорске? Где мама с папой? Не может быть, чтобы с ними случилось что-то страшное... папа умный, он наверняка придумал что-то, чтобы им с мамой не причинили вреда... Лишь бы нам встретиться, а там всё будет в порядке... А когда всё будет в порядке, настанет пора расставания с Кайлеаном. Он вернётся в свой мир, я останусь здесь... когда через год я вернусь за Снежинкой — не встретит ли

меня полноправный король вместо младшего принца... король со своей королевой... Как я смогу отпустить его, отдать другой?

...И уже не первый раз в моей голове возник вопрос — правда ли, что лучше жалеть о том, что сделала, чем о том, что не сделала? Может, позволить себе короткое счастье, впоследствии заплатив за него сполна? Будет что вспомнить в одинокой старости... старость моя будет, конечно же, одинокой, потому что... потому что «никто не сравнится с Матильдой моей» и всё такое...

Из лирического настроения меня вывело звучное напоминание от бабочек в животе, что любовь любовью, а обед желательно получать по расписанию.

Кайлеан отсутствовал около часа и я, устав следить за входом, пропустила момент, когда он покинул кафе.

Бесшумно возникнув рядом, он протянул стакан с горячим кофе и знакомый коричневый бумажный пакет с круглым логотипом «Кофейного рая».

— Пирожки, — сказал Кайлеан и скучным голосом добавил: — Отравленные, разумеется.

Я было с живостью сунулась в пакет, но тут замерла и воззрилась на Кайлеана снизу вверх.

— Из моих же рук... — Кайлеан Георгиевич пристально созерцал вдали нечто примечательное. — Какими они ещё могут быть...

Сказать, что его голос источал сарказм, значит, ничего не сказать. Сарказм бил фонтаном вверх и, возможно, на данный момент являлся самым высоким фонтаном в Европе.

Я достала пирожок, осмотрела и с удовольствием откусила приличный кусок.

— Ничего-ничего, — бодро произнесла я с набитым ртом. — Пирожок из твоих рук... м-м-м... мням-муам... это так приятно. Приятней может быть только... моам-муам... пирожок из рук Мортена... — Я проглотила, вновь откусила и энергично зажевала. — Я же до сих пор по нему сохну... по мнению некоторых.

Кайлеан Георгиевич сразу вышел из образа кроткого страдальца и гневно сверкнул очами:

— Некоторые ничего подобного не говорили!

— Прямо не говорили. Но намекали.

— Не намекали.

— Да? А к чему тогда были эти расспросы — чувствовала я что-то к Мортену, не чувствовала?..

Он помолчал, затем нехотя сказал:

— Само вырвалось. Просто представил...

— Богатое воображение, понимаю. У самой такое.

Потом я выпала из дискуссии, воздавая должное пирожкам и кофе. Кайлеан молча сидел рядом, упершись взглядом в двух потёртого вида мужичков, расположившихся напротив. Я жевала, отхлёбывала живительную жидкость и тоже наблюдала за происходящим. На скамье стояла шахматная доска, но в древнюю игру была внесена чисто питерская поправка — как только кто-то из игроков «съедал» фигуру, извлекалась фляга и шахматисты поочерёдно прикладывались к ней.

Прикончив пирожки и допив кофе, я умиротворённо вздохнула, обхватила кайлеанову руку, пристроила голову ему на плечо и пробормотала:

— Они милые, правда? Алкоголики, наверное, но всё равно милые.

Кайлеан Георгиевич покосился и произнёс с оттенком недоумения:

— Так тебя что, просто накормить надо было?

Я загадочно улыбнулась.

— Иногда это срабатывает и с девушками. Ну, что там рассказал Роберт Ашотович?

Кайлеан ещё немного понаблюдал за игрой, потом сказал:

— Как и предполагалось, твой бывший работодатель — эмигрант из Аннмории. Запирался, конечно, вначале, но я быстро добился откровенности.

— ...Немножко надавили харизмой, а, Ваше Высочество?

— Пришлось. Поначалу трактирщик решил со мной в игры играть, но быстро уяснил, что делать этого не стоит. Он сбежал сюда много лет назад по причинам, вдаваться в которые я не стал. Главное, он склонился перед волей Карагиллейна — фамильное сходство существенно упростило дальнейшую беседу.

Кайлеан полез в карман, достал ключи и покачал ими. Брелок с зигзагом «Опеля» и подвеска — деревянная обезьянка, прикрывшая ладошками глаза, — были мне знакомы.

— Роберт Ашотович оторвал от сердца любимое авто? — приподняла брови я. — Представляю себе его скорбь. Но жертва не имела смысла: у нас обоих нет ни прав, ни паспортов. Нельзя так рисковать. Не уверена на сто процентов, что сможем откупиться, если дорожная полиция нас остановит... мало ли как сложится.

— Машина заговорена от внимания дорожной полиции, такие чары обычно накладывают на транспорт спецслужб, и у нас тоже. Из

уклончивого сопения твоего работодателя я узнал, что списанный оперативный автомобиль ему продал сотрудник некой структуры, тем самым существенно уменьшив пропасть между своими смелыми желаниями и скромным официальным заработком.

— Надо же... а я-то удивлялась — Роберт Ашотович знает толк в дорогих вещах, а машина у него древняя, да ещё и обшарпанная какая-то... одна радость, что немецкая. Сколько помню, он всё время что-то в ней менял — то тормозные диски, то свечи, то провода... а кузов, по-моему, просто рассыпался в труху. Вечно он его подмазывал и подкрашивал...

— Трактирщик не преминул сообщить, что за эту обезьянку, — Кайлеан ещё раз покачал связкой, — заплатил столько, будто её выточили из цельного алмаза. Чары, правда, настроены на источник силы, расположенный в центре города. Как подальше отъедем — начнут ослабевать, но к тому времени, как они развеются, мы успеем беспрепятственно добраться до места.

— Раз никто не остановит, давай я сяду за руль, а ты отдохнёшь. — Я с готовностью встала.

— Поведу я. — Кайлеан тоже встал. — Ты будешь штурманом. И ещё... Задавая вопросы, я вынужденно обнаружил свой интерес к Мортену. Как выяснилось, он регулярно заглядывает на твою бывшую работу... завсегдатай, можно сказать.

— Плюшками балуется? — хмуро спросила я.

Кайлеан поглядел с любопытством и пожал плечами:

— И этим, наверное, тоже. Он сделал «Кофейный рай» своей штаб-квартирой и, похоже, основательно запугал хозяина. Тяжело признавать, но Мортена твой бывший работодатель боится больше, чем меня, и, кстати, на полном серьёзе считает его вампиром. Должно быть, стал свидетелем ритуала, с помощью которого поддерживается подобие жизни в призрачном теле. Я запретил упоминать о своём визите кому-либо вообще, но стереть память Роберта Ашотовича, не раскрыв своего местонахождения, не могу. Появится Мортен — аннморийец расколется как гнилой орех. А я бы предпочёл до конца оставаться в тени... У нас появилась ещё одна причина поскорее добраться до области, где у меня будут развязаны руки.

Недалеко во дворах мы нашли притулившийся к какому-то строению гараж, а в нём старенький серый «Опель» Роберта Ашотовича. Через пару часов, миновав утомительные пробки, зачарованная машинка вырвалась на простор автобана и стрелой понеслась на север..

Большая часть пути опять проходила в молчании. Пока не пригодились

даже мои ценные указания — в машине был установлен спутниковый навигатор, проложивший маршрут до того Оленегорска, что вполне официально существовал на карте. Кайлеан сосредоточенно глядел на дорогу, длинные кисти рук лежали на руле почти неподвижно, лишь иногда корректируя едва заметные отклонения от курса. Было ощущение, что он не столько отдался вождению, сколько усиленно о чём-то размышляет. Я не хотела мешать, потому праздных разговоров не затевала.

Лишь однажды Кайлеан, по-прежнему глядя вперёд, вдруг отрешённо произнёс:

— Если со мной что-то случится... — и замолчал, не продолжив.

Желудок сжался, будто я падала с высоты. Я подождала, но когда он так и не закончил фразу, не стала уверять, что всё будет хорошо. Очень даже может быть, что вместо возвращения в родные пенаты нам предстоит проникновение на вражескую территорию. Включив радио (по салону поплыло что-то задумчиво-восточное — дудук, кажется), я отвернулась и стала смотреть в боковое окно.

По-хорошему стоило бы подремать, но нервы не позволяли.

...Погода была пасмурной, небо — низким. Рахитичные лиственные деревья, тянущиеся из болота, всё чаще сменялись хвойными лесочками, бодро избегающими на вересковые пригорки. Иногда вместо леса вырастали гранитные скалы, и шоссе петляло, огибая массивы; огромные обкатанные валуны, поросшие мхом, — гости из ледникового периода — в изобилии лежали по обочинам. Пейзаж за окном лучше всяких указателей свидетельствовал о том, что мы въехали на территорию Карелии.

Двигатель урчал мягко и ровно — автомобиль Роберта Ашотовича оказался тигром в овечьей шкуре: он уверенно пожирал километры, выказывая мощь, немыслимую для старой колымаги; однако так же уверенно он пожирал топливо. Должно быть, ненасытность была побочным эффектом наложенных чар. Трижды мы останавливались на заправках с почти пустым баком, пополняли запасы бензина, что-то ели с картонных тарелочек... распаренные, кирпично-красные сосиски с бледным картофельным пюре из хлопьев... пили не особо ароматный, но крепкий кофе... К вечеру мы миновали Петрозаводск, ещё позже пересекли границу Заполярья.

Северные белые ночи уже пошли на убыль, но всё ещё сопротивлялись грядущей тьме. Не смотря на позднее время, мы ехали в каком-то жемчужном полусумраке, отчего всё вокруг казалось нереальным. Машин на трассе поубавилось, лишь встречные тяжеловесы-рефрижераторы с мурманскими номерами продолжали движение на юг.

Беспокойство накатывало волнами, и чем ближе становился Оленегорск, тем выше становились эти волны.

— Ночь, — произнёс Кайлеан, поддержав моё настроение. — Я предпочёл бы не объявляться в посёлке ночью. Лучше утром. Надо остановиться в каком-нибудь мотеле.

— С мотелями здесь напряжёнка, — призналась я. — Последний мы проехали час назад. Помнишь большую стоянку с фурами? Перед поворотом на Оленегорск будет заправка, при ней магазинчик «Двадцать четыре часа», но жилья там нет.

— Переждём до рассвета в машине... где-нибудь на окраине.

Я наконец сообразила рассказать Кайлеану о гостевом доме, расположенном в лесу, километрах в десяти от шоссе. Дом был выстроен на периферии магической зоны на деньги Завода и предназначался в основном для адаптации гостей, собиравшихся посетить Оленегорский Опытный. Папа объяснял, что особый фон в наших местах требует некоторого привыкания, и упоминал для образности кессонную болезнь, настигавшую водолазов, слишком быстро поднявшихся с большой глубины. Иногда министерскому магу приходилось проводить по несколько суток у пограничной черты, где влияние магического Гольфстрима уже ощущалось, но пока было слабее, чем в центре.

— Место, где я выросла, оно особенное. Фон специфический. Как думаешь, тебе понадобится адаптация?

Кайлеан пожал плечами:

— Вряд ли. Никогда не замечал за собой особой чувствительности. Но магия магии рознь, оглядеться не помешает... подстроиться, если что. В любом случае, стоит остановиться на ночь под крышей, тебе надо отдохнуть. Кто знает, что ждёт впереди... В этом доме кто-то живёт?

— Сторож, по-моему, всегда там. Кому-то же надо за порядком следить, ремонтировать... зимой котёл топить, чтобы трубы не разорвало, двор от снега чистить. — Я напрягла память. — Когда уезжала в Питер, Филиппыч такой в сторожах был... Фёдор Филиппович, бывший кладовщик с завода. У него жена жутко сварливая, он как на пенсию вышел, так сразу в сторожа подался, от неё подальше... папа так говорил... по-моему, даже сочувствовал. И мама тоже. Кто сейчас — не знаю. А другие редко бывают, командировочные в основном. Хотя в самом доме сауна приличная, баня отдельная с чистым прудом позади... иногда из поселкового начальства кто-то наезжает.

— Кто бы ни наехал... — Кайлеан, не выпуская руль, потянулся всем телом — подозрительно предвкушающе потянулся. — В магической зоне я

смогу быть очень убедительным.

— Ты только сразу на людей не кидайся, ладно? Иногда дешевле просто наврать что-нибудь. Ехали домой, машина сломалась, решили не рисковать на ночь глядя... всех устроит. Про тебя скажу, что ты мой друг... но все конечно будут думать, что ты не просто друг.

— Я не просто друг, — подтвердил Кайлеан Георгиевич.

Эту тему я предпочла опустить.

— Сейчас там, может, и вообще никого нет кроме сторожа. Хорошо бы. Как бы там ни было, о ночлеге договоримся. Заодно ненавязчиво проясним обстановку в посёлке.

Он хмыкнул.

— Ненавязчиво — это как?

— Это значит, мы не станем магичить сходу направо и налево. Я просто пощечу... как охотник, спустившийся с гор... в смысле, как местная девушка, вернувшаяся домой после длительного отсутствия. Логично же, что меня будет интересовать всё-всё-всё?..

— Пощечу, пощечу, — как-то неопределённо согласился он. — Но если что-то пойдёт не так, пощечу я...

...Зону Кайлеан почувствовал безошибочно. Не успела я сообщить, что совсем скоро предстоит сворачивать с трассы, как Кайлеан подсобрался, вздёрнул подбородок и поводит головой из стороны в сторону, слегка смахивая на легендарного Терминатора, только что прибывшего из печального будущего человечества.

— М-м-м... — сказал он, полуприкрыв глаза, — приближаемся? Прекрасно... прекрасно... Твой отец поступил мудро, поселившись здесь.

— Почему?

— Магия... впереди много магии... озеро роскошной магии... хорошо для принцессы из Аннмории. Хорошо для тебя — по крови ты наполовину наша. И хорошо для меня — никаких ограничений... наконец-то.

— Тяжело себя сдерживать? — посочувствовала я.

Он дёрнул плечом.

— Да нет, ничего, терпимо... — Потом помолчал, покосился на меня и сказал: — Честно говоря — отвратительно. Представь, что живёшь со связанными за спиной руками...

— Скоро конец твоим мучениям. Сейчас заправка будет, после неё сверни на первом повороте.

...Лесная дорога была сухой и ровной, но «Опель» в очередной раз начал похрюкивать и двигаться будто рывками. Я взглянула на уровень

топлива — бензина оставалось ещё почти полбака, но прожорливый автомобиль решил, что ему маловато будет.

— Надо было заправиться, — Кайлеан ударил по рулю. — Устроимся, вернусь на заправку. Надеюсь, дотянем.

И мы дотянули.

...Добротный двухэтажный дом, обшитый крашеной в зелёный цвет вагонкой, казался необитаемым. Во дворе ни одного автомобиля кроме нашего, глухие тёмные окна и тишина.

Мы выбрались из машины, я бросила взгляд в сторону бревенчатого строения — бани. Света в маленьких окошках тоже не было.

Я подошла к крыльцу, украшенному кадушками с настурцией, поднялась по ступенькам и подёргала за дверную ручку. Вполне предсказуемо дверь не поддавалась.

Тогда я позвонила в звонок.

Потом постучала.

Потом поколотила кулаком и попинала ногой.

Никто не отозвался.

— Данимира, отойди, я выбью дверь, — буднично сказал Кайлеан.

— Подожди. Дверь попортишь, сторожа напугаешь. А мне ещё с ним задушевные беседы беседовать... о политической обстановке в регионе... Посмотрим с другой стороны, с чёрного хода.

Когда мы обошли дом, я с облегчением увидела, что в окнах кухни на первом этаже мелькает тусклый голубоватый свет — будто там включён телевизор.

— О! Всё-таки кто-то есть! — обрадовалась я и забарабанила в дверь.

Голубоватый свет продолжал мельтешить, мне даже показалось, что я слышу характерные телевизионные звуки... выстрелы и крики, чередовавшиеся с тревожной музыкой... но больше ничего не происходило. Моему воображению предстал некий дряхлый дедок с берданкой, храпящий за длинным кухонным столом.

— Дрыхнет, небось, — с досадой сказала я. — Конечно, перед телевизором самый сон. Особенно если боевик идёт.

— Отойди, — снова сказал Кайлеан.

— Может, не надо так резко?

Кайлеан молча взял меня за плечи и отодвинул в сторону. Затем отошёл, примерился, взлетел в воздух и легко прикоснулся обеими ногами к дверному полотну. По крайней мере, так всё выглядело со стороны. Полёт мотылька в лунном свете и всё такое. Только раздавшийся оглушительный треск свидетельствовал о том, что силы были задействованы немалые.

Дверь распахнулась.

— Ого! — воскликнула я, таращась на развороченный косяк. — Ты случаем в Шао-Лине не учился?

— Вольнослушателем, недолго совсем, — безмятежно ответил Кайлеан. — Любопытный был опыт. Пойду первым, держись за спиной.

Он мягким крадущимся шагом двинулся по тёмному коридору туда, где из приоткрытой щели пробивался свет.

...Действительно, небольшой телевизор, подвешенный высоко в углу кухни, работал, и кто-то героический метался на экране. Сторож сидел за столом, заставленным почему-то разнокалиберными кастрюлями, но не спал. Тёмный силуэт, подсвеченный голубым сиянием, с равномерностью маятника раскачивался вперёд-назад... вперёд-назад... Шум у входа ничуть его не обеспокоил и своего странного занятия он не прервал. То ли он был болен физически, этот сторож, то ли душевно...

— Э-э-э... вы нас извините за вторжение... — я сунулась было к сидящему, но Кайлеан вдруг напрягся, бесцеремонно, как кутёнка, сгрёб меня за шиворот и задвинул обратно себе за спину.

— Даня, стой! — приказал он, протянул вперёд руку с раскрытой ладонью и нараспев заговорил на своём «древнеегипетском».

Тёмная фигура перестала раскачиваться, задёргалась... потом неуклюже, не с первой попытки поднялась и наконец развернулась...

Я сдавленно охнула.

Растрёпанные сивые волосы обрамляли одутловатое лицо, сквозь седую щетину просвечивали тёмные пятна... белесые глаза уставились в никуда. Чёрные запёкшиеся губы шевельнулись, и какое-то жалкое сипение вырвалось из горла. Задушевной беседы не выйдет, осознала я. Человек был бесповоротно мёртв.

Кайлеан что-то произнёс и мертвец что-то просипел в ответ.

— Ты его понимаешь? — пискнула я, высунувшись из-за Кайлеанова плеча.

Зомби деревянно поднял руку и указал как мне показалось, прямо на меня.

— Он говорит, что его зовут... м-м-м... Теодор... сын Филиппа... — отозвался Кайлеан.

— О, господи! — Я пригляделась. — Так ведь это действительно Филиппыч... Фёдор Филиппович! Спроси, что с ним случилось?

— Он показал, что его убила ты.

— Я?!

— Не ты, конечно. Твоя мать. Или сестра матери.

— Зачем бы это маме делать?.. — пробормотала я. — Она его прекрасно знала. Безобидный дядька... был... А Илгалея? Откуда ей быть здесь?

Кайлеан снова заговорил с бедным стариком и внимательно выслушал его сипение.

— Он умер давно и не здесь, а где-то... среди домов... очевидно, в самом посёлке. Потом его подняли... весьма топорно, повредив основы сущности... — в голосе Кайлеана звучало неодобрение профессионала, — потому толком мы от него ничего не узнаем. Он убежал и вернулся сюда... инстинктивно... потому что при жизни ему здесь было хорошо, здесь было его убежище. Но нынешнее существование твоего Филиппыча мучительно. Правильно поднятый мертвец равнодушен к своему положению и послушен хозяину... а этот смутно ощущает, что с ним происходит неладное, отсюда побег.

— Ужас какой... Бедный, бедный! Освободи его, пожалуйста, упокой скорее!

— Утром, — твёрдо сказал Кайлеан. — Сейчас он нам ещё пригодится. Настрою его на охранно-сторожевую функцию и выпущу на ночь побродить вокруг дома. Если появятся гости — мы об этом узнаем. — Он помедлил и виновато сказал: — Сейчас устроим тебя, и я отъеду на полчаса, заправлюсь, машина должна быть на ходу. Мало ли что.

— Я останусь одна с Фёдором Филипповичем?! — всполошилась я. — А если он нападёт? Я не отобьюсь, мы в Шао-Линях не обучались!

— Он будет снаружи и не сможет войти внутрь. Ничего не бойся, я быстро. Он будет тебя охранять... впрочем, скорее символически. Не чувствую ни одного мага поблизости, мы здесь одни.

Кайлеан отошёл от двери, потянув меня за собой, и произнёс короткую, но эффективную древнеегипетскую речь. Зомби скованным шагом направился на выход. Через несколько мгновений раздался шум — открылась и закрылась дверь чёрного хода.

Я выдохнула и расслабила плечи. Присутствие неупокоенного мертвеца было тяжело выносить в принципе, но зрелище знакомого неупокоенного мертвеца заставляло сердце болезненно сжиматься от страха и жалости одновременно... и это мучило.

— Пойдём на второй этаж. На первом мне будет постоянно казаться, что Фёдор Филиппович заглядывает в окно. К тому же там есть двухкомнатный «люкс». Мы с родителями как-то жили в нём, когда мама глобальный ремонт затеяла. «Люкс» сам понимаешь, одно название, но две комнаты действительно есть. И ванная. Надеюсь, всё работает.

Мы поднялись, в «люкс» Кайлеан зашёл первым, обошёл гостиную, спальню, заглянул на балкон и в санузел, и даже во все шкафы и только после этого позволил зайти мне.

В гостиной я опустилась на диван и произнесла:

— В посёлке происходит что-то страшное... убийство... может быть, не одно... Я боюсь завтрашнего дня.

Кайлеан подошёл, присел рядом на корточки, взял мои руки в свои.

— Я буду рядом. — Он заглянул снизу вверх: — Если понадобится... жизнь за тебя отдам... ты ведь знаешь об этом?

Я хлопнула ресницами, но он быстро встал, не дожидаясь ответа, и пошёл к выходу. У двери Кайлеан задержался и сказал:

— Десять минут туда, десять обратно, десять там. Я вернусь через полчаса, даже быстрее, но ты меня не жди. Прими душ, в том шкафу есть постельное бельё. Ложись, тебе надо отдохнуть.

Я встала у окна, проводила взглядом удаляющийся свет фар «Опеля». Хрюкал прожорливый подлец отчётливо. Угнать, что ли, в посёлке нормальную машину? В смысле, одолжить... Я даже не сомневалась, что в случае необходимости Кайлеан легко... одолжит... чужую машину.

Подумав, я подошла к двери и дважды повернула защёлку. Всё равно я не собиралась ложиться до прихода Кайлеана, а так мне будет спокойнее.

Насладиться душем не получилось. Не смотря на запертую дверь, из головы не выходил традиционный сюжет зарубежного триллера — беспечная блондинка плещется в душе, в то время как некто с тесаком в руке подбирается всё ближе и ближе.

И где-то неподалёку бродил неправильно поднятый Фёдор Филиппович... а вдруг на него не подействуют приказы Кайлеана? Или подействуют как-то неправильно?

Так что освежилась я за три минуты, затем застелила диван в гостиной и кровать в спальне... забралась на свою постель, расплела косу и в ожидании Кайлеана принялась расчёсывать волосы. Это было умиротворяющее занятие, не мешавшее думать о важных вещах. Важной вещью было то, как он заглянул мне в глаза и спросил, знаю ли я... Я поверила ему в тот же момент, как он это сказал... и ещё я верила, что может случиться так, что кроме этой ночи, у нас больше ничего не будет... Что же нам делать... или не делать...

...Какой-то звук внезапно почудился в коридоре... я резво вскочила и подбежала к окну... двор был тёмн и пуст... Кайлеан ещё не вернулся, Фёдора Филипповича тоже не было видно.

Босиком, на цыпочках я подошла к двери в гостиную и прислушалась.

Стояла мёртвая тишина, и я, успокоенная, собралась снова забраться на кровать и предаться архиважным раздумьям, но тут звук повторился. Будто кто-то тихонечко постукивал по двери соседнего номера.

Я вообразила мёртвого Фёдора Филипповича, всё-таки поднявшегося на второй этаж и неизвестно зачем постукивающего карандашиком по дверям, и похолодела.

А потом будто бы раздался топот маленьких лапок.

Кто это?

Не Фёдор Филиппович? Мышь?

Мышь, которая стучит перед тем, как войти?

И снова шорох и постукивание... теперь уже в нашу дверь.

Я почувствовала, как волосы поднимаются дыбом. Примёрзнув к полу, забыв дышать, я стояла на пороге спальни и беспомощно наблюдала, как сама собой в обратную сторону поворачивается закрытая мною защёлка... как сама по себе приоткрывается дверь...

Щель была совсем небольшой, за ней стояла чернота... там кто-то был, но я никого не видела.

Потом вновь раздался шорох. Я опустила взгляд и увидела, как из-за дивана, стоявшего у входа, появляется маленькая тёмная фигурка с горящими рубиновыми бусинками вместо глаз...

Он нашёл меня — эрмитажный ушебти Мартина, с копьём, крепко зажатым в маленькой ручке... с острым копьём, которым он выкалывал глаза загробным должникам.

Рубиновые бусинки вспыхнули ярче. С невнятным восклицанием я грохнула перед собой ментальным щитом, тем самым, которому научил Кайлеан, — скорее инстинктивно, чем осознанно, и застыла на месте.

Как ни странно, это сработало. Ушебти замедлил движение, замер в нерешительности, огоньки в его глазах потускнели. Может быть, кроме обычного запаха, ему нужно было что-то ещё? Ментальный запах, запах мыслей?

Впрочем, размышлять было некогда.

Я чуть отступила... человечек оставался на месте, хотя и склонил голову набок, будто прислушиваясь.

Ещё шаг назад ... и ещё один... Мелкими шажками я отступала к кровати, попутно выстраивая между нами все защитные заклинания, которые смогла вспомнить. Ушебти не двигался с места. Робкая надежда затеплилась в моём сердце, ведь продержаться надо было совсем немного, Кайлеан, должно быть, уже в пути...

Я осторожно присела на кровать, плавно забралась на неё с ногами, перебравшись в угол, как можно дальше от края. К животу я прижала подушку, намереваясь отбиваться ею от ушебти... в конце концов, он же маленький!

Базальтовый человечек постоял, поглядывая по сторонам, наклоняя голову то влево, то вправо... опустил копьё и вдруг принялся ритмично постукивать им в пол. Именно эти звуки я слышала в коридоре ранее... негромкие такие... словно птичка-синичка солнечным зимним днём стучала по оконной раме. Сжавшись в комочек, затаив дыхание, я наблюдала за непонятными действиями ушебти.

Впрочем, непонятными они оставались недолго. Очень скоро обнаружилось, что от тихих постукиваний все выстроенные преграды задрожали и пошли трещинами — магическая вибрация разрушала защиту. Заклинания сыпались как старая штукатурка, вскоре рухнуло всё, кроме Кайлеанова щита. Истончившийся, он всё ещё держался.

Глаза ушебти разгорелись, чёрное недоброе личико обратилось в сторону кровати.

Направление он определил верно.

Тёмная фигурка двинулась в мою сторону, продолжая постукивать копьём об пол.

Я вдруг сообразила, что анималингва способна передаваться на большие расстояния, нежели обычная человеческая речь. Надо было попытаться мысленно призвать Кайлеана, но для этого придётся убрать последний щит... последний, не считая подушки.

Ушебти приближался, я рискнула и приоткрылась, чтобы послать призыв о помощи... и ушебти сразу же, без разбега, прямо с места прыгнул ко мне на кровать.

Защита пала.

«Кайлеан!» — выкрикнула я на анималингве, а в сторону ушебти вслух выдала бессмысленное «Отстань от меня, дурак!». Взмах подушкой смёл человека с кровати. Он слетел вниз и прокувыркался до соседней стены, но тут же поднялся, разбежался и прыгнул. Он опять оказался рядом и на этот раз был настороже. Когда я попыталась ударить его, он ловко увернулся и ответным ударом распорол подушку сверху донизу.

Пух и перья взлетели и закружились в воздухе, этот странный снегопад отвлёк меня на долю секунды. Острая игла вдруг вонзилась в ступню — это ушебти подскочил и ткнул копьём и попал, наверное, прямо в нерв — боль была адова. Нога сразу как-то онемела и перестала слушаться, я не могла ею пошевелить. От боли и ужаса я вдруг отчаянно заголосила на анималингве «Мяу-у-у!».

Надо было внятно предупредить Кайлеана об опасности, но меня заклинило странным образом, и вместо нормальных слов выходил только кошачье «Мяу-у-у!».

Он уколол меня опять, на этот раз в голень другой ноги и я замаякала ещё истошней, обнаружив, что обе ноги перестали слушаться. Хлестнув по ушебти зажатой в руке изуродованной подушкой, я отшвырнула ушебти от себя. В воздух взвилась новая порция пуха и перьев, чёрная фигурка отлетела на другой конец кровати, но в полёте сделала сальто и приземлилась, даже не упав.

Ушебти отвёл копьё назад, присев для прыжка... Я зажмурилась, закрыв лицо руками, чтобы защитить глаза...

«Мяу! Мяу! Мяу-у-у!...»

По комнате раскатился низкий глухой рык.

Не веря своему счастью, я вскинула голову.

Каменный человек застыл, не успев прыгнуть. В дверном проёме стоял Кайлеан... с искажённым потемневшим лицом, глаза уже светились красным не хуже, чем у ушебти, волосы удлинились и шевелились змеями... не было зрелища прекрасней в мире! Кайлеан выкинул вперёд руку и рыкнул что-то по-древнеегипетски. Ушебти вздрогнул, выпрямился,

застыл, потом задёргался, делая нелепые шажки то вперёд, то назад, то вбок. Он замахнулся на меня копьём, снова застыл...

Пух и перья, взлетевшие в воздух, тоже зависли.

Кайлеан, оставаясь на пороге спальни, начал читать заклинания.

Я наконец опомнилась, перестала мяукать... и заплакала как обычный человек.

На переподчинение ушебти ушло, наверное, не так много времени, как казалось, но каждую минуту я засчитала бы за час. Каждая молекула чёрного базальта была насквозь пропитана верностью Мортену, низкий глухой голос Кайлеана звучал, не умолкая. Заклинания обрушивались на ушебти, не давая ему опомниться, человечка крючило, будто он состоял из плоти и крови и его терзал приступ неведомой лихорадки. В конце концов Кайлеан добился своего — ушебти спрыгнул с кровати, строевым шагом приблизился к нему, пал ниц и протянул копьё в знак покорности.

Кайлеан с надменным видом что-то произнёс и ушебти заговорил, не поднимаясь с пола. Голосок у него был жуткий — тонкий, но какой-то механический, будто его для неузнаваемости пропустили через компьютерную программу. Допрос длился недолго, затем огонь в глазах Кайлеана угас. Он наклонился, бестрепетно взял человечка за шею, отнёс к комоду, повернул лицом к стене и оставил так, рывкнув напоследок что-то повелительное. Затем бросился ко мне и сгрёб в охапку.

— Я виноват... не думал, что так скоро... прости... прости... — бормотал он, сжимая так, что все мои косточки затрещали.

— У меня ноги как ватные! — (Пришлось сделать некоторое усилие, чтобы изгнать мяукающие интонации.) — Он копьём меня колот! И глаза хотел выколоть!

— Ш-шустрый, с-скотина! — сквозь зубы произнёс Кайлеан, ослабил объятия и метнул в ушебти энергетический разряд. Молния ударила в чёрную фигурку и скрючила её. Ушебти упал, свернувшись в позе эмбриона, копьёцо отлетело в сторону.

Потревоженный пух пришёл в движение и медленно-медленно поплыл по комнате, будто находился в невесомости.

— Ой-й-й... — поморщилась я. — Оставь его, он просто слуга. Но я ходить не могу теперь!

— Зло ушебти уже исчезает, потерпи немного. И он не в глаза целился.

— А куда?

— В горло. Его задачей было обездвижить и лишить дара речи. А затем пригласить Мортена... к десерту.

— Он вызвал Мортена? — Я содрогнулась.

— Не успел, поскольку не выполнил приказ до конца. Но был близок к тому. Прости, я распылил бы его на атомы прямо сейчас, но он нам ещё послужит.

— Больно нужны мне его атомы... пусть только с комода не слезает!

Кайлеан уткнулся лицом в мои волосы, обнял крепче, вдохнул несколько раз и заговорил:

— Мортен послал ушебти на поиски сразу, как только понял, что ты ускользнула. Однако след затерялся. Сначала был «карман бога», после мы прошли сквозь многие измерения, как сквозь воды множества рек. И в моём доме ты тоже была в безопасности. Замок Карагиллейнов защищён от посторонних взглядов, его обитателей не так-то легко запеленговать. Поэтому я и хотел удержать тебя в Башне.

— Я не могла остаться... ну никак не могла...

— Не могла, — согласился он, снова зарываясь лицом в мои волосы, — и я чуть не потерял тебя...

Я ткнулась носом в его щёку. К запаху кожи примешивался слабый полынный аромат, и я вдохнула его с нежностью.

— Не потерял же.

Он помолчал и заговорил твёрже:

— Когда Мортен призовет ушебти для отчёта, чтобы проверить состояние дел, он обнаружит, что слуга сменил хозяина.

— Их связь сохраняется и сейчас? — с тревогой спросила я.

— Все значимые каналы обрублены, управлять ушебти Мортен больше не сможет. Но тонкая нить их всё же связывает. Оставил для иллюзии, убрать не могу, иначе Мортен почует чужое вмешательство. Полагаю, мы узнаем, когда это произойдёт.

— Каким образом?

— Негодный инструмент принято уничтожать. Ушебти надо держать на виду... как индикатор. Когда с ним начнёт происходить... что-то странное, это и будет сигналом.

Я покосилась на комод. Каменный человечек подобрал своё копье и неподвижно стоял лицом к стене. Пока целый и невредимый.

— Странно... — пробормотала я. — Он, конечно, жуткий. И копьем меня колот... Но всё равно как-то жаль его...

— Как самочувствие? — спросил Кайлеан, проигнорировав жалостливую тему. — Онемение прошло?

Я пошевелила пальцами ног.

— Вроде да, лучше. Надо походить, чтобы понять.

Он какое-то время поразглядывал мои ноги, а потом вдруг длинно

провёл ладонью от щиколотки до бедра.

— Что-то чувствуешь?

Я поглядела на его руку, остававшуюся на моём бедре чисто в терапевтических целях, очевидно, подняла голову и сказала:

— Чувствую.

Он напрягся, убрал руку и даже слегка отодвинулся.

— Сейчас ликвидирую беспорядок... и уйду, — он кивнул в сторону двери.

— Не уходи.

— Не бойся, ушебти я заберу с собой, и спать не буду.

— Я не боюсь. Не уходи.

— Ты хочешь, чтобы я остался? — уточнил Кайлеан, словно я говорила с ним на незнакомом языке.

Всё-то он понял. Но отчего-то медлил. Что там говорила Дрю о желательном целомудрии для царской невесты? Младший сын всё ещё мечтал о собственном троне, и эта мечта оказалась сильнее... всего остального... Мне стало горько на мгновение, но только на мгновение, — я уже приучила себя к мысли, что с Кайлеаном мне многим придётся поступиться.

— Милый, — сказала я, потянувшись к нему и легонько поцеловав в губы, — у нас очень мало времени. У нас, может, только и будет всего, что эта ночь... Но вначале мне нужно сказать одну очень важную вещь. Не береги меня... не выйдет ничего с нашим королевством... забудь. Тебе ведь не нужна проклятая королева?

Он глядел на меня с непонятым выражением, зрачки расширились так, что глаза казались чёрными. На тёмные спутанные волосы опустились белые пушинки и придали ему неожиданно новогодний вид.

Сердце снова защемило. Неужели мне сейчас предстоит узнать, что Кайлеана интересовала только безупречная принцесса с правом наследования?..

Нет, в это я поверить не могла.

— Я, видишь ли, нарушила магическую клятву. Тогда, на Тучковом мосту, во время побега от ковена... я взмолилась... и меня спас кто-то... кто-то могущественный... божество, которому я дала клятву. Не знаю, кто это, но клятва была принята.

— Клятву? — отрешённо переспросил Кайлеан.

— Да. Я поклялась не любить больше никогда и никого...

— Зачем?

— Не знаю зачем! Затем, что это очень больно и очень страшно, когда

предают и обрекают на смерть! Я клялась искренне!.. А потом встретила тебя... и случилось то, что случилось. Не сразу... но это произошло... и ничего не изменить, милый. Я люблю тебя — вопреки всему... но удачи твоему королевству не принесу... Прости...

Он всё сидел неподвижно и рассматривал меня, и я залепетала, не веря, что произношу это вслух:

— У нас не получится с королевством, со свадьбой, с «жили они долго и счастливо»... я-то точно не буду счастлива без тебя... но несколько часов до рассвета — они наши...

Он перебил задумчиво, будто и не слышал моих последних слов:

— Тебе рассказывали, как погибла мать Химериана?

— А-э-э... ну так... в общих чертах... — Я опешила от внезапной перемены темы и хлопала ресницами, совершенно не представляя, к чему он клонит. — Твоя мать застала Шайну, читающую заклинание над колыбелью, и стала с ней драться. Ну и победила. А Шайна... сам знаешь... пожалуй, всё.

— Это лишь относительная правда. Детали знают лишь несколько человек в королевстве... мать, отец, Мерлин, я. Ещё Химериан... имеет кое-какое представление. Одно время у Хима с мамой совсем испортились отношения, и отец рассказал... не всё, но достаточно, чтобы Хим кое-что осознал...

— Что осознал?

Кайлеан криво усмехнулся.

— Например, что его мать (а у неё ведь было очень мало времени) помчалась не к нему, а к чужому ребёнку — с целью прихлопнуть его как муху. Лучше бы Химу обо всём таком не задумываться, но отец обычно идёт к цели напрямик. Впрочем, сейчас не об этом. Тщательно сформированное народное мнение гласит — мать успела отбить атаку Шайны. На деле она опоздала... к началу представления. Два стражника и нянька были убиты на месте, и мне просто повезло, что в тот момент я находился в колыбели. Королевскую колыбель окружала магическая защита, это спасло меня от физического уничтожения. Не так-то просто убить дитя Карагиллейнов в родовом замке. Обозлённая ведьма метала все проклятия, что приходили ей на ум. Жгучая южная порча сквозь полог всё же просочилась, я схватил порядочную дозу. Хватило бы на дюжину младенцев. Некоторые заклятия удалось уничтожить сразу, от некоторых меня долго лечили, вплоть до совершеннолетия. Согласно одному из проклятий я должен был стать убогим уродом, волосатым недоумком... Мерлин расщепил мою сущность и запечатал вторую, звериную половину в

глубине первой, основной. Как выяснилось, отвратительная двойственность моей натуры иногда всё же вырывается наружу...

— Вовсе не отвратительная, — вставила я, — не наговаривай.

— Перед отъездом я зашёл к матери попрощаться. В ходе нашего разговора прозвучало, что женитьбу на тебе я считаю делом решённым и бесповоротным, и возражений не потерплю.

— Да? — пискнула я, ощутив, как вопреки здравому смыслу сладко трепыхнулось сердце.

— Да.

— А были возражения?..

Он пожал плечами.

— Были. Разумеется, никому не хочется... сложностей. — Кайлеан протянул руку и снял несколько пушинок с моих волос. — Ты будто только что вошла со снегопада.

— Но теперь-то ты понимаешь? Твоя мама была абсолютно права. Я тебе не пара. — Я с грустной улыбкой показала ему пёрышко, снятое с его волос.

— Далее мать странно обмолвилась: уж лучше так, чем по-другому. Меня зацепило, я настоял на объяснении. И узнал ещё об одном проклятии, прозвучавшем над колыбелью, и о котором до недавнего времени пребывал в неведении. Родители решили, как выразилась мама, «не портить мальчику личную жизнь». Да и зло считалось обезвреженным. — Он помолчал, затем заговорил: — Мать всегда уверяла, что любовь отца к Шайне была пустой, поскольку зародилась с помощью чар, но Шайна, видимо, считала иначе. Умирая, она пожелала мне повторить её участь. Любимая должна была предать меня, нарушив любовные клятвы, и предательство стало бы причиной моей гибели. Вышло так, что именно это пожелание стало последними словами матери Хима.

— Предсмертное проклятие... его не отменить...

— ...Но можно видоизменить. Когда мне исполнилось семь, Мерлин сумел затянуть проклятие в «инверсионный калейдоскоп», чтобы разрушить его структуру.

— «Калейдоскоп»?

— Мерлин создал особое пространство... м-м-м... в виде трубы... магической ветровой трубы... разбил там проклятье, вращением перемешал осколки, собрал их в другом, нарочито парадоксальном порядке и вернул обезвреженное проклятие обратно, то есть, мне.

Я сдвинула брови, медленно соображая:

— Так оно обезвредилось или нет?

— Суди сама. Мерлин вывернул порчу наизнанку и собрал проклятие так: смерть будет не в конце, а в начале, и не моя, а девушки. Лишь после смерти она нарушит любовную клятву, причём нарушение клятвы повлечёт за собой не смерть, а новую жизнь.

Мой рот, должно быть, напоминал букву «о». Заглавную букву «О».

— Логическая бессмыслица должна была сработать, но когда стало очевидно, что я — прирождённый некромант... мать признала — они с отцом всё же тревожились...

Я моргнула.

— В смысле, не воспылаешь ли ты пагубной страстью к какому-нибудь изящному скелету... со всеми вытекающими?

— Что-то вроде того. Технически я мог.

— И потому «лучше так, чем по-другому»?.. Это она про меня... но ведь... — Внезапно жуткая мысль явилась во всей полноте. — А я... я ведь... я не... — Слово не выговаривалось.

Он вдруг придвинулся и взял мою голову в свои ладони.

— Не дрожи. Настоящей смерти не было — хотя душа и прогулялась по пограничной полосе. Но скажи, прекрасная Данимира... почему же ты умолчала о нарушенной клятве?

Удивительно, он этого не понимал.

— Потому что я девочка!

— И-и?.. — Кайлеан разглядывал моё лицо, поглаживая скулы большими пальцами.

Я опять объяснила ему как маленькому:

— Девочки не признаются первыми.

Он приблизился и приглушённо проговорил, почти касаясь моих губ:

— Что же ты тогда призналась?

— Ну... иногда приходится... когда горит... вот здесь... — Я коснулась груди.

— А ты горишь?

— Я вся в огне, мой принц, — пробормотала я, отвечая на прикосновения губ, становившихся всё более требовательными.

— А я схожу от тебя с ума... уже сошёл... — Его руки были везде, и я выгибалась от удовольствия, и голова моя кружилась от восторга, и ладони сами по себе скользнули к нему под футболку, прошлись наконец собственнически по гладкой тёплой коже, скрывающей каменные мышцы... и ощутили тепло пентаграмм, и передвинулись ниже... и тут Кайлеан как-то отчаянно помотал головой, схватил меня за запястья и остановил.

— С-стой, — безжалостно сказал этот пыточных дел мастер, этот инквизитор. — Подожди. Я должен дать тебе королевское слово. Третье. Прямо сейчас. Прежде чем...

— Не надо, — взмолилась я, тщетно пытаясь освободиться и то ли вернуть его руки туда, где они только что были, то ли самой вернуться к прежнему занятию... — Никакого не надо, ни третьего, ни сто пятьдесят седьмого!

— Третье королевское слово необходимо.

— Да что там с этим словом?!

— Это брак, Данимира.

Я перестала вырываться.

— Брак? Какой брак?

— Который вершится на небесах. Третьим королевским словом я возьму тебя в жёны перед лицом магических сил, и он будет законным для людей и для богов.

— Но королевства-то не будет! — жалобно воскликнула я. — Зачем тебе это?

Он встал и поднял меня, и, обнимая, спросил:

— Ты отказала принцу... так, может, выйдешь за лесника?

...Хотела ли я выйти за него? Ещё как! Но все тёмные мысли из глубин сознания восстали разом и парализовали мой язык. По свершении брака перед Кайлеаном откроется прямая дорога к трону Аннмории... устоит ли он перед соблазном — он, честолюбивый, властный, лелеющий мечту о собственном королевстве долгие годы? Действительно ли его остановит мой отказ сражаться за власть с родной кровью, с маминой сестрой? Вряд ли можно будет отыграть обратно. А вдруг обман вновь притаился за углом, поджидая неисправимую доверчивую дурочку? Помнится, мне уже говорили, что Кайлеан всегда получает то, что хочет. Пока выходило так, как он и планировал, — он задумал жениться на принцессе с королевством и уже стоял в полушаге от цели.

Но даже если подвоха здесь нет... как он будет жить, потеряв мечту? Как обычный человек? А получится ли? Пройдут годы, и не подточит ли червь сожаления наши отношения?

Его родители, должно быть, будут меня ненавидеть... и за дело.

Его товарищи будут знать, что потерял их друг.

Да что там друзья — все будут знать.

Молчание затягивалось, я понимала, что выглядит это скверно.

Кайлеан меня не торопил, даже как-то отстранился... лишь смотрел, не отрываясь, пристально.

— А как же моё собственное проклятие — нарушенная клятва? — кашлянув, хриплым голосом сказала я. — С ним пока ничего не ясно.

— Неужели ты ещё не догадалась? Ты предназначенная. Предназначенным всё прощается.

Я моргнула. Если взглянуть с такого ракурса... В магическом сообществе действительно существовало устойчивое представление, что предназначенные и вправду не отвечают за последствия, поскольку ими движут высшие силы. Однако истинно ли это утверждение, я не знала.

— Всё равно надо спросить у того... который под мостом...

— Спросим.

— Этот порядок событий... совпадение есть... но всё может оказаться игрой случая.

— Так же как и тот факт, что я старше тебя на семь лет и девять месяцев.

— Тебе двадцать семь? — оживилась я. — Мне иногда казалось, что больше.

— Почему?

Снова откашлявшись, я с нервным смешком пояснила:

— В жизни не думала, что скажу такое адскому демону, но тебе не кажется, что ты слишком... э-э-э... правильный?

Он хмыкнул, ничего не ответив.

— Может, немножко поживём во грехе? — робко предложила я. — Ну, так, для начала.

Кайлеан некоторое время изучал меня задумчиво, будто прикидывал, говорить — не говорить, а потом спросил чрезвычайно мягко:

— Даня... Ты хорошо запомнила, как Мерлин изменил проклятье Шайны? Чем должно закончиться, помнишь?

— Нарушение клятвы повлечёт за собой не смерть, а новую жизнь... да, всё сбылось, ты дал мне второй шанс, — я потёрлась о его плечо.

У него вдруг стало другое выражение лица... какое-то такое особенное... обнимающие руки притянули ближе, медленно прошлись вверх-вниз по моему телу... так, что у меня слегка подкосились ноги, а он склонился к моему уху и вкрадчиво прошептал:

— Насчёт новой жизни... других вариантов нет?..

Я замерла, высоко вскинув брови... потом вздрогнула. Взглянула на Кайлеана с ужасом, повернулась и посмотрела на окно.

— Высоко, не стоит, — правильно истолковал мой взгляд Кайлеан и тихо засмеялся, стиснув покрепче. — Даня... Не пугайся так, я чисто гипотетически... мы же не можем сбрасывать со счетов такую

возможность. Тем более, в схеме Мерлина ничто этому не противоречит, а я высший. У нас желания материализуются иногда вопреки рассудку...

— Я не готова, — в отчаянии пробормотала я, уткнувшись в его грудь. — Не думай, я не отказываюсь. Я очень даже хочу. Но вот прямо сейчас... не готова. Не материализуй, пожалуйста!

Он снова тихо засмеялся.

— Это обычный учёт возможностей. Меня всю жизнь учили просчитывать последствия. — Его голос отвердел. — Даже если вероятность минимальна, я не могу позволить своему первенцу родиться бастардом, слишком многое поставлено на карту.

Всё-таки он продолжал мыслить по-королевски. Я терялась в догадках, инерция ли это или отголоски неведомого плана.

— У лесников не бывает бастардов.

— Лесник леснику рознь, — заметил Кайлеан туманно.

Мы снова замолчали. Ступор, овладевший мной, и не думал отступать. Брак, о котором можно было только мечтать, начал казаться воротами в геенну огненную, где поджидали осуждение окружающих, маленькая копия Кайлеана, с которой мне было не совладать, и большой медный таз, наподобие инопланетной тарелки плавно опускающийся с неба на Смольный институт.

...Драгоценные минуты улетали в никуда. Хотелось свернуться калачиком где-нибудь в осеннем лесу, в норке под вывороченной берёзой и впасть в спячку до весны... и чтоб ни один лесник не нашёл тайное убежище и не стал требовать ответов на чересчур сложные задачи.

— Не знаю, что сказать, — устало призналась я, глядя в стену за его плечом. — Мысли раздирают меня на части, и я не знаю, как поступить.

Он поднял мой подбородок, заставив взглянуть на себя.

— Всё очень просто, Данимира. Ты веришь мне? Веришь в меня? Реши для себя раз и навсегда, тогда всё станет просто.

Кажется, я даже перестала дышать от напряжения и вдруг моя рука, упиравшаяся в широкую грудь, ощутила бешеную пульсацию — так билось его сердце. В изумлении я вгляделась в спокойное непроницаемое лицо и сказала:

— У тебя сердце колотится!

Он помолчал, чуть дёрнул щекой и буркнул в сторону:

— Как ни странно, оно у меня есть.

...Мама ушла за отцом в неизвестность, оставив позади всё — родину, привычный уклад жизни, трон... каково было ей, принцессе, оказаться в чужом мире, да ещё в маленьком северном посёлке, изолированном от

большого мира... Никогда она не жаловалась, нашла себе новое занятие, вырастила меня... и всегда в нашем доме было спокойно и надёжно... прошло немало лет, а мама по-прежнему любит папу, а он её...

Вот и настал мой черёд делать выбор... история повторялась... правда, на этот раз колоду стасовали совсем уж причудливо.

Иллюзий не осталось — со Смольным институтом можно попрощаться и маленькая библиотека в маленьком городке меня не дожждётся.

Я ещё немного послушала стук его сердца и улыбнулась:

— Я верю тебе, Кайлеан Карагиллейн. Кем ты бы ни стал — лесником или королём, я всегда буду рядом. Ты — моя судьба.

Ответная улыбка медленно проявилась на его лице, сначала нежная, потом торжествующая, почти хищная. Таков уж он был, мужчина, которого я любила... не плюшевый медвежонок.

— Ты выйдешь за меня?

— Да!

Глухой рокот прокатился по небу и лиловая зарница на мгновение осветила небо над тёмным лесом. Кайлеан вдруг быстро пригнулся, его губы припали к жилке, бившейся у меня на шее и двинулись вверх. «Я, Кайлеан Карагиллейн Третий...» Шёпот был горячим, как и отрывистые нетерпеливые прикосновения. «Чаша крови Карагиллейнов, ковчег костей Карагиллейнов...» — продолжил он магическую формулу и легонько прихватил зубами мочку моего уха. Я непроизвольно охнула и выгнулась, дивясь скорости, с которой третье королевское слово превращало меня в сливочное мороженое на солнцепёке. «Даю слово Данимире Шергиной...» — его губы скользнули по щеке и встретились с моими... «Дальше!» — выдохнула я, когда смогла говорить, и со словами «Я всегда буду рядом...» он содрал с себя футболку, отшвырнув её в сторону. «И в радости, и в горе...» — подсказала я, и моя футболка полетела в ту же сторону. «И в радости, и в горе...» — согласился Кайлеан, взялся за ремень своих джинсов и остаток клятвы проговорил в ускоренном темпе, однако мы успели избавиться от остальных одежд прежде, чем прозвучали последние слова о том, что отныне одиночество для нас закончилось и дорога теперь одна на двоих.

На небе вроде бы опять гроыхало и вспыхивало, но мы не отвлеклись и многообещающе улыбнулись друг другу.

Наверное, полагалось трепетать в полуобмороке, стыдиться наготы, страшиться грядущего опыта, но я видела только отражение своей красоты во взгляде Кайлеана, в оживлённом свечении его лица... и я видела, как он

красив, и в силе моего желания было столько новизны, что стыд так и не явился, душу наполняла только чистая радость и азарт постижения правил новой игры.

— И это всё теперь моё?.. — мурлыкнула я, с кошачьим любопытством разглядывая своего великолепного мужа.

— Через секунду, — ответил Кайлеан, поднял руку и совершил круговое движение кистью.

Лампа под потолком угасла, но взамен мягко засветились зависшие в воздухе пух и пёрышки. Они качнулись в полумраке и поплыли по спирали, образуя вокруг нас конус из светящихся узоров, напоминающих созвездия. Исчезла комната в деревенском доме — вокруг вращалась Вселенная. Кайлеан опять создал пространство для концентрации магии, как тогда, в «кармане бога», когда он сотворил необыкновенную ёлку, в которой возродил моё тело.

— Здесь и сейчас время замедлит свой бег... Мы всё успеем, Данимира... Не бойся, боли не будет... я всё-таки высший...

— Я не боюсь... — сказала я отважно и повторила заветное: — Я верю тебе, Кайлеан Карагиллейн.

— А я тебе, Данимира Карагиллейн...

Я расширила глаза, но не смогла обдумать новое имя, потому что он захохотал, обхватил и увлёк за собою вниз... и мы действительно не упустили ничего. В нужный момент я успела шепнуть ему «Отдаю всё!»... наверное, главные слова в жизни ведьмы. Кайлеан получил всю мою силу — до последней капли, а мне теперь предстояло долго восстанавливать магию... но жертвой это не было вовсе. Следом пришёл черёд долгого познания друг друга — Кайлеан управлял мною, щедро открывая новые возможности, я следовала за ним послушно, и он хрипло бормотал как в бреду: «Отзывчивая... Какая же ты отзывчивая...»

Мне даже удалось поспать несколько часов. Когда я проснулась, за окном брезжил серенький рассвет, лес скрывала пелена тумана, на столе дымились чашки с кофе. Кайлеан — полностью одетый — мастерил бутерброды на разделочной доске.

В углу белела кучка пуха, статуэтка ушебти по-прежнему стояла на комодке.

Моя одежда была аккуратной стопкой сложена на стуле.

Я откинула одеяло, села и, вскинув руки, потянулась длинно.

— С добрым утром.

Он замер, аккуратно отложил нож в сторону и быстро вышел из комнаты, пробормотав: «С-добрым-утром-одевайся-нам-пора».

Да, с моей стороны это было хулиганством чистой воды... но этой ночью я познала, до какого безумства могу довести Кайлеана... и мне так не хотелось расставаться с ощущением будоражащей власти... потом я вспомнила, куда и зачем мы направляемся... и будто кто-то щёлкнул выключателем.

Сказка закончилась, пора возвращаться в реальность. Я получила свой кусочек счастья... но кто знал, что ждёт впереди?

Когда он вернулся, я, тоже одетая, с заплетённой косой, сидела за столом и как примерная девочка раскладывала готовые бутерброды на тарелку.

— Мне понравилось, — сказал Кайлеан, внимательно глядя на меня, — то, что сейчас было. Просто сейчас я не могу... реагировать.

— Прости. — Я потупилась. — Больше не повторится.

— Повторишь потом. Когда всё закончится. А сейчас... мне очень надо сосредоточиться. Не сбивай мою настройку. И прошу — там, в поселении, не отходи от меня ни на шаг. Я призвал все защитные чары, какие только знаю, но чем дальше объект охраны, тем сложнее поддерживать щиты.

— Думаешь... там всё плохо?..

Он ничего не ответил, лишь повторил:

— Будь рядом.

Вообще мне показалось, что мыслями он уже не со мной — вид у него стал хмурым, а взгляд отстранённым. Когда я произнесла что-то в ироническом ключе, он послушно улыбнулся одними губами.

Я уставилась в чашку, свернув разговор.

В молчании мы прикончили бутерброды и быстро собрались. Кайлеан щёлкнул пальцами, подзывая ушебти, и тот немедленно возник у ног нового хозяина.

У порога мы, не сговариваясь, остановились и оглянулись на небрежно застеленную кровать.

Невероятно. Вот к чему привела встреча взъерошенной чёрной кошки и безумца со звериной головой. Я вышла замуж за того самого типа, чей холодный взгляд так не понравился мне в первые дни нашего знакомства... До сих пор не верилось. Этой ночью произошло чудо из чудес, и никак не удавалось думать иначе.

— Представляешь, у нас уже был свадебный торт, — задумчиво сказала я. — Помнишь наш первый день, когда ты позволил мне пирожное? Там ведь сначала торт появился, гигантский такой, белоснежный... и на верхушке определённо были мы... — Я хмыкнула: — Сладкая парочка, у тебя рога, у меня хвост. Я ещё ужасно испугалась, что ты подумаешь, будто

это я воображаю бог весть что... всякие женские глупости...

Кайлеан привлёк меня к себе, поцеловал в макушку, потом всё-таки быстро в губы.

— Это я воображал бог весть что. В основном мужские глупости. — Он снова поцеловал меня, отстранился и сказал: — Идём. А то мне уже чертовски хочется остаться.

— И мне... — вздохнула я. — Тоже чертовски.

Он негромко рассмеялся, на этот раз, кажется, искренне, вывел меня в коридор и закрыл дверь.

На крыльце я поёжилась — было довольно прохладно, и туман образовался такой, что забор с воротами обозначался лишь намёком, а за самим забором висела серая пустота.

У машины обнаружился часовой: Фёдор Филиппович деревянно вышагивал вдоль нашего авто — туда и обратно.

— Ты упокоишь его? — с просительными интонациями сказала я.

— Позже. Неправильно его подняли... затратно выйдет. Не могу распыляться. — Мановением руки Кайлеан отослал беднягу и тот заковылял мимо по направлению к дому.

Когда машина тронулась с места, я выглянула в окно. Фёдор Филиппович стоял на крыльце... жалкий, безвозвратно мёртвый... мы были последней надеждой на освобождение, но покидали его, уходили прочь... через мгновение тёмная фигура, крыльцо и сам дом скрыла пелена.

— Мы вернёмся, — пообещала я тихонько.

...Ехать до посёлка было недолго, но из-за тумана мы ползли минут десять. Я разглядывала ушебти, усаженного Кайлеаном на приборную доску в качестве зловещего сувенира, но думала о родителях. Вероятней всего, они находились в нашем доме — под домашним арестом. Несколько производственных циклов были замкнуты на отце, на его личной магии. Если захватчикам нужно, чтобы завод функционировал, они не могут причинить существенный вред отцу. И, разумеется, неприкосновенность моей матери являлась в таком случае необходимым условием для того, чтобы папа хоть пальцем пошевелил.

На подъезде к посёлку Кайлеан загнал машину в ближайший лесок, и дальше мы пошли пешком.

Низ джинсов сразу намок — роса на высокие травы выпала обильная. Ушебти, следовавший сбоку от дороги, скрылся полностью. Там где он двигался, роса осыпалась, и оставался тёмный след.

К счастью, мой дом располагался на окраине; можно было попасть к

нему, пройдя узкой тропинкой вдоль соседских участков. В центре посёлка раскинулся многоэтажный квартал, но многие, вроде нашей семьи, предпочитали жить в собственном доме.

Тишина стояла невероятная. И угнетающая. Ни петушиного крика, ни лая собак, ни щебета птиц. А ведь обычно в это время те, кто держал домашнюю скотину, просыпался. Но строения выплывали из тумана как покинутые корабли — тёмные силуэты с погашенными огнями. Я вдруг представила своих соседей в состоянии Фёдора Филипповича... оглянулась, взяла Кайлеана за руку, ощутила пожатие его тёплой сильной ладони... мне стало спокойнее.

Наконец, потянулся наш участок. Из серой дымки проступили фруктовые деревья — яблони, вишни... и ни на одной ветке я не увидела плодов. А ведь мама всегда по весне проводила обряд плодородия.

— Год... неурожайный... — оглянувшись, произнесла я дрогнувшим голосом.

Кайлеан остановил меня, не говоря ни слова переместил себе за спину и двинулся первым.

Мы подошли к задней калитке... пелена тумана скрывала дом, стоявший в глубине. Я просунула руку сквозь штакетник, нашарила крючок, скинула его, и мы ступили на участок.

Через мгновение открылся вид... дома не было. На его месте раскинулось пепелище... и оно было свежим. Кое-где под обуглившимися балками, наваленными друг на друга, вспыхивало оранжевым, и угли всё ещё потрескивали, и дым уходил в небо... Только полуразрушенные трубы — печная и каминная торчали в окружении груды кирпичей...

Остановившись взглядом я таращилась на пепелище, не в силах уразуметь происходящее. Кайлеан обнял меня, притянул и прижал к себе. Наверное, если бы не он, я рухнула бы на землю.

...Справа в тумане послышалось металлическое звяканье. Я встрепенулась и уставилась в ту сторону с иррациональной надеждой, одновременно ощутив, как напряглись руки Кайлеана. Однако он оставался на месте, продолжая прижимать меня к себе.

Снова звякнуло, из тумана выступили сначала две человеческие фигуры, а за ними показалась третья... что-то высокое и странное. Они приблизились, и я узнала супружескую пару из соседнего дома, с которой наша семья поддерживала тёплые дружеские отношения. Ольга Петровна работала в заводской бухгалтерии, Валерий Егорович — в горячем цеху. А высокое и странное оказалось их бодливой и вредной коровой Ночкой, прозванной так за чёрную масть. На пастбище, что ли, они её вели в такую

рань? Впрочем, это было совершенно неважно.

— Ольга Петровна, что произошло? Где мама с папой? Они в больнице? — Я рванулась было к соседям, но Кайлеан удержал меня, тихо сказав: «Не подходи».

— Ах, Данечка! — воскликнула бухгалтерша, всплеснув руками. — Видишь, горе-то у нас какое? Нет больше соседусшек наших, сгорели, а ведь ровесники наши с Валериком... молодые ещё...

— Как... сгорели?! — Я уже не понимала, стою ли на своих ногах, или только поддержка Кайлеана позволяет мне оставаться в прежнем положении.

— Так и сгорели... в одночасье... одни уголёчки остались... а ведь люди-то какие хорошие были... Андрей Сергеевич, красавец, ясный сокол наш... и Ларочка-душечка...

Что-то в этих словах царапнуло слух. Соседи были людьми вполне современными, не старше моих родителей, и отца «ясным соколом» никогда не называли... да и маму «душечкой» тоже. Но задумываться о лингвистических тонкостях я сейчас была не в состоянии.

— Когда это произошло? — спросил Кайлеан.

— Так уж год как прошёл, — сообщил сосед, спокойно созерцая язычки пламени, вырывающиеся из-под развалин. — Прошлым летом всё и случилось. И пожар, и похороны...

— На Ивана-Купалу горело. Прошлым летом, — поддакнула его жена.

— Так ведь вон... дымится ещё... — Я в недоумении взглянула на Ольгу Петровну.

— Вижу, что дымится. Чай, не слепая, — отозвалась она. — А только было это прошлым летом. Всем заводом на кладбище проводили... и Андрея Сергеевича, и Ларочку... — Тут соседка запнулась, потом, глядя мне прямо в лицо, расстроено продолжила: — И девочку их, Данечку-умничку... зачем только на каникулы приехала... всех закопали!

— Что вы такое говорите, Ольга Петровна... — пробормотала я, всматриваясь в свою очередь в лицо соседки. На зомби она не походила... но в глазах явно плескалось безумие. Я почувствовала, как робкая надежда шевельнулась в душе. Если соседи под каким-то заклятием, всё, что они тут наговорили, может оказаться ложью.

— А то и говорю! — обиделась вдруг Ольга Петровна. — На кладбище сходи, Данечка... три могилки в ряд... ухоженные, не извольте беспокоиться! Цветочки поливаем...

— Всем цехом поливаем, — поддакнул Валерий Егорович. — По очереди, то есть. Ходим и поливаем. Первая смена поливает вечером,

вторая — утром.

Я вывернулась и посмотрела на Кайлеана.

— Это же бред, — сказала я тихо. — Они под воздействием?

— Разумеется. Не думаю, что здесь есть кто-то в своём уме. Всё поселение накрыто магической сетью. Фонит тут сильно, вот искажения и сказываются.

— Пусть они бредят... Но... я не могу не пойти... туда...

— Проводите нас на кладбище, — велел Кайлеан соседям. — Вы идёте впереди, животное за вами. Мы пойдём следом.

— Ночка и так прекрасно дорогу знает, — возразила Ольга Петровна. — Она вас и проведёт. А мы пока с кем надо свяжемся, известим... Мы ведь как ближайшие соседи, обязаны доложить о посторонних...

— Непременно доложите. — Голос Кайлеана был обманчиво мягок. — А кому?

Лицо Ольги Петровны посветлело, глаза поднялись вверх.

— Мальчику... златокудрому светозарному ангелу... — залепетала она. — Ему просто надо крикнуть... и там, на облаках, он услышит...

Валерий Егорович кашлянул.

— Не слушайте её. Чушь разводит. Парнишка приезжал, рыженький такой. Вот ведь счастье Андрюхе привалило! Дочка сгорела, так тут же пацан, наследник объявился! Так что нам велено о посторонних докладывать. У соседушек наших ведь вещей дорогих много осталось, — он кивнул в сторону пепелища. — Рояль... этот, как его... Стейвей... яйца Фаберже... стулья гамбсовские... А мы охраняем. Вдруг кто позарится? Так что сейчас телеграмму-молнию наследничку отобьем... он обещался появиться сразу... и все дела.

Никакого рояля у нас никогда не было, равно как Фаберже и Гамбса, о чём я и сообщила Кайлеану. Он кивнул, следом протянул руку к соседям, произвёл движение, будто что-то зашивал и произнёс несколько слов на незнакомом языке. Я с оторопью увидала, что рты соседей действительно защиты бечевой и кровь стекает по их подбородкам.

— Им больно? — воскликнула я.

Кайлеан пожал плечами.

— Понятия не имею. То, что ты видишь, просто внешнее отражение того факта, что эти люди никому не передадут информацию.

— А как-то по-другому нельзя?

Он опять пожал плечами и произвёл пару пассивов. Бечева исчезла... вместе с губами. Соседские рты заросли кожей за одно мгновение.

— Надеюсь, ни у кого из них нет насморка, — безразлично уронил Кайлеан. — Первый вариант был безопасней. И менее затратный.

Я смотрела на него во все глаза, и он сказал с досадой:

— Данимира, я не злодей. Я берегу энергию. Сейчас её много... очень много... благодаря твоему дару. Но может случиться так, что и этого окажется мало. Потому заботиться о каждом встречном я не намерен. На первом месте твоя безопасность, а остальные... пусть терпят.

— Ты прав, конечно. Просто я не умею мыслить так, как ты.

— Нельзя спасти весь мир.

— Нельзя, — грустно согласилась я. — Но можно тех, кто попадётся по дороге.

Он взглянул как-то странно, затем сказал:

— Идём. Надо торопиться. Времени мало совсем.

Щёлкнув пальцами, Кайлеан погнал вперёд соседей вместе с их Ночкой.

И мы пошли сквозь туман — к могилам моих родителей... и к моей собственной могиле.

Кладбище приближалось. Туман приобрёл зеленоватый оттенок и стал более разреженным, расслоившись внизу на клочья. Неба и верхушек деревьев по-прежнему не было видно, но в образовавшихся просветах показалась странная флора — замшелые стволы светились как гнилушки, чёрные лопухи вымахали с человеческий рост, вьюны с фиолетовыми венчиками свисали с ветвей как змеи... И пахло как-то странно... подпорченными фруктами... сладко, и в то же время с гнильцой... В голове зазвучали слова разухабистой песни, ненароком запавшей в память: «Эй, ямщик, поворачивай к чёрту, это не наш лес, а чей-то чужой!..» К несчастью, последовать совету рокера я не могла и механически шагала вперёд, сожалея о том, что не могу оказаться на месте в мгновение ока, потому что теперь каждая минута неизвестности методично убивала мои нервные клетки.

Наконец показалась ограда и могильные камни за ней. Корова Ночка, всё время трусившая впереди бодрой, не свойственной коровам походкой, уверенно направилась к воротам. Промелькнула мысль, что коровам не место там, куда мы идём, но тут же затерялась в ворохе других мыслей, более тревожных. Если б не предшествующие признаки, что всё происходящее является мистификацией, я бы, наверное, уже поседела преждевременно.

Наши проводники, уверенно лавируя между могил, между тем вывели к небольшой поляне на отшибе, посреди которой темнели заросли бурьяна. Не имея возможности говорить, соседи многозначительно тыкали в заросли пальцами.

— Слушай, кажется, они наврали, — прерывающимся от волнения голосом сказала я. — Это же не те цветы, которые поливали в две смены? — Я подошла поближе. — Да это вообще просто крапива! Здоровенная, правда...

И растёт как-то странно... аккуратной продолговатой купиной посреди зелёной лужайки... Да, это были заросли крапивы, но какой... Приглядевшись, можно было заметить, как вибрируют толстенные стебли и листья величиной с ладонь, опушённые жгучими волосками. Они словно говорили — не подходи, зажалим до смерти... Похоже, на эти растения тоже повлияло злое колдовство, разлитое в воздухе.

Кайлеан подошёл и, прищурясь, взглянул на заросли.

— Ну, что, просто крапива? — с надеждой спросила я.

— Встань позади меня.

Щёлкнув пальцами, Кайлеан жестом отогнал от зарослей соседей и Ночку. Затем сложил руки рупором и выдохнул полосу кипящего пламени, которое пришлось по зарослям как напалм. Стебли, листья почернели и осыпались прахом, обнажив три надгробия.

Ольга Петровна и Валерий Егорович с видом «мы же говорили» переглянулись и радостно изобразили «дай пять», хлопнувшись ладонями.

— О, нет, — простионала я, сунувшись было прочесть, что написано на плитах, но на месте сгоревших растений тут же выросли новые и скрыли из виду могилы.

Кайлеан невнятно ругнулся и вновь выдохнул пламя.

На этот раз крапива восстановилась ещё быстрее... и, кажется, стала выше и гуще... но я сконцентрировалась и успела заметить, что на центральном камне высечено «Шергин Андрей Сергеевич» и какие-то цифры внизу... очевидно, годы жизни.

Я повернулась к Кайлеану.

— Подними отца, — сказала я, задыхаясь от новых, доселе неизведанных чувств. — Ты же некромант из некромантов. Подними. Я хочу знать, кто это сделал.

Кайлеан вначале изучил моё лицо и осторожно спросил:

— Даня... ты осознаёшь, о чём просишь?

— Подними. И спроси, кто это сделал. Если отец не ответит... поднимай мать.

Помедлив, Кайлеан обратил взгляд на заросли и застыл. Вначале он просто смотрел, потом его губы искривились, а брови сдвинулись от напряжения. Затем он вдруг расслабился, и его посетило уже знакомое мне выражение отрешённости. Только чуть заметное движение зрачков позволяло понять, что он что-то наблюдает внутренним взором. Наконец, он вернулся в этот мир, ко мне.

— Не могу, крапива мешает, — сказал он задумчиво. — Корни уходят метров на десять вглубь и образуют искажающую сетку. Одно могу сказать точно — с теми, кто в могилах, что-то не так... Твою кровь не чувствую... хотя что-то твоё... присутствует. Но эту траву лучше не трогать.

— Почему?

— Она заговорена на магическое воздействие. Чем больше магии к ней применяют, тем сильнее она становится. И вообще никто с даром магии с ней ничего не сделает. — Его глаза вдруг хищно блеснули. — Твои соседи... Они маги?

Я кивнула.

— Оба маги. У Ольги Петровны вообще редкая специализация, она маг-цифровик. У неё восемь легко превращается в сто сорок семь, и никто не понимает, как ей это удаётся. Вернёмся в посёлок, я знаю, где живут немаги... с газонокосилкой.

— Время... Время поджигает... Я мог бы заставить животное... — в раздумье пробормотал Кайлеан.

— Корову? Ночку? — нахмурилась я.

— Она же травой питается... правда, не знаю, на сколько её хватит... глотку сожжёт...

Я твёрдо намеревалась узнать, что произошло. Но всё же сказала:

— Животное невинно. Ночку мучить не дам.

— Не так уж и невинно, — возразил Кайлеан. — Тоже сторожит. Твоя Ночка ведёт себя прилично только потому, что я сразу взял её под контроль, как и её хозяев, и контролирую до сих пор. На самом деле ей очень хочется устроить корриду — проткнуть рогами и затоптать любого, кто кажется ей подозрительным. Ты, например, ей очень подозрительна... Возвращаемся в посёлок. Попробуем допросить кого-нибудь. Подумай, кто скорей всего в курсе того, что случилось с твоими родителями...

И тут меня настигло озарение. Перед глазами встали поля с овечками, невинно-голубое небо, шелестящий седой ясень и древние мудрые глаза за стёклами очков... И вспомнились непонятные слова... тогда непонятные... «крапива на кладбище у вас ещё будет. Запомните, её надо рвать голыми руками. Только тогда ваши усилия увенчаются успехом...»

— Это же я! Я — не маг! Во мне сейчас нет ни капли магии!

Кайлеан секунду смотрел на меня, затем молниеносно схватил моё запястье — как клещами.

— Нет.

— Главное, Мерлин сказал, что тогда мои усилия увенчаются успехом, понимаешь? Увенчаются успехом! Это сам Мерлин предсказал!

— Нет.

— Ты не имеешь никакого права меня удерживать! — Я безуспешно пыталась разжать железные пальцы.

— Уже имею! Забыла? Имею право, как связанный с тобой брачными клятвами.

Я перестала вырываться.

— А я сейчас дам королевское слово. Слово принцессы Аннмории. Что не прощу тебя никогда, если не подпустишь к могилам родителей.

Он отшатнулся и рявкнул:

— Данимира, прекрати! Ты ведёшь себя как ребёнок. Ещё неизвестно, что это за могилы...

— Вот и узнаем. И да, я веду себя как ребёнок. С родителями которого произошло что-то... неизвестное и страшное.

— Предлагаешь мне стоять и смотреть, как ты рук лишаешься? — зло осведомился Кайлеан.

— Милый... — сказала я и погладила его по щеке. — Ты ведь будешь любить меня и без рук, правда? — Хватка ослабла, и я по одному разжала его пальцы. — Я сейчас разберусь с этой крапивой, и тогда ты сможешь меня обезболить. С помощью магии. Как сегодня ночью.

— Сравнила, — буркнул он. — Данимира, давай вернёмся в посёлок.

— Ну, сделаешь это не так эротично. И помни — Мерлин предсказал, что всё должно получиться.

Я всегда без колебаний прыгала в холодную воду. И сейчас не стала медлить. Просто подошла, схватила ближайший стебель и дёрнула вверх. Как ни странно, растение поддалось, мне удалось выдернуть его из земли, оборвав корни. В земле образовалась ямка, новый стебель как раньше не вырос. Но появилось ощущение, будто я сунула руку в костёр и продолжаю держать её там. Я повернулась к Кайлеану, помахала выдернутым стеблем и оскалилась в улыбке. Хотелось крикнуть ему, что мне совсем не больно, но боль была такая, что я забыла, как произносятся слова.

Затем я позабыла свою сущность. После полудюжины стеблей боль перестала существовать отдельно от меня. Я и была сама боль. И самой главной задачей стало принуждать постороннее тело рядом выпалывать крапиву. Зачем это надо — я не помнила. Но тело хватало и тянуло, и дёргало вверх, и гора изломанных, убитых стеблей рядом росла... а потом тот, кто был сильнее, оттащил тело от полностью обнажившихся трёх могил и странно знакомый голос сказал:

— Всё-всё-всё... остановись... ты сделала это, теперь мой черёд...

И боль не ушла навсегда, но затаилась; я обняла сильного человека, просунув оживающие руки под куртку... и обнаружила, что его футболка мокрая, хоть выжимай, а сам он дрожит... Кайлеана трясло.

— В следующий раз, Данимира, можешь давать хоть сто королевских слов подряд... — шипел Кайлеан, — только давать ты будешь их мысленно. Потому что я суну тебе кляп в рот, свяжу и отправлю в безопасное место. А выпущу только тогда, когда блажь уйдёт из твоей головы. И можешь подавиться своими принцесскими словами, я всё равно так и сделаю.

— К-корни... корни остались... — клацая зубами, выговорила я. —

Обрывались... никак...

— Всё корни, сдохли без верхушек, успокойся.

— Родители... Теперь ты их поднимешь?

— На счёт раз.

— Тогда начинай считать. — Я отстранилась.

Кайлеан исподлобья уставился на могилы, и земля вспухла. Надгробия зашатались и отлетели набок. Пласты земли и песка полезли изнутри, и наконец три гроба показались из земли.

— Закрой глаза, — велел Кайлеан и, видимо уже не надеясь на мой здравый смысл, сам закрыл мне глаза ладонью.

А я и не сопротивлялась. Только теперь меня охватил такой ужас, какого я не испытывала, пожалуй, даже во время моего жертвоприношения.

Послышался треск — это отлетели крышки гробов.

Я зажмурилась крепче.

После недолгого молчания Кайлеан удовлетворённо произнёс:

— Ага.

И у меня будто камень с души свалился. Такое «ага» никак не могло относиться к папе и маме.

Я осторожно сдвинула ладонь Кайлеана ниже и взглянула.

Среди разваленных груд земли стоймя стояли три гроба, а в них — три фигуры в человеческий рост... три чучела из набитой джутовой мешковины.

Глаза-пуговицы... рты, обозначенные мазками алой помады... и знакомая одежда.

Чучело из среднего гроба — с волосами из спутанной медной проволоки — было облачено в папины джинсы и папин любимый домашний свитер, а на шее болтался расписанный вручную галстук — солнце, синее небо, зеленовато-голубая вода, собор Святого Марка... Я сама подарила этот галстук папе... и какие чудесные воспоминания были связаны с полоской яркого шёлка!

...Мне было десять, мама везла для консультации в венецианскую Марчиану одну из латинских рукописей, хранившихся в нашем Спецхране, и решила взять меня с собой. В самолёте пожилая дама, мамина коллега из Москвы, узнавшая, что я первый раз лечу в Венецию, нараспев прочла мне строки: «Золотая голубятня у воды, ласковой и млеюще-зеленой; замечает ветерок соленый черных лодок узкие следы. Сколько нежных, странных лиц в толпе. В каждой лавке яркие игрушки: с книгой лев на вышитой подушке, с книгой лев на мраморном столбе...»

Я была очарована волшебным городом и очень жалела оставшегося

дома папу, поэтому когда увидела в сувенирной лавке широкий яркий галстук, то сразу поняла, что привезу папе этот кусочек счастья. Повзрослев, я оценила терпение отца — наверное, с месяц после поездки я каждое утро торжественно повязывала венецианский галстук на его шею и отправляла в таком виде на работу... и ведь папа носил его... по крайней мере, вечером он возвращался в том же виде... А теперь кто-то использовал светлые воспоминания для своих чёрных дел.

Я подошла ближе.

Правое чучело красовалось в одном из маминых летних платьев, длинная выбеленная пряжа разметалась по его плечам... и мамино ожерелье из лунного камня я сразу узнала...

Левое чучело, надо полагать, символизировало мою персону. Голубые джинсы могли быть чьими угодно, но дизайнерскую белую футболку с чёрным силуэтом танцующей монахини я привезла в питерскую квартиру и носила всё лето перед поступлением.

Стало быть, кто-то забрал её и привёз в Оленегорск...

Джутовое лицо с двумя крупными серебряными пуговицами обрамляли длинные уши какой-то странной шапки, смётанной на живую нитку из кусков светлой нестриженной овчины... кажется, это был коврик, лежавший на кресле в нашей гостиной...

Исполнение носило печать небрежности... притом сходство, бесспорно, присутствовало. Чучела слепо таращились на нас. Я скривилась в гримасе — кто-то ходил по нашему дому, по-хозяйски рылся в вещах, брал, всё, что хотел, для своих извращённых идей... тем не менее, я с облегчением осознавала, что могло быть неизмеримо хуже.

— Просто дурацкие куклы... пусть лучше так... — сказала я, обернувшись к Кайлеану. — Но к чему всё это?

Он тоже подошёл.

— Наверняка к тому, что на мнимых похоронах присутствовали маги. На тот момент в муляжи вложили мощный заряд магии, позволяющий имитировать реальных людей, а после... после вошла крапива.

— Это же означает, что папа с мамой живы?

— Произведённые манипуляции указывают на то, что твоих родителей не собирались уничтожать. По крайней мере, на тот момент.

Уточнение болезненно царапнуло меня по сердцу.

— Что нам теперь делать?

Кайлеан как-то злорадно усмехнулся.

— Видишь вон те бурые отметины? На галстук, и по подолу платья? И на твоей футболке есть пятно, хотя на чёрном незаметно.

Я, придвинувшись, вгляделась.

— Это кровь?!

Он вновь усмехнулся:

— Это большая ошибка того, кто устроил спектакль. Кровь усилила иллюзию... но засохшая кровь — мёртвая кровь, рабочий инструмент некроманта. Она скажет мне, где искать.

При словах «мёртвая кровь» по лицу Кайлеана внезапно пробежала полуулыбка-полусудорога, и тон был такой... предвкушающий, что у меня мурашки по спине пробежали, но я строго напомнила себе, что это мой выбор. Бачили очи... и всё такое.

Дальнейшие слова Кайлеана смели прежние мысли.

— Кстати, здесь, — он небрежным кивком указал на чучела, — магия женская.

Я встрепелась:

— То есть, это не Мортен проделал?

— Не знаю, как насчёт идеи, но исполнитель — женщина. К слову, история твоей подруги, потащившей на крышу телескоп, — возможно, того же авторства.

— С чего ты взял?

Кайлеан в затруднении пошевелил пальцами.

— Ты не поймёшь... Почерк один. То, как всё обставлено. Такое... определённое чувство юмора в деталях...

— Чувство юмора?! По-твоему, сбросить человека с крыши — это смешно? Это смешно?! — Я ткнула пальцем в гробы.

— Не кричи. — Он привлёк меня к себе и уткнулся в волосы, потом пробормотал. — Я универсал, Даня. Мне хорошо знакома тёмная сторона... но я умею отличать её от светлой... и честное слово, я рад, что ты не понимаешь того, что понимаю я.

— Тяжело любить универсала... — пожаловалась я, обнимая его тоже.

Его мышцы внезапно напряглись, и он спросил изменившимся голосом:

— А я? Я говорил, что люблю тебя?

Почему-то стало тревожно.

— Нет. Но это ничего, — я потёрлась носом о его плечо. — Можешь обойтись без слов, переживу уж как-нибудь.

— Я люблю тебя, — сказал он, взял за плечи и развернул.

Сначала я не поняла. Потом взгляд упал на конусовидную кучку чёрного песка, темневшую на траве неподалёку.

Сверху лежало маленькое копье.

— Ушебти...

— Вот так наказывает Мортен, — произнёс Кайлеан. — Время вышло, Даня. Он знает.

И тут же Ольга Петровна и Валерий Егорович двинулись к нам, раскрыв объятия... но их пальцы были с когтями как у диких зверей, и длинные клыки выглядывали из перекошенных ртов.

Кайлеан жестом столкнул соседей друг с другом, они крепко стукнулись лбами и упали на землю как подкошенные.

Корова Ночка вдруг захрипела и бросилась в атаку, но была откинута пассом Кайлеана так, что проехала по траве и в результате грузно осела на зад. Тогда, сидя, она задрала морду к небу и издала страшный звук... рёв тираннозавра, глас иерихонской трубы, возвещающей о конце света... Рогатая голова опустилась, томные доселе глаза засветились мутно-жёлтым и Ночка произнесла низким утробным басом:

— Де-е-вочка моя блудная вернулась... Жди меня, Данечка... скоро я приду-у за тобой...

Не смотря на запредельный звук, интонации я узнала.

— Придѐшь, придѐшь, — сквозь зубы проговорил Кайлеан, формируя и перекатывая в ладонях огненный шар, — куда денешься... — Он запустил в корову файерболом. Пламя объяло шкуру, и я увидела, что плоть как смола стекает с костей. Пылающий скелет сорвался с места и унёсся прочь, а на траве осталась чёрная глянцевая лужа.

Я в оторопи глядела, как лужа подрагивает, пытается приподняться и проползти вперѐд, а в ушах звучало: «Я приду-у за тобой»...

— Теперь всё делаем быстро. — С этими словами Кайлеан текучим движением переместился к чучелу отца и взял в руки венецианский галстук. Поднёс его к лицу, прикрыл глаза. Провёл носом вдоль шёлковой ленты снизу вверх, потом обратно, задержался у тёмного пятна, уродовавшего лазурь, прикоснулся к нему губами и затих. Через несколько мгновений он, не открывая глаз, так же текуче переместился к материнскому чучелу и опустил на одно колено. Всё повторилось, только теперь это было сделано с подолом платья.

Затем он резко и широко открыл глаза.

— Они вместе. Это хорошо. Где у вас тут вода?

— Какая вода?

— Много воды в резервуаре круглой формы.

— Колодец? — неуверенно предположила я. — Пруд?

Кайлеан нетерпеливо помотал головой и встал.

— Больше. Много больше.

— Озеро в горах... круглое... Больше Имангры здесь ничего нет.

Он уставился на меня, что-то соображая, затем кивнул:

— Подходит. Далеко оно?

— Не то, что бы далеко, но дорога не очень. Туда ведь только отдыхать ездят. И ещё пешком. К самому озеру не подъехать. Часа за два доберёмся, наверное.

— Надо спешить. Если позволишь войти в твой разум, я перенесу нас туда. Сам не смогу — не знаю местности.

Не колеблясь ни секунды, я сказала:

— Сделай это. Я готова.

— Представь берег озера. Место, которое ты знаешь лучше всего. — Кайлеан крепко взял меня за виски, заговорив как-то слишком интимно, на мой взгляд: — И расслабься... доверься мне... доверься... позволь мне войти... Данимира! — Он отдёргнул руки. — Что это за вкрапления? Только берег озера, ничего больше!

— Оно само! — с досадой воскликнула я. — А зачем ты говоришь такие слова таким голосом? Давай заново... но лучше уж молчи, не говори ничего.

— Ох, когда всё закончится... — многообещающе сказал в небо Кайлеан и снова взялся за мои виски, предусмотрительно отодвинувшись подальше.

...Со второго раза мне удалось сосредоточиться. Я лишь моргнула, а мы уже стояли на берегу Имангры, у начала небольшого песчаного пляжика.

И здесь в пейзаже произошли изменения — гигантские чёрные папоротники окунали в воду свои траурные перья, хвоя сосен приобрела фиолетовый оттенок и слабо светилась, бледные грибы-мутанты с оборочками на тонких ножках достигали человеческого роста. Туман вблизи стлался лёгкой дымкой, а дальше вставал глухой стеной, скрывая от глаз половину озера и противоположный берег. Стояла мёртвая тишина, хотя обычно воздух наполнялся птичьим гомоном, шелестом ветра в кронах деревьев... возникло ощущение, что вместо Оленегорска мы переместились в какой-то съёмочный павильон, где всё нереально, всё бутафория...

Кайлеан подошёл к воде, присел на корточки и опустил ладонь на неподвижную водную гладь. Он низко склонился, во что-то вслушиваясь, затем подобрал плоский камень, лежавший на границе воды и песка, размахнулся и ловко запустил его вдаль, заставив прыгать по поверхности

так, что невольно захотелось считать «блинчики». Камень с чуть слышным плеском скрылся в тумане, но вскоре тем же манером вернулся обратно и прыгнул в подставленную руку.

Чудеса дрессировки, подумалось мне.

Сжав камень в кулаке, Кайлеан постоял немного и, обернувшись, сказал:

— У озера есть остров.

— Безымянный. Гранитная скала из воды торчит. Со временем нанесло всего, деревья выросли, кустарники, мох...

— Похоже, твои родители на этой скале.

Я расширила глаза и испуганно забормотала:

— Там же нет ничего... как они там... а что с ними, ты увидел?

— Под чарами, — ответил Кайлеан коротко и, увидев, что я начала снимать куртку, придержал меня за плечи. — Подожди.

— Я хорошо плаваю, я двести раз до этого острова доплывала!..

— Данимира. — Он продолжал держать меня. — Там сторожевая магия, остынь. Без подготовки туда лучше не соваться.

— Так давай готовиться! — с готовностью воскликнула я. — Что надо делать?

Кайлеан огляделся, направился к толстой коряге с остатками корней и приволок её к моим ногам.

— Садись. Будешь вперёдсмотрящим. — Кайлеан наставил указательный палец в туман.

— Что, просто смотреть вперёд?

— Не просто, а очень внимательно. Я буду занят. Если увидишь впереди что-то... или кого-то... дашь знать. Мне нельзя отвлекаться.

Я помолчала, затем настороженно спросила:

— А кого я могу увидеть? Или что?

— Зависит от обстоятельств.

Не смотря на смутное подозрение, что меня заняли делом, чтобы я не мешалась под ногами, я, поелозив по неровностям коряги, пристроилась, выпрямила спину, сложила руки на коленях и с напряжением уставилась вдаль.

Кайлеан поглядел, хмыкнул, вернулся к озеру и — прямо в чём был — зашёл в воду по колено. Он немедленно приступил к ворожбе, а я всё-таки наблюдала за его действиями, поглядывая искоса.

Это был вид колдовства, совершенно мне не знакомый, хотя иногда казалось, что у тарабарщины, легко и непринуждённо слетавшей с языка Кайлеана, латинские корни... с неким цыганско-румынским оттенком. Он

часто нагибался и дотрагивался до воды — то кончиками пальцев, то плашмя укладывая ладони на поверхность. Вскоре из-под его рук выскользнула тонкая, будто пылающая огнём полоса, она выросла, набрала длину, расчертила озеро пополам и поднырнула под стену тумана.

Я взволнованно вздохнула. Очень хотелось верить, что родители заметят огненный знак и поймут, что помощь близка.

Вслед за огненной полосой по водной глади заскользила светящаяся ультрамарином цепочка слов, выведенных каллиграфической вязью... по крайней мере, казалось, что тонкие кружевные отрезки — строчки, состоящие из слов. Вязь так же направилась к туману, но на границе развернулась параллельно берегу и осталась в пределах видимости. Прилетевшая следом белая пунктирная полоса прошила синюю надпись и тоже улетела под полог тумана.

...Колдовство набирало силу. Кайлеан уже не притрагивался к воде, но разноцветные линии — прямые и закрученные серпантинном, сплошные и пунктирные, без остановки расчерчивали поверхность озера замысловатой сеткой, а между ними в сложной, но явно существующей системе укладывались непонятные закорючки, схемы, рисунки и несколько раз я даже видела химические формулы.

Однажды я ощутила, что боль от крапивных ожогов возвращается, но Кайлеан, не прекращая колдовать, чуть дёрнул подбородком в мою сторону, и боль немедленно стихла. Всё это время, творя немыслимой сложности ворожбу, он продолжал держать контроль над моим состоянием! В который раз я восхитилась искусством Кайлеана, осознавая, что вышла замуж за высшего мага... и что всё это время сидела доверчивой букашкой на его всемогущей длани... да, в сущности, и продолжаю сидеть.

Такой сильный... но такой милый... и такой красивый... и... мой?..

Тут Кайлеан повернулся, с укоризненной улыбкой покачал головой и кивком указал на туман... он явно уловил исходящие от меня телячьи нежности, и они его отвлекали.

Нельзя было на него смотреть.

— Извини, — пробормотала я и поспешно перевела взгляд на Имангру.

...Сейчас мы сейчас освободим маму и папу, и я с гордостью представлю им Кайлеана. Может быть, мама даже о нём что-нибудь слышала, раз Эрмитания — самое сильное королевство Конфедерации. Наверное, по ту сторону правящий дом Эрмитании известен всем... Интересно, что думает мама про Карагиллейнов...

И тут мне показалось, что в ровной белесости вдаль появилось некое

затемнение.

Я вздрогнула, вытянулась столбиком и вперила напряжённый взгляд в туман.

Вскоре стало очевидно, что мне не померещилось. В центре стены обозначился темнеющий овал, туман по краям овала клубился и вращался. Чем дальше я вглядывалась, тем больше проявляющееся пятно напоминало вход в подпространственный туннель — как это обычно изображают в фантастических фильмах.

— Кайлеан... — робко позвала я. — Там дыра какая-то появилась...

Кайлеан, склонившийся над водой, приподнял голову.

— Портал открывают, — спокойно сказал он. Потом, прищурясь, взгляделся. — Издалека идут... кривым путём, сквозь измерения. Хорошо, у нас фора есть. — Знаки полетели из-под его рук с удвоенной скоростью.

Я знала, что не должна была отвлекать, но всё же спросила, сглотнув слюну:

— Это Мортен?

— И не один. С компанией, надо думать.

Мортен и его ковен... Опять! Опять они возникли на моём пути, и как же мне не хотелось с ними встречаться!.. По правде говоря, я трусила. Самоуверенные, насмешливые, безжалостные лица предстали перед глазами как живые. Сердце начало движение в пятки, усидеть на месте я не могла. Вскочив, я нервно зашагала туда-сюда по берегу, тревожно вглядываясь в открывающийся портал. От напряжения чудились какие-то пятна... они то появлялись, то пропадали... и наконец... вытянутые тени возникли среди клубящегося тумана. Вначале показалось, что это снова подводит зрение. Но спустя некоторое время тени преобразовались в шеренгу нечётких пока человеческих силуэтов.

— Идут, — кусая губы, произнесла я. — Раз... два... три... четыре... пять... шесть... семь... Ещё двое с ними... Кто?

Кайлеан вышел из воды.

— Скоро узнаем. — И с каким-то мрачным сожалением добавил: — Хотя некоторым подозрениям лучше бы остаться подозрениями.

— Их семеро... а ты один.

— Не первый раз. И у меня всё готово.

Он наставил руку на озеро, произнёс длинную фразу и поверхность преобразилась. Вода будто затвердела и по цвету стала напоминать тёмно-серый окислившийся свинец. А линии и рисунки утратили разноцветье и заблестели светлым серебром. Имангра стала напоминать огромный металлический поднос, расчерченный и испещрённый рунической

филигранью.

— Идём. — Кайлеан потянул меня к озеру.

— Мы пойдём по воде? — изумилась я.

— Не по воде. Это теперь поле для игры.

Поверхность воды действительно затвердела и даже не прогибалась под нашим весом.

— Для игры? — переспросила я, с трудом поспевая. Кайлеан, держа меня за руку, передвигался странным скользящим манером строго по определённым участкам и с каждым шагом продвигался на два.

Он оглянулся в хищном и весёлом оскале, сверкнули белоснежные клыки.

— Для лучшей на свете игры — битвы мага.

Туман по мере нашего приближения отступал назад, а силуэты в открывающемся портале становились всё чётче... я вглядывалась в них... но вот наконец туман отступил настолько, что показалась заветная скала.

— Вон там можно забраться, там выступы удобные, как лестница, — заволновалась я.

— К хатшепсугу лестницу, — сказал Кайлеан, обхватил меня за талию, одним летучим прыжком перенёсся на остров и там отпустил. Среди деревьев светилось что-то большое, бледное, непонятное... я, позабыв всё, бросилась туда.

...Огромный кусок прозрачного льда неровной цилиндрической формы... и два человека, застывшие в этом льду.

Отец, рванувшийся вперёд в боевом порыве, и мать — оседающая, раскинувшая руки, с запрокинутой головой...

Я в ярости ударила по льду кулаками... потом пошла вокруг страшной композиции, вглядываясь.

Тонкий тёмный извилистый канал тянулся от вены на материнском предплечье к выходу на поверхность льда...

Позади раздался голос Кайлеана:

— Здесь Мортен берёт родственную кровь для поддержания физической формы. Твоя мать жива.

— А отец?

— Этот лёд не убивает. У нас его называют «льдом правосудия» и заклинание используют в основном судейские. Такому заключению в Эрмитании подвергают особо опасных магов-преступников, если требуется обезвредить, но сохранить жизнь.

— В Эрмитании? — Я обернулась.

— Эрмитанский след в этой истории очевиден. Одно к лучшему: я

знаю, как управиться с этой штукой.

Он поднёс ко льду указательный палец, на конце пальца обнаружился чёрный изогнутый коготь, которым Кайлеан — с отвратительным скрипом ножа по тарелке — прочертил глубокую рваную полосу в прозрачной толще.

Полоса заискрилась.

— Отлично. Разрушение началось, но процесс длительный. Теперь надо только ждать. Впрочем, время пролетит незаметно, — Кайлеан кивнул на овал портала. Фигуры в нём стали совсем чёткими, я уже различала характерные особенности и понимала, что третий слева — это Мортен, а по правую руку от него как обычно, шествует Ксения Михайловская.

Но страх испарился.

— Я их больше не боюсь, — произнесла я вслух.

— Зло надо остановить.

— Зло предоставь мне, я с ним на короткой ноге. А ты должна оставаться в безопасности. Я тут кое-что предпринял... — Он повёл меня к береговой линии.

По граниту теперь извивалась широкая и глубокая трещина, от которой исходил грозный гул. Я осмотрелась. Похоже, трещина опоясывала остров вкруговую. Воздух над ней дрожал, из недр взлетали золотисто-огненные искры, обозначая призрачный барьер.

— Призвал свою стихию, — пояснил Кайлеан. — Тебя она пропустит беспрепятственно, но не пересекай границу. И родителям втолкуй, чтоб оставались в круге.

— Как бы мне хотелось иметь хоть каплю магии... Нападать я не умею, но смогла бы оттянуть хоть сколько-нибудь внимания на себя, обороняясь.

Он покачал головой:

— Ни в коем случае. Главная цель Мортена — ты. Не хочется пугать, но ты стала его идеей-фикс.

— Да? — в сомнении спросила я. Быть идеей-фикс Мортена мне не хотелось. — С чего ты взял?

Его глаза блеснули.

— С того, что я его понимаю... в этой части. Оставайся здесь, не разговаривай ни с кем кроме родителей, и не переступай охранную черту.

Мы одновременно взглянули на портал... Магическая проекция исказила размеры фигур — в клубящемся провале двигались великаны, и распознать теперь можно было каждого.

Я болезненно сморщилась и перевела взгляд на Кайлеана.

— Мне очень жаль, милый... — Взяв его за руку, я сжала её.

Он чуть дёрнул щекой.

— Ничего. Мы никогда не были близки. И вообще... не сюрприз, — мрачно произнёс Кайлеан, наблюдая, как в один ряд с Мортеном и ковенном вышагивает его старший брат, наследный принц Леар с женой Арабеллой. Их физиономии больше не казались мне бесцветными — охотничий азарт оживил бледные лица.

— Но почему так? Леар — будущий король, и Арабелла станет королевой!

— При естественном течении событий это произойдёт очень и очень не скоро. У меня есть то, что нужно всем... а Леар годами оттачивал искусство шпионажа в собственной семье. Видимо, пронюхал... — Кайлеан замолчал.

— Ты заставляешь сожалеть, что я не владею искусством шпионажа, — заметила я кротко.

Он замешкался, быстро взглянул на портал и решительно сказал:

— Не сейчас. Прости. Слишком уж быстро всё завертелось. Ты узнаешь обо всём... но в другой обстановке... не наспех. У нас будет долгий разговор. После.

— Всё, что угодно, лишь бы оно было, это «после»... И мамина сестра с ними... — печально сказала я, глядя на ту, что шла, чуть приотстав. — И с оружием... — В руках тёти блистал странный меч — прозрачный клинок отбрасывал радужные всполохи. — Но тут хоть понятно. Мортен её сын, она при любом раскладе будет на его стороне, ничего не поделаешь.

Кайлеан пренебрежительно усмехнулся:

— Сын... Какой из призрака сын...

— Мне он казался настоящим человеком... раньше казался хорошим, теперь — скверным... но всё равно... живым человеком...

— Нежить умеет морочить, — холодно припечатал Кайлеан. — Забудь его имя. Иди ко мне.

Драгоценные минуты, остававшиеся до прибытия сил зла, мы провели, слившись в крепчайшем объятии, и наши поцелуи по ярости своей ничуть не уступали тем, что я познала прошлой ночью... затем он отстранился, ещё раз заглянул в глаза и быстро пробормотал:

— Если что-то случится со мной — оставайся в круге и жди. О тебе позаботятся. Сработает сигнальный маяк, а защиты хватит на сутки. Марк мой душеприказчик, он проследит, чтобы тебя ввели в права наследования.

Проговорив этот ошеломляющий, невозможный, возмутительный текст, Кайлеан легко перемахнул через магический барьер и двинулся

навстречу portalу.

— Стой! — выкрикнула я и, когда он оглянулся, задыхающимся ломким голосом пригрозила: — Только попробуй... вот только посмей!..

Серые глаза на мгновение прикрылись, мимолётная улыбка скользнула по губам... Кайлеан меня понял. А через секунду пришельцы из портала один за другим возникли во плоти, полукругом преградив ему дорогу.

Только сейчас я осознала, что среди них нет Ангелины... но Арабелла занимала такое место, что в случае нужды смогла бы дополнить ковен.

А Кайлеан был совсем один.

Я бросила отчаянный взгляд на ледяные глыбы позади себя. Лёд таял... или испарялся... но до освобождения было ещё далеко.

— Ну, наконец-то! — раздался развесёлый голос Мортена. — Данька, ты нас всех напугала — куда подевалась-то, в самом деле?

Настала пора взглянуть ему в лицо — смело, холодно и равнодушно — и я взглянула.

Призрак? Чёрта с два!

Всё такой же голубоглазый и златокудрый, очаровательный и улыбчивый... и выглядел Мортен не в пример лучше, чем прошлым летом. Он вновь излучал сияние, но теперь я мельком подумала, не является ли это сияние естественным атрибутом нашего рода.

Мортен тем временем продолжал, будто кроме нас двоих здесь больше никого не было:

— Что ж ты бегаешь от меня, глупая девочка? Испугалась? Ладно-ладно, признаю, тогда я погорячился. Но у меня было безвыходное положение, честное слово! Я был болен, очень болен... Теперь всё будет по-другому. Нам будет хорошо вдвоём. Знаю, сейчас скажу кошмарную банальность, но... — Он хмыкнул и театрально распахнул объятия: — Данимира, вернись, я всё прощу!

Как правильно реагировать на этот спектакль, я не знала. Потому решила последовать совету Кайлеана — держать рот на замке. Я молча разглядывала противников, сохраняя «покер фейс».

За меня высказался Кайлеан:

— Данимира не станет вступать в пустопорожние разговоры. Хочется шутить?.. — Я не видела лица Кайлеана, но знала, что он сейчас улыбается этой своей акульей улыбочкой, которая так пугала меня вначале. — Пошути со мной, призрак.

Мортен перевёл голубые очи на Кайлеана, будто обнаружил его только сейчас... и сияние потускнело.

— Кайлеан Карагиллейн... — процедил Мортен. — Паршивый

некромант, укравший мою девочку. Любимчик папаши-короля, нахватавшийся проклятий. — Тонкие губы Леара довольно дрогнули, и я догадалась, откуда у Мортена информация. — Паршивый некромантишка с аурой, дырявой как изъеденный капустный лист!

Кайлеан небрежно пожал плечами.

— Да, некромант, но отнюдь не паршивый, в чём ты, нежить, скоро убедишься.

Мортен укоризненно покачал головой:

— Эх, Данька, Данька... мотылёк ты мой легкомысленный, всё-то тебя к огню тянет... Ты хоть знаешь, что женишок порченный? На нём проклятий больше, чем шишек на ёлке...

И тут я открыла рот.

— Муженёк, — сказала я.

— Что?.. — недоумённо переспросил Мортен, у остальных вытянулись физиономии (а от Кайлеана немедленно пришло на анималинге: «Молчи!»).

Но я закусила удила. Мне понравилась увиденная реакция. Они считали меня пылью под своими ногами. Они списали меня со счетов. А я выжила и даже получила свою долю счастья. И я хотела, чтобы весь мир об этом знал.

— Не женишок, — вздёрнув подбородок, пояснила я с наслаждением. — Муженёк.

«Не провоцируй их!» — рявкнул голос Кайлеана в моей голове. Но я ни о чём не жалела.

Все семеро впились в нас взглядами — считывали ауру. Менее всего новость затронула Люду — она никак не выказала своего отношения, как была хмурой и невозмутимой с виду, так и осталась такой же... и ещё... моя тётя... я была готова поклясться, что происходящее ей не нравится в принципе.

Зато Леар с Арабеллой переглянулись, оскалились и синхронно шагнули вперёд, но Кайлеан слегка дёрнул головой, будто отгонял назойливого комара, и парочка, заслоняясь руками, отшатнулась назад, на исходную позицию.

Лицо Мортена потемнело. Из груди вырвался рык, фигура расплылась и взметнулась вверх, увеличившись в размерах.

— Тва-а-арь! — взвыло полупрозрачное пятно, лишь отдалённо напоминавшее человека. — Ты взял моё, некромант, и ответишь за это! — Потом Мортен вернулся в прежнюю форму, и уже спокойно повторил, пристально глядя на Кайлеана: — Ты ответишь.

Кайлеан заговорил с мягким сожалением, звучащим искренне, будто он объяснял старинному приятелю его прискорбную ошибку:

— Данимира могла бы спасти любого... может быть, даже тебя, призрак... — И, выдержав паузу, так же мягко продолжил: — Надо было просто дать ей шанс.

Мортен застыл, осмысляя слова Кайлеана, и, судя по задёргнувшемуся лицу, даже что-то попытался ответить... но нужные слова так и не нашлись. Тогда Мортен подал знак, и вся шайка ринулась вперёд.

Бой начался, я закусила губу.

Стая шакалов, окружившая льва. Они нападали и слева, и справа, и с воздуха, и пока Кайлеан неплохо справлялся, просто небрежно откидывая противников назад одного за другим. Он был невредим, но семеро на одного... слишком много... и тётя своим радужным мечом упорно рубила силовые линии, прочерченные на поверхности озера... наверняка её действия подрывали силы Кайлеана.

Мама, быть может, смогла бы остановить её, или хотя бы задержать разговорами...

Я оглянулась.

Проклятый лёд таял медленно. Я вновь повернулась к сражающимся, и вдруг заметила в овале портала, который по-прежнему зиял в небе, тёмное пятнышко. Что-то тёмное колебалось, меняло и без того непонятные очертания, но, похоже, приближалось сюда, поскольку понемногу увеличивалось в размерах. Кто-то ещё прорывался сквозь миры по следу, оставленному шайкой Мортена... и я понятия не имела, кто это... или что.

...В то время как я таращилась на явление в портале, Кайлеан успешно отбивал нападения. Ему даже удавалось сохранять ироничное выражение лица. Впрочем, возникло впечатление, что происходит «разведка боем». Похоже, пока противники только примеривались друг к другу. Используя разнообразные приёмы, они пытались нащупать брешь, в которую можно будет нанести удар посильней.

Улучив момент между двумя атаками, я передала Кайлеану встревоженное: «В портале кто-то есть!»

Он быстро взглянул, непонятно буркнул: «Кто б сомневался» и резким движением пальцев послал к сунувшейся слишком близко Анне волну пепла и жара. Ведьму отбросило назад, она далеко прокувыркалась по серебряной поверхности, но всё же пепел осыпался, не добравшись до цели. Мортен защищал своих людей так же как и Кайлеан своих. Наверняка это было ненормально, но какая-то часть меня чувствовала облегчение от

того, что пока никто не умер.

Анна... злая... испорченная... но мама говорила, что все меняются со временем... некоторые в худшую сторону, некоторые — в лучшую... но после смерти не развивается никто. Даже самое активное привидение — навеки застывший слепок души, не способный измениться.

Тем временем тёмное пятно росло. Отвлекать Кайлеана расспросами я не решилась, хотя мне очень хотелось понять, чем грозит прибытие какого-то чёрного зверя — чем больше я всматривалась в портал, тем больше убеждалась, что там мчится какое-то животное. Сначала я питала надежду, что нам на помощь спешит дракон. Но движения были какие-то... не драконьи...

Я напрягала зрение и воображение.

Большой пёс? Волк? Медведь? Фантастическое существо вроде мантикоры? И на чьей же стороне оно окажется?

Вскоре движение в портале заметили и враги. Мортен резко повернулся и вполголоса что-то спросил у Леара. Лицо Леара в ответ выразило озабоченность. Так же тихо отвечая, он передёрнул плечом... я со злорадством предположила: противной стороне расклад так же не ясен. Причём настолько, что в минуту, оставшуюся до появления зверя, атаки прекратились.

«Кто же там?» — воспользовавшись затишьем, послала я Кайлеану вопрос.

«Ну, кто ещё-то?..» — ответил он непонятно. — «Сейчас увидишь».

«Что бы ни случилось, я с тобой», — успела сказать я до того, как на застывшую поверхность озера прыгнул огромный чёрный леопард — магическое создание, чьи размеры намного превышали естественные. Зверь приземлился точно посередине, на «нейтральной полосе», и вряд ли это было совпадением.

Хищник грациозно прошёлся взад и вперёд, демонстрируя совершенную красоту от носа до кончика хвоста. Под шелковистой муаровой шерстью переливались мускулы, способные за секунду перебросить гибкое тело на десяток метров вперёд... Немигающие янтарные глаза оглядели каждого, и когда мы встретились взглядом, чувство узнавания внезапно посетило меня. Этот леопард имел характерные манеры — полные ленивой грации и уверенности во всеобщем внимании. Поэтому когда чёрный силуэт окутало облачко, а потом на месте большой кошки появилась знакомая личность, я ничуть не удивилась... разве что насторожилась ещё больше. Кайлеан был склонен доверять этому человеку, а у меня новоприбывший доверия не вызывал.

— Прошу прощения за животные проявления, — бархатно проговорил Химериан, распрямляясь и поправляя воротник чёрного камзола, — но в таком виде передвигаться между мирами намного проще, а главное, ни у кого не возникает желания пристать с какими-нибудь глупостями. Ума не приложу почему, но это факт. — Он тщательно поддёрнул манжеты и ещё раз окинул взглядом диспозицию. — Да у вас тут весело... Развлекаетесь?

— Дорогой брат! — Вперёд поспешно выступила Арабелла. — Как я рада тебя видеть! Меня всегда восхищала твоя независимость от банальной морали...

— М-м-м?.. И это правильно... — благосклонно согласился Химериан, — дорогая сестра.

— И мудрость! — Рядом с Арабеллой встал Леар. — Ты ведь всегда был умён. Взгляни на расклад со свойственной тебе проницательностью, брат, присоединяйся к победителям, и победителем станешь сам.

— Независим и мудр... Какие точные характеристики, — промурлыкал Химериан, пребывая по-прежнему в нейтральных водах. — Приятно, когда родня столь высокого о тебе мнения.

Я не выдержала:

— Присоединяйся к подлецам, и сам станешь подлецом! — звонко сказала я.

— У девчонки нет магии, — процедил Леар. — Она — ноль. А щенок тратит слишком много сил на её защиту. Нас больше, он проиграет.

— Какова будет моя доля? — деловито спросил Химериан. — И доля чего? Здесь ведь не простое сведение счётов?

От такой подлой меркантильности меня просто затрясло — трясло от возмущения... и ещё, пожалуй, от возросшего страха. Кайлеан не раз характеризовал Химериана как высшего мага. Если ещё и он выступит против нас... поражение неминуемо. Я мысленно потянулась к Кайлеану, чтобы поддержать его в этой ужасающей ситуации, но внезапно обнаружила, что в утешении он не нуждается. Ситуация его... забавляла?

Тем временем Леар с Арабеллой переглянулись и как-то замялись. Что-то они не спешили сообщать Химериану ради чего «брат пошёл на брата».

Вместо них заговорила моя тётя. При звуках её мелодичного голоса я вздрогнула и невольно оглянулась назад, на ледяную тюрьму. У Илгалей даже интонации были мамины!

— Всеи Конфедерации известно, что аннморийский двор состоит из семейств, славящихся древностью и чистотой рода. Я отдам вам, принц Химериан, руку лучшей невесты из высшей знати Аннмории. Такая

женитьба подправит породу ваших потомков. Происхождение от деревенской колдуньи будет забыто, ваш статус возвысится. Помогите моему сыну, и получите в жёны герцогиню с чистой и древней кровью.

— Герцогиню? — задумался Химериан. — Недурно. Но, к глубокому сожалению, меня всё ещё не тянет заниматься улучшением породы и разведением чистокровных потомков. Наверное, со мной что-то не так. Впрочем, предложи вы свою племянницу... — Он осмотрел меня с ног до головы и вздёрнул бровь. — Вижу, что и здесь я жестоко опоздал. Увы мне. Но может быть, Ваше Величество, вашему... — Тут он сделал многозначительную паузу, осмотрел Мортена так же пристально, как до того меня, и продолжил: — гм... вашему питомцу... есть что мне предложить?

Илгалея сжала губы в нитку, Мортен качнулся вперёд.

— Есть, — улыбаясь, отозвался он. — Я предлагаю тебе жизнь, маг. Если ты и вправду так сообразителен, как тебя тут расписали, просто перейди на нашу сторону, и останешься жив. В противном случае, я лично вырву твоё сердце. — Лучезарная улыбка перешла в оскал. — За «питомца».

— Не будь дураком, брат! — выкрикнул Леар. — Ты не знаешь его силы!

— «Брат»? — переспросил Химериан, снова тщательно поправляя манжеты. — Кто-то... уж не припомню кто... уверял, что в частных беседах вы с Беллой иначе как «этот бастард» меня не называете. Ах, да! Собственно, я слышал это собственными ушами. И вот — свершилось! — я наконец дорос до «брата»... как трогательно. А насчёт моего сердца я особо не беспокоюсь. Сколько раз мне обещали его вырвать... тем не менее оно по-прежнему на месте... и велит поздравить младшего братишку, заполучившего наконец свою принцессу.

За секунду Химериан исчез и возник уже возле Кайлеана.

— А я всё гадал, когда это случится, — ухмыльнулся он, обмениваясь с Кайлеаном крепким рукопожатием. — Долго же ты ходил вокруг да около, прямо на глазах превратился в романтика. Завёл официальную подружку, а?

— Мы женаты, — сказал Кайлеан, вскинув подбородок.

Хим булькнул, будто пил и вода попала не в то горло, и тут же быстро спросил:

— По какому закону?

— По третьему королевскому слову.

— О как! — чему-то изумился Химериан и взглянул на меня с особым

любопытством:

— Ну что ж, добро пожаловать в...

Договорить он не успел.

С омерзительным звуком, напоминающим скрежет вилки по тарелке, зелёные молнии ударили с неба прямо в то место, где только что стояли Химериан и Кайлеан. Раздался грохот, заглушивший даже визг молний.

Я запоздало вскрикнула, хотя братья уже возникли в другом месте, целые и невредимые.

На фоне клубящихся завихрений портала, широко раскинув руки, в небе парил Мортен, окружённый четырьмя ведьмами, его глаза светились неоновой зеленью, с кончиков пальцев одна за другой слетали молнии.

Шум стоял адский.

— Блондинчик, похоже, полный псих? — радостно проорал Химериан.

— Он мой! — крикнул в ответ Кайлеан. — Возьми на себя дам!

— Если дамы, то сразу я?.. — Химериан с досадливой миной чиркнул ребром ладони по горлу, обозначая отношение к этой традиции, но тут же исчез, увернувшись от визжащей молнии.

Возник он за спиной Илгалеи, упорно пилившей своим прозрачным мечом линии Кайлеана, и я поняла, кого он посчитал наиболее опасной из дам. Илгалея резко обернулась, меч взлетел и прошёл в миллиметре от лица Химериана, но тот вовремя отклонился назад и в ответ взмахнул длинным чёрным бичом, запеленавшим королеву Аннмории от макушки до пят. Однако там, где бич соприкоснулся с мечом, блеснула радуга и чёрные обрывки легли к ногам освободившейся Илгалеи. Она подцепила один из них кончиком меча и презрительно швырнула в Химериана. Обрывок вытянулся и дротиком метнулся к Химериану, но сгорел на подлёте, а в руке Хима появилось копьё... бросок... Илгалея разрубила копьё пополам... ещё копьё, ещё бросок...

Брат мужа воюет с сестрой матери — вся моя сущность противилась этому зрелищу, в сторону Кайлеана и ковена я боялась даже взглянуть. Я только слышала грохот взрывов и краем глаза отмечала багряные всполохи. Небо, бывшее прежде серым, постепенно розовело. Не смотря на то, что битва проходила в воздухе, при каждом взрыве остров содрогался под моими ногами. Чувствуя, как всеобщая агрессия кислотой разъедает душу, я отвернулась, чтобы посмотреть на родителей, и моё сердце ёкнуло — вместо единого цилиндра на поляне стояли два куска льда — поменьше и неровной формы — которые повторяли очертания людей, в них заключённых.

Возможно, повышенная концентрация магии в воздухе и вибрация гранита ускорили отступление «льда правосудия»... он ведь вообще не являлся льдом в обычном смысле — тая, не превращался в воду, а просто исчезал без следа.

Я бросилась к ледяным статуям и прильнула к той, что заключала в себе маму. Лютый холод сразу же запустил щупальца в моё тело, но я продолжала обнимать и гладить лёд, надеясь ускорить разморозку собственным теплом. Мне казалось ужасно важным, чтобы мама освободилась первой. Может быть, тогда она успеет спасти сестру, так или иначе отстранив её от противостояния.

Не знаю, сколько я так простояла, несколько раз от холода утрачивая чувство равновесия и вообще реальности, пока ледяная оболочка вдруг не разлетелась на куски. Я кубарем полетела на землю, вместе со мной упала и освобождённая мама.

Я ещё сидела на земле и хлопала глазами, а мама уже взвилась в боевую стойку. Не могло не радовать, что она в такой хорошей форме, но у неё на ладони крутилась шаровая молния... и, по-моему, она была готова запустить ею в родную дочь.

— Не двигаться, — холодно приказала мама. Под глазами у неё были голубые тени, щёки впали, но голос звучал твёрдо. — Убери лёд от моего мужа. Немедленно.

Я встала и, пошатываясь, подошла к папиной глыбе льда... обняла её и охнула — холод пронзил сердце насквозь.

— Мам, это я, Даня, — с трудом выговорила я. — Я вернулась.

— Больше ты меня не обманешь, гадюка, — отрезала мама. — Не висни на моём муже. Разморозь его немедленно или схлопочешь фэйерболлом по лбу.

Приоткрыв рот, я воззрилась на маму.

— Ты раньше так не говорила.

Что-то дрогнуло в её лице, она впилась в меня пристальным взглядом, но ответила так же жёстко.

— А теперь говорю.

— Мам, спроси меня что-нибудь... — я печально улыбнулась, — а то папа отгадет, а я замёрзну...

Она молчала, изучая меня исподлобья, и я подсказала:

— Спроси что-то, что знаем только мы с тобой. Пожалуйста.

Мама скривила губы и мрачно произнесла:

— Зря всё это. Но... допустим. Где моя дочь провела свой восьмой день рождения?

— Здесь! Ну, не прямо здесь, не на острове, а на берегу, только ты и я.

— Почему здесь?

— Потому что я была пятнистая, мам! — выпалила я. — Вся в зелёнке! — Этот день рожденья мы провели вдвоём, потому что я и ещё полкласса подхватили ветрианку, а папе пришлось по срочным делам отправиться в Москву. Традиционное торжество — с кучей гостей, с большим столом, накрытым в саду, — пришлось отменить. Вместо этого мама отвезла меня сюда, на берег Имангры, и устроила праздничный пикник для двоих.

После долгого молчания мама спросила дрогнувшим голосом:

— Кому повезло в тот день... и кому не повезло?..

Наверное, в более мирной обстановке я соображала бы дольше, но тут ответ пришёл сразу:

— Рыбам! Рыбам повезло! Мы тут встретили дядю Сашу с папиной работы, он рыбачил рядом и я попросила в подарок выпустить мелкую рыбёшку обратно в озеро. А не повезло Барсику, дядисашиному коту, рыба была для него... так ведь?

— Даня?.. — Мама сделала неуверенный шаг в мою сторону.

Я с радостным визгом бросилась к ней в объятия.

— Мамочка, я вернулась!

Мы обнимали друг друга, и целовали, и мама гладила моё мокрое от слёз лицо, бормоча:

— Прости, Данечка, прости, но она вошла в наш двор в твоём обличьи, иначе нас бы никогда не захватили...

— Кто, кто вошла?.. — бормотала я, прижимая мамину руку к своей щеке.

— Гадюка одна... сбросила личину в последний момент... не видала её раньше никогда... и других тоже... И с ними странный парень был — вылитый Андрей в молодости... не понимаю, почему они на нас напали. А что с отцом? — она энергично потащила меня к ледяной статуе.

— Папа освободится, мам. Его лёд почему-то тает медленней, но всё будет в порядке. — Я свято верила в действенность магии Кайлеана.

Мама недоумевающе огляделась по сторонам, словно только сейчас осознала, что находится на острове посередине застывшего озера, потом широко раскрытыми глазами уставилась в небо, затянутое багровым дымом, на фоне которого в вышине проносились тёмные фигуры, сверкали молнии и цветные вспышки.

— Что происходит? Кто там наверху? Как мы здесь оказались? И как ты здесь оказалась?

Шквал её вопросов наконец отрезвил меня. Я вытерла слёзы и быстро сказала:

— Долго объяснять. Наверху идёт бой, а там, — я показала на две тёмные точки вдали, то сходящиеся, то расходящиеся, — твоя сестра Илгалея... и всё может кончиться плохо.

— Лея здесь?! — изумилась мама. Её зелёные глаза стали совершенно круглыми. — Каким образом? Что она-то здесь делает?.. — Потом вдруг мама поняла и воскликнула: — Значит, ты всё знаешь? Мы собирались рассказать тебе после восемнадцати...

— Мне девятнадцать, мама. Год прошёл. — Мамины брови взлетели вверх и я поспешно продолжила: — Но не это сейчас важно. Твоя сестра, она заодно с теми, кто вас заточил. Тётя против нас. — Радужное сверкание вдали показывало, что Илгалея по-прежнему с мечом. — Она бьётся с Химерианом... э-э-э... принцем Эрмитании... может, ты слыхала...

Мамин голос понизился на два тона.

— Карагиллейнов знают все. И их загребушие руки. Странно. Чем эрмитанец надеется здесь пожить?

— Э-э-э... он, вообще-то, за нас... помогает брату.

— Как? — снова изумилась мама. — Ещё один эрмитанский принц здесь? Даня, что происходит?

— Э-э-э... По правде говоря, тут трое эрмитанских принцев... но двое за нас. Мама, срочно останови тётю, заberi у неё меч. Она уничтожает им линии на поверхности озера. Нельзя этого допускать.

— Я попробую. Но отнять меч у Леи нельзя. У неё аннморийский Меч Королей, наша реликвия. До него может дотронуться только коронованная особа. Поблизости есть настоящий король — с королевством, принёсший стране священные клятвы?

Я помотала головой.

— Нет, только принцы.

— Тогда никто не сможет даже коснуться меча. И ты — не дотрагивайся до него ни в коем случае. Этот меч убьёт даже наследника престола, ему подавай стопроцентного короля.

— Что же делать?

— Посмотрим. Береги себя, оставайся с папой. Скоро вернусь. — Мама в который раз погладила меня по голове, обняла, поцеловала и побежала к берегу. У защитной линии она остановилась, провела ладонями по воздуху, что-то проверяя, потом перескочила через огненную трещину и побежала дальше.

Я долго смотрела ей вслед, потом взглянула вверх и вздрогнула. Бой

сместился куда-то в сторону, а прямо надо мной парила одинокая женская фигура. Её волосы были распущены, они удлинялись, превращаясь в туманные струи. Небо быстро заволакивалось. Туманная ведьма Людмила принялась за работу.

...Не то что бы я была совсем неблагодарной — я очень хорошо помнила, что именно Люда позволила мне избежать смертельного ритуала. Но всё же сожалела, что под рукой нет рогатки... очень большой рогатки! Колдовской туман не просто ухудшал видимость. Сильная погодница могла управлять его свойствами, да так, что для одного туман становился молочным киселём, а для другого был прозрачней куриного бульона.

Я догадывалась, кому достанется куриный бульон, а кому кисель, к тому же смутно припоминала, что избирательная видимость далеко не единственное зловредное свойство белесых струй, стремительно заполняющих собой небесное пространство, но поделать всё равно ничего не могла. Как и Кайлеан, которого обложили со всех сторон и удерживали поодаль.

Вскоре туман царствовал везде кроме моего убежища, над которым образовалось что-то вроде купола, да ещё оставалась нетронутой узкая прибрежная полоса, прилегающая к острову. Огненная черта не подпускала туман слишком близко.

Ни взрывов, ни вспышек — всё поглощала серая вата. Я оборачивалась в тоске то к ледяной фигуре, то к защитному барьеру... папин лёд таял очень медленно. Скорей всего, отец сопротивлялся сильнее, вот его и заморозили в более плотной среде. Какова бы ни была причина, папа пока оставался в заточении. Оттаивать ещё одну ледяную глыбу теплом своего тела я поостереглась — до сих пор казалось, что внутренности покрыты инеем, и я встала у пышущей жаром трещины, надеясь избавиться от этого ощущения.

Внезапно мой слух уловил слабый звук, похожий на стон... что-то происходило там, в белесой мгле... далеко-далеко... или наоборот близко?

Я подошла к огненной трещине и затаила дыхание. В той стороне дрались Химериан и Илгалея, туда направилась мама... что там происходит?

Спустя минуту тонкий силуэт выступил из тумана. Мама была бледной как смерть и зажимала рукой рану в груди. Но кровь всё равно лилась сквозь пальцы, пропитывая одежду.

— Даня, помоги... — простонала мама и пошатнулась.

От ужаса у меня потемнело в глазах, в мгновение ока перескочив защиту, я уже была возле неё, подставляя плечо.

— Что случилось? Кто это сделал?

— Кто-кто... Дед Пихто! — ответила мама чужим голосом и медленно провела окровавленной рукой по моей щеке. — Какая же ты, Данимира, предсказуемая... Барашек купился на бедную раненную мамочку!

Я отшатнулась, но было поздно. Между мной и спасительным островом встала фигура, с которой расплавленным воском стекала личина. Я почувствовала, что не могу сойти с места.

— Ну, здравствуй, — криво ухмыльнулась Ксения и я в ступоре уставилась на неё. Одежда превратилась в какие-то лохмотья, половину прежде прекрасного лица мадонны покрывала корка из грязи и крови, вместо глаза на обожжённой стороне зияла багрово-чёрная дыра. Не смотря на страшное ранение, держалась Ксения с непринуждённостью, будто мы случайно встретились на городской улице.

— Что пялишься, Барашек? Тебя смущает это?... — она дотронулась до пустой глазницы. — Твой некромант постарался. Ничего, сейчас мы всё исправим. У тебя ведь с глазками всё в порядке? Ну вот, поделишься... Всё равно они тебе больше не пригодятся. — Она раздула ноздри, втягивая воздух. — Ах-х-х-х... новобрачная ведьма... лёгкая добыча, просто пироженка... жаль, времени нет, не так весело как с твоей уральской подружкой получится.

— А было весело? — хрипло спросила я.

— Сначала было ску-у-учно. Мортен велел попросту заморочить девчонку, зачаровать её и отправить обратно, домой, в глухомань, чтоб под ногами не путалась. Но я же гений, творец, а не простой исполнитель. Я придумала интересней. С кометой и телескопом вышло стильно, изящно, с юмором... не находишь? Мы обработали её прямо в Смольном, в пустой аудитории... дурочка пошла за мной как собачонка... то есть, за тобой — видела-то она тебя... а я манила её издалека и намекала на какую-то тайну... — Ксения с лукавым видом приложила палец к губам, и я как наяву увидела, как бедная Женька доверчиво следует за мной, а я, улыбаясь и отступая, увожу её подальше от людей. — Когда она зашла и увидела, кто её поджидает, то сразу задёргалась, да где там... дальше она делала всё, что нам захотелось. Гелька, покойница, заставила в ювелирном колечко себе купить...

— Почему покойница? — спросила я скорее для того, чтобы потянуть время.

— Ну а ты как думала, когда сбегала? Эта смерть на твоих руках. Ритуал-то уже пошёл, а Мортену совсем худо было... он уже на грани развоплощения был, потому что всё с тобой тянул... жалел... вот Гелька и

пригодилась. Хотя она-то конечно мечтала в другом смысле сгодиться. Тоже та ещё дура — детдомовская страшила, на что надеялась? Замена конечно так себе была, но Мортену на время полегчало.

После безжалостного описания травли Жени мне казалось, что я превратилась в один сплошной комок боли... наверное поэтому я пожалела и Ангелину. Её бросили как ненужную вещь в самом начале жизни, когда человек особенно нуждается в любви и заботе... не каждая душа справится с таким... вот Геля и не справилась.

Ксения тем временем продолжила:

— А в магазине оптики вообще потеха началась... Уральская дурёха та-а-а-а-а несла с умным видом — повторяла всю чушь, что я ей внушила... вещала про пришествие инопланетян, которые прилетят на комете... продавец думал, она сумасшедшая... мы, когда вышли из магазина, чуть животы от смеха не надорвали. Концовка, правда, получилась чуть смазанной — жаль, что твоя подружка не в гробу домой отправилась... но и у гениев бывают проколы, такова жизнь. — Она философски пожала плечами. — На ошибках учатся. В следующий раз лучше выйдет.

— Проклинаю тебя, бессердечная тварь, — сказала я сквозь зубы. — Ты получишь по заслугам.

Кривая улыбка вновь перекосила её лицо.

— Ой-ой-ой... И кто же меня остановит? Уж не ты в любом случае. Для начала с глазками попрощайся, мне же оба нужны... а то что за дичь — один глаз карий, один — серый? Мне особые приметы не нужны. И вообще, заболталась я... прощай, Барашек.

Ведьма наставила на меня руки, забормотала что-то... я не успела ничего почувствовать, потому что в то же мгновение из тумана с рыком вылетело длинное чёрное тело... я моргнула... зверь снова исчез.

Я моргнула ещё раз — на том месте, где стояла Ксения, никого не было.

Из тумана донёсся дикий крик, немедленно оборвавшийся.

И снова стало тихо.

Я переступила ногами и поняла, что могу двигаться.

А затем из тумана появился Химериан. Он приблизился и протянул раскрытую ладонь, на которой лежало горячее пульсирующее человеческое сердце... только что вырванное из груди... с обрывками аорт и вен...

— Вот теперь она действительно бессердечная тварь... а то слова, слова... — сказал Химериан и поклонился. — Леди Данимира... мой подарок на свадьбу.

Раньше мне казалось, что Химериан — лощёный франт, капризный,

манерный, испорченный красотой, богатством, принадлежностью к королевской семье... и всё оказалось маской. Ничего подобного я в нём сейчас не видела. Он был собранным, хладнокровным и опасным хищником... и, скорее всего, это было семейное. Где-то в глубине души я порадовалась, что это не Кайлеан сейчас протягивает мне страшный подарок.

Химериан перекинул с руки на руку сердце, которое продолжало отчаянно сокращаться, и покачал головой:

— Живучая. Идёмте, надо покончить с этим.

Я послушно последовала за ним к огненной расщелине и там Химериан уронил сердце Ксении в раскалённую лаву. Над местом падения взметнулся столб из чёрных бабочек, бабочки обратились чёрным дымом, который быстро развеялся... и кто-то страшно завыл наверху...

— Возвращайтесь на остров, леди Данимира, — сказал Химериан. — Мне нужно идти.

Я медлила, разглядывая Химериана. Его манеры изменились. Похоже, он признал нашу с Кайлеаном общность и допустил в тот круг, где не считал должным носить маску. А под маской оказался человек, способный расправиться с женщиной таким страшным образом... Интересно, кто-нибудь из его взбалмошных подопечных понимает, что представляет собой их красавчик-ректор?..

— Живо! — прервал мои размышления Химериан, хлопнув в ладоши.

Я вспугнутой козой перескочила на безопасную территорию, но тут же обернулась, желая его задержать:

— Всего одну минуту!

Он глядел на меня с каким-то болезненным любопытством и заговорил о своём:

— Невероятно. Если бы перед Кайлом стояли вы и, к примеру, та особа, что только что закончила своё существование там, — он кивнул на трещину в граните, — я был бы готов биться об заклад, что он выберет её. Или любую другую тёмную ведьму... хищную, рисковую, не обременённую сантиментами... каких мы всегда предпочитали... но он дал слово именно вам... я впечатлён.

От упоминания «других тёмных ведьм» меня бросило в жар. Я вскинула подбородок и запальчиво сказала:

— Должно быть, будущее, обременённое сантиментами, понравилось вашему брату куда больше, чем будущее со всякими «хищными и рисковыми». Кайлеан способен свернуть с проторенной дороги, если эта дорога ведёт в никуда.

Химериан приподнял бровь.

— Дорога в никуда? Полагаете? — Он коротко задумался и философски пожал плечами. — Что ж, может, так оно и есть. Ну, так что вы там хотели спросить?

— Что с мамой и тётей?

— Предаются воспоминаниям. Судя по накалу страстей, чрезвычайно болезненным. Я постоял, послушал немного. На тот момент обсуждалось чьё-то любимое порванное ожерелье, которое кто-то у кого-то взял без спросу... по крайней мере, они занимают друг друга, Илгалея прекратила рушить заклинания Кайла. Надеюсь, ваша мать сумеет удержать её внимание надолго. Лабиринт, который начертил Кайл, помогает держать защитный барьер и подпитывает энергией самого Кайла.

...Страшноватым человеком был Химериан, но он был на нашей стороне; я захотела его предупредить.

— У тёти Меч Королей... вдруг вы не знаете... Здесь никто, кроме коронованной Илгалеи, не может его коснуться... будьте осторожны.

Химериан усмехнулся.

— Я в курсе... но всё равно — спасибо. Хотя подозреваю, что кое в чём вы ошибаетесь. Однако это ваше семейное дело, предпочту остаться в стороне.

Своё загадочное сообщение расшифровывать он не собирался, а меня тревожило слишком многое.

— Я опасаюсь за маму. Вдруг тётя всё ещё злится на неё?

— Дамы общаются... э-э-э... весьма экспрессивно... весьма... но как близкие люди. Думаю, это удержит обеих от опрометчивых поступков. — Он вновь взглянул вверх и произнёс с той странной предвкушающей улыбкой, которую я уже видела на лице Кайлеана: — Смертельная битва — непреодолимый соблазн для любого мужчины. Спешу откланяться. — Химериан указал мне за спину. — Тем паче, вам будет чем заняться.

Я кинула взгляд назад... от глыбы льда, в которую заточили отца, осталась лишь оболочка, скульптурно обрисовывающая фигуру.

— Ой! — пискнула я и бросилась вглубь острова. По пути обернулась... по ту сторону барьера уже никого не было.

...Лёд раскололся от первого же прикосновения. Отец пружинисто приземлился в той же боевой стойке, не пошатнувшись ни на миг. Он тоже не спешил раскрывать объятия. Холодные голубые глаза внимательно следили за мной — голубые глаза Мортена!.. Как же я была слепа... Убрать усы, бороду, морщинки у глаз, распрямить и перекрасить в золотистые тёмно-рыжие кольца волос... теперь образ Мортена отчётливо проступал

сквозь знакомые черты. Сходство можно было не заметить, если только категорически его не искать. Но кому б на моём месте пришла в голову такая нелепая мысль?

Я быстро проговорила:

— Пап, я не подделка. Ты любишь сгущёнку с чёрным хлебом, дразнишь маму присказкой «а Ларчик просто открывался», и в мои двенадцать мы отдыхали на Чёрном море, ты разрешил мне учиться на парашуте летать, а я за сук стропой зацепилась, и ты ничего поделать не мог, потому что рядом оказались свидетели, обычные люди, которые рвались помогать. Меня спасатели со скалы снимали... об этом никто не знает, если только ты маме не проболтался.

Секунду отец оставался в напряжённой позе, потом выпрямился. Его плечи обмякли, он с силой провёл рукой по лицу.

— С чего бы я маме проболтался?.. — глухо пробормотал он. — Самоубийца я, что ли?

— Папа-а-а! — я ринулась к отцу и повисла у него на шее.

— Ребёнок... ребёнок... — бормотал папа, стискивая меня так, что у меня рёбра затрещали. — Данька, Данечка... Я же увидел... на той твари личина была такая, какую с мёртвых снимают... и всё равно сразу ударить не смог — на том и подловили... сердце ведь биться перестало... — Он отстранил меня и взгляделся. — Изменилась... Повзрослела, заневестилась... — Папа досадливо поморщился. — Сколько же времени прошло?

— Больше года, пап. Это очень длинная история, и она ещё не окончена.

«Заневестилась» я решила пока не комментировать. Прежде всего бедному папе надо было узнать про Мортена, вряд ли его успели просветить. Сын или подобие сына... неважно. Если отец столкнётся с Мортеном ... прежде чем принять решение, он должен знать, с кем имеет дело.

Отец быстро осмотрелся по сторонам.

— Где мама, знаешь?

— Мама неподалёку, разговаривает с тётёй... с тётёй Илгалеей.

— Илгалея здесь? — Папа произнёс её имя таким тоном, будто речь шла о Нагайне, проникшей в дом Рики-Тики-Тави. — Что она тут забыла?

Я вздохнула и погладила папу по плечу.

— Она пришла вслед за сыном. Мортен всю кашу заварил. Прошлым летом, перед тем как вас с мамой сковали льдом, среди нападавших ты, наверное, видел такого парня... он приметный — высокий, голубоглазый, с

длинными светлыми волосами?

Отец кивнул.

— Первый раз я его в магазине увидел. Расплачивался у кассы... чувствую, сбоку словно бы припекать начало... щёку поскрёб, в сторону глянул... у кофейного автомата этот стоит... незнакомый, не из местных... из стаканчика прихлёбывает. Бледный, уставился, будто на мне цветы выросли, лыбится не пойми к чему... нехорошая такая улыбочка, кривоватая... Ауру его посмотрел... хрень какая-то, а не аура. Я ещё подумал, надо узнать, к кому эта рок-звезда приехала... мало ли. Отвернулся, вновь посмотрел... а у автомата и нет уж никого. На заводе чёрти-что творилось, я и забыл сразу... пока он прямо в дом не появился. Он-то меня в лёд и закатал... вперёд подельницу пустил, я и сплоховал... не ударил сразу... не смог.

— Тебе не показалось его лицо знакомым?

По реакции отца я поняла, что он действительно ни о чём не подозревает.

— Так этот гад и есть Илгалеин сынок? — хмуро спросил папа. — То-то мне его рожа показалась знакомой. Но он своё получит, и Лея меня не остановит. Лучше надо было чадо воспитывать и вовремя к психологу сводить. Ты мне лучше расскажи, что происходит.

Я опять вздохнула.

— Пап... Мортен и твой сын тоже.

На несколько секунд он упёрся в меня отсутствующим взглядом, затем расхохотался.

— Этого просто не может быть. Кто тебе сказал такую чушь?

— Один некромант... ему можно верить... допросил мага, помогавшего Илгалею... посмертно допросил. Мортен не совсем человек. И не совсем призрак. Он что-то среднее. То есть кто-то. В ту ночь Илгалея создала Мортена с помощью магии, но притом смешав в Чаше Крови генный материал — твой и свой. Плоть в нём тоже есть. Вспомни его лицо. Мортен ведь не только на Илгалею похож, но и на тебя. Вспомни себя в молодости. Если уж на то пошло, то он и на меня похож. Одна порода. Он... э-э-э... наш родственник... как бы это дико не звучало.

Отец снова замолчал. Он хмурился и играл желваками — я видела, что отец очень зол. Наконец он заговорил:

— Я довольно быстро сообразил, что Илгалея малость с приветом... ещё тогда, два десятка лет назад. Она была одержима магией, и для неё не существовало грани между светом и тьмой. Теперь понимаю, что сильно ошибся в определении. «Малость» — не то слово. Да она вообще

свихнулась! — рывкнул он в бешенстве. — И насчёт «родственника», «сына»... Данька, ты этот индийский кинофильм, где родинки на боку показывают, брось. Леин выкормыш — ничто. Он нежить, призрак, фальшивка, каким бы настоящим с виду не казался. Не человек — имитация человека, понимаешь разницу?

Папа чуть ли не дословно повторил мнение Кайлеана относительно статуса создания, сотворённого Илгалеей. В мою голову невольно закралась мысль, что желание Мортена обрести человечность имело давние корни — ровно с того момента, когда ему первый раз дали понять, что считают его никем. Я не оправдывала злодеяния Мортена... но сожалела о движущей силе его поступков. Тогда, в магазине, он мог не показываться папе на глаза, но зачем-то захотел зрительного контакта... О чём он думал, глядя в глаза тому, кого мог считать отцом?

— Так что же, нежить здесь за главного? И он вот прям-прямо здесь? Отлично! — тем временем продолжил папа. Его глаза заблестели. — И кто ещё — кроме Илгалей — согласился с тем, что им командует призрак?

Видимо, папа тоже придерживался мысли, что лучшая постель для мужчины — попона боевого коня, а смертельная битва просто подарок судьбы и всё такое мужское прочее. Мне очень хотелось, чтобы отец оставался на острове в безопасности, но в нашей семье не было принято врать друг другу. Я и так умолчала о своём замужестве.

— Мама и тётя там, — я указала примерное направление, — вспоминают прошлое и отношения выясняют. Тебе туда лучше не ходить, а то ещё подольёшь масла в огонь. Остальные дерутся наверху, в тумане. За нас тот самый некромант и его брат, оба темноволосые. Некромант тот, кто в джинсах. Брат может быть в образе чёрного леопарда. Против нас Мортен и второй брат некроманта. Оба блондины. И с ними три ведьмы.

— Понятно. Они чьи-то сёстры? — осведомился папа.

— Нет.

— Не может быть. Наверняка чья-то родня.

— Точно! — вспомнила я. — Та, что блондинка, она жена второго брата, того, что против нас.

— Я знал, — с удовлетворением сказал папа. — А некромант?

— А-а-а... а что — некромант?

— Некромант в джинсах, которому можно доверять, он кто?

Папа как всегда вычленил из потока информации самое важное. Всё-таки он знал меня как облупленную. Наверное, говоря о Кайлеане, я не смогла скрыть мечтательное выражение. Надо было сознаваться.

— А-а... ну-у... некромант... некромант у нас муж.

— Одной из ведьм, которые против нас? — удивился папа.

— Нет.

Мы длинно посмотрели друг на друга.

— Вот это поворот, доча, — задумчиво сказал папа. — Всё-таки индийское кино. Лара знает?

Я помотала головой.

— Да, нашу маму надо подготовить. Я-то человек простой, демократичный. Некромант так некрмант. Среди них тоже приличные люди попадают. Хотя редко. А вот мама меньше чем на принца не согласная будет.

— С этим как раз всё в порядке. Он принц. С той, с адской стороны.

— Всамделишный?

— Всамделишней не бывает.

— Что тогда не в порядке?

— Мама их семью знает и не любит. Считает, что у них руки загребушие.

Отец взглянул наверх.

— Хм-м... Лара обычно бывает права. И, кстати, факты не противоречат её мнению. Пойду, сам взгляну на зятюшку.

Пойду сам взгляну на зятюшку и на его загребушие руки. Ишь, — проворчал он, — стоило отвернуться на годик-полтора, как недоучившегося ребёнка тут же замуж затащили...

— Не затащили! Я сама! — горячо возразила я, про себя подумав: ну-у-у... не то чтобы затаскивали, но, пожалуй, методично подталкивали в нужном направлении... однако дело прошлое и папе об этом знать вовсе ни к чему.

По правде говоря, реакции отца я опасалась больше. Не смотря на заверение в демократичности, высказанное беспечным тоном. Я полагала, маме будет достаточно осознать, как сильно я люблю Кайлеана, чтобы принять моё замужество. В конце концов, история наследной принцессы, бросившей трон ради безродного пришельца из чужого измерения, позволяла на это надеяться. С папой всё было сложнее. С тех пор как лица противоположного пола начали оказывать мне усиленные знаки внимания, любой кандидат на моё сердце неизменно подвергался отцовской критике. На ухажёров родитель взирал с взыскательным видом генерала, перед которым выстроилась шеренга салаг-новобранцев... у одного сапоги нечищенные, на другом пилотка криво сидит. Для него единственная дочь сверкала бриллиантом чистой воды, и ни один смертный не был достоин эдакой драгоценности. Ведьмы, называвшие меня «папиной принцессой»,

на самом деле попали в точку.

— Па-а-ап... — Я сдвинула брови и притопнула ногой. — Ты не будешь третировать моего мужа, ни сейчас, ни потом. Как бы тебе этого не хотелось. Предупреждаю сразу, Кайлеан — сложная личность и временами сказывается его адское воспитание... но с этим я разберусь сама. Иди и помоги Кайлеану, как он помог мне, тебе и маме.

Папа ухмыльнулся.

— А некромант-то, небось, воображает, что кроткую голубку заполучил... Х-хех... Ох, навьёт из него ещё верёвок Данька Шергина!.. — Его ухмылка стала ещё злорадней. — А вот нечего было ручонками загребать.

— Па-а-ап... — снова грозно сказала я.

— Ладно-ладно, шучу я... пошучиваю... Что ещё остаётся делать отцу взрослой дочери... древнему старикашке... — нарочито закричал папа... тот, кого неизменно провожали заинтересованными взглядами дамы всех возрастов.

Он сосредоточенно смотрел вверх и вдруг замерцал, то исчезая, то появляясь, а затем пропал в одно мгновение.

Я осталась в одиночестве.

Вначале я присела на камень, поросший мхом, велела себе не дёргаться и терпеливо дожидаться завершения битвы. Если маме удаётся удерживать вдалеке от сражения Илгалею, то сейчас трём сильным магам по сути противостоит один Мортен. Кайлеан говорил, что Леар с Арабеллой не бог весть какого уровня; насколько я помнила, Анна тоже не блистала талантами. Вот только Люда была по-настоящему сильна, созданная ею магическая среда поражала устойчивостью и обширным распространением... проклятый туман! Сколько я не прислушивалась, сколько не вглядывалась, непроницаемое белесое марево не пропускало ничего.

Моего спокойствия хватило ненадолго... вскоре я вскочила и забегала по кругу, то и дело поглядывая наверх. Для полноты картины не хватало только зонта и попискивания «кажется, дождь начинается... кажется, дождь начинается». И как раз тогда, когда я в очередной раз таращилась на купол, сверху вдруг обрушилось тело, угодив точно в защитную расщелину.

Фонтан огненных брызг взметнулся фейерверком.

Страдальчески сморщившись, я глядела, как ведьма Анна, с которой облезает плоть, нечеловечески рыча, пытается выбраться на сушу, а лава затягивает её обратно.

— Данимира-а... Помоги-и-и... — провыла Анна, царапая землю и

оставляя в ней глубокие борозды.

Я как зачарованная шагнула вперёд, но сразу несколько лавовых языков обхватили Анну и утянули с головой. А один вытянулся, изобразил нечто вроде конечности и, погрозив мне указательным пальцем, растворился в своей стихии.

Ещё пару раз над поверхностью показался череп — лишённый кожи, с белыми шарами глаз — пробулькала что-то нечленораздельное, и всё стихло. Только рой чёрных пчёл взмыл над расщелиной и тут же осыпался вниз сухой золой.

— Это за Женьку... — пробормотала я пересохшими губами... пришлось напомнить самой себе, чтобы избавиться от острой жалости к ушедшей.

Теперь из всего ковена в живых оставалась одна Люда, ей смерти я не желала тем более. Наказания — может быть. Но не смерти. Скорей всего погодница присутствовала при том, как Женю подталкивали к краю крыши, но вряд ли её это забавляло так же, как остальных ведьм. Люда всегда держалась отстранённо. Она была мрачноватой, замкнутой, по-настоящему увлечённой своим делом... и, как теперь можно было понять, лицезря волшебный туман, очень способной. Чем же прельстил её Мортен, заманивая в ковен?

...А потом по туману прокатилась судорога, будто он был живым существом, плотная пелена начала редеть, свиваясь в замысловатые струи, таявшие как сигаретный дым. Сквозь рассеивающуюся муть засверкали вспышки и стали видны тёмные фигуры, вычерчивающие в вышине смертельный танец.

И одна из фигур падала — падала странно, рывками... будто кто-то дёргал за ниточки, пытаясь удержать в воздухе свою марионетку.

Туман рассеивался... значит, кому-то удалось добраться до Людмилы... это она падает в ту же расщелину, в которой сгнула Анна. Мортен за неё борется... но затем Люда стремительно полетела вниз и я тихонько вскрикнула:

— Не надо...

И, словно кто-то услышал, когда я уже в оцепенении ждала повторения страшной сцены утопления в лаве, падающее тело вдруг изменило свою траекторию словно от невидимого толчка. Люда упала на землю и, прокатившись кубарем, затихла.

Я бросилась к ней.

Ведьма лежала на спине с закрытыми глазами, раскинув руки... из её груди торчало тонкое древко с алым оперением. Перья мелко вибрировали

и казались полуразмытыми — магия создала это оружие... не то копьё, не то стрелу, и моим первым побуждением было извлечь древко ... но потом я испугалась. Откуда-то я помнила, что в таких случаях, удалив инородный предмет можно спровоцировать сильное кровотечение.

Люда приоткрыла глаза и с трудом проговорила:

— Пришпилили... как бабочку... копьё на полметра в гранит вошло... не трожь... всё равно не вынешь...

— Ты потерпи, — сказала я неловко. — Всё закончится... и тебе помогут.

Люда издала хриплый смешок и закашлялась.

— Всё закончится, и я закончусь.

С таким настроением помощи можно было и не дожидаться. Я постаралась произнести как можно убедительней:

— Послушай... Я поговорю с Кайлеаном. Он мне не откажет. Райских куш не обещаю, но выжить тебе помогут.

— Данимира... это ты послушай... беги отсюда, скройся... Никто не сможет победить Мортена. Он придёт за тобой.

На всякий случай я взглянула вверх. Там всё было по-прежнему — стремительное передвижение фигур по неведомой мне логике, белые трассирующие вспышки, всполохи разноцветного света. Уверенность Люды меня опечалила; возможно, начинался бред. Она явно не осознавала положения — вот она, уже последняя из ковена, лежит обезоруженная, обезвреженная... а у Мортена осталось лишь пара союзников не самого высокого уровня.

Спорить с опасно раненным человеком я не стала. Сняла куртку, свернула её и подложила Люде под голову.

— Ну, тогда Мортен тебе поможет. Всё будет... в общем, нормально всё будет.

— Нормально... — Люда скривилась, неподвижно уставившись в небо. — Мы свои роли отыграли. И никто Мортену теперь не нужен. Кто-кто, а он меня спасать не собирается.

Тема была несвоевременная, но я подумала, что лучше теребить сознание Люды, поддерживая разговор.

— Прости, но зачем ты с ними связалась? С Мортеном, с ковеном?

Люда перевела на меня взгляд.

— Ты вроде должна понять, — сказала она наконец. — Конечно, ради знаний. Если б ты знала, какую поразительную магию открыл мне Мортен... о такой силе я и не мечтала. А у нас в Империи погодная магия

под запретом. Погодникам даже в метеорологи подаваться запрещено. Во избежание. Можно только в телевизоре указкой махать... в короткой юбочке про область низкого давления вещать... и про микстуру от кашля попутно.

— Может, и хорошо, что вмешательство запрещено? — осторожно возразила я. — Погода вещь хрупкая. У нас и без магии последнее время с климатом не всё благополучно. А если каждый маг начнёт...

— Я не каждый! — сверкнула глазами Люда. — У меня дар! Всем нельзя, а мне можно.

Всё-таки в чёрный ковен Люда попала не случайно, с удручением отметила я.

— Думаешь, я не знала, с кем имела дело? — продолжила Люда. — Знала, конечно. — Она горько усмехнулась. — Команда изгоев, где каждый сам за себя. Мортен был одержим идеей стать настоящим человеком, Гелька мстила всему миру, за то, что оказалась никому не нужна, Гориченкова просто карабкалась вверх как умела...

— А Ксения?

— Она мечтала угодить своему вельможному папочке. На мой взгляд, зря старалась. Видела его как-то... настоящий упырь.

— В таком случае знаю, в кого она уродилась, — холодно сказала я. Ксюшины трудности не тронули меня ни в малейшей степени. — Не отец заставил её толкнуть Женьку с крыши, и, как я поняла, не Мортен. Она умерла, знаешь?

— Мы почувствовали. Анька даже крикнула, что она следующая...

— Да, Анна тоже... Они получили по заслугам. Так же, как Ангелина.

— Мне кажется... или ты сожалеешь?

— Мне жаль, — подбирая слова, сказала я, — не могу сказать, что их самих... Но жизнь сама по себе — драгоценный дар, долгий-долгий день, наполненный светом и радостью... а они так быстро и бездарно его потратили.

— Ты не такая уж тихоня, правда? Я видела в тебе стержень... в отличие от других. — Она прикрыла глаза и тихо сказала: — Может, понапрасну я тебя тогда отпустила... всё пошло прахом... но, наверное, так было угодно судьбе. Мне всегда казалось, что у моей сказки будет плохой конец. — Она снова посмотрела на меня мутнеющим взглядом. — Мортен тебя больше не отпустит, но в живых оставит. Он ведь сказал нам, что нашёл способ поддерживать человеческую форму, не жертвуя донором ... Ксения бесилась ужасно... Мортен тебя любит... по-своему...

— Очень по-своему, — пробормотала я.

— Он придёт... — убеждённо прошептала Люда, и, словно в подтверждение её слов, красная нить на моём запястье вдруг стала жечь кожу словно раскалённая проволока.

Я тихонько вскрикнула, схватившись за запястье.

Огненный барьер взметнулся вверх трёхметровой стеной и тут же опал. Я вскочила и обнаружила, что расщелина в граните постепенно сокращается. На мгновение проявился защитный купол; он весь покрылся кракелюрами как лак на старой картине и тоже пропал.

Сражавшиеся наверху теперь плавно опустились на остров. Кайлеан быстро переместился так, чтобы я оказалась за его спиной. Я с отчаяньем увидела, как ему досталось. Длинные волосы спутались, куртка превратилась в окровавленные лохмотья, один рукав был почти оторван и на обнажившемся плече темнела рана. Впрочем, Химериан и отец тоже выглядели изрядно потрепанными.

Отец, Кайлеан и Химериан образовывали треугольник, в центре которого раскинул руки Мортен. Из кончиков его пальцев вытекали извилистые зеленоватые энергетические нити, впивавшиеся справа в тело Леара, слева — в тело Арабеллы. Лица наследного принца и его супруги кукольно застыли, глаза остекленели... хищно оскалившийся Мортен выпивал из них жизненную энергию. Прямо на глазах Леар и Арабелла теряли объём, как сдувшиеся воздушные шары; похоже, это были уже не живые люди, а опустошаемые оболочки.

Видно было, что противоборствующая троица пытается остановить кошмарное действо, но все усилия не оказывали результата. Мортена окутывала еле заметная дымка, его тело даже стало чуть просвечивать — видимо, он перешёл в естественное для себя полупризрачное состояние. Я вспомнила, как тревожила Кайлеана именно эта особенность — сын Илгалеи не принадлежал ни к миру живых, ни к миру мёртвых, — и теперь понимала, как он был прав. Мортен оказался поразительно живуч.

Кайлеан плёл в воздухе заклинания — кружевные серебристые письмена, похожие на те, что появились на поверхности озера, и посылал их к Мортену... серебро тускнело и растворялось, едва коснувшись защитного свечения. Химериан швырял в Мортена пригоршни красных угольев... отец атаковал ослепительными файерболлами... с тем же нулевым эффектом.

Вскоре Мортен разомкнул смертельную цепь, энергетические нити втянулись в его пальцы, и на землю упало то, что осталось от Леара и Арабеллы — уплощённые измятые очертания фигур, похожие на обёртки с изображением людей.

Мортен повёл плечами, размял шею и улыбнулся мне. Он выглядел посвежевшим и отдохнувшим, а его противники — уставшими и вымотанными.

— А вот теперь, Данечка, — проговорил зловеще Мортен, вперив в меня взор голубых глаз, — начнётся рок-н-ролл...

Он вскинул руки наизготовку, но тут рядом с папой появилась мама, а перед Мортеном встала Илгалея с хрустальным мечом.

— Кто тронет моего мальчика, сдохнет как собака, — заявила Илгалея и подняла меч.

Да, она крепко подпортила Мортену эффектный момент начала рок-н-ролла.

Это было нервное, но я отчётливо хихикнула.

Мортен метнул на меня косой взгляд, вздёрнул подбородок и произнёс ледяным тоном:

— Я сам справлюсь, Ваше Величество.

Илгалея дёрнулась как ужаленная:

— Сколько раз я говорила, не называй меня Величеством!

— Самое время требовать сыновних чувств, — процедил Мортен. — Проблема в том, что результат научного эксперимента по определению не может их испытывать.

Лицо Илгалеи на мгновение сделалось несчастным. Я подумала, что за давнее сумасбродство она расплачивалась долгие годы... и всё же продолжала любить своё детище... а Мортен тоже мучился, не в силах примириться с сущностью полупризрака... Мне внезапно захотелось оказаться на страницах какой-нибудь старинной книжки, где белое — это белое, чёрное — чёрное, и не надо жалеть злодеев.

— Впрочем... — Мортен небрежным взмахом расправился с летевшей в него цепочкой файерболов. — Пока я занят, можете отгонять от меня назойливых мух, Ваше Величество. — Он отвернулся от Илгалеи и как ни в чём не бывало подмигнул мне: — И всё-таки начнём веселье, Данимира! — Мортен поднял руку и щёлкнул пальцами.

...Сверху обрушился пронзительный скрежещущий пассаж — сто небесных гитаристов одновременно впились нервными пальцами в свои электроструны, я даже пошатнулась от материальной мощи звука, заполонившего каждый уголок пространства; пронзительный голос возопил смутно знакомое «livin' easy, livin' free...» и под обещанный Мортеном рок-н-ролл его фигура раздвоилась. Новоявленный двойник, ухмыляясь, переглянулся с Мортеном, а тот вновь щёлкнул пальцами и на свет явилась

ещё одна копия... следом третья, четвёртая, пятая... Илгалея со своим зловещим мечом отступила в сторону, а каждый новый Мортен немедленно бросался в атаку и вскоре Кайлеан с Химерианом, окружённые десятком противников, заняли оборону спина к спине, и так же поступили отец с матерью. Совсем недавно мы наступали, я была уверена, что победа близка, а теперь...

Я бросилась к Люде. Пришлось напрячь голос, чтобы меня услышали.

— Что это за фокусы?! — склонилась я над Людой, с трудом удерживаясь от того, чтобы не начать трясти её за плечи. — Что это за двойники?

— Не двойники. Это сам Мортен и есть. Его коронный трюк. Он умеет расщеплять свою личность. Теперь каждая грань его характера — отдельный индивид. Смотри... тут есть Злость, Решительность, Беспощадность... Жадность и Щедрость... или вон... — она кивнула в сторону беспрестанно хохочущей копии, — Веселье... или Безумие... в каждом из нас намешано всякого разного, суть только в пропорциях. Приглядишься внимательней, вдруг найдёшь Любовь и Доброту.

Я вспомнила разных Мортенов из библиотеки — с подобным мы уже сталкивались. Только думали, что имеем дело с разницей в восприятии, а дело, значит, было в другом?

Гадать было некогда.

— Как это остановить?

— Остановить? — прищурилась Люда. — Назовём вещи своими именами. Хочешь знать, как убить Мортена?

Я замерла, а Люда понимающе кивнула.

— Правда — такая неудобная вещь иногда. Но я скажу... мне терять нечего... и распоряжайся этим знанием как хочешь. Ты видишь множество граней, но все они связаны с неким центром. Чтобы убить Мортена сейчас, пока его личность расщеплена, надо уничтожить главный элемент. Тогда погибнут и остальные... или ослабеют настолько, что справиться с ними не составит труда.

— Уничтожить самого сильного? — Растерянным взглядом я выискивала отличия в быстро передвигающихся фигурах.

Люда закашлялась, поманила к себе, и я придвинулась ближе.

— Пойми. Один из множества — то неизменяемое, что появляется на свет с первой искрой разума и сопровождает нас до конца... то, что скрепляет и поддерживает в любых испытаниях... он-то и есть главнейший среди всех.

Немного подумав, я осторожно предположила:

— Ты говоришь о душе?

— Не знаю... наверное, можно назвать и так. Мортен был бы польщён. — Люда слабо улыбнулась. — Сколько раз ему заявляли, что души у него нет.

— Но как найти среди всех этого главного?

Она шевельнула плечами.

— Не такой уж я знаток психологии. Для меня душа Мортена осталась в потёмках. Хотя я б не стала искать монстра с клыками в пене. А в остальном... ну... пробуйте «методом научного тыка».

Людмила замолчала, прикрыв глаза, и я выпрямилась. Полученные сведения в силу их неопределённости имели сомнительную ценность. Но всё же я передала анималинговой её слова для Кайлеана. В нашей ситуации пора было хвататься за соломинку. В ответ пришло краткое и едва различимое «понял». Видимо, сил на другой ответ у него не было.

Новая волна дурного предчувствия приближалась, но не успела я предаться переживаниям, как разом умолк гитарный надрыв и оборвался пронзительный голос — будто я нырнула и в уши попала вода.

В тишине от толпы сражающихся отделился человек и, прихрамывая, двинулся к нам.

Сердце застучало с удвоенной силой — это был один из двойников.

Я сидела на земле рядом с Людой, не в силах пошевелиться.

...При безусловном сходстве с Мортеном эта часть души выглядела странно, напоминая театрального Ричарда Третьего — в старинной одежде, одно плечо выше другого, и когда двойник мельком оглянулся на бой, я поняла, что за спиной у него горб. Тонкое болезненное лицо, обрамлённое золотыми кудрями, тоже не блистало той искрящейся лукавой красотой, что была свойственна оригиналу... однако взгляд... взгляд не изменился.

Горбун поклонился и церемонным движением протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

Понимая, что глупо упираться и уползать на четвереньках, я протянула руку в ответ. Как только мои пальцы оказались в ладони Мортена, меня будто что-то подхватило, закружило, мир вокруг расплылся.

Исчезла битва и куда-то делась Люда, стёрлись серебряные письма на льду и вместо берегов в траурных перьях гигантских папоротников вокруг встали серые стены с грубо вытесанными колоннами, над головой сомкнулись высокие своды.

Я быстро огляделась в незнакомом месте.

Это был, очевидно, тронный зал — у дальней стены каменные ступени вели к возвышению, на котором стояли два одинаковых характерных кресла

— огромные, богато украшенные, с высокими спинками. По сравнению с лощёным Эрмитанским, здешний интерьер казался более старым, более brutальным и, в конечном счете, больше напоминал реальные замки в моём родном измерении.

Королевские кресла пустовали, но вокруг — на возвышении и в самом зале — постепенно проявлялись очертания людей в нарядных одеждах. Призрачные придворные степенно фланировали, занятые светским общением. На балконе небольшой струнный оркестр выплетал старинную мелодию.

— Мы в голограмме?

Горбун покачал головой.

— Считай, что мы в несбывшемся. Сколько бы мы здесь не были, для остальных не пройдёт и секунды. Я хотел показать, чего ты лишилась, — Мортен указал на трон. — Мы могли бы править Аннморийей вместе.

— Не могли бы. — Я попыталась отдёргнуть руку, но он стиснул её. Несмотря на общий болезненный вид, пальцы у него оказались железными.

Мортен склонил голову набок.

— Боишься?

В ответ я насмешливо приподняла брови.

Действительно, глупости какие. Чего бояться человека, отдавшего тебя на растерзание демонам?..

Мортен понял меня без слов.

— Знаю, мне не получить прощения, но я хочу, чтобы ты слышала... Тогда я был болен, я был не в себе и совершил ошибку. И потом... я сожалел... очень сожалел...

— Угу, — хмуро сказала я. — Страдал, лил крокодиловы слёзы?

— Может, и лил, — так же хмуро сказал Мортен. — Говорю тебе... жажда живой крови оказалась сильнее меня... непобедимый инстинкт завладевает всем существом, пронизывает каждую клетку и помрачает рассудок... если б ты знала, как ужасно возвращаться в призрачное состояние...

Я снова попыталась избавиться от железных пальцев.

— А Кайлеан скорее трижды умер бы сам! — выпалила я. — И никакой инстинкт не заставил бы его принести меня в жертву!

Хватка ослабла.

— Да, — скривившись, признал Мортен, — некромант ухнул бездну энергии на твою защиту. Ослабил он себя фатально. Ему не устоять. И, главное, всё напрасно. Есть области магии, доступные только мне. В сущности, мы лишь играем в кошки-мышки... и мышка здесь не я.

Моё сердце сжалось. Кайлеан предвидел... «Если я погибну...» — говорил он...

— Тогда верни меня обратно. Если Кайлеану суждено умереть, пусть я умру вместе с ним.

Горбун долго изучал меня, затем изрёк:

— Вы, люди... так нелогичны... Какой смысл в твоём желании?

Не собираясь читать мораль, я всё же произнесла:

— Если ты не понимаешь таких вещей, значит, всё это время ты стремился стать лишь кровоточащим куском мяса. Человечность кроется в другом.

Он сузил глаза и накренился в мою сторону, и на мгновение показалось, что сейчас мне настанет конец. Но Мортен внезапно вздохнул и расслабился.

— Ах, Данимира, Данимира... Твоя добродетель несокрушима, — усмехнулся он, покачав головой. — Даже на краю гибели ты остаёшься хорошей девочкой.

— На краю гибели не имеет смысла меняться, не находишь?

— Возможно, в переменах кроется спасение.

— Не для всех. Верни меня обратно, — тихо сказала я. — И дальше... будь что будет.

— У всего есть своя цена.

— Какова же твоя? — Я прищурилась. — Подарить тебе почку? Или сразу отдать весь организм на запчасти?

— Взамен... один танец... Подари мне всего один танец...

— И я буду свободна?

Он помолчал, прислушиваясь к чему-то, и поглядел на меня в упор.

— И будешь свободна. Клянусь. — Он подал знак музыкантам на балконе.

Сменился ритм, сменилась мелодия, расступились придворные, которые раньше будто не замечали нас, и я, неисправимая доверчивость, долго глядела в знакомое и незнакомое лицо своего палача, тюремщика своих родителей, а потом всё же положила руку ему на плечо.

В молчании, под горьковато-печальные звуки, разлитые в воздухе, мы начали движение. Наш долгий танец был незамысловат — так, медленно переступая, могли бы танцевать два малознакомых человека на первом свидании в людном месте. Я опасалась какой-либо выходки, но Мортен вёл себя пристойно и против ожиданий не вёл провокационных разговоров. Иногда по его губам пробегала загадочная полуулыбка, отвечающая тайным мыслям. Эта покалеченная часть души вела себя странно, я никак

не могла определить её суть.

— Кто ты? — спросила я наконец.

— Угадай. Как видишь, я несколько ущербен. — Он усмехнулся. — Может статься, я представляю Разум?

— Совесть, скорее уж, — мстительно сказала я.

— Что-то не припомню такого в наших славных рядах, — парировал Мортен. — Должно быть, парень по имени Совесть умер в младенчестве.

— Охотно верю. Но, значит, ты не представишься?

Он пожал плечами.

— В разобщённом состоянии у нас у всех проблемы с самоидентификацией. Каждый считает себя центром притяжения... и лишь один прав.

— Тогда скажи хотя бы, зачем тебе всё это? К чему этот танец?

— Скоро узнаешь. — Он прислушался и заключил, настойчиво направив меня к стене: — Впрочем, не скоро, а прямо сейчас.

Я обернулась, отметив, что музыка оборвалась.

Воздух у дальних дверей дрожал и там один за другим возникали пришельцы. Личность Мортена, расщеплённая на множество частей, приблизилась и окружила нас полуколыцлом.

Вперёд выступил один из новоприбывших. Ликом и телом он был безупречен, но глаза источали холод.

— Благодарим тебя, брат. Как удачно, что ты привёл её сюда, куда нет хода никому, кроме нас, — проговорил он, обращаясь исключительно к моему спутнику. — Мы нейтрализовали всех, но не можем добить некроманта. Он связан с девчонкой, — он кивнул в мою сторону, — магией Судьбы. Она — хранительница его сил. Убьём девчонку — уничтожим некроманта. Теперь отходи в сторону и дай нам закончить дело.

— Да ради бога, — небрежно ответил горбун и сделал пару шагов от меня. — Только прошу — сделайте это максимально быстро, используя всю нашу мощь... Хм-м... всё-таки я постоянно замечаю за собой некоторую сентиментальность. Неужто я — Слюни-и-Сопли? Обидно. — Он обратился ко мне. — Теперь ты понимаешь? Наш танец... это было прощание, Данимира. Прощай и прости за всё.

Мне нечего было ответить ему. Что вообще тут можно было сказать? Предатель, Иуда, Каин? Я глядела в обступившую нас толпу и думала: неужели последнее, что я увижу в жизни, будут эти одинаковые, красивые и безжалостные лица с холодными голубыми глазами?..

Милый, я люблю тебя, проговорила я на анималинге, вызывая в памяти облик Кайлеана, сомневаясь, что мои слова достигнут цели, и всё

равно торопливо шепча признание. Я буду любить тебя до последнего вздоха, и, может быть, позже...

...Милый...

...Молнии, сверкающие и грохочущие, повсюду...

...Милый, я люблю тебя...

Потолок раскололся, и вместе с ним раскололся мир.

Колонны рухнули, и рухнул мир.

Треск, скрип, грохот и отголоски рок-н-ролла.

Двойники подняли руки, и потоки разрушительной энергии рванулись вперёд, целясь прямо в меня... но не достигли цели. Потому что хромой горбун, выкрикнув что-то невнятное, искривил потоки, и молнии стрелами впились в него самого, словно он стал Святым Себастьяном.

— Что ты наделал, глупец?! — страшно закричал тот, что мечтал уничтожить меня для того, чтобы добраться до Кайлеана.

Единый звериный вопль вырвался из множества глоток и фигуры передо мной закорчились, расплываясь. Они одновременно проклинали защитившего меня, и опускались на пол, и исчезали, умерев, — одни быстрее, другие — сопротивляясь, но ни один не остался в живых.

— Душа! — сказала я потрясённо вслух. — Ты — душа Мортена!

Горбун повернулся, его бледнеющие губы шевельнулись в подобии усмешки:

— Ну что, я не просто кровоточащий кусок мяса?

Я молча смотрела, как он начинает таять, и услышала еле различимое:

— Помни обо мне...

Я кивнула, сглотнув горькую слюну.

— В память... о несбывшемся... о непутёвом брате... первенца назови... — (Я моргнула.) — В имени пусть будет буква «м»...

— Нет! — резко сказала я прежде, чем успела что-либо обдумать, но Мортен, скорей всего, уже не услышал, потому что тело его развеивалось в воздухе странным манером — тонкими полосами по спирали... полосы разлетались в разные стороны... мне почудились странные звуки — будто откуда-то сверху доносятся не то хлопанье крыльев, не то аплодисменты... Потом всё рассыпалось быстро угасающими серебристыми искрами, и как только погасла последняя искра, действительность вернулась.

Я вновь очутилась на острове посреди Имангры. У моих ног тяжело дышала Люда; дальше отец с матерью в изнеможении сидели на земле, опираясь друг о друга — тоже живые! — а ещё дальше чернело вытянутое тело большого чёрного зверя, над которым склонился человек. И как будто бы кого-то не хватало, но человек выпрямился и обернулся. Это был

Кайлеан. Он двинулся навстречу, ускоряя пружинистый шаг... высокий, сумрачный, пропылённый, весь в запёкшейся на волосах и одежде крови... я так любила его, что от стеснения в груди не могла сделать ни шагу навстречу... сердце моё плавилось, я просто стояла, ждала и любовалась своим мужем... пока откуда-то сбоку не явилась Илгалея, рванувшаяся в мою сторону яростной волчицей. Она отчаянно кричала «Из-за тебя, из-за тебя...» и что-то ещё про сына, которого потеряла навеки...

Развязка оказалась такой стремительной, что я не успела толком испугаться.

Мать, выкрикнув «Лея, не смей!», опутала сестру магическими путами, но та успела метнуть своё смертоносное оружие. Однако оковы всё же сбили её прицел, и хрустальный меч вонзился в покатый валун в двух шагах от меня. Я запоздало шарахнулась, памятуя об опасности, Илгалея с безумной силой разорвала путы, из-под её пальцев вырвались три призрачные мантикоры, они уже летели ко мне в прыжке, размахивая скорпионьими хвостами, когда Кайлеан выкрикнул: «Возьми меч!»

«Нет!», — выкрикнули одновременно мать и отец, «Нет!» — крикнула Илгалея, «Меч!» — крикнул Кайлеан, и я, не раздумывая, схватилась за прозрачную рукоять и, легко выдернув меч из камня, взмахнула оружием перед собой.

Мантикоры, напоровшись на клинок, взвыли и исчезли. Наступила тишина, в которой я с изумлением разглядывала оружие, которое держала.

Илгалея опустилась на землю, закрыв лицо руками. Моя тётя выглядела как человек, потерявший волю к жизни.

Кайлеан был уже рядом, обнимая. Я тщательно отводила руку с мечом подальше от него, пока он не забрал у меня меч, воткнув его обратно в камень.

— Почему? — слабо спросила я. — Что всё это значит?

Мой муж закопченной пятернёй откинул волосы со лба, оставив на коже грязные полосы, и устало сказал:

— Потому что я — коронованный король, а ты — со вчерашней ночи — моя законная жена. Ты королева, Данимира, и подобные артефакты теперь безусловно подвластны тебе и не могут причинить вреда.

Раздув ноздри, я произнесла с нотками зарождающегося гнева:

— О, мой царственный супруг, а позволено ли будет мне узнать, королевой какой страны я являюсь, или это не моего ума дело?

Кайлеан почему-то довольно засмеялся, снова стиснул меня в объятиях и жадно поцеловал, потом отпустил и заговорил:

— Признаться, вначале я всерьёз рассчитывал на Аннморию. Не

фыркай, такое решение просто напрашивалось. Но довольно быстро стало ясно, что приобретя Аннморию, я потеряю тебя, и я понял, что надо идти другим путём. В юности я много странствовал, и однажды наткнулся на проход в другое измерение... наткнулся случайно, дуракам везёт... девственное, никем не занятое измерение, сокровище, о котором никто не подозревал... нетронутая земля, покрытая густыми лесами и чистыми реками... и при этом населённая весьма опасной фауной... Тогда я еле унёс ноги и отложил до лучших времён исследование новых территорий, но теперь понял, что настала пора разыграть эту карту. Прямо у портала был выстроен форт... деревянный пока... и в нём я короновался три дня назад.

Он закончил, поглядывая на меня выжидательно, но мысли смешались в моей голове от такой новости, и тогда Кайлеан добавил, заглядывая мне в глаза:

— Ты просила что-то придумать. Я придумал. Лёгкой наша жизнь не будет, о благах цивилизации на какое-то время придётся забыть... да что там говорить — за пределы форта ты сможешь выйти не скоро, каждый клочок земли придётся отвоёвывать с боем, и я поначалу буду не столько королём, сколько лесником... охотником... плотником... Но тебя ведь это не испугает?

— Ты так и не сказал, как зовётся наше королевство.

— Что, правда не сказал? — удивился Кайлеан. — Данимирия, разумеется.

ЭПИЛОГ

Первым уроженцем Данимирии стал Николас Эмрис Карагиллейн. Как и подобает мультипентаграмному магу, он пробивался в этот мир с боем, и причинил своей матери немало мук, но трудно описать мой восторг, когда я услышала первый крик сына; крик, по которому сразу можно было определить его характер — сильный, уверенный и нетерпеливый. Ник появился на свет в глухую зимнюю пору, когда бревенчатые стены форта подпирали огромные сугробы, и снег валил так, что даже строительство третьего этажа замка было приостановлено на неделю. Назвав передышку удачей, король объявил празднество по случаю рождения наследника. Портал раскалился от непрерывной работы — прибывали грузы с деликатесами и выпивкой, а затем и гости.

Праздник вышел чудесный, хотя (несмотря на деликатесы и наряды гостей) имел стойкий оттенок сельской вечеринки... нас с Кайлеаном это ничуть не волновало — мы были счастливы.

Наверное, не с этих воспоминаний стоило начинать рассказ о событиях, произошедших после битвы на Имангре, но по правде говоря, мною двигало обычное хвастовство и материнское тщеславие. До сих пор я испытываю нечто сродни радостному изумлению, когда гляжу на двухлетнего Ника и подмечаю, как проявляется в нём смешение наших с Кайлеаном генов. Впрочем, подозреваю, ничего нового в родительских чувствах увидеть невозможно, так что, пожалуй, мне лучше перейти к другим событиям.

И всё же прежде чем вернуться назад во времени, я хотела бы кое-что прояснить.

Эмрис.

Э-м-рис...

Второе имя появилось у сына по желанию королевы Эрмитании. Её семья имела валлийские корни и так звали её отца. Признаться, когда над колыбелью прозвучало пожелание Елены, я вздрогнула и трижды открывала рот, чтобы возразить, но так ничего и не сказала. В конце концов, рассудила я, второе имя — это обычно формальность, а отказ может серьёзно подпортить отношения со свекровью. Что же касается памяти о Мортене... его глубоко противоречивая личность и так занимала мои мысли довольно часто. С сожалением я размышляла о том, что дух человечности проявился в нём наиболее ярко как раз тогда, когда он

отказался от притязаний на физическое тело. О природе чувств, испытываемых Мортеном по отношению ко мне, я, напротив, предпочитала не задумываться, слишком скользкая была тема. Я лишь полагала, что странные токсичные отношения в стиле «любовь-ненависть» вообще были для него нормой. Скорей всего, вкус к такому ему привила моя несчастная тётя, — личность, на мой взгляд, такая же противоречивая, как и Мортен.

Так или иначе, брат-призрак жил в моих воспоминаниях, как ему и хотелось... более того, признаюсь, странные фантазии захватывали меня иногда, я воображала, что он жив не только в воспоминаниях.

Повод к подозрениям был ничтожен и всё же... и всё же... Второе имя сына фигурировало лишь в официальных бумагах, но однажды, когда Ник опасно расшалился, я в сердцах произнесла вслух (в лучших традициях Мэри Поппинс) — «Николас Эмрис Карагиллейн, извольте остановиться!..» И вдруг кто-то невидимый погладил меня по щеке... да так отчётливо, что холодок пробежался по позвоночнику. Позже я опять обратилась к сыну «Эмрис», на этот раз, чтобы свериться с ощущениями, и невесть откуда взявшийся ветер вновь погладил моё лицо и пробежался по волосам. Дальнейших экспериментов я не проводила и больше вспоминать об этом не хочу.

На самом деле, первой, родившейся в Данимирии, могла бы стать Снежинка, но Кайлеан настоял на том, чтобы церемония призыва души в тело состоялась в Эрмитанском драконятнике. Неизвестно, какая физическая форма таится внутри овоида, напомнил он, а в форте пока нет надлежащих условий.

Как выяснилось, беспокоился он не напрасно.

В положенный час яйцо созрело, душа Снежинки была призвана, после томительного ожидания скорлупа треснула... и первым в трещину просунулась не кошачья лапа, а белое бархатистое перепончатое крыло.

Я ойкнула, вытягивая шею и прижимая руки к груди.

Крыло убралось.

Тот, кто был внутри яйца, сначала посидел тихо, следом основательно повозился, в итоге трещина расширилась, верхняя половинка отлетела в сторону, и белоснежное изящное существо взглянуло на нас удивлёнными ярко-оранжевыми глазами.

— Я что-то пропустила? — спросила миниатюрная драконица нежным голоском, выпростала крылышки и неуклюже попыталась выбраться из яйца. Яйцо качнулось, драконица кубарем выкатилась нам под ноги.

— О, моя милая Снежинка, — дрогнувшим голосом вымолвила я. —

Это ты, ты!..

Потом были слёзы, объятья и задумчивое заявление Снежинки, что она съела бы рыбки... или, может, сметанки... сливок... или нет, сейчас ей больше всего хочется толчёного речного жемчуга, посыпанного опилками эбенового дерева... после чего Снежинка озадаченно замолчала, а потом недоумённо спросила, действительно ли она теперь должна питаться такими странными вещами.

— Лишь иногда. В особых случаях, — сказал Кайлеан, и оранжевый взор обратился к нему.

— От тебя пахнет Данимирой. А Данимира пахнет тобой. Значит ли это, что вы поладили?

— Да, мы поладили, — подтвердил Кайлеан, приподняв уголки губ.

Снежинка внимательно изучила его ауру и благосклонно кивнула.

— Это хорошо. — Драконица совершенно по-кошачьи потянулась. — За Данимирой нужен присмотр, а ты напоминаешь мне Левиафана... Он, конечно, лучше, но... О-о-о! — Снежинка издала восклицание, вытянула крыло и повертела им перед собой. — Но что теперь скажет Лёва?.. Понравится ли ему это? — Снежинка снова повертела конечностью. — Что это здесь — коготки на крыльях? Интересно, надо ли их точить? — Она задумалась.

Из тёмного угла вперевалочку вышел Левиафан. Его бородатая, и без того мрачная физиономия выражала теперь ещё большую мрачность.

После отчаянных поисков мама обнаружила Лёву в лесу. Манул одичал, промышлял охотой на мелких и не очень зверей и почти утратил способности фамильяра. Стало ясно, что Левиафан подвергся безжалостной магической атаке, ему потребовалась серьёзная реабилитация в специализированной клинике. Постепенно Лёва пришёл в норму и тогда рассказал, что помнит только, как бросился на обидчиков своей хозяйки, а после — лишь смутные ощущения. Шумит листва, колышется трава, глупые зайцы прыгают так близко... качается ветка, солнце мелькает за листьями, глупые белки прыгают так близко... по небу бегут облака, сквозь щель в заборе видно, как роют землю глупые куры, скоро они подойдут ближе... и всё в таком духе.

Левиафан никогда не был ангелом, но мама обмолвилась, что когда он невнятно описывал своё житьё-бытьё в окрестностях посёлка, ей временами казалось, что она слушает рассказ Джека-Потрошителя.

Узнав об участии Снежинки, манул впал в чёрную меланхолию, потому что когда пришло время возродить Снежинку, мама решила, что ему просто необходимо присутствовать на церемонии. Сама она не осталась, поскольку

дела требовали её присутствия в Оленегорске, но не поленилась и Лёву доставила.

— Лёвушка! — обрадовалась Снежинка. — У меня теперь крылья! И шёрстка совсем короткая, как плюшевая! И я ем жемчуг на завтрак! Правда, здорово?

Левиафан сел рядом со Снежинкой, превратившись в насупленный меховой шар.

— Здорово, — сказал он угрюмым басом. — Особенно жемчуг на завтрак.

— Тогда почему ты такой грустный?

Лёва посопел и сказал:

— Я рад. Сегодня особенный день для меня. Но я оказался недостойн, Снежа. Я вёл себя как дикая тварь из дикого леса и делал ужасные вещи не от голода, а безо всякого повода, для развлечения. Поэтому ты возродилась в теле дракона, а не манула. — Он закатил глаза и забормотал: — Меа кульпа, Снежинка, Судьба против нас! Раскололся о скалы любовный баркас...

Поэт, с умилением подумала я, а вслух горячо воскликнула:

— Кульпа тут совершенно не причём! Ты был травмирован и не отвечал за себя!

— Тебе не нравятся драконы? — огорчилась Снежинка.

— Ты мне нравишься в любом облики. Но я надеялся... — Манул поник, и драконца бросила его утешать, обнимая белоснежными крылами.

Я приподнялась на цыпочки и прошептала Кайлеану в ухо:

— Почему Снежка стала драконом? Почему не манулом? Почему не вернулась в прежнее тело?

Кайлеан нахмурился, потёр подбородок и так же негромко ответил:

— Должно быть, потому что яйцо хранилось в драконятнике. Такое иногда случается. Зародыш впитал окружающие эманации.

— Что же теперь делать?

Муж пожал плечами.

— Есть надежда, что подросшее тело сохранило способность перенимать чужую форму.

С жалостью глядя на обнимающуюся парочку, я сказала:

— Значит, нам теперь нужен манулятник? Ну, чтоб нужных эманаций было побольше.

Судя по круглым глазам Кайлеана Георгиевича, идея манулятника сразила его наповал. Я уловила картину какого-то обширного сарая с

насестами, по которым плотными рядами расселись мрачные бородатые коты.

Кайлеан зажмурился и потряс головой.

— Не надо манулятника, — поспешно сказал он. — Им просто надо больше проводить времени друг с другом. Весьма вероятно, это сработает.

После долгих обсуждений было решено, что Левиафан и Снежинка переезжают жить в Данимирию. Мама сказала, что не будет стоять на пути большой любви, освободила Лёву от клятвы фамильяра и сейчас находится в поисках нового помощника. Новый фамильяр должен найти её сам — такое у неё предчувствие. Надеюсь, это будет не лось какой-нибудь.

Стратегия совместного времяпровождения уже приносит свои плоды. Мордочка Снежинки начала приобретать кошачьи черты, уже прорезались ушки на макушке, хвост стал почти кошачьим и вообще Снежка ощутимо заматерела. Последнее её расстраивает (иногда, когда она вспоминает об этом), но верный Лёва уверяет подругу, что она становится краше день ото дня.

...Хронология явно не мой конёк, всё это случилось позже. А тогда первым делом мы отправились в Питер, на Тучков мост, чтобы окончательно прояснить моё положение.

На сей раз возвращение в родное измерение оказалось в высшей степени респектабельным.

Никаких помоек на задворках.

Официальный визит принца Эрмитании с супругой — повышение статуса Кайлеан пока не афишировал — начался с посещения Мадрида и объяснялся необходимостью дачи показаний Чрезвычайной Императорской Комиссии, созданной для расследования невероятных событий в Оленегорске. Догадываюсь, что при других обстоятельствах градус дипломатического скандала возрос бы до небес, но, во-первых, в деле оказались замешаны высокопоставленные чиновники самой Империи, а во-вторых, Эрмитания не без оснований заняла позицию пострадавшей стороны, так что волны возмущения размеров цунами не достигли.

Снова забегая вперёд, скажу, что расследование длилось около года, его итогом стали громкие аресты и загадочное исчезновение отца Ксении, Игоря Петровского. Когда я посетовала, что негодяй благодаря своим деньгам сумел скрыться от правосудия и, возможно, нежится сейчас на отдалённом тропическом острове, Кайлеан обнажил зубы в ухмылке и многозначительно заверил, что Петровский точно не в тропиках и точно не нежится. Со злорадством, прежде мне не свойственным, я поняла, что участи отца Ксении не позавидуешь.

Скандал в благородном эрмитанском семействе удалось замять. Участие в заговоре наследной четы было надёжно закамouflировано, в показаниях фигурировали некий кавалер Л., весьма знатного происхождения и некая госпожа А., также голубых кровей. Леар и Арабелла официально погибли на охоте спустя неделю после битвы на Имангре. Законным преемником Леара стал его сын Лоннеар... ребёнок настолько угрюмый и замкнутый, что надменный Кайлеан на его фоне казался душой общества.

Ночью, в неприметном снаружи особняке — мадридской резиденции Карагиллейнов, когда ни мне, ни Кайлеану не спалось, я заговорила о том, что оставалось непонятным.

— Прости, что затрагиваю болезненную тему, но неужто Леар так ненавидел тебя?

— Ненавидел? — Кайлеан закинул руки за голову, потянулся и откинулся на подушку. — Не в привычном понимании. Можешь не извиняться. Видишь ли, поголовно все члены королевских семей Конфедерации издавна увлечены одной и той же игрой, которая называется «борьба за власть», и ни одна азартная игра в мире не сравнится с ней. Политика, интриги, заговоры... расчёт, в конце концов... этим всё объясняется. Негативные чувства здесь больше похожи на побочный эффект.

— Эффект — не эффект, однако они были? Но Леар и так стал бы королём Эрмитании, а ты вроде никогда не рвался на его место, — возмутилась я. — Где же логика?

Глаза Кайлеана блеснули.

— Ты моего отца видела? Отец дьявольски умен, хитёр, властен, и к тому же крепок здоровьем и заговорён от всевозможных напастей. Как скоро Леар заполучил бы корону?

Я подумала и признала:

— Очень и очень нескоро. Лет через сто, небось.

— Вот тебе и логика. У Эрмитании уже есть хозяин, с которым не совладать никому. По крайней мере, как ты выразилась, в ближайшие сто лет. Теперь вообрази: некто в расцвете сил, но впереди лишь скучные десятилетия на вторых ролях. К тому же король неоднократно заявляет вслух, что предпочёл бы иметь наследником другого сына.

— Ты упоминал. Довольно жестоко с его стороны.

— Отец прежде всего правитель. К тому же не забывай, слова не были публичными. Никто не покушался на право наследования.

— Правитель? Если ты когда-нибудь вздумаешь заговорить о наших

детях как правитель... — я осеклась, поняв, что выдаю свои тайные мысли.

— Тогда — что?.. — живо заинтересовался Кайлеан.

— Тогда... тогда... в общем, не советую!

— Кстати, о детях... — Рука Кайлеана Георгиевича целеустремлённым крабом двинулась к моему бедру. — Давай покажу тебе один способ...

Я шлёпнула по руке.

— Не отвлекайся!

— У-у-у... — разочарованно выдохнул Кайлеан. — Дальше одни предположения. Вдруг через своих шпионов Леар узнаёт о новом ничейном измерении... почти ничейном, с его точки зрения. На пути только я... но со мной не всё так просто — мне ведь подчиняется лесная стража, и я своё без боя не отдам. К тому же, есть риск вмешательства короля. Леару оставалось молча скрипеть зубами, но когда появился такой персонаж как Мортен, он решил рискнуть. Впрочем, чёрт его знает, как давно Леар был в курсе... Помнится, поведал Максусу о своём приключении прямо на балу в честь весеннего равноденствия... всё-таки когда-то я был наивным хвастливым щенком...

Что-то в его взгляде заставило меня со смешком подначить:

— А теперь-то ты, конечно, матёрый волчище... но по-прежнему немножко хвастливый. — И провела пальцем по его носу, и после — задержавшись — по губам.

Да, я знала, что делала, но говорю же... что-то было в его взгляде...

В ответ Кайлеан с нарочитым рыком сгрёб меня в охапку, припечатав к себе. Искра вспыхнула разом, и какое-то время мы вновь занимались тем, из-за чего обоим не спалось в эту ночь.

Позже, отдышавшись, я подняла одеяло с пола, прикрыла ею нижнюю половину Кайлеана и тщательно подоткнула края, сурово пояснив:

— Во избежание!

Кайлеан приподнял бровь и фыркнул — со здоровым, надо признать, скепсисом, но я уже вернулась к предмету обсуждения.

— Думаешь, Леар вступил в игру совсем недавно? Только когда Мортен предложил ему альянс? А разве не старший брат упёк тебя в «карман бога»?

Кайлеан повёл плечом, влажно и бронзово блеснувшим в лунном свете.

— Леар и Арабелла мёртвы окончательно. Там даже поднимать нечего... да я и не стал бы. Некоторым тайнам суждено отойти в небытие вместе с их хозяевами.

— А вдруг это Илгалея?

— Илгалея молчит... хотя да, я бы скорей поставил на неё. Женская месть и всё такое. Но твоя тётка обрела неприкосновенность, когда Аннмория вступила под протекторат Эрмитании. Пока Илгалея нужна отцу, применять жёсткие меры по отношению к правительнице союзного королевства никто не станет.

— Неужели тебе не хочется знать?

— Всё станет известно в своё время, — глубокомысленно заявил он.

— Или не станет, — мрачно возразила я.

— Или не станет, — согласился Кайлеан. Он повернулся ко мне, подпёр голову рукой, и произнёс: — Милая моя, благодаря дурацкому покушению свершилась наша встреча, и это обстоятельство удерживает меня от археологических раскопок. Может, я суеверен, но мне хочется лишь наслаждаться подарком судьбы, а не распутывать козни уже обезвреженных врагов.

— А вот если бы мы не встретились... и, допустим, ты выбрался как-нибудь сам...

— Не выбрался бы.

— Нет, ну, допустим. Ты бы женился по расчёту, как и собирался?

Кайлеан помолчал и сухо сказал:

— Женился.

Тут я поникла головой, а он продолжил:

— Вряд ли я осознавал бы ущербность своего существования в той реальности... но здесь и сейчас знаю — жизнь оказалась бы прожитой зря. — Он засмеялся, глядя в моё просиявшее лицо.

И так каждую ночь мы проводили в любви и разговорах, и засыпали лишь под утро, а после на допросах Комиссии (которые дипломатично именовались беседами) я отчаянно боролась с зевотой. Однажды я всё-таки зевнула прямо следователю в лицо и, облизнув припухшие губы, пробормотала:

— Простите. Мы молодожёны.

Следователь, седоватый черноусый дядька, вдруг побагровел, кашлянул, поправил галстук, будто он его душил, и быстро завершил беседу, которая оказалась последней. Всё равно никаких тайн эрмитанского двора я не выдавала, упорно изображая полное неведение касаясь основных действующих лиц и их мотивов — в стиле «упал-очнулся-гипс». Несколько раз на меня, как на гражданку Империи, пробовали надавить, но рядом неизменно присутствовал Кайлеан, коршуном нависавший над следователями, и скоро стало ясно, что давить на меня — руки коротки.

Так что, отдав должное формальностям, но зато пребывая теперь в

Империи на вполне законных основаниях, мы покинули Мадрид и отправились в Петербург, где у Карагиллейнов, к моему ироническому удивлению, не оказалось фамильного особняка.

Пришлось как последним бродягам остановиться в «Англетере». Кайлеан Георгиевич немного покапризничал, но потом оптимистично заявил, что мы здесь ненадолго, сойдёт и «Англетер».

Конечно, я быстренько обзавелась мобильником и с трепетом набрала Женькин номер... ожидая бог знает чего, вплоть до похоронного марша вместо гудков, но внезапно услышала чуть хриловатое «Слушаю».

— Женечка... Женька-а-а... это я, Даня... — пролепетала я и замолчала, потому что дыхание у меня перехватило.

— Данька... ты живая! — взвизгнула Женька. — Мы же не знали, что думать! Откуда ты? Куда пропала?!

— Как твоё здоровье? Ты выздоровела? — восклицала я. — Ты хорошо себя чувствуешь? Как Егор? Он хорошо себя чувствует?

— Данимира! Остановись! Ты меня как старую бабку пытаешь, — сказала Женька самым обычным голосом. — Нормально всё со мной и с Егорычем. Сейчас уже нормально. А ты-то как?

— И я нормально. Прости меня, Женечка, — залепетала я. — Это же я во всем виновата...

Помимо облегчения и радости, я испытывала глубокие угрызения совести. Одно соображение не давало мне покоя долгое время. Ведь именно наша встреча привела Женьку на крышу дома. Если бы не я, ничего страшного с ней не произошло бы.

Женька прослушала мой торопливый скулёж на тему вины и строго сказала:

— Вижу, какой ты, Шергина, была, такой и осталась. Собираешься извиняться за всех злодеев мира?

— Нет, только за своих, — слабо улыбнулась я в ответ. — И я уже не Шергина. Я — Карагиллейн.

После некоторого молчания Женька осведомилась:

— Стесняюсь спросить, где тебя носило? В Каракалпакии? В Каракумах? Э-э-э... в Ереване?

— Дальше, гораздо дальше. И он принц, Женька, настоящий принц! Ну, то есть, король. С недавнего времени.

— Эмираты, — задумчиво предположила Женька. — Нет, я сейчас просто лопну от любопытства. Выкладывай быстро!

— Женечка, это длинная история... Мне столько нужно тебе рассказать... Я приеду! Совсем скоро. Мне только одно дело завершить

надо. И потом мы приедем к тебе на Урал.

— «Мы?» То есть, ты приедешь со своим шейхом?

— С ним, — подтвердила я. — Он чудесный! Только немножечко шейх... ну, знаешь, манеры такие... Но он чудесный!

Женька засмеялась.

— Ты втрескалась, Шергина... или как там тебя теперь... но всё равно — втрескалась по самые уши.

— Втрескалась, — смиренно сказала я. — Да так, что не видать ни ушей, ни макушки.

Сердце моё рвалось на Урал, но до выяснения участи брать билеты на самолёт до Екатеринбурга я всё же поостереглась.

В первое же утро мы отправились на Тучков мост. Дошли до середины моста и остановились.

Я облокотилась на перила и посмотрела вниз.

— Это я... — произнесла я неуверенно. — Я пришла. Надо поговорить. Прошу аудиенции.

Нева равнодушно несла свои воды в Финский залив, у одной из опор моста на якоре стояло какое-то судно, на котором сустились рабочие. Что-то они там черпали... во всяком случае, кран разворачивался, его ковш поднимался и опускался, словом, работа кипела.

— Может, на берег пойдём? — Я взглянула на Кайлеана. — В прошлый раз меня там слышали.

— погоди. Я чувствую чьё-то присутствие. Он уставился вдаль. — А-а. Вот, собственно, и...

Я живо повернулась.

Узкая пешеходная полоска асфальта оказалась пустынной. Всем внезапно захотелось переходить Тучков исключительно по другой стороне. Один только человек шагал широко, враскачку, приближаясь к нам.

Поначалу промелькнула мысль, что это кто-то из тех костюмированных личностей, с коими с удовольствием фотографируются гости северной столицы... но в отличие от Петра Первого и Екатерины Второй, Революционный Матрос вроде бы ещё не стал традиционной фигурой для туристического Петербурга... или уже стал?

Чёрный бушлат шагавшего был щедро распахнут, выставляя на обозрение могучую грудь в тельняшке. Образ дополняли чёрные клеши и бескозырка; из-за плеча торчало дуло винтовки с примкнутым штыком, а в другое плечо вцепился здоровущий попугай, периодически топорщивший яркие крылья, чтобы удерживать равновесие.

Я приподняла брови.

Попугай как-то не вписывался. По всем законам божеским птичка должна была прилагаться к деревянной ноге и пиратской треуголке.

Тем временем матрос приблизился, явив скуластую усатую обветренную физиономию. На околыше бескозырки тускло светилась полустёртая надпись золотом — «Инфернальный».

— Барышня... — Матрос церемонно, словно цилиндр приподнял бескозырку, затем повернулся к Кайлеану и щедрым взмахом предложил тому растопыренную пятерню.

— Ну, здрав, братишка! Держи краба от Революционного Балтийского флота!

Кто это? Неужели это и есть тот самый — могущественный и загадочный спаситель, которому я дала опрометчивую клятву?

По поведению Кайлеана мне так не показалось.

Новоявленного брата окинули фирменным надменно-сонным взглядом. Со своей королевской осанкой, в безупречно пошитом и запредельно дорогом костюме Кайлеан напоминал не то заплутавшего олигарха, не то кинозвезду на фотосессии, в любом случае мой муж выглядел олицетворённым вызовом святому делу революции. Однако на рукопожатие он ответил решительно... предварительно зачем-то сняв королевский перстень и вручив его мне.

Руки короля и матроса сцепились и... и-и... и-и-и-и... далее мероприятие затянулось.

Не рукопожатие это было, а форменный мальчишник, на котором, очевидно, полагалось мериться длиной лимузинов.

Судя по изрядному напряжению в позах, оба не жалели сил... и оба постепенно теряли человеческий облик. Короткие волосы Кайлеана, недавно искусно постриженные королевским куафёром, снова удлинились, свиваясь в змееподобные дреды, а безупречный костюм затрещал по швам от забугрившихся мышц. Чрезмерная активация магических сил была налицо. Королевская осанка тоже вскоре куда-то делась, вместо неё выгнулась звериная холка. С изумлением я увидела, как темнеет лицо мужа и на его голове пробиваются и туго закручиваются могучие рога Чудовища. Впрочем, у матроса тоже выросли рога (но прямые и совсем небольшие... наши были краше). Зато хвост, пробивший клешёные штаны, оказался на диво длинным, подвижным, с кисточкой на конце, он прихотливо свивался в любом направлении. Ноги прищельца изогнулись как у фавна, а вместо ботинок объявились раздвоенные копытца. В довершении, нос матроса трансформировался в пяточок. Противник Кайлеана стал подозрительно смахивать на известного персонажа «Вечеров на хуторе близ Диканьки»,

хотя книжно-кинематографический чёрт был мелкий и subtilный, а этот отличался атлетическим сложением.

Неужели столь странный субъект действительно... тот самый?

Я огляделась... никто не обращал внимания на поединок. Пешеходы шли по своим делам, не замечая сцены на противоположной стороне.

— Анана-а-асы! — вдруг проскрежетал попугай. Он наклонил голову и уставился на меня блестящим круглым глазом.

— Что? — вздрогнула я.

— Анана-асы! Ешь ананасы! Р-рябчиков жуй! — Попугай перескочил на другое плечо матроса и уцепился лапой за дуло винтовки. — День твой после-е-едний приходит, бур-р-р-жуй!

Ах, вот как? Я догадывалась, кто здесь буржуй с точки зрения пролетарски настроенной птицы, потому немедля возразила:

— Тогда уж попугаев.

— Что? — Теперь вздрогнул попугай.

— Попугаев, не рябчиков. Ешь. Жареных, на завтрак.

— Кошма-а-ар-р-р! — воскликнула птица. — Жесто-о-окая королева! Ужа-асная!

— Да будь я хоть негром преклонных годов, — запальчиво возразила я, обнаруживая насколько заразен социалистический пафос, — и то не позволила бы обижать родного мужа!

Это замечание заставило попугая призадуматься. Он несколько раз разевал клюв, но так и не смог ничего вымолвить в ответ. Я же тем временем тоже разинула клюв, наблюдая, как по другой стороне моста быстро движется процессия — группа красноармейцев, числом около дюжины, увлекаемая вперёд длиннородым мужчиной в белой хламиде, с цветочным венком на голове. Из-под хламиды виднелись валенки, вокруг валенок вилась призрачная позёмка. Бородач рассекал толпу, на ходу оборачивался к ведомым и горячо жестикулировал, потом вновь шагал вперёд, периодически указывая на Васильевский остров.

— О, Сусанин!.. — сказала я. — В белом венчике из роз.

Попугай булькнул и чуть не свалился с суконного плеча, Кайлеан и матрос тоже оторвались от своего увлекательного занятия и посмотрели на меня налитыми кровью глазами.

Рога, копыта, шерсть на лице... безобразное было зрелище. Постепенное возвращение к облику Чудовища мне не понравилось. Нет, я любила Чудовище... но предпочитала быть замужем за основной ипостасью Кайлеана. И нет, никак не мог быть этот матрос-паяц тем самым...

— Фу! — вырвалось у меня. — Ну взрослые люди же! Что за детский сад, ясельная группа! Вы, оба, прекратите немедленно!

Как ни странно, обращение возымело действие. Руки постепенно разжались, рога, копыта и прочая красота постепенно исчезли.

— Ладно, — признал матрос, обретя человеческий облик. — Годится. Силён, демоняка! Супротив меня ещё ни один столько не продержался. Тем более, какой-то буржуин.

Поправляя лацканы, буржуин небрежно сказал:

— В сущности, я не устал. Можем продолжить.

— Кайлеан Георгиевич! — вскипела я. — И вы, товарищ Революционный Матрос, уж простите, не знаю как вас звать-величать!..

— Величать нас не надо, мы скромные, — подмигнул матрос. — А звать можно... допустим, Сильвером.

Я фыркнула.

— «Допустим Сильвером»!.. «Посторонним Вэ»!

— Не скажет настоящего имени, — заметил Кайлеан. — Он из неймозависимых. И вероятно потому сейчас на посылках.

— Ваша правда, — осклабился матрос, показав острые клычки. — Не стоит умножать хозяев. Назовите это «бритвой Сильвера».

— Ах, каким вещам учат на флоте... — с иронией сказала я.

— Дык! У профессора жил... в гостиной евоной... уплотнили его... вместе с ассистентом и собакой. Уж очень этот профессор обожал рассказывать про всякие мудрёные штуки.

— Собачка не мешала?

— Я ей сразу, как вселился, маузер дал понюхать. С понятием оказалась собачка, умная, как человек. Так что, продолжим? — Сильвер криво ухмыльнулся и снова сунул Кайлеану пятерню.

Не смотря на сбивающий с толку камуфляж, я уяснила, что матрос вряд ли является таинственным благодетелем, и с облегчением выдохнула. Мне бы не хотелось вести серьёзные переговоры с этой зыбкой личностью.

Я резко произнесла:

— Никаких продолжений, товарищ Допустим Сильвер. Хватит, налюбовалась. Может, уже перейдём к делу?

— Строгая она у тебя... — Матрос взглянул на Кайлеана с неожиданным сочувствием. — Ишь, королевишна... Небось, в ежовых рукавицах держит?

К моему возмущению Кайлеан Георгиевич трагически потупил взор.

— Ох, держит... — И добавил с глубоким вздохом: — Пикнуть не смею.

Я засопела, попугай заскрипел «Зла-ая, зла-ая кор-р-роле-е-ева», а Сильвер — очевидно в припадке мужской солидарности — похлопал Кайлеана по плечу.

— Да-а, держись, браток... Любовь такая штука... как пуля лютая, и никто не даст нам избавленья. Что ж... к делу, так к делу... Ваше Величество, — он сделался серьёзен, ёрническая ухмылка пропала с лица. Сняв бескозырку, он поклонился мне. — И Ваше Величество, — Сильвер поклонился Кайлеану. — Хозяин приглашает вас к себе на чашечку грога.

— Гро-ога! Гро-ога! — истово закивал попугай.

— Вы приглашаете нас на «Инфернальный»? — спросила я (подразумевая надпись на бескозырке).

Сильвер оживился и потыкал пальцем за перилами.

— Дык вот же наш красавец, стоит под всеми парами, тока вас дожидается!

Мы с Кайлеаном посмотрели туда.

Внизу стояла та же землечерпалка. Может быть, и под всеми парами, я в землечерпалках не разбиралась. Рабочие побросали своё занятие и, сверкая белозубыми улыбками на смуглых лицах, радостно замахали нам, вроде как приглашая на свою посудину. Я осведомилась, глядя вниз:

— С парашютом будем прыгать?

— Зачем «с парашютом»? Шлюпка у берега стоит, пойдёмте, провожу... коли не испугаетесь.

— Приглашение принято, — спокойно сказал Кайлеан. — Веди нас, слуга.

Матрос вновь поклонился и двинулся обратно, на Петроградскую сторону. Не успела наша маленькая процессия достичь берега, как впереди возник — хрестоматийно соткался из воздуха — невысокий лысоватый субъект в старомодной пиджачной паре.

— Верной дорогой идёте, товарищи! — возвестил он, задорно картавя, в полуобороте явил весьма узнаваемый профиль с короткой остроконечной бородкой и засеменил впереди.

Если бы не странное появление, я бы точно решила, что уж этот-то ряженный, видала таких у «Авроры». Кайлеан поднял руку и повелительно произнёс:

— Я не вызывал тебя, ищущий покоя. Уйди с моего пути, возвращайся в землю.

Идущий впереди вдруг споткнулся... просеменил ещё несколько шагов, потом снова запнулся, ещё пробежал и наконец с неожиданной мукой провыл:

— Не могу-у... — Он остановился и обернулся. — Не могу уйти... не могу-у-у... У тебя есть власть... помоги... не могу уйти...

Глаза щурились, рот шевелился. Но стеариновое лицо было неживое, оплавившееся...

— Он и правда не может, — сказала я, сглотнув слюну. — После смерти с ним поступили по-варварски.

— Под землёй, но не упокоен? — Кайлеан обратился к страдальцу голосом грозного судии, и я покосилась на него с уважением. — Вера в тебя была велика и вина твоя была велика, велики и посмертные муки. Возвращайся в пристанище, жди милосердия.

— Оно придёт? — спросил тот дрожащим голосом, вытащил из кармана белый платок и промокнул лысину.

— От королевы уже пришло. Рано или поздно придёт и от других.

— А ты не мог бы?.. — шепнула я Кайлеану нерешительно.

— Такие случаи вне моей компетенции, — покачал головой он. — Здесь твоя вотчина, твоя и таких как ты. Милосердие сможет проникнуть в любую щель. Пусть ждёт... но не на моём пути.

Кайлеан свершил повелительный пасс и фигура истаяла, на прощание выкрикнув что-то про Фридриха, которому нужно прекратить подавать на ночь... что именно я уже не расслышала.

— Эх!.. — сказал матрос. — Не случилось мирового пожара.

— Пло-о-охо р-р-раздува-али, пло-о-охо... — закивал попугай.

Что я, что Кайлеан, — мы оба оставили мысли на этот счёт при себе и без лишних дискуссий достигли того места, где у берега покачивалась на волнах обычная деревянная лодка. Наш сопровождающий сел на вёсла, деловито поплевал на ладони... потом недоумённо посмотрел на них, вытер ладони о брюки и произнёс:

— Чего это я?.. По щучьему веленью, по моему хотенью, вези-ка ты, лодка, сама! — И лодка действительно тронулась с места. Вёсла сами по себе поднимались и опускались, с каждой секундой приближая нас к цели... которая, кстати, преображалась на глазах. Очертания невзрачной землечерпалки расплывались, колебались, вытягивались вверх... и вскоре перед нами предстал тёмный борт могучего фрегата под чёрными парусами.

— О-о-о... красиво... — сказала я, задрав голову и разглядывая корабль высотой с многоэтажный дом.

Матрос хмыкнул.

— Не смотря на безусловную истинность вашего высказывания, немного людей, Ваше Высочество, имели возможность выразиться таким

образом об «Инфернальном».

— Что же тогда говорили все остальные? — поинтересовалась я, отметив, как изменился стиль речи «братишки».

— Ничего. Обычно они просто визжали от ужаса, — любезно пояснил наш проводник, чья внешность также претерпела метаморфозу. Бескозырку сменил белый завитой парик, впрочем, изрядно потрёпанный и засаленный до серого оттенка. Тельняшка никуда не делась, но теперь её прикрывал красный парчовый камзол с золотым позументом, и под мышкой у матроса оказался костыль, потому что теперь он был нужен.

— А нога где? — невольно спросила я, метнув взгляд на грубо вытесанную деревяшку, заменившую ногу и крепко упиравшуюся в дно лодки.

— Право, какие пустяки, — отмахнулся Сильвер. — Ногой больше, ногой меньше...

Действительно, чего мелочиться, — согласилась я. — И птичке, наверно, так привычнее?

— Гармо-ония! — одобрил попугай.

Вдруг чёрная стена пришла в движение, вода вокруг корабля заволновалась, опасно закачалась и наша лодка. Я осознала, что парусник постепенно уходит под воду, и с тревогой посмотрела на Кайлеана, но он оставался невозмутим, только быстро обхватил меня за талию и притянул к себе, помогая удерживать равновесие. Когда уровень палубы снизился до приемлемой высоты, сверху спустили трап с верёвочными перилами — Сильвер первый ступил на него. Вслед за ним шагнул Кайлеан, а затем и я... тихонечко вздохнув. Парусник не стал превращаться в «Наутилус». Я уж вообразила, что это произойдёт, и под водой мы встретимся с кем-то вроде сумрачного, но благородного капитана «Немо». Однако наш пока что неведомый хозяин предпочёл в качестве антуража пиратский бриг, и это внушало некоторое беспокойство.

Как только мы очутились на борту, корабль как многотонный лифт плавно и стремительно поднялся из воды. На палубе уже выстроилась команда, загорелая до черноты и весьма живописная (серьги, банданы, шальвары, а также ятаганы, пистолы и прочие свирепые штуки, названия которых я не знала, присутствовали в изобилии). Очевидно, именно этих головорезов я совсем недавно наблюдала с моста в виде скромных тружеников речного хозяйства.

Сильвер повёл нас вдоль строя моряков, мерно стуча костылём о палубные доски, и каждый из команды почтительно кланялся... но стоило

нам пройти, как за спиной немедленно начиналась какая-то восточная тарабарщина, в которой мелькали «зиба-зиба ханум», «хыльм хая» и совсем уж анекдотичное «вай, пэрсик».

Я обернулась.

Все они глазели, осклабившись самым зверским образом, игриво подмигивали мне, а некоторые даже целовали кончики своих пальцев в знак одобрения. Действо явственно отдавало уже знакомым фарсом, но вышло так забавно, что я невольно заулыбалась в ответ. Кайлеан тоже обернулся... пантомима тут же прекратилась.

— Не ревнуй, — шепнула я ему на ухо, заставив наклониться. — Ты тоже персик в моих глазах. И «зиба-зиба»... надеюсь, это что-то хорошее.

Кайлеан хмыкнул и лицо его смягчилось. Он скользнул губами по моему виску.

— Любо-о-овь... Сантима-е-енты... — хрипловатым голосом протянул попугай. Мне показалось, что наши сантименты ему чем-то не угодны, но не стала искать причину. Может быть, он был умнее, чем казался, и знал о нарушенной клятве, а может, просто характер у пернатого был не сахар. Сейчас меня больше волновала предстоящая встреча с хозяином корабля.

По скрипучим ступеням мы спустились в недра. Сильвер долго вёл нас бесконечными узкими коридорами среди запахов просмоленного дерева и речной воды.

— Как эти километры здесь помещаются? — спросила я наконец, прозрачно намекая на слишком длинный путь.

— Тот, к кому вы приближаетесь — великий чародей, — торжественно провозгласил Сильвер. — Ему подвластно многое, в том числе и пространство.

— Су-упер, су-упер-р-р-чар-родей! — поддакнул попугай.

— Коридоры Мёбиуса, — уронил Кайлеан скучно. — Четвёртый уровень, подуровень «тэта». Хорошая защита... в некоторых случаях...

— Вот как? — Сильвер остановился, как бы в сомнении приподнял бровь и взглянул на попугая, потом на Кайлеана. Кайлеан безразлично пожал плечами. После этого безмолвного диалога, Сильвер произнёс: — Что ж... тогда прошу... — И он попросту отворил ближайшую дверь.

...Помещение, в которое мы теперь попали, было просторным, но с нависающим потолком, и освещалось лишь свечами и пламенем большого камина, из-за чего углы тонули в полумраке. У камина вокруг стола, в мягких креслах расположилась пара, при виде которой я округлила глаза. Даму, впрочем, я никогда не видала прежде. Неопределённого возраста, с

высокой причёской, собранной из гладких серовато-дымчатых волос, в серо-голубом костюме а-ля Шанель, голубой блузе и с жемчугами на шее, она улыбалась и поигрывала бокалом с рубиновым вином. Но вот в её визави я опознала Мерлина, который по-прежнему походил на пожилого Бродского, и мысли испуганно заскакали в моей голове.

Таинственный спаситель — Мерлин? К чему тогда была нужна пытка неизвестностью? Или это дама... которой однажды ночью вдруг пришла блажь пообщаться с напуганной кошкой мужским басом?

— Добрый день, — сказала я. — Мы пришли. На чашечку грога... ну и вообще... поговорить.

— Добрый, добрый, — благосклонно кивнул Мерлин и добавил многозначительно: — Но не для всех.

Сердце моё ёкнуло, а Мерлин продолжил, глядя в сторону Сильвера:

— В конце концов, это уже становится невежливо. Монти, прекращай ломать комедию. Или у тебя одни гости должны принимать других?

С плеча Сильвера с пронзительным криком сорвалась разноцветная птица, а сам Сильвер осел на пол бесформенной тёмной грудой и развеялся без следа. Попугай же опустился в кресло и увеличился в объёме, преобразившись в человеческое существо. Тот, кого Мерлин назвал Монти, тоже не был молод; смуглую кожу узкого лица расчертили морщины, в длинных тёмных волосах контрастно выделялись белые пряди, однако большие, навывкате, глаза глядели из-под излома угольных бровей с пугающей силой. В отличие от Мерлина, одетого буднично в клетчатую рубашку и шерстяную кофту на пуговицах, этот человек выбрал в качестве одеяния чёрный кожаный камзол с широкими обшлагами, украшенными пуговицами. Белая рубашка, выглядывавшая из-под камзола, пожелтела от времени и морской воды, высокие сапоги, в которые были заправлены кожаные брюки, выглядели потрёпанными... хотя на пальцах сверкали перстни, а на шее — золотая цепь.

«Садитесь», — было велено нам низким гулким голосом, и я поняла, что вот этот-то и есть — точно! — тот самый. Чёрные глаза вперились в нас так, что вспомнился булгаковский «бездонный колодец всякой тьмы и теней».

Я присела на краешек ближайшего кресла, Кайлеан остался стоять. На столе возникли две изящные кофейные чашечки с янтарной жидкостью. Пресловутые чашечки грога?

— Итак, — мрачно продолжил хозяин корабля, — вы появились, и вы вместе. Не смотря на пылкие клятвы юной леди. Прискорбно, прискорбно...

Дымчатая дама отставила бокал и произнесла звучным контральто:

— Ну, погоди же, Монти. Позволь прежде поздороваться с детьми. — (Я вострепелась. И этот голос был мне знаком!) — Здравствуй, мастер Кай, наконец-то мы свиделись. Здравствуй, девочка с Севера...

— Няня? — воскликнул Кайлеан и сделал шаг вперёд, однако Мелисса остановила его мягким жестом.

— Увы, Кай, человеческий облик — лишь благая иллюзия, дарованная по случаю дружеского визита. Так что руку ты мне поцеловать не сможешь. — Иллюзия на мгновение растаяла, и в кресле я увидела серого зверька, сидящего на задних лапах. Передними лапами крыса держала напёрсток с рубиновой жидкостью. Потом на месте крысы вновь возникла дама приятной наружности. — Я рада, что наши визиты удивительнейшим образом совпали по времени, — продолжила она.

— Угу! Ей удивительно! А я-то гадаю — что за явление в неурочный час? — непонятно, но явно саркастически произнёс хозяин. — Он повернулся к Мерлину. — Ещё скажи, старый пройдоха, что тебе тоже удивительно!

— Не такой старый как ты, заметь, — отозвался Мерлин. — Полно, Монти, не пеняй Мелиссе, она тут не причём. Лишь я знал, что развязка близится. Итак, они пришли и они вместе. Сказка состоялась. Что скажешь?

— Вот что скажу — банальнейший конец у твоей сказки, Мерль, — заявил хозяин, разглядывая меня и Кайлеана с кислым видом. — Счастливый конец — что может быть скучнее? Вот, помню, однажды в Вероне...

— Верона — всего лишь вымысел барда, послушный прихоти его воображения. Возможно, когда Уильям сочинял свой опус, его терзало несварение желудка, оттого и вышла веронская история занятной, но чересчур пессимистической. Хотя и вполне жизненной. Смею утверждать, счастливый конец в реальности встречается куда как реже, нежели в книгах. Так что рисковал я преизрядно.

Я только хлопала ресницами, слушая этот диалог, но Кайлеан с металлическим холодком в голосе произнёс:

— Пари?

— Я пыталась их отговорить, — поспешно заговорила Мелисса и поставила бокал на стол. — Но они упёрлись лбами, как мальчишки.

— В чём суть? — таким же металлическим голосом спросил Кайлеан. Он смотрел только на Мелиссу.

Та вздохнула:

— В ту ночь, ночь, когда Данимира оказалась на мосту, мы были вместе — я, Мерлин и... — она посмотрела на сидящего в кресле хозяина корабля, — и Монти... Монте-Кристо...

— Монте-Кристо?! — вырвалось у меня.

Хозяин корабля пробасил:

— Всё равно никто из обитателей вашего мира не способен произнести ни единого подлинного имени моего мира. Так пусть же будет Монте-Кристо. Я принял сие символическое прозвище, ибо за столетия праздного безделья ознакомился не только с реальной историей... довольно примитивной, надо сказать, — желчно ввернул он, — но и с множеством вымышленных историй, оказавшихся не в пример занимательней. Судьба человеческого существа, вырвавшегося на свободу и отомстившего своим врагам, тронула меня более других. Ибо всё так и будет — моим тюремщикам воздастся. Сладка и страшна будет моя месть.

Судя по всему, второй том запаздывает, промелькнуло у меня в голове, а Кайлеан перевёл холодный взгляд на хозяина:

— Насколько понимаю, кому-то из нашего мира всё же удалось произнести ваше имя?

Раздалось шипение, свечи затрещали, их огоньки затрепетали, рискуя погаснуть. Вместо фигуры хозяина возникло образование, напоминавшее клубящееся фантастическое облако; в нём вспыхивали некие протуберанцы и извивались какие-то чёрные щупальца.

— Вызов демона, ха! Глупцы, дилетанты!.. — донеслись из облака яростные восклицания. Облако сгнуло и Монте-Кристо, вернувшись в прежний облик, заговорил уже более сдержанно: — Обладая лишь крохами знаний, они вознамерились подчинить себе мощь мира, рождённого под другой звездой; мощь, природу которой постичь так и не смогли, но всё же раскинули свои сети... и пали жертвой собственной самонадеянности. Моё положение не есть результат их искусства, лишь плод отвратительного, глупейшего — хотя от этого не менее трагического — стечения обстоятельств...

Он вновь за клубился и на мгновение покрылся щупальцами.

— Я всего лишь пролетал мимо паршивой планетки! — рывкнул хозяин корабля. Потом опять стабилизировался и уже спокойно продолжил: — Опуская все перипетии, я, вместе со своим кораблём, оказался заперт здесь, а виновные скрылись... в недостижимой для меня области.

Кайлеан долго разглядывал Монте-Кристо, будто что-то в словах хозяина навело его на размышления... и мне вдруг показалось, что боевая готовность, ощутимо исходившая от него с самого утра, несколько утратила

свою остроту... Кайлеан повернулся к Мелиссе:

— Итак, вернёмся к пари?

— В ту ночь мы навестили старого знакомого, чтобы общением развеять чёрную меланхолию, с особой силой завладевшую им в ту пору. По счастью, в некоторых пределах Монти может покидать корабль, хотя сойти с моста ему не дано. Невидимые для вечерних гуляк, мы устроились на перилах Тучкова моста, пили вино, разговаривали о вещах важных и не очень, любовались лунными бликами на воде... — («Пикник на перилах», — подумала я, вообразив эту картину.) — Монти первым почувствовал, что в окрестностях Тучкова происходит нечто странное. Как сейчас помню, несколько раз он замолкал, будто к чему-то прислушиваясь. Наконец, пустив в ход магическое зрение, он обнаружил, что поблизости производится обряд жертвоприношения. Тут, признаться, у нас вышел спор касаясь вмешательства в неизвестную коллизию... — лицо Мелиссы исказила виноватая гримаска.

— Я даже не спрашиваю, кто был против вмешательства, — сказал Кайлеан в сторону, но Монте-Кристо услышал.

— Да, это был я. И что? Тот любопытный индивидуум, в чью пользу проводился ритуал, был на грани... он просто-напросто пытался выжить... Почему я должен препятствовать кому бы то ни было поправлять здоровье?

— Поправлять здоровье?! — задохнулась я, но Кайлеан быстро поймал мою руку и многозначительно сжал её. Я осеклась на полуслове, заставив себя вспомнить, что нахожусь в зависимости от странного узника нашего мира.

Мелисса заговорила:

— Так или иначе, не успели мы прийти к единому мнению, как Монти сообщил, что жертва ускользнула, причём довольно оригинальным способом, и сейчас движется в нашем направлении. С нетерпением ожидали мы появления беглеца...

— Особенно я. Охота — это всегда забавно. Моя меланхолия улетучивалась на глазах, — сообщил Монте-Кристо.

Кайлеан опять сжал мою руку, Мелисса нервно отпила из бокала, продолжив:

— В теле тощей чёрной кошки обнаружилась юная девушка, а преследователь вышел на охоту за ней. Ситуация оказалась ещё более волнительной. Могу сразу сказать, я немедленно предложила помочь. В конце концов, жертва была почти ребёнком, ещё не успевшим ни пожить, ни нагрешить. Никто в таком возрасте не заслуживает такого конца.

— А я выступал за то, чтобы скормить кролика удаву. — Пламя в

камине с треском взметнулось выше, и теперь я сжала руку Кайлеана. Чёрные глаза Монте-Кристо вперились в нас, и он пророкотал: — Не надо, не надо на меня так смотреть — в четыре глаза! Ничего личного. Просто на тот момент удав вызывал у меня большой интерес. Великолепное, поразительное создание из крови и магии!.. Впрочем, когда я прислушался к бессвязным причитаниям кролика, то с удивлением обнаружил, что каким-то образом моё присутствие ощущается... тоже большая редкость в этом мире.

— Вы слышали мою просьбу... и мою клятву... — проговорила я медленно, хотя сердце заколотилось быстрее: мы приближались к опасному предмету.

— Клятва была смехотворна, — фыркнул Монте-Кристо. — Самой собой, поиграв в любовь с таким исходом, любой оставит даже мысль о повторном опыте... как мне казалось раньше, — произнёс он брюзгливо, и я вспомнила презрительный птичий голосок: «Любо-о-овь... сантименты...» — Я даже удивился, что за свою жизнь мне предлагают такую малость.

— В нашем мире это не малость.

— Очевидно, у нас разные ценности.

— Очевидно, — вежливо согласилась я. — Что же заставило вас изменить позицию? Вы всё же помогли мне.

— Мерль вдруг вернул про своего расчудесного и расталантливого ученика-некроманта, оказавшегося в безвыходном положении из-за череды давних проклятий и чужого колдовства. Парень потерял разум и влачил жалкое существование в какой-то магической дыре, куда не было хода никому. Любой, кто попробовал бы туда проникнуть, оказался бы размолотым в фарш — и физически, и морально. Однако можно было попытаться закинуть туда существо, уже расщеплённое на части — тело без души, душа без тела... могло сработать, при условии объединения наших усилий. Честно говоря, преследователь по-прежнему интересовал меня больше жертвы, но Мерль утверждал, что трясущийся комок меха, ползущий на брюхе по асфальту, может послужить катализатором и вытащить его ученика из той ямы. Я сказал: «Да неужели?» Мерль сказал, что чувствует в тощей девчонке большой потенциал. По его мнению, она могла растормошить угасающее сознание некроманта. Я сказал: «Ха!» А Мерль сказал...

— А я сказал «Вот и не „ха!“»

— А я сказал «Она только что поклялась оставить сантименты в прошлом». К тому же в их нынешнем состоянии они явно не найдут

общего языка. Трижды «ха!».

— А я сказал: «Может, просто слабо?»

— А я сказал: «Кому это слабо?»

Мелисса с трагическим видом потёрла виски, потом сказала мне и Кайлеану:

— Теперь понимаете? Они «хакали» и выясняли, кому слабо, кому не слабо, и остановить их было невозможно. Вот так и было заключено пари. Мерлин был уверен в твоей силе, Данимира, и надеялся на нечто большее. Монти же считал, что ты сдержишь клятву, потому никакого чудесного спасения не произойдёт.

Монте-Кристо поглядел грозно и басом сказал:

— Ну что, клятвопреступница, из-за тебя я проспорил. А спорили мы, чтоб ты знала, на три щелбана, чрезвычайно унижительных для волшебника моего уровня. Поэтому чего тянуть кота за хвост, нет тебе от меня прощения, готовься к смерти прямо сейчас.

Невнятный звук замёрз у меня в горле. В наступившей тишине слышался лишь треск поленьев в камине, пляшущие отсветы усиливали нечто мефистофельское в чертах Монте-Кристо. Его чёрные глаза были двумя колодцами в бездну. Кайлеан шагнул вперёд, бесстрастно... даже как-то лениво произнеся:

— Хватит пугать мою жену. Любой имеет право заменить ответчика по магическому договору. Разумеется, я буду отвечать за Данимиру. Даю в том своё королевское слово.

— Нет!.. — Я вскочила с места, вздрогнула и Мелисса.

— Да! — Монте-Кристо грохнул кулаком по столу. — Слово принято!

Где-то наверху прогрехотал гром. Слёзы брызнули у меня из глаз.

— Нет, нет, не смейте его трогать!

Монте-Кристо покосился на меня странно.

— Да на кой чёрт мне его трогать, глупая ты кошка? Поработает твой некромант на меня, выполнит одну работёнку... и всё, идите себе, плодитесь и размножайтесь... или чем вы там собирались заниматься...

— Как?! И всё?.. — севшим голосом спросила я. — Но что же вам надо?

Кайлеан быстро обнял меня за плечи, привлёк к себе и вытер слёзы с моего лица.

— Господин Монте-Кристо хочет, чтоб я добрался до тех, по чьей милости он заперт под мостом.

— Смекалистый парнишка, — благодушно отметил хозяин. Голос его утратил рыкающие ноты, теперь он скорее урчал как очень большой кот.

— Но почему именно ты?

— Потому что они умерли, милая, и, полагаю, всё дело в том, как они умерли. Очевидно, обычным способом их не поднять.

Мерлин, молчавший до того, вдруг воскликнул:

— Работёнку? Работёнку?! Ты, старый плут! Ты с самого начала мечтал добраться до Кайла и добился своего — теперь он связан словом!

— Видишь ли, любезный Мерль... — задушевым голосом сказал Монте-Кристо, салютуя ему бокалом. — Старость — это не всегда маразм и недержание. Иногда это ушки на макушке и море опыта, и чем больше столетий за плечами, тем больше опыта в разработке всяческих забавных комбинаций. Ты так нахваливал ученика и его некромантские успехи, что у меня не могли не возникнуть кое-какие идейки на его счёт. Да, признаюсь, в сердцах я спустил в магический шредер души идиотов, вызвавших меня, и лишь потом обнаружил, что без их участия мне не выбраться из сетей. Погорячился, что подделаешь... Вот твой Кайл и займётся извлечением жалких душонок из мусорной корзины и склейкой их во что-то пригодное для общения. Предупреждаю, миссия опасная и почти невыполнимая. Мой шредер — вещь надёжная.

Кайлеан холодно сказал:

— Можно было обойтись без всего этого цирка. Почему не заключить соглашение сразу? Вы ведь быстро поняли, что ради Данимиры я пойду на всё.

— Ка-ак без цирка-то? — удивился Монте-Кристо дурашливым голосом Сильвера, мгновенно перевоплощаясь в эту маску. Он сдвинул бескозырку на затылок. — Это раньше мир был театром. А теперь важнейшим искусством стал цирк. Без цирка, браток, ныне с ума можно сойти... тем более, на одном месте сидючи. Тебе ли не знать?..

— Он зна-а-ает... — проскрипел попугай с плеча Сильвера. — Он будет стара-а-аться... ради своей короле-е-евы...

— Однако, дорогой Монти, три щелбана ты всё равно получишь, — пообещал Мерлин.

— Это серьёзно, — сказала Мелисса, незаметно подмигивая мне. — В день расплаты будет магнитная буря и вспышки на Солнце.

Теперь наше прощание, дорогой читатель, близко.

Немногое осталось рассказать.

Кайлеан справился с задачей Монте-Кристо и вернулся ко мне (тогда уже к нам, о чём мы оба ещё не подозревали) целым и невредимым. Космический путешественник покинул ловушку, возобновив свои

странствия... и я, в отличие от Мерлина и Мелиссы, ничуть не жалею. Знаю, всё в этом мире взаимосвязано, знаю, что, возможно, лишь благодаря эксцентричному пари двух старых волшебников мы с Кайлеаном нашли друг друга, но так и не смогла согласиться с концепцией удава и кролика. Впрочем, думаю я об этом не часто, мне некогда — я учусь быть королевой и матерью. Учению этому не видно конца, и неизвестно, чему выучиться сложнее.

Когда первая очередь замка была готова, туда переселились Леммюзль и Дрю. «Замок без привидений, что роза без запаха», заявила мне эта сладкая парочка... я радостно согласилась. С появлением призраков Тинтангел (такое древнее имя получил наш замок), действительно, будто обрёл собственную душу. Дрю весьма успешно играет роль негласной домоправительницы, а основной заслугой Лема я считаю смягчающее влияние на непростой характер нашей Злюки.

По поводу привидений стоит ещё упомянуть, что, по мнению Лема, они с Дрю не единственные призрачные обитатели Тинтангела... Лему кажется, что кто-то очень скрытный, не желающий обнаруживать своё присутствие, таится под каменными сводами. Вы знаете, о ком я подумала в первую очередь... но пока это только игра воображения, не подкреплённая фактами.

Главным обитателем пустоватого пока драконятника Данимирии стал Симба, которого Кайлеан обменял на три тонны эльфийской руды, добытой в здешних горах. Дракон вымахал в огромную свирепую зверюгу, грозу местных хищников, но при виде меня по-щенячьи валится на бок, приглашая почесать брюшко. С этой традицией пора заканчивать — егеря очень недовольны разрушениями, и считают, что Симба подаёт дурной пример остальным трём драконам. К тому же, если крестник продолжит расти, для этой процедуры мне вскоре потребуется приставная лестница.

Библиотека Тинтангела, ставшая сюрпризом от Кайлеана на мой день рождения, тоже пока заполнена от силы на одну восьмую... но мы над этим работаем.

Женя и Егор по-прежнему вместе, обзавелись двумя чадами — парой девочек-близняшек, и каждое лето их дружная семья гостит в Данимирии. Для меня нет большего счастья наблюдать за совместными играми наших детей. Мы с Женькой шутливо фантазируем, что когда Ники вырастет, ему придётся выбирать между двумя уральскими красотками, и это будет нелёгкий выбор. Может быть, как в любой шутке здесь есть доля правды... кто знает.

Людмилу в итоге имперского расследования объявили погибшей, хотя

на самом деле её тайно переправили в Эрмитанию, где лекари поставили Люду на ноги. Теперь она, сильная туманная ведьма, находится на королевской службе Эрмитании и считается весьма ценным сотрудником. Наконец-то она занимается любимым делом, и, надеюсь, счастлива... но отношений мы не поддерживаем. Лишь иногда, встречаясь случайно в коридорах эрмитанского замка, мы обмениваемся мимолётными, слегка печальными улыбками... и на этом всё.

Самая удивительная история произошла, пожалуй, с Химерианом.

После битвы на Имангре его еле вытянули с того света; опасность миновала, но обнаружилось, что Хим испытывает сильнейший упадок сил. Постепенно физическое состояние восстановилось, а вот магические способности с возвращением запаздывали. Как следствие, начался душевный разлад. (Визиты деверя в Тинтангел я терпела, но порой от души желала запустить в него каким-нибудь предметом интерьера).

Консилиум медицинских светил со всей Конфедерации не смог избрать единственно верную методику лечения принца и предложил королевской семье несколько рекомендаций на выбор. В консилиуме принимало участие немало именитых врачей, но Хим решительно отмёл все хитроумные способы и последовал совету старенького лекаря, пользовавшего его в детстве.

Рецепт старичка был старомоден и прост — он посоветовал принцу сменить обстановку и отправиться в длительное путешествие. Само собой, инкогнито.

Химериан так и сделал и однажды оказался в прелюбопытнейшем месте моей родной Империи. О существовании этого места я сама узнала только после того, как брат Кайлеана прибыл на тинтангелский новогодний бал вместе с...

Однако, стоп. Пожалуй, тут стоит прерваться. Мои возможности рассказчика не беспредельны, а произошедшее с Химерианом в двух словах не опишешь... так что закончу прямо сейчас и, по собственному обыкновению, цитатой: «Но это уже совсем-совсем другая история».